

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2019 / № 5

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2019 / № 5

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Научный руководитель серии:

Смоленский Н. И. — д.и.н., проф., МГОУ

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалес Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. — д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Сулакшин С. С. — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Фукс А. Н. — д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2019. — № 5. — 252 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Scientific Consultant:

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Doctor of Sciences, Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

**Index of the series «History and Political Sciences»
according to the Union catalog «Press of Russia» 40712**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2019. – № 5. – 252 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЦИРКУМПОНТИКА

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.....6

Бейлекчи В. С., Чирков А. Ю. РАСКОПКИ ГУМЕЛЬНИЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ У ПГТ. ТАРАКЛИЯ
В МОЛДОВЕ В 1984–1985 ГГ.8

Попов С., Димов Т. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ МОРСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ПРИКАСПИЕМ
И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ В ПЕРИОД ХАЛКОЛИТА27

Файферт А. В. ИСТОРИОГРАФИЯ НИЖНЕМИХАЙЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ.41

Яровой Е. В. ОСНОВНЫЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАНА У СЕЛА БУРСУЧЕНЫ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ МОЛДОВЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ)54

Агульников С. М. КУРГАН РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА 4 У С. ТАЛМАЗ В НИЖНЕМ
ПОДНЕСТРОВЬЕ69

Пыслару И. КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ПРОВАЛЬСКОЙ СТЕПИ76

Снытко И. А. ОБ ОДНОМ ПОГРЕБЕНИИ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ПОВИСУНЬЯ 101

Мельник В. И. ВТОРИЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ АЗОВО-КУБАНСКОЙ РАВНИНЫ ЭПОХИ
СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ 108

Резепкин А. Д. ДОЛЬМЕНЫ МОГИЛЬНИКА ШУШУК. СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАЛЛА,
ХРОНОЛОГИЯ..... 125

Худавердян А. Ю., Меликян В. В. К ВОПРОСУ О ВОИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХ БРОНЗЫ
И ЖЕЛЕЗА МОГИЛЬНИКА КАРАШАМБ, АРМЕНИЯ (ПО ДАННЫМ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
И ПАЛЕОПАТОЛОГИИ) 142

Хахеу В. БРОНЗОВЫЕ ТРЕХЛОПАСТНЫЕ ПРОПЕЛЛЕРОВИДНЫЕ УСТРОЙСТВА
ПОЗДНЕГАЛЬШТАТТСКОГО ВРЕМЕНИ..... 173

Мурзин В. Ю. «ГОРОДА» КОЧЕВЫХ СКИФОВ 189

Одобеску Т. ТЕРРАКОТЫ ИЗ КАЛЛАТИСА – ШЕДЕВРЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КОРОПЛАСТИКИ200

Клемешов А. С., Малышев А. А. МОНУМЕНТАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ ЦИТАДЕЛИ
ВЕРХНЕГОСТАГАЕВСКОГО ГОРОДИЩА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ 209

РАЗДЕЛ II. ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Эванс А. ЭЛЕМЕНТЫ МИНОЙСКОЙ И МИКЕНСКОЙ КУЛЬТУР В ЖИЗНИ ЭЛЛИНОВ. 226

CONTENTS

SECTION I. CIRCUMPONTICA

EDITOR COLUMN 6

V. Beilekchi, A. Chirkov. EXCAVATIONS OF THE GUMELNIȚA SETTLEMENT IN TARACLIA (MOLDOVA) IN 1984–1985 8

S. Popov, T. Dimov. HYPOTHIZED MARITIME LINKS BETWEEN THE CASPIAN SEA COAST AND THE NORTH-WESTERN BLACK SEA AREA DURING THE CHALCOLITHIC PERIOD 27

A. Faifert. HISTORIOGFRAPHY OF THE LOWER MIKHAYLOVKA CULTURE 41

E. Yarovoy. MAIN ENEOLITHIC BURIALS OF A MOUND NEAR THE VILLAGE OF BURSUCENI IN CENTRAL MOLDOVA (PRELIMINARY INFORMATION) 54

S. Agulnikov. EARLY BRONZE AGE BARROW 4 NEAR THE VILLAGE OF TALMAZ IN THE LOWER DNIESTER REGION 69

I. Pyslaru. BRONZE AGE BARROWS IN THE PROVALLYA STEPPE 76

I. Snytko. ABOUT ONE BURIAL OF THE CATACOMB CULTURE FROM THE VYSUN REGION 101

V. Melnik. MIDDLE BRONZE SECONDARY BURIALS IN THE AZOV-KUBAN PLAIN 108

A. Rezepkin. DOLMENS OF THE SHUSHUK BURIAL GROUND. METAL SPECTRAL ANALYSIS, CHRONOLOGY 125

A. Khudaverdyan, V. Melikyan. ON THE ISSUE OF MILITARY BURIALS OF THE BRONZE AND IRON AGES OF THE KARASHAMB BURIAL GROUND, ARMENIA (ACCORDING TO PHYSICAL ANTHROPOLOGY AND PALEOPATHOLOGY) 142

V. Haheu. LATE-HALLSTATT BRONZE THREE-BLADED PROPELLER-SHAPED DEVICES 173

V. Murzin. «CITIES» OF NOMADIC SCYTHIANS 189

T. Odobescu. THE TERRACOTTAS OF KALLATIS – THE MASTERPIECES OF THE HELLENISTIC COROPLASTERS 200

A. Klemeshov, A. Malyshev. MONUMENTAL STRUCTURE OF THE CITADEL OF VERKHNEGOSTAGAEVSKOYE SETTLEMENT: INTERPRETATION DIFFICULTIES 209

SECTION II. MONUMENTS OF THE WORLD THOUGHT: FIRST PUBLICATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

A. J. Evans. THE MINOAN AND MYCENAEAN ELEMENT IN HELLENIC LIFE 226

РАЗДЕЛ I. ЦИРКУМПОНТИКА

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

С древнейших времен бассейн Чёрного моря являлся одним из центров экономической и политической жизни Европейского, Азиатского и Ближневосточного регионов. В разные эпохи у различных народов это море было известно, как Сперское (Древняя Грузия), Понт Аксинский, Понт Эвксинский (Древняя Греция), Скифское (Страбон), Русское («Повесть временных лет») и т.д. О нём писали Гомер и Гесиод, Геродот и Страбон, Плиний и Полибий, Диодор Сицилийский и множество других историков, писателей и поэтов древности. Тысячелетиями за этот регион велись ожесточённые споры и войны древних и средневековых империй. Он привлекал внимание не только своими благоприятными природно-климатическими условиями, но и важным географическим положением. С глубокой древности через Циркумпонтику проходили сухопутные, морские и речные пути из Передней Азии на Балканы и Кавказ, в Северное Причерноморье, а оттуда к побережьям Каспийского и Балтийского морей. Вдоль Чёрного моря постоянно перемещались народы – участники масштабных миграций бронзового века, античного времени и средневековья. Черноморский бассейн не потерял привлекательности и в наше время. К нему по-прежнему приковано внимание ведущих держав мира.

В настоящее время в различных странах имеются специализированные и ежегодные археологические издания, в которых в той или иной степени рассматривается территория Причерноморья. Однако в России нет периодических изданий, полностью посвящённых различным регионам Черноморского побережья. Именно эту нишу и предполагает занять спецвыпуск журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» № 5. Циркумпонтика», посвящённый проводимым в различных причерноморских странах археологическим

исследованиям. Ведь без понимания протекавших здесь процессов невозможно понять многие исторические явления и тенденции, определившие судьбу ряда народов. Вокруг Чёрного моря (Циркумпонтики) как в фокусе сошлись исторические судьбы многих этносов и государств. Поэтому изучение этих территорий всегда будет представлять огромный интерес не только для историков и археологов, но и для широкого круга специалистов самого различного профиля.

Археология и история Циркумпонтики лежат в сфере научных интересов кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета. В связи с этим в 2018 году по инициативе кафедры и руководства факультета истории и политологии Решением Учёного совета МГОУ была создана лаборатория «Циркумпонтика», основными задачами которой являются научные исследования с участием зарубежных специалистов и издание международного археологического ежегодника. В 2019 году в рамках лаборатории был создан Оргкомитет, который выработал концепцию проекта «Циркумпонтика», получившего одобрение и поддержку в ряде стран. В его состав вошли:

Яровой Евгений Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Московский государственный областной университет, Москва, Россия (председатель)

Пыслару Ион – доктор исторических наук, археолог-эксперт, Музей археологии «Каллатис», Мангалия, Румыния (заместитель председателя)

Клемешов Алексей Станиславович – кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный областной университет, Москва, Россия (секретарь)

Аветисян Павел Седракович – доктор исторических наук, член-корреспондент НАН РА, Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Браунд Дэвид – доктор философии, почётный профессор, Эксетерский университет, Эксетер, Великобритания

Минчев Александр – доктор исторических наук, профессор, Археологический музей, Варна, Болгария

Мочалов Олег Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия

Мурзин Вячеслав Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, Мелитопольский институт государственного и муниципального управления «КПУ», Мелитополь, Украина

Оздоган Мехмет – доктор археологии, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турция

Роман Петре – доктор исторических наук, профессор, Институт археологии Румынской Академии наук, Бухарест, Румыния

Хохоровский Ян – доктор хабилитат, профессор, Ягеллонский университет, Краков, Польша

Предлагаемый Вашему вниманию специальный выпуск журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» № 5. Циркумпонтика» является результатом совместной деятельности с другими вузами и научными центрами России, Украины, Молдовы, Румынии, Армении, Болгарии и других стран. Он открывает серию ежегодных сборников, посвящённых проблемам археологического изучения Черноморского бассейна, и география сотрудничества в ближайшие годы будет расширена.

Однако полноценно рассмотреть в одном издании все хронологические этапы не представляется возможным. Поэтому тематика данного издания ограничена периодом от позднего неолита до раннего средневековья (начало византийского времени). Основная

цель «Циркумпонтики» – оперативная и развёрнутая публикация источников. В отличие от археологической теории, которая быстро стареет и с расширением источниковедческой базы утрачивает свою актуальность, качественно изданные материалы со временем не теряют своего значения, и всегда будут привлекать внимание специалистов. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на большое количество источников, полученных новостроечными экспедициями на территории бывшего СССР во второй половине XX века, но до сих пор полноценно не введенных в научный оборот. Их публикация начинается уже в данном выпуске «Циркумпонтики», и в перспективе планируется продолжение.

Вместе с тем данное издание предполагает и аналитические работы, затрагивающие различные проблемы Черноморского региона. Ведь за свою историю он являлся не только объектом конфронтации, но и зоной контактов различных культур и цивилизаций, обмена товарами и технологиями, экономического и культурного взаимодействия. А сегодня, когда в связи с политической конъюнктурой наметилась тенденция к разобщению стран и народов, как никогда важно укрепление международных научных связей и проведение совместных комплексных исследований. Научное сообщество не должно поддаваться на сиюминутные колебания политических элит. Наша задача состоит в укреплении международного сотрудничества и в совместной работе по объективной реконструкции исторического процесса.

Руководствуясь этими целями, Оргкомитет «Циркумпонтика» приглашает специалистов, занимающихся историей Черноморского региона, к самому широкому сотрудничеству.

Яровой Е.В. – председатель Оргкомитета, ответственный за специальный выпуск журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» № 5. Циркумпонтика»

УДК 902.03 (478) "1984/1985"

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-8-26

РАСКОПКИ ГУМЕЛЬНИЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ У ПГТ. ТАРАКЛИЯ В МОЛДОВЕ В 1984–1985 ГГ.

Бейлекчи В. С.¹, Чирков А. Ю.²

¹ Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»
152155, г. Ростов, Кремль, Ярославская обл., Российская Федерация

² Нижнеокское историко-археологическое бюро «Артефакт»
602267, г. Муром, ул. Мечникова, д. 34-61, Владимирская обл., Российская Федерация

Аннотация. Целью данной статьи является публикация материалов, полученных в 1984–1985 гг. при исследовании поселения культуры Гумельница у пгт. Тараклия в Буджакской степи на юге Молдовы. В результате проведённых раскопок была установлена общая стратиграфия памятника, обнаружены два наземных жилища, полуземлянка и комплекс хозяйственных ям. Находки представлены керамикой, орудиями труда из кремня, камня, кости и глины, а также предметами культа. На данном памятнике был частично изучен оборонительный ров, являющийся уникальным сооружением для культуры Гумельница на территории южной части Пруто-Днестровского междуречья. В статье приведены результаты палинологического и остеологического анализов. По итогам исследования авторы пришли к выводу, что обнаруженные находки указывают на животноводческо-земледельческий характер данного поселения и, скорее всего, на небольшой срок его существования.

Ключевые слова: энеолит, культура Гумельница, Пруто-Днестровское междуречье, поселение, оборонительный ров, жилище, инвентарь, керамика, пластика

EXCAVATIONS OF THE GUMELNIȚA SETTLEMENT IN TARACLIA (MOLDOVA) IN 1984–1985

V. Beilekchi¹, A. Chirkov²

¹ State Museum Reserve «Rostov Kremlin»
Kreml, Rostov 152155, Yaroslavskaia obl., Russian Federation

² Nizhneoksk Historical and Archaeological Bureau «Artifact»
34-61 ul. Mechnikova, Murom 602267, Vladimirskaya obl., Russian Federation

Abstract. This paper presents the data obtained in 1984–1985 during fieldwork in the the Gumelnița settlement near the town of Taraclia in the Budzhak Steppe in Southern Moldova. As a result of the excavations, the general stratigraphy of the monument was established. Two ground dwellings, a half dogout and a complex of household pits were discovered. The finds are represented with ceramics, tools made of flint, stone, bone and clay, as well as devotional articles. The monument enabled experts to preliminary study the defensive ditch, which is a unique structure of the Gumelnița culture in the southern part of the Pruto-Dniester interfluve.

The article presents the results of palynological and osteological investigations. The conclusion is made that the findings indicate the livestock-agricultural nature of the settlement and, most likely, a short period of its existence.

Keywords: Pruto-Dniester interfluvium, Eneolithic, Gumelnița culture, settlement, defensive ditch, dwelling, implements, ceramics, moulding.

В 1984–1985 гг. авторами были продолжены раскопки Гумельницкого поселения у пгт. Тараклия в Буджакской степи, на юге Молдавии. Впервые исследования на данном памятнике были проведены в 1982 г. [4, с. 78–93]. Памятник расположен в 1,5 км к юго-западу от посёлка, в 1,2 км к югу от дороги Тараклия-Новосёловка, на мысу между р. Ялпуг и р. Лунгуца (рис. 1/1). Площадь раскопа составила 1740 кв. м. Были изучены остатки 2-х наземных жилищ, полуземлянки, шести хозяйственных ям и участок оборонительного рва гумельницкой культуры (рис. 1/2), а также позднесредневековые комплексы, материалы которых не рассматриваются в статье.

Стратиграфия раскопа: до глубины 0,3 м от уровня современной дневной поверхности (СДП) залегал тёмно-серый гумус, далее, до 0,9 м – серо-коричневый суглинок, подстилаемый на отметке 1,1 м более светлым суглинком, и ниже – материковой глиной. Древняя поверхность залегала на глубине 0,6 м от СДП. Культурный слой содержал обломки керамики, фаунистические остатки и известняковую щебёнку. Описания комплексов приводятся в порядке сквозной нумерации с учётом прежних раскопок [4, с. 78–93]. Глубина обнаружения сооружений 0,6–0,9 м от СДП.

Жилище 5 (рис. 1/2; 2) – подпрямоугольной в плане формы, размерами 3х4 м, ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Глинобитный развал состоял из

обломков обмазки с отпечатками брёвен, плах, жердей, прутьев и без них. Фрагменты обмазки с отпечатками каркаса ориентированы по линии В–З, по углам – бессистемно. Брёвна (плахи) имели толщину по 15 см, жерди – до 4 см, прутья – до 1 см. В северной части жилища зафиксирована «плоточная» обмазка, над и под которой залегали скопления керамики. Слой развала достигал толщины 0,6 м. Под ним обнаружены пять ям, входивших в комплекс жилища.

Яма 1 – овальной формы, размерами 1,1х0,9 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ, стенки вертикальные, дно ровное, обмазана зелёной глиной. В заполнении обнаружено 3 обломка зернотёрок и 4 растиральника.

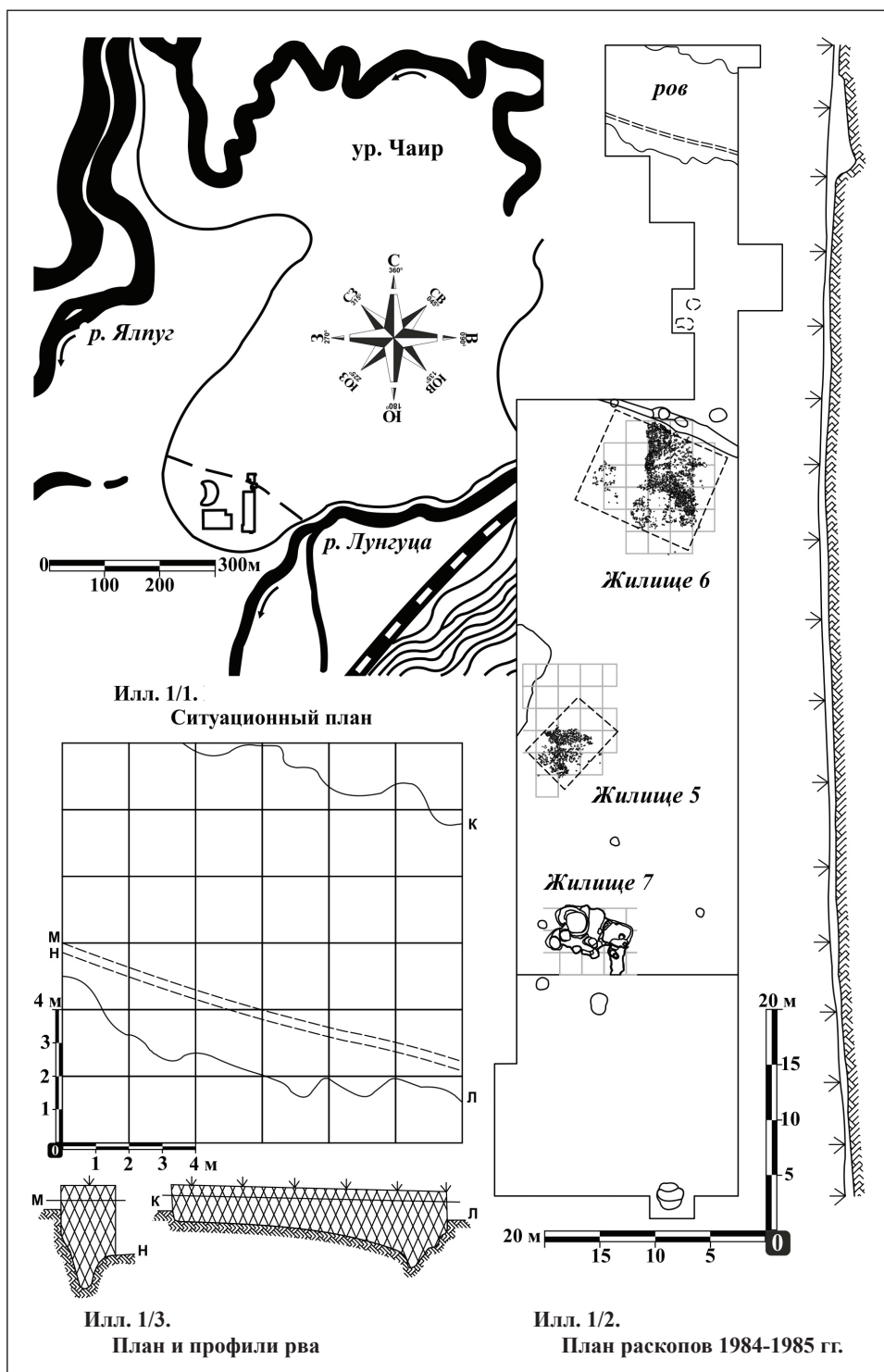
Яма 2 – подовальной формы, размерами 1,9х2,4 м и глубиной 1 м, стенки неровные, дно плоское. В заполнении найдена проколка.

Яма 3 – округлой формы, диаметром 0,5 м и глубиной 0,3 м, стенки наклонные, дно ровное.

Яма 4 – овальной формы, размерами 0,7х1,3 м и глубиной 0,5 м, ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ, с уступом в ВЮВ части и ровным дном.

Яма 5 – овальной формы, размерами 0,75х0,95 м и глубиной 0,5 м. Ориентирована по линии СВ–ЮЗ, с двумя уступами в северной части и наклонными стенками.

Ямы, в основном, располагались вдоль стен жилища. При разработке «площадки» и возле неё найдены 2

Прим.: 1 – общий план ; 2 – план раскопов 1984–1985 гг.; 3 – план и профили рва

Рис. 1. Поселение Тараклия II

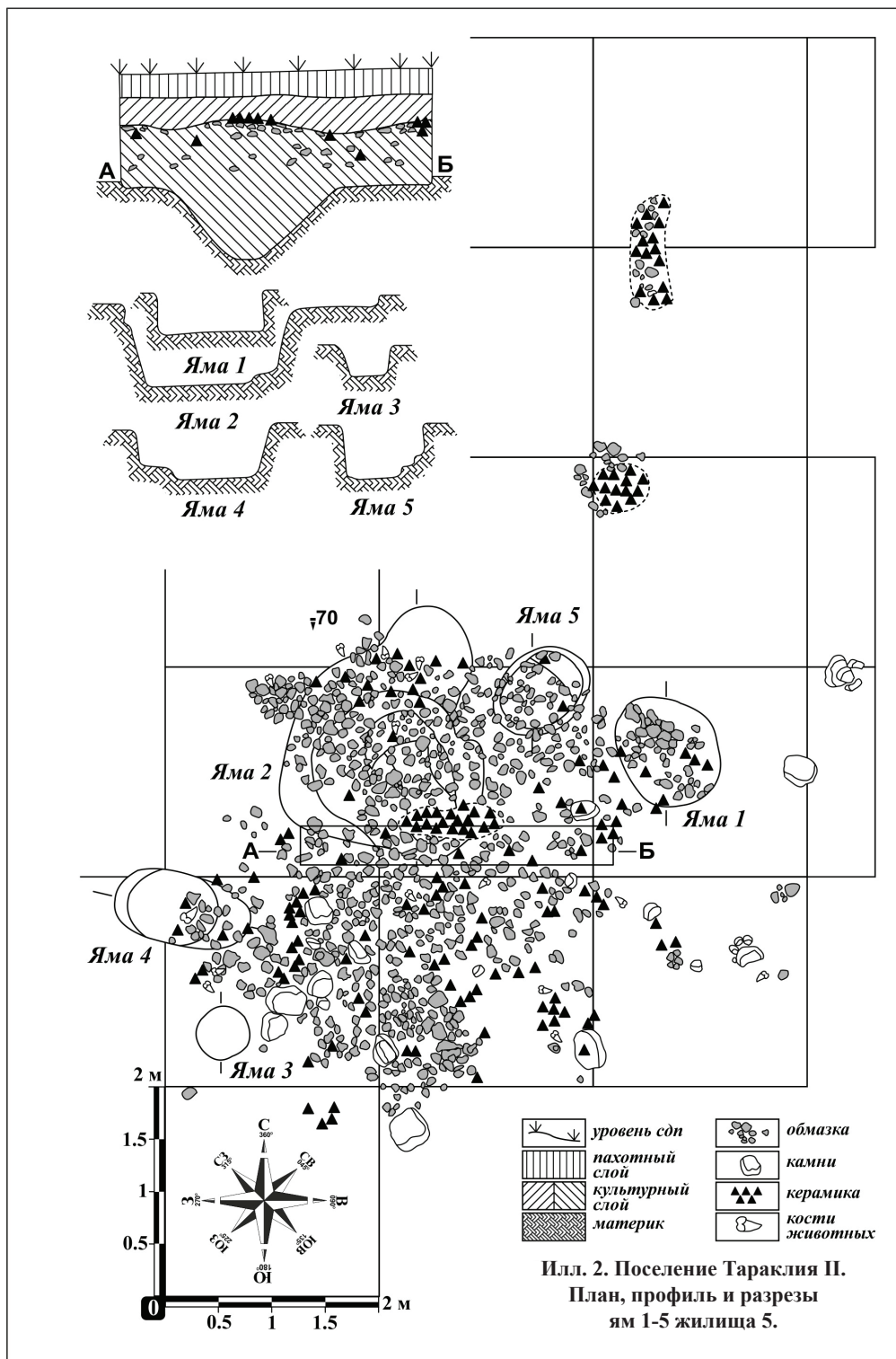

Рис. 2. Поселение Тараклия II. План, профиль и разрезы ям 1-5 жилища 5

кремневых скребка, 6 растиральников из обломков топоров, обломок зернотёрки, заготовка пряслица и 1018 фрагментов сосудов, из которых две трети относятся к кухонной посуде.

Жилище 6 (рис. 1/2; 3) – прямоугольной в плане формы, размерами 9х11 м, ориентировано по линии СЗ–ЮВ. С севера разрушено средневековой траншеей. Глинобитный развал, толщиной до 0,4 м, включал хаотично залегавшие обломки обмазки с отпечатками плах, жердей, прутьев и без них. Под развалом обнаружены пять ям, составлявших комплекс жилища.

Яма 1 – овальной формы, размерами 0,95х1,5 м и глубиной 0,6 м, с поверхностью, обмазанной глиной. В заполнении обнаружено 4 обломка зернотёрок.

Яма 2 – округлой формы, диаметром 0,7 м и глубиной 0,4 м, стенки отвесные, дно ровное.

Яма 3 – овальной формы, размерами 0,55х0,5 м, и глубиной 0,3 м, с наклонными стенками.

Яма 4 – прямоугольной формы, размерами 0,6х1,2 м и глубиной 0,35 м, стенки отвесные, дно ровное.

Яма 5 – неправильной формы, размерами 3,4х6 м, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. В общем контуре включала несколько углублений глубиной 0,2–0,8 м. В заполнении обнаружены часть дисковидного пряслица и 34 фрагмента керамики (19 из них – кухонная посуда).

В жилище найдены 2 ножевидные пластины, 6 скребков, каменные отбойник-палетка, 2 зернотёрки, 7 растиральников и 3 тесла, костяные «конёк», проколка и 2 долотца, заготовка пряслица, 6 обломков антропоморфных статуэток, фрагменты зооморф-

ных ручек и ножек сосудов, а также 890 обломков керамики с заметным преобладанием кухонной посуды.

Жилище 7 (полуземлянка) (рис. 1/2, 4) – подквадратной в плане формы, размерами 4,2х4,6 м, ориентировано по линии ЗСЗ–ВЮВ. Стенки покатые, дно неровное. Комплекс жилища состоял из ряда ям, преимущественно подовальной формы, с покатыми стенками, ровным дном и глубиной до 0,7 м. В жилище и возле него обнаружены 4 скребка, 8 обломков каменных топоров, 6 растиральников, обломок зернотёрки, тесло, каменный несверлённый топор, проколка, 2 обломка антропоморфных статуэток, фрагмент амулета, а также 419 фрагментов керамики (279 из них – кухонная посуда).

На площадке раскопа выявлены также шесть хозяйственных ям овальной, подпрямоугольной и округлой форм, цилиндрического сечения и покатыми стенками. Размеры их варьируют от 0,6х0,8 м до 1,9х2,25 м, глубины – от 0,2 до 2,5 м. В заполнении ям обнаружены орудия труда из камня и кости, обломки обмазки, кости животных и фрагменты керамики.

Оборонительный ров (рис. 1/2, 1/3) выявлен в 24 м к северу от жилища 6. Изучен на площади 140 кв. м посредством разрезов вдоль восточной и западной стенок раскопа. Его ширина составляла 9–10 м. Ров был ориентирован по линии ЗСЗ–ВЗВ, отрезая с напольной стороны площадку мыса. С напольной стороны, на протяжении 8 м, его глубина увеличивается к югу от 0,25 до 0,65 м, далее на отрезке до 2 м следует резкое понижение дна до 2,3 м от уровня СДП. Профиль углублённой части рва трапецевидный,

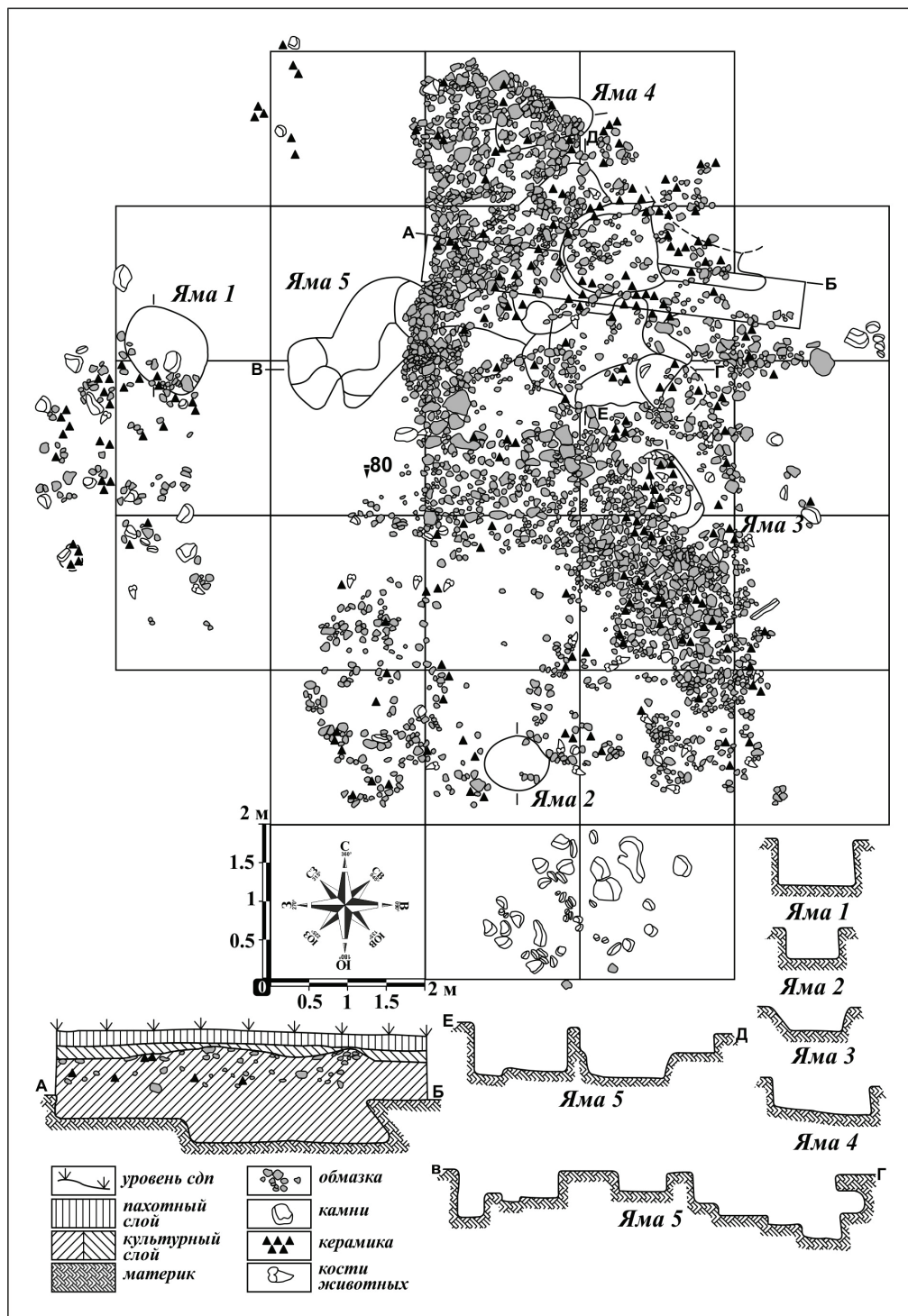

Рис. 3. Поселение Тараклия II. План, профиль и разрезы ям 1–5 жилища 6

покатые стенки сужают размеры дна до 0,3 м. В заполнении обнаружены 3 скребка, обломок каменной палетки, обломок каменного шлифованного топора, фрагмент антропоморфной статуэтки, а также 100 фрагментов керамики гумельницкой культуры (66 из них – кухонная посуда).

Изученные жилые комплексы находят аналогии на синхронных памятниках: жилище 6 подобно жилищу 1 поселения Вулканешты II [2, с. 32] и строительным остаткам поселения Кэлугэряска (Румыния), жилище 5 аналогично комплексу на поселении Бэняса (Румыния). Следует особо отметить, что оборонительный ров для культуры Гумельница в Днестровско-Прутском междуречье встречен впервые. На территории Болгарии энеолитические телли сами несли оборонительную функцию, а синхронные фортификационные линии известны только в Румынии. Ближайшей аналогией могут служить рвы на поселении Сучевень, имевшие подобные профили и размеры. Необходимость обороны была, видимо, вызвана присутствием в регионе степных скотоводческих племён [1, с. 36].

Кремневые орудия (рис. 5) (до 24,5% общего количества орудий). Изготовлены из серого прутского и коричневого добруджского кремня (90%). Отсутствие в инвентаре отходов, кроме одного нуклеуса и нескольких отщепов прутского кремня, подтверждает дефицит сырья и привозной характер орудий.

Скребки (72%) – на крупных отщепах и переоформлены из ножевидных пластин, с ретушью по одному-двум краям. Размеры – от 2,7х2,4х0,9 см до 4,3х2,8х0,6 см. Хорошо известны на гумельницких памятниках Молдавии, Украины, Румынии [2, с. 50, рис. 37/9,

с. 64, рис. 53/1 – пос. Вулканешты II; 6, с. 38, рис. 12/9 – пос. Нагорное II].

Ножевидные или призматические пластины (25%), преимущественно небольшие, мелко ретушированы по одному-двум краям. Размеры от 2,8х1х0,3 см до 2,9х2,6х0,5 см.

Единичен вкладыш молотильной доски, овальной формы, с ретушью по двум сторонам, размерами 4,5х2,9х0,5 см (рис. 5/13).

Каменные орудия (рис. 6–8) (65% общего количества). Сырьём для изготовления зернотёрок, палеток, режее отбойников являлись местные кварцевый и грубозернистый песчаники и метаморфизованная порода. Топоры и их обломки-растиральники изготовлялись из андезито-базальта, тёсла – из базальта и кремнисто-карбонатной породы, а собственно растиральники – из эффузивной породы, гнейса и галечного песчаника, распространённых в Карпатах, Крыму и на Кавказе¹.

Топоры (43%) подразделяются на несверленные двусторонне-выпуклые и битрапечиевидные сверленные (рис. 6). Встречены в Молдавии, на Украине, в Румынии [2, с. 51, рис. 38/3–5 – пос. Вулканешты II, с. 73, рис. 62/2 – пос. Лопатика; 6, рис. 15/15 – пос. Озёрное].

Тёсла (12%) – в плане трапечиевидные с асимметричным профилем (рис. 7). Размеры – от 8,3х5,2х1,8 см до 8,5х4,8х1,5 см. Выделяется миниатюрное тесло со следами микроколебаний в муфте на обушковой части (рис. 7/1).

Отбойники (4,5%) шаровидные, размерами 4,9х7,3х5,8 см (рис. 8/1–2).

Растиральники (19,5%) представлены «курантами» округло-уплощённых

¹ Определение пород камня произведено кандидатом геолого-минералогических наук Н. К. Бургеля.

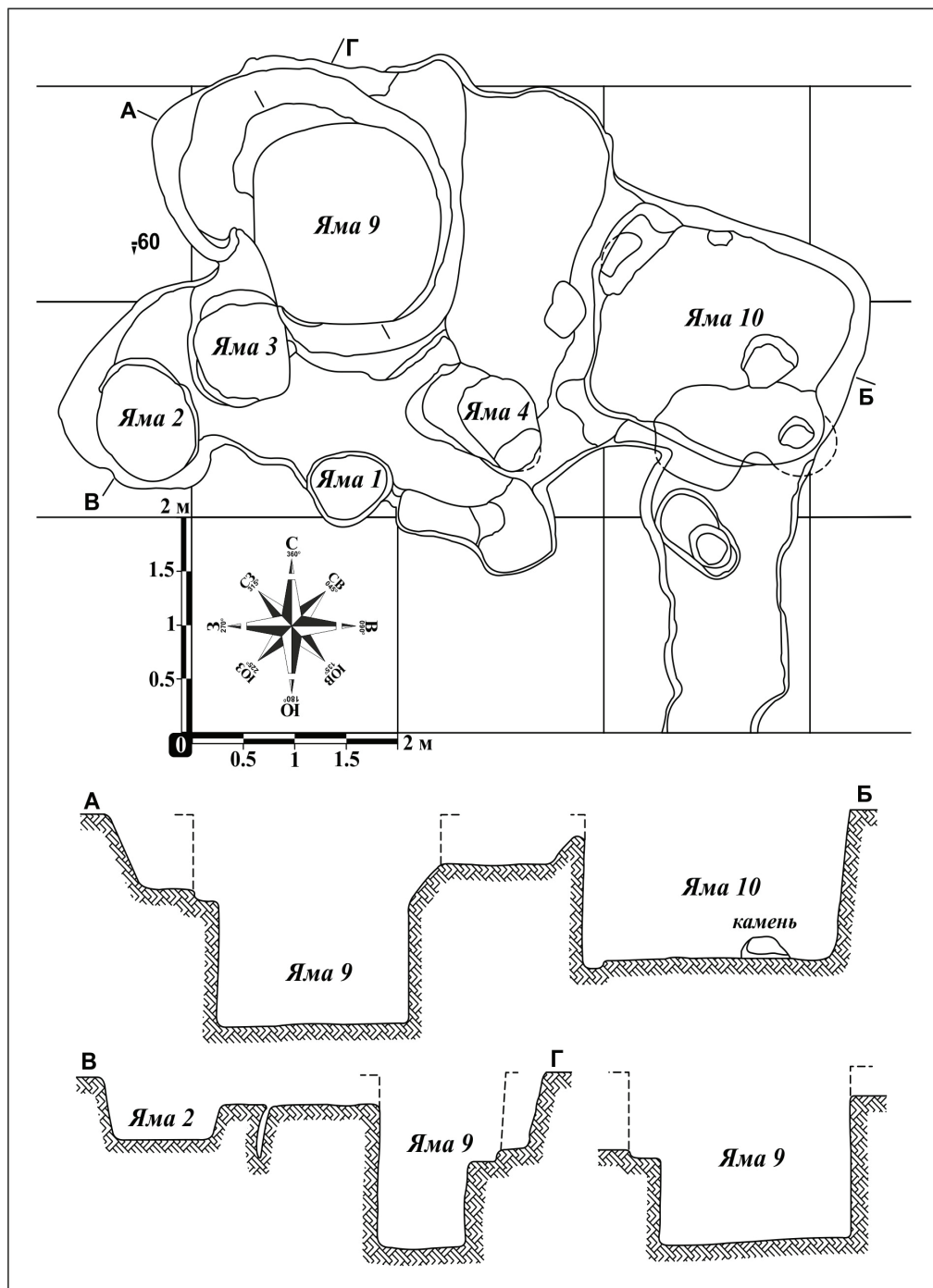

Рис. 4. Поселение Тараклия II. План и разрезы жилища 7

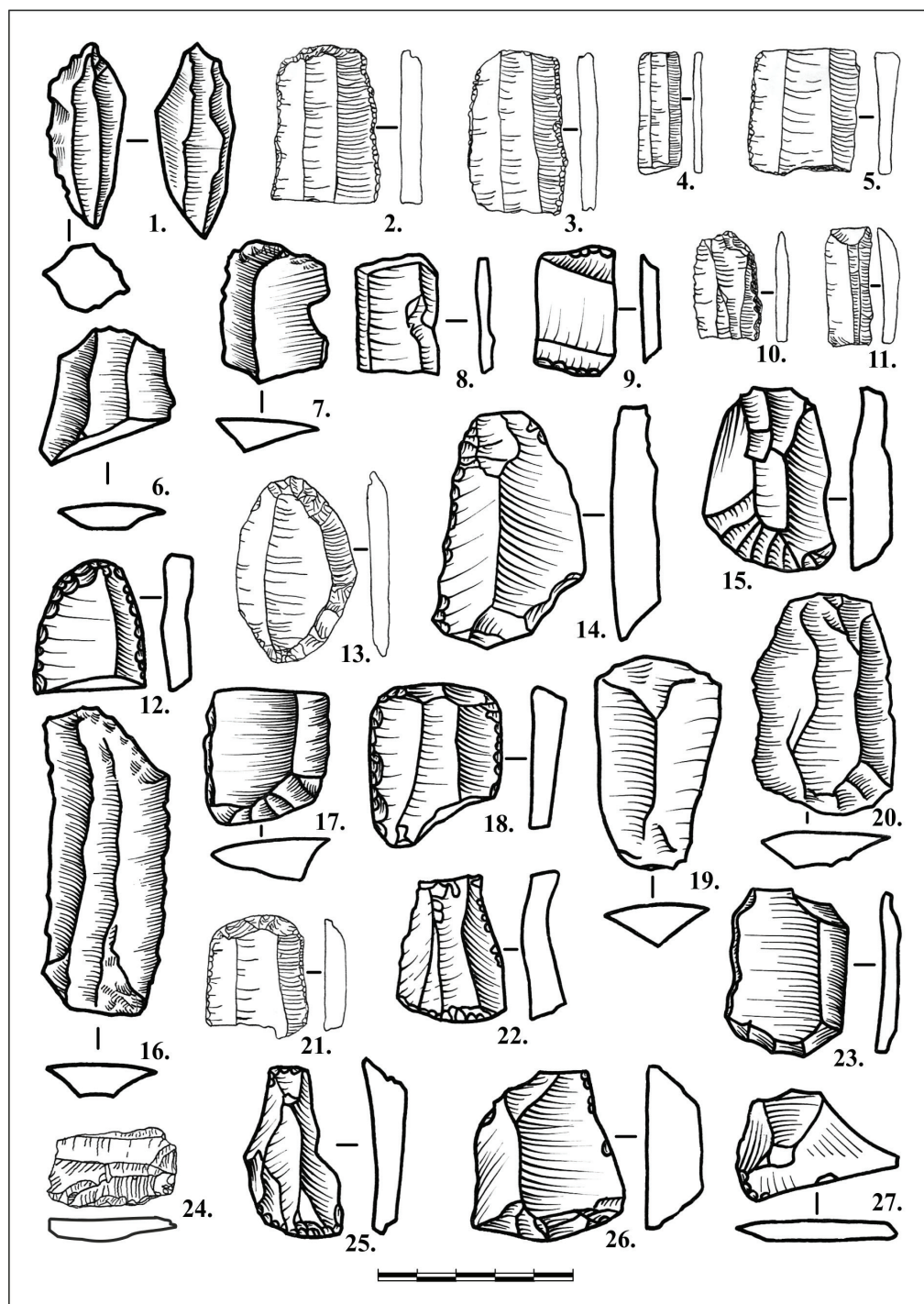

Рис. 5. Поселение Тараклия II. Кремневый инвентарь

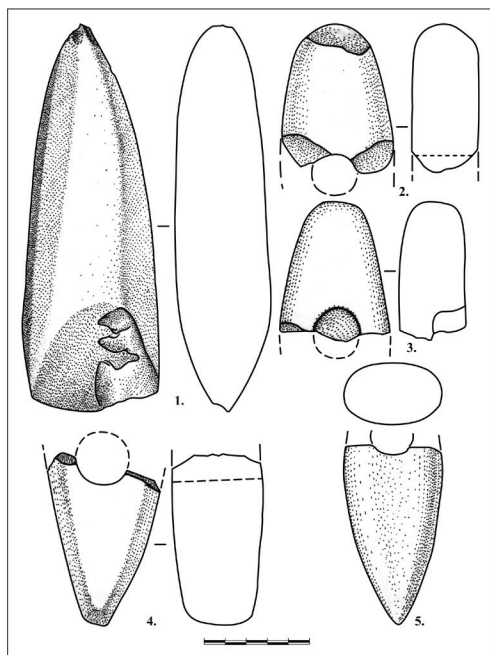

Рис. 6. Поселение Таракля II. Каменный инвентарь

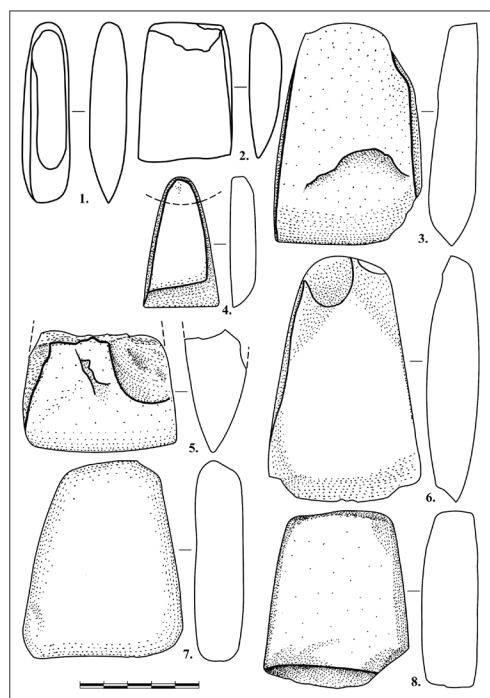

Рис. 7. Поселение Таракля II. Каменный инвентарь

форм. Рабочие стороны стёрты, заполированы, иногда со следами красной охры (рис. 8/4).

Зернотёрки (19,5%) обнаружены в обломках, имели овально-вытянутую, ладьевидную форму, сильно сработаны, иногда со следами красной охры (рис. 8/3).

Палетка для растирания красок имела подовальную форму, размерами 17,5x20,9x5,4 см.

Орудия из кости и рога (10,5% общего количества) (рис. 9/1–3).

Проколки (50%) из трубчатых костей животных делятся на орудия из расщеплённой пополам кости и орудия с отщеплённым и наискось отточенным остриём.

Долотца (33%) изготовлены из отщепов трубчатых костей. Рабочие края заполированы.

Орудие для снятия мездры со шкур изготовлено из отщепы крупной трубчатой кости овальной формы, разме-

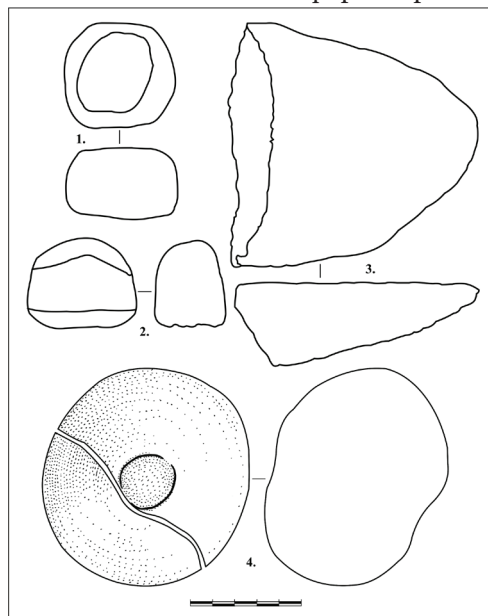

Рис. 8. Поселение Таракля II. Каменный инвентарь

рами 9х4,5 см. Рабочий край заострён, внешняя сторона заполирована.

Изделие из рога неясного назначения. Комель обломлен и обработан. В верхней части пазы, выделяющие два трёхвершинных выступа. Длина – 9,5 см.

Орудия из глины (рис. 9/4-5, 9/7) представлены тремя заготовками пряслиц из стенок сосудов. Диаметр 4–4,5 см, диаметр отверстий – 0,5 см, толщина зависит от толщины стенки сосуда. Этот тип пряслиц широко распространён в культурах Боян, Гу-

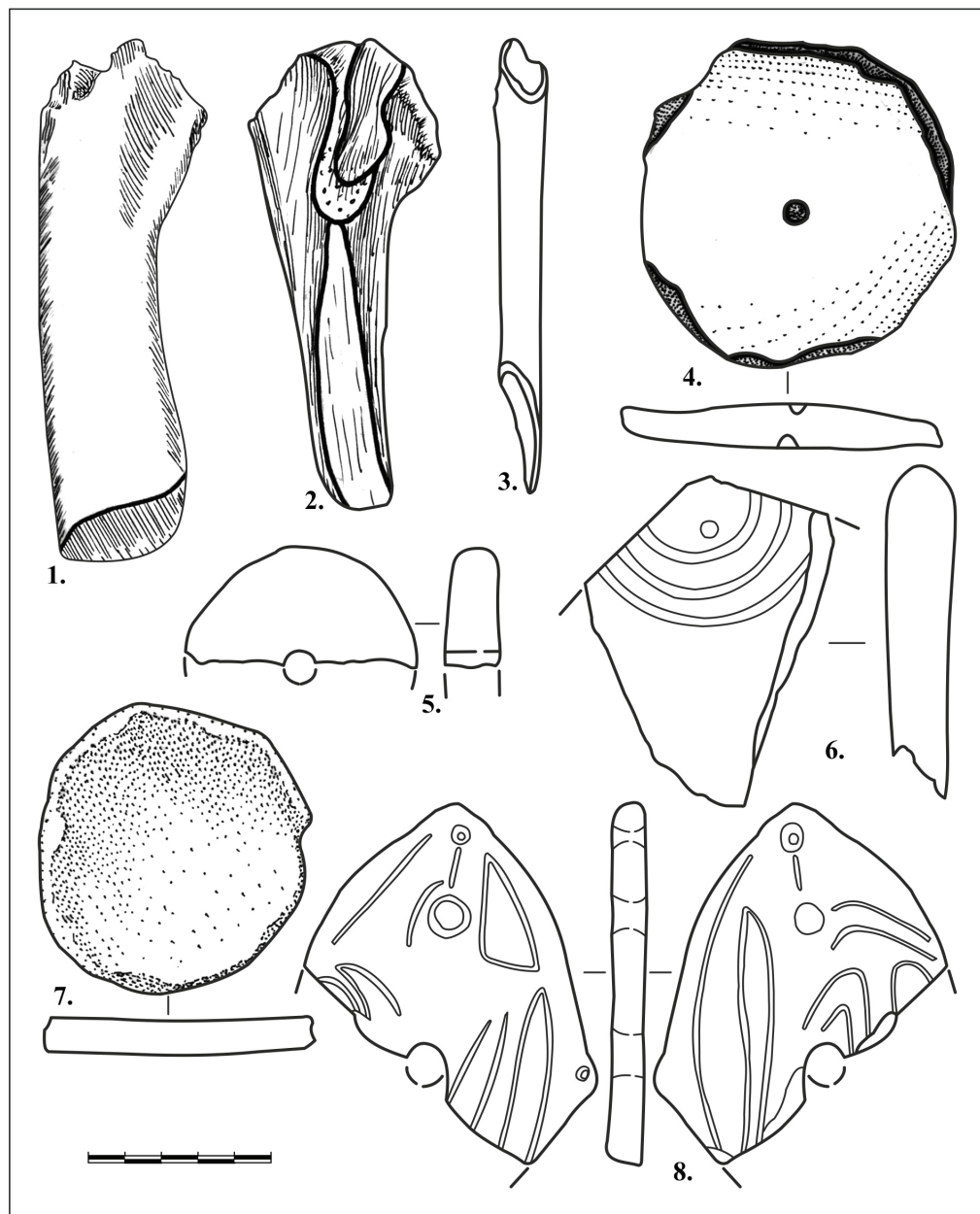

Рис. 9. Поселение Тараклия II. Костяные и глиняные изделия

мельница, Караново 5, 6 и Триполье [6, с. 55].

Керамический материал (рис. 10). Подразделяется на кухонную (59%) и столовую посуду (41%). Кухонная керамика представлена кувшинами, горшками, мисками, сковородами, кубками. Столовая – горшками, мисками, крышками, тазами, кубками, «цедилками» и ложками.

Кухонная керамика. Ведущие примеси в тесте – растительность, шамот, изредка известняк. Обжиг неравномерный, цвет поверхности от чёрного до оранжевого. Участки некоторых сосудов залощены, ангобированы, либо грубо заглажены. Чаше сосуды покрыты барботином. Иногда барботин выступает в виде орнамента или сочетается с каннелюрами, прочерченными линиями, налипными валиками с пальцево-ногтевыми вдавлениями, зашипами, ямками, насечками и налепками-бугорками. Орнаментированная керамика составляет 8,2%.

Кувшины представлены сосудом из жилища 5, с цилиндрическим горлом и округлым туловом. В придонной части – парные ручки, дно плоское. Внутренняя поверхность и горло залощены, внешняя поверхность покрыта барботином (рис. 10/1).

Усечённо-конические горшки с высоко расположенным ребром представлены зерновиком из жилища 6 и фрагментарно. Венчик прямой, край его срезан горизонтально. Дно вогнуто. В тесте – шамот, обжиг неполный, цвет тёмно-серый. Нижняя часть сосуда шероховатая, другие поверхности подлощены. По ребру – налипной валик с пальцево-ногтевыми вдавлениями, с которым соединены отрезки такого же валика, спускающегося на ребро

(рис. 10/2). Зерновики найдены во всех жилищах.

Широкие горшки представлены сосудом из жилища 5 и фрагментарно. Устье шире дна, плечики выпуклые, поверхность покрыта барботином. Венчик прямой с закруглённым краем, под ним пальцевые бороздки, отделяющиеся пояском пальцево-ногтевых вдавлений, ниже которого – парные налепы и одиночные бугорки, расположенные в средней части сосуда (рис. 10/3). Встречены небрежно заглаженные сосуды.

Биконические горшки представлены целым сосудом и фрагментарно. Сосуд биконический, устье шире дна, венчик прямой, слегка отогнут внутрь. Ребро – посередине тулова. Горло опоясано врезной линией, от которой опускаются отрезки налипных валиков с пальцево-ногтевыми вдавлениями (рис. 10/4). Орнаментация сосудов неодинакова: парные пальцево-ногтевые вдавления по горлу, одинарные бугорки, вертикальные налипные валики с вдавлениями в сочетании с врезными линиями; каннелюры по горлу, под которыми зигзагообразная врезная линия; концентрический поясик из коротких вдавлений, под которыми – арочные изгибы врезных линий.

Приземистые конические чаши с устьем шире донца. Венчик не выделен, с закруглённым краем, под ним орнамент из концентрических налипных валиков с вдавлениями (рис. 10/5) или с врезными линиями, образующими окружности (рис. 10/6).

Конические миски – также фрагментарны. Поверхность заглажена, со следами пальцев (рис. 10/7).

Миски с «S-видным профилем» – фрагментарны. Имеют оттянутый на-

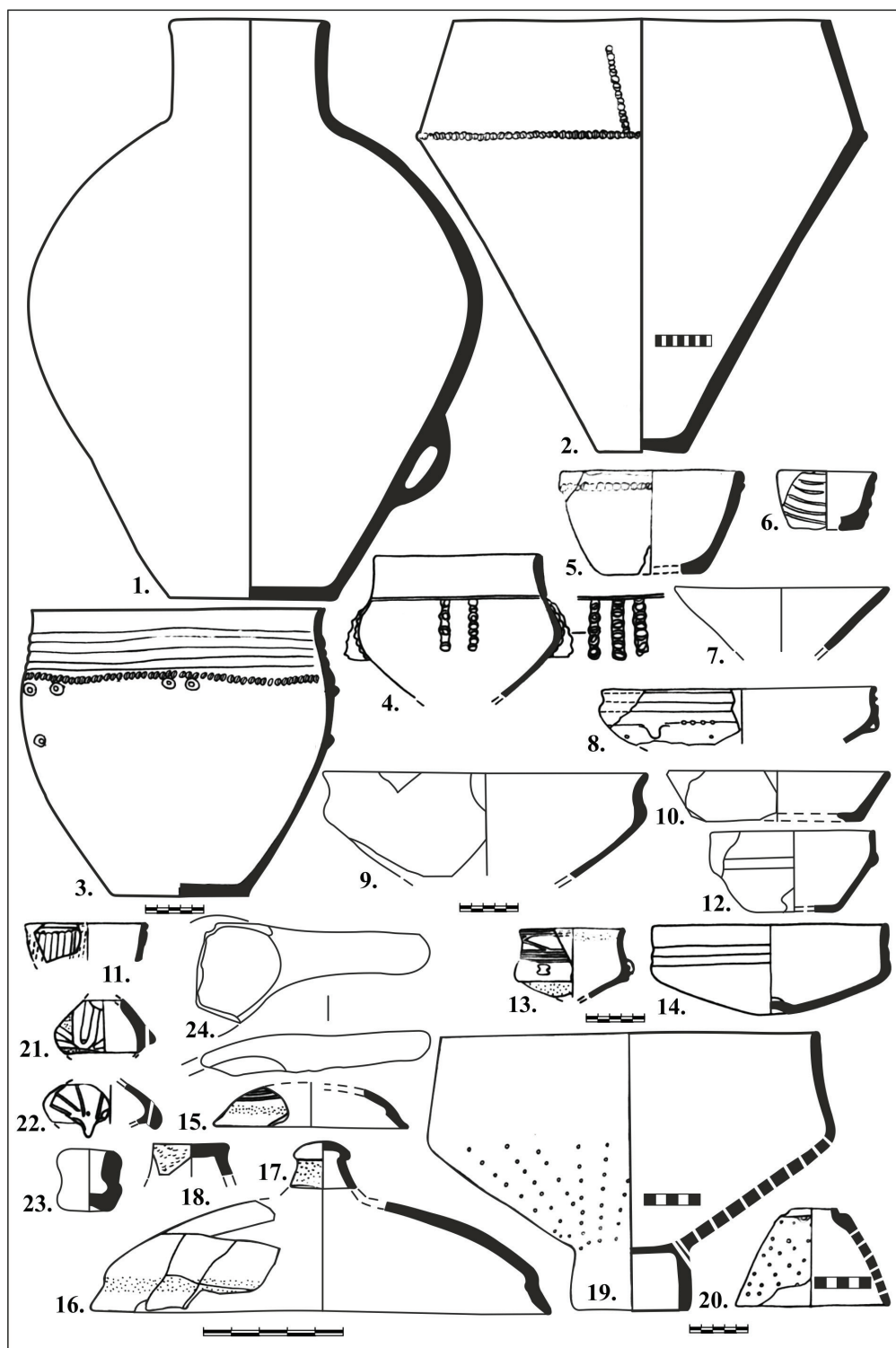

Рис. 10. Поселение Тараклия II. Керамические изделия

ружу венчик и выраженное ребро, бывают глубокие и неглубокие. Большинство из них не орнаментированы, хотя под венчиком встречаются каннелюры. Часто на ребре имеется налипная ручка с горизонтальным отверстием (рис. 10/8, 10/9).

Сковороды представлены двумя фрагментами. Форма коническая, бортик невысокий, закругляется у дна (рис. 10/10).

Столовая керамика. Отличительные особенности – двустороннее лощение, роспись белой краской либо окраска отдельных зон и участков красной охрой, нанесённой после обжига. Тесто без видимых примесей. Цвет от серого до чёрного. Иногда керамика вторично обожжена. Лощение сочетается с горизонтальными или косыми каннелюрами, врезным углублённым орнаментом из линий или вдавлений, насечками, ручками-ушками и росписью белой краской. Орнаментированная керамика составляет 25,3%.

Шаровидные горшки представлены фрагментами. Венчики являются продолжением стенок, загнутых вовнутрь. Края их закруглены, с внешней стороны имеют пальцевую бороздку. Один сосуд орнаментирован широкими каннелюрами и бугорками на плечиках, ниже нанесены врезные линии; под краем венчика – роспись горизонтальными и косыми белыми линиями (рис. 10/11).

Биконические горшки – фрагментарны. Края венчиков закруглены либо косо срезаны наружу. Венчики продолжают стенки, загнутые вовнутрь. Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю треть. Орнаментированы горизонтальными и косыми каннелюрами, врезными и белыми

горизонтальными и косыми линиями, либо трёхгранным валиком с пальцевыми вдавлениями. Некоторые части сосудов, преимущественно часть венчика или придонные зоны, окрашены изнутри красной охрой (рис. 10/12).

Конические горшки представлены сосудом из жилища 7. Донца сосудов вогнуты. Орнаментация разнообразна: горизонтальные и косые каннелюры, врезные линии, редкие вдавления, роспись белой краской и красной охрой. Есть ручки-упоры (рис. 10/13).

Миски с «S»-видным профилем – фрагментарны. Венчик резко отогнут наружу, ребро тулова чётко выражено. Донце вогнуто. Орнаментация разнообразна: выделение ребра, врезные линии, вдавления, каннелюры, ручки с горизонтальными отверстиями. Снаружи и изнутри – роспись белой краской. Иногда придонная часть окрашена красной охрой (рис. 12/1).

Цилиндро-конические миски представлены экземпляром из слоя. Ребро тулова сглажено, донце вогнуто. Орнаментация – каннелюры. Имеется также уникальная мисочка с вогнутым донцем, каннелированная изнутри. Снаружи она украшена двумя концентрическими поясами вдавлений (рис. 10/14).

Конические миски – крайне фрагментарны.

Крышки также представлены фрагментарно. Орнаментация: врезные линии, роспись белой краской в сочетании с зонами красной охры. Наружная поверхность по лощению ангобирована и расписана (рис. 10/15–16). Отличаются размерами и оформлением ручек – грибовидных (рис. 10/17) и цилиндрических с вдавленной вершиной (рис. 10/18).

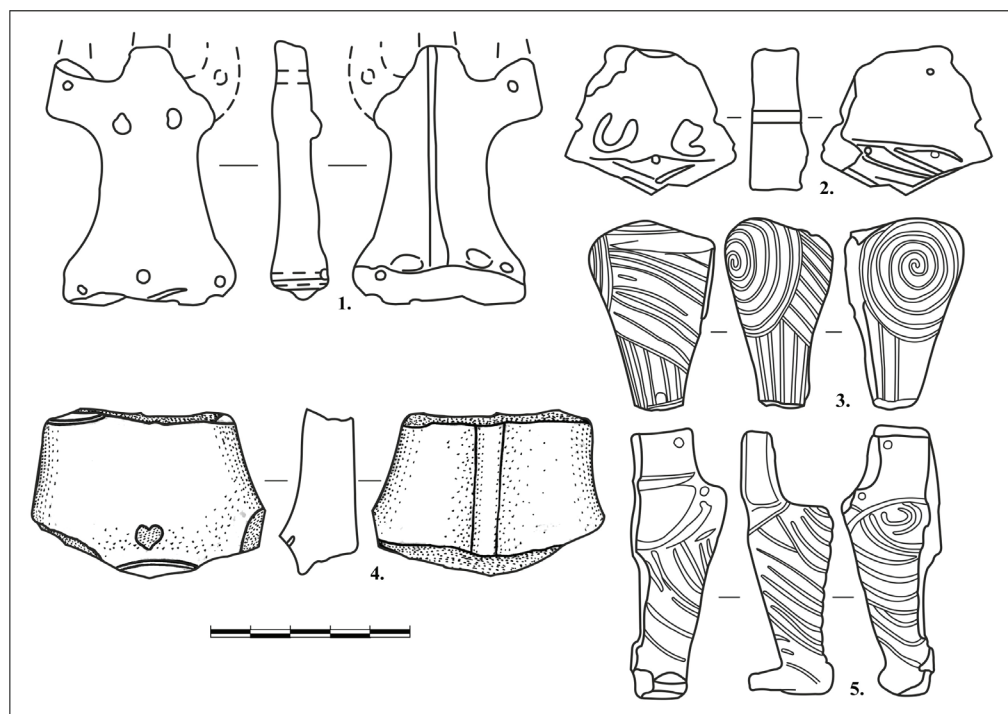

Рис. 11. Поселение Тараклия II. Глиняная пластика

Тазы единичны. Форма – коническая. Внешняя поверхность иногда каннелирована.

Кубки представлены формой из слоя. Поверхность заглажена, орнаментирована вертикальными каннелюрами и пальцевыми вдавлениями.

«Цедилки» представлены сосудом из жилища 6 и фрагментами. Имеют биконическую форму и коническую подставку. Венчик продолжает стенки, загнутые вовнутрь. В нижней части стенок – сквозные отверстия (рис. 10/19).

Существуют также отдельные типы посуды – дымари и миниатюрные сосудики, очевидно, votivного характера.

Дымари конической формы, внутри полые. На стенках – сквозные отверстия, проколотые снаружи. Поверхность заглажена, цвет светло-коричневый (рис. 10/20). Известны в культуре Сэлкуца и на поселении Стойкань.

Миниатюрные сосудики представлены формами из слоя и жилищ 6 и 7. Толстостенный сосудик из слоя – биусечённо-конический, с наибольшим расширением тулова в середине высоты (рис. 10/21). Сосуд из жилища 6 биусечённо-конический, с закруглённым ребром скошенным вовнутрь краем венчика (рис. 10/22). Аналогия ему имеется на поселении Сучевень. Третий сосуд цилиндрический, с перехватом в середине тулова и вогнутым донцем (рис. 10/23).

Ложки имеют овальную форму, с заглаженной или подлощённой жёлто-оранжевой поверхностью. В тесте – мелкий шамот (рис. 10/24).

Антропоморфная пластика. Представлена 13 обломками женских статуэток, украшенных, за исключением одной, врезным орнаментом. Пластика выполнена из хорошо отмученной глины с

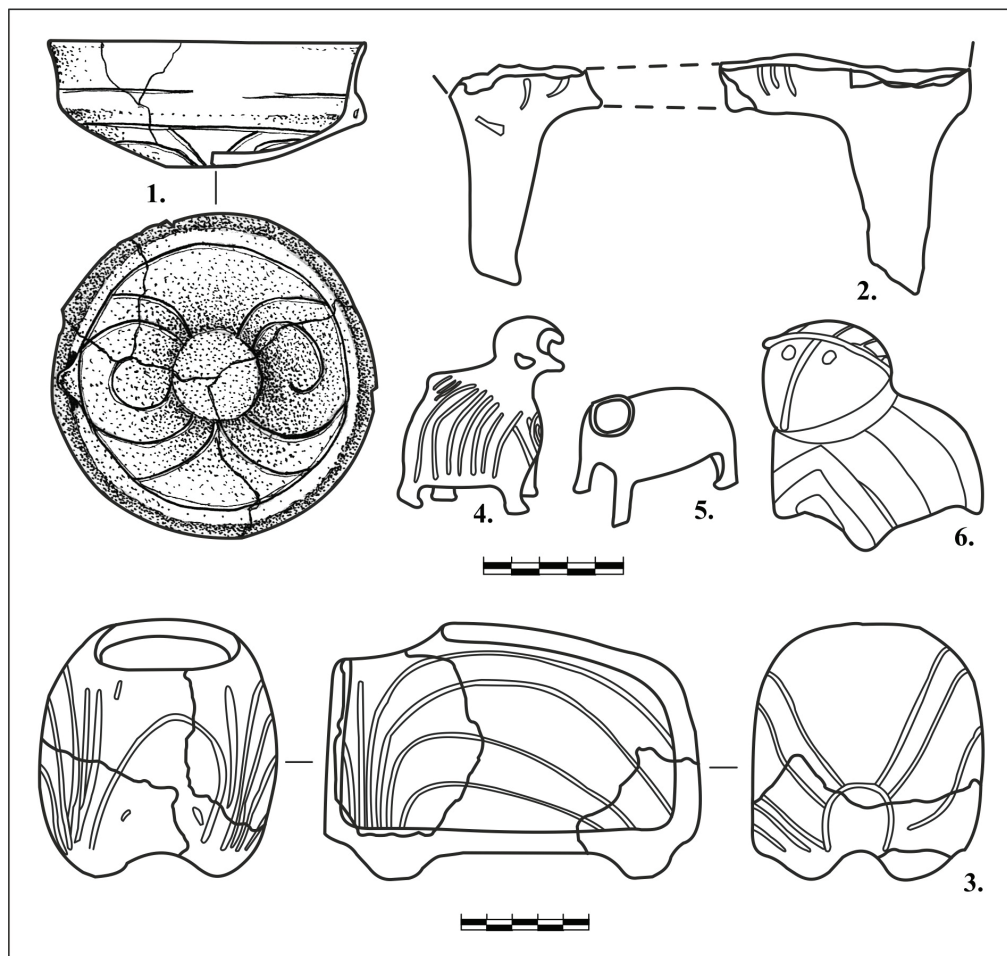

Рис. 12. Поселение Тараклия II. Миска (1) и зооморфные сосуды (2, 3).

Прорисовка зооморфных сосудов (4–6) с территории Болгарии

примесью шамота. Обжиг равномерный, цвет от светло-коричневого до тёмно-серого, в изломе – чёрный. Поверхность заглажена, иногда – залощена. Голова выражена конусом. Один обломок торса сильно схематизирован: треугольником сужается к голове, сбоку проколоты горизонтальные отверстия. Выступы грудей соприкасаются с врезной линией полового треугольника, на котором точкой обозначен пупок. С обратной стороны линиями показана перевязь с опускающимися на неё двумя диагональными врезными линиями (рис. 11/2).

Другие обломки достаточно реалистичны, изображают женщин в позе «Оранты». Их торсы прямые, плоские, руки согнуты в локтях и подняты вверх; плодородие олицетворяет выпуклый живот с отверстием-пупком. Грудь выражена бугорками. С обратной стороны канавкой выделен позвоночник (рис. 11/4). На сгибах локтей и бёдрах имеются сквозные отверстия (рис. 11/1). Торс плавно переходит в бёдра, отделяясь от ягодиц врезными линиями. Ягодицы образуют рельефную горизонтальную площадку (рис. 11/5).

Ножки статуэток – разделённые и сомкнутые. Есть случай смыкания ножек у щиколотки. Нижняя часть статуэток орнаментирована. По бёдрам косо ниспадают ленты врезных линий, иногда со следами красной охры. Выраженная стеатопигия подчёркнута врезным орнаментом в виде спиралей и замкнутых овалов (рис. 11/3). Аналогичные статуэтки известны на гумельницких поселениях Молдавии, Украины и Румынии [2, рис. 63/1 – пос. Лопацика; 6, с. 112, рис. 50/8 – пос. Новонекрасовка I].

Зооморфная пластика. Представлена тремя ручками черпаков и сосудами. Два фрагмента ручек черпаков изображали птичьи головы, а один был оформлен в виде конической головки с ушками и сквозными отверстиями глаз. Поверхность заглажена и залощена. Особый интерес вызывает уникальный сосуд, выполненный в виде сводчатого туловища животного с горловиной-шеей в одном из верхних концов и плоской овальной платформой-дном на четырёх конических ножках. По бокам сосуд симметрично орнаментирован врезными полукружиями линий. Его передняя и задняя части покрыты близким орнаментом, по бокам – более крупным. Овальной формы горловина-шея выделена концентрической бороздкой, от которой вниз по туловищу, над передним полукружием, опущены два коротких отрезка врезных линий. Стенки и дно небрежно заглажены. Заметна асимметричность сосуда. Сосуд, возможно, изображает свинью (рис. 12/3). Близкие изделия встречены на поселении Банята [5, Обр. 52] и телле Плоска-Могилы [7, Обр. 79a]. Они изображают соответственно барана и собаку.

Интересны две ножки сосуда: одна

коническая, другая – со ступнён, крепившейся к плоской, с закруглёнными углами, платформе – дну сосуда. На стенках сосуда – вертикальные врезные линии (рис. 12/2). Экземпляры таких сосудов встречены на теллях Хотница [7, Обр. 56в] и у г. Шумен [5, Обр. 108] (рис. 12/4–6). Наибольшим количеством и стабильностью форм отличаются «аски». Характерная особенность – выступы на тулове, имитирующие хвост утки, подчёркнутые каннелюрами, либо врезными линиями, окрашенными красной охрой (рис. 10/21, 22).

Амулеты представлены тремя изделиями, имеющими плоскую ромбическую форму. Изготовлены из глины с примесью шамота, поверхность лощёная. Цвет от светло-охристого до чёрного. Угол и отверстие первого амулета выделены на одной стороне полукружиями углублённых линий, заполненных красной охрой (рис. 9/6). Другой экземпляр имеет семь отверстий: четыре по вершинам ромба и три в центре. Два угловых отверстия имитированы. Амулет орнаментирован с обеих сторон короткими зигзагами прочерченных линий (рис. 9/8).

Данные палинологического анализа. Результаты палинологического исследования¹ показывают абсолютное преобладание на поселении пыльцы травянистых растений. Древесная пыльца составляет не более 6% общего количества и представлена сосной, в меньшей мере елью, берёзой, ольхой, лещиной, липой, дубом, грабом и грабинником. В травянистой части спектра отмечено присутствие сложно-

¹ Палинологические определения проведены кандидатом геологических наук К. В. Кременецким.

цветных, лютиковых, крестоцветных. Пыльца злаков составляет 4% общего количества, а бобовые и горчичные представлены отдельными пыльцевыми зёрнами. Данные анализа свидетельствуют о разнотравно-злаковом характере растительности. При этом антропогенное воздействие на растительный покров в период функционирования поселения было невелико [3, с. 64–65].

Данные остеологического анализа.

Анализ костных остатков, обнаруженных на поселении, приводит к выводу о высоком уровне развития животноводства. Домашние животные составляли 88% общего количества особей. Состав стада оказался следующим:

- 42% – крупный рогатый скот (КРС),
- 22% – мелкий рогатый скот (МРС),
- 20% – свиньи и 4% – лошади.

Дикие животные представлены следующим образом:

4% – дикие ослы,

4% – быки,

2,5% – благородный олень и 0,5% – дикая свинья.

Кости собаки и птицы единичны¹.

Результаты анализов указывают на животноводческо-земледельческий характер ведения хозяйства на данном поселении. Можно также отметить известную однородность состава инвентаря и фаунистических остатков из разных комплексов. Наличие лишь единичных крупных сосудов, бедность ассортимента орудий труда, отсутствие украшений и целых предметов культа позволяют сделать вывод об оставлении поселения Тараклия его обитателями и, возможно, о небольшом сроке его существования.

Статья поступила в редакцию 09.07.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейлекчи В. С. К вопросу о начале проникновения древнеяных племён в Днестровско-Прутское междуречье // Археологические исследования в Молдавии в 1981 году. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 23–41.
2. Бейлекчи В. С. Ранний энеолит низовьев Прута и Дуная. Кишинёв: Штиинца, 1978. 155 с.
3. Кременецкий К. В. О палеогеографии юга Днестровско-Прутского междуречья в эпоху Гумельницкой (Болградской) культуры // Известия АН МССР. 1987. № 3. С. 64–65.
4. Манзура И. В., Сорокин В. Я. Гумельницкое поселение у пгт. Тараклия // Археологические исследования молодых учёных Молдавии. Кишинёв: Штиинца, 1990. С. 78–93.
5. Радунчева А. Доисторическое искусство в Болгарии: пятое–второе тысячелетие до н.э. София: София-пресс, 1971. 120 с.
6. Субботин Л. В. Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины. Киев: Наукова думка, 1983. 139 с.
7. Тодорова Х. Энеолит Болгарии. София: София-пресс, 1979. 104 с.

REFERENCES

1. Beilekchi V. [To the question about the beginning of the penetration of the old pit tribes in the Dniester-Prut interfluve]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya v Moldavii v 1981 godu* [Archaeological research in Moldova in 1981]. Chisinau, Shtiintsa Publ., 1985, pp. 23–41.
2. Beilekchi V. *Rannii eneolit nizov'ev Pruta i Dunaya* [Early Eneolithic in the lower reaches of the Prut and Danube]. Chisinau, Shtiintsa Publ., 1978. 155 p.

¹ Остеологические определения проведены доктором биологических наук А. И. Давидом.

3. Kremenetskii K. [The paleogeography of the South of the Dniester-Prut interfluvium in the era Gumelnitsa (Bolgrad) culture]. In: *Izvestiya AN MSSR*, 1987, no. 3, pp. 64–65.
4. Manzura I., Sorokin V. [Gumelnitsa settlement at the town Taraclia]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya molodykh uchenykh Moldavii* [Archaeological researches of young scientists of Moldavia]. Chisinau, Shtiintsa Publ., 1990, pp. 78–93.
5. Raduncheva A. *Doistoricheskoe iskusstvo v Bolgarii: pyatoe–vtoroe tysyacheletie do n.e* [Prehistoric art in Bulgaria: the fifth–second Millennium BC]. Sofia, Sofiya-press Publ., 1971. 120 p.
6. Subbotin L. *Pamyatniki kul'tury Gumel'nitsa Yugo-Zapada Ukrainy* [The cultural monuments Gumelnitsa South-West of Ukraine]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1983. 139 p.
7. Todorova C. *Eneolit Bolgarii* [The Eneolithic of Bulgaria]. Sofia, Sofiya-press Publ., 1979. 104 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бейлекчи Виктор Стефанович – кандидат исторических наук, заведующий археологическим отделом (1995–2017) государственного музея-заповедника «Ростовский Кремль»;

Чирков Андрей Юрьевич – научный сотрудник Нижнеокского историко-археологического бюро «Артефакт»;

e-mail: achirkov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor S. Beilekchi – Cand. Sci. (History), Head of the Archaeological Department (1995–2017), State Museum Reserve “Rostov Kremlin”;

Andrei Yu. Chirkov – Researcher, Nizhneoksky Historical and Archaeological Bureau “Artefact”;

e-mail: achirkov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бейлекчи В. С., Чирков А. Ю. Раскопки гумельницкого поселения у пгт. Тараклия в Молдове в 1984–1985 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 8–26.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-8-26

FOR CITATION

Beilekchi V., Chirkov A. Excavations of the Gumelnitsa settlement of Taraclia (Moldova) in 1984–1985. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 8–26.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-8-26

УДК 903(497); 94(497)(26.06)

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-27-40

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ МОРСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ПРИКАСПИЕМ И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ В ПЕРИОД ХАЛКОЛИТА

Попов С.¹, Димов Т.²

¹ Военно-медицинская академия

г. Варна, ул. Христо Смирненский, д. 3, Болгария

² Региональный исторический музей

9300, г. Добрич, ул. Доктор Константин Стойлов, д. 18, Болгария

Аннотация. Основной целью данной статьи является доказательство существования морских торговых путей и культурных связей между Прикаспием и развитыми культурами Балканско-Придунайского региона в период энеолита. По мнению авторов, они стали возможными после открытия водного пути между Чёрным и Каспийским морями, от которого сохранилась высохшая Кумо-Манычская впадина. В качестве доказательств данной гипотезы были приведены находки аналогичных медных изделий, антропоморфной пластики и украшений из раковин, обнаруженных в различных районах Балкан, Северо-Западного Причерноморья и Прикаспия. Одновременно было прослежено взаимное культурное влияние, получившее своё отражение в мегалитических сооружениях, наскальных изображениях, религиозных культах и погребальном обряде различных культур энеолита. По итогам анализа авторы пришли к выводам об оживлённых торговых связях и духовных отношениях культуры Варна с синхронными культурами Северного Причерноморья, Приазовья и Поволжья, а также о существовании судоходства между Чёрным и Каспийским морями и развитием кораблестроения в эпоху халколита.

Ключевые слова: халколит, энеолит, судоходство, Балканы, Северное Причерноморье, Прикаспий, культура Варна, Хаманджия, Кукутени-Триполье, Анау, некрополь, погребение, петроглифы

HYPOTHIZED MARITIME LINKS BETWEEN THE CASPIAN SEA COAST AND THE NORTH-WESTERN BLACK SEA AREA DURING THE CHALCOLITHIC PERIOD

S. Popov¹, T. Dimov²

¹ Military Medical Academy

3 ul. Hristo Smirnensky, Varna, Bulgaria

² Regional Historical Museum

18 ul. Dr. Konstantin Stoilov, Dobrich 9300, Bulgaria

Abstract. This paper sets out to confirm the existence of sea trade routes and cultural links between the Caspian Sea coast and the developed cultures of the Balkan-Danube region during the Eneolithic Period. According to the authors, these communications became possible after

the opening of the waterway between the Black and Caspian Seas, which resulted in the formation of the dried-up Kumo-Manych depression. This hypothesis was confirmed by the discovery of similar copper products, anthropomorphic moulding and shell ornaments in various areas of the Balkans, the North-Western Black Sea area and the Caspian Sea coast. In addition, the mutual cultural influence was investigated, which was reflected in megalithic structures, rock carvings, religious cults and funeral rites of the Eneolithic Period cultures. On the basis of the obtained data, the conclusion is made about the existence of active trade and cultural relations between the Varna culture and synchronous cultures of the Northern Black Sea area, Azov and Volga regions, as well as the existence of navigation between the Black and Caspian Seas and developed shipbuilding in the Chalcolithic times.

Keywords: Chalcolithic, Eneolithic, navigation, Balkans, Northern Black Sea area, Caspian Sea coast, Varna culture, Hamangia, Cucuteni-Trypillia culture, Anau, necropolis, burial, petroglyphs

Проблема распространения древнего судоходства на дальние расстояния до сих пор досконально не исследована. Правда, некоторые из аспектов этого явления широко описаны и обсуждались во многих публикациях различных авторов. При этом основной интерес в основном вызывал конец II тыс. до н.э. – период, из которого к нам пришли легенды о Троянской войне и другие известные мифологические сюжеты. Как правило, исследователи мореплавания не рассматривают бронзовую эпоху.

Однако в последнее время появились работы, направленные на более широкие временные и пространственные горизонты. В качестве примеров можно указать прекрасные исследования проф. Михаила Лазарова [9] и проф. Калина Порожанова [16, с. 6–15; 17, с. 61–69; 18, с. 309–321], а также статьи более молодых исследователей – доктора Преслава Пеева из Института океанологии Варны о заморских контактах древних балканских цивилизаций [13, с. 48–54], Марии Ивановой [8, с. 229–237], Илки Змейковой [7, с. 238–245] и ориентированную на праисторическую эпоху публикацию проф. Мехмета Йоздогана из университета

в Стамбуле о связях между Мраморным морем и Нижним Дунаем в древности [26, p. 129–146].

В современной археологии хорошо известна высокая степень развития балканских культур неолита и халколита. При всей их дискуссионности такие определения, как Старая Европа (Мария Гимбутас) и Дунайская цивилизация (Харалд Хаарман), часто встречаются в литературе. Однако скрупулёзный анализ показывает некоторую неравномерность их развития, что демонстрируют археологические культуры Хаманджия и Варна.

Анализ ускоренной эволюции обеих культур показывает, что причина этого явления заключается, скорее всего, в их связи с морем, учитывая доступ к Черноморскому побережью. Это подтверждает появление культуры Хаманджия во время позднего неолита и металлообрабатывающего и морского транспортного центра Варна с комплексом из восьми поселков на Варненском побережье, а также несравненный «золотой» некрополь Варна I. Не случайно ещё в первые годы после его открытия известный археолог Мария Гимбутас с уверенностью написала: «В целом культура, распространенная на Балканском

полуострове, превосходила остальные культуры, а этническая группа, оставившая Варненский некрополь, превосходила все остальные» [6, с. 4].

В поисках причины богатых находок, найденных в районе Варны, Хенриета Тодорова отметила, что «Варна своим богатством была обязана экспорту меди (рис. 1), благодаря чему она достигла порога цивилизации ещё в конце V тысячелетия до н.э.» [23, с. 18–19]. Другим источником доходов была торговля солью, центр по добыче которой был обнаружен в 2005 г. на Провадийском плато, недалеко от Варны. Исследования Василя Николова доказали, что в этом центре добывали соль в «промышленных» масштабах (до 5 тонн только из одной заправки сооружений, созданных для этого). А значение соли в ту эпоху трудно переоценить [10, с. 63–65; 11, с. 65–68; 12, с. 7–17; 19, с. 88–93].

Рис. 1. Медные изделия из некрополей Варна I

Несомненно, что её экспортировали по морскому пути, который начинался от Провадийской реки, проходящей мимо места добычи соли. Эта река на расстоянии всего 10–15 км протекала по склону плато (более 300 м над уровнем моря) и впадала в глубокий Варненский залив. В соответствии с возможностями и потребностями того времени она была судоходной, и соль водным путём достигала поселков на побережье, где её перегружали на морские корабли. Таким образом, система поселков на побережье Варны осуществляла функции портов [9, с. 28] и исполняла роль морского транспортного центра в экспорте соли, меди, медных изделий, восточносредиземноморских (эгейских) мидий, которые высоко ценились, и другого сырья и готовой продукции. Этому же мнению придерживается и Харалд Хаарман, который считает район Варны «узловым пунктом торгового маршрута – южнее региона Караново и севернее региона Триполья» [25, с. 58].

Значительная роль судоходства касается не только культуры Варна, но и культуры Хаманджия, поскольку ценные мидии *Spondylus* и *Dentalium* ввозились из Эгеи (рис. 2) также морским транспортом – единственно возможным, по мнению Хенриеты Тодоровой, для перевозки на дальние расстояния в период праисторической эпохи [23, с. 12–14]. Она же прокомментировала и ряд находок «варненской» меди и иных изделий, найденных в отдалённых от Варны местах: Карбуна и Хабашести в Молдове, Брад в Румынии, Мариуполь на Азовском море. Но самые впечатляющие – находки некрополя Хвалынский II в Саратовской области России. Хвалынский расположен

Рис. 2. Украшения из эгейских мидий *Spondylus* и *Dentalium* из некрополя Дуранкулак

не на Чёрном море, а на Волге, которая впадает в Каспийское море. И это обстоятельство ставит вопрос: каким путем такие предметы достигали район Хвалынска, который отстоит от Вар-

ны на расстояние более чем 2000 км?

До сих пор археологи не дали ответ на этот вопрос, и первая попытка рассмотреть его была дана одним из авторов данной статьи. Дело в том, что в далёкие праисторические времена между Чёрным и Каспийским морем существовал большой естественный водный коридор – канал Маныч (рис. 3). Остаток его – высохшая Кумо-Манычская впадина шириной от 2 до 20 км. Именно этот канал позволял свободный переход, в том числе и судов, между этими двумя водными бассейнами [14, с. 234]. Вот почему найденные петроглифы, изображающие корабли времен халколита на Каспийском побережье (рис. 4), – исключительно важное явление, доказывающее

Рис. 3. Карта праисторического Хвалынского (Каспийского) моря и его связи с Аральским и Чёрным морями через канал Маныч (по Ан. Чипалига)

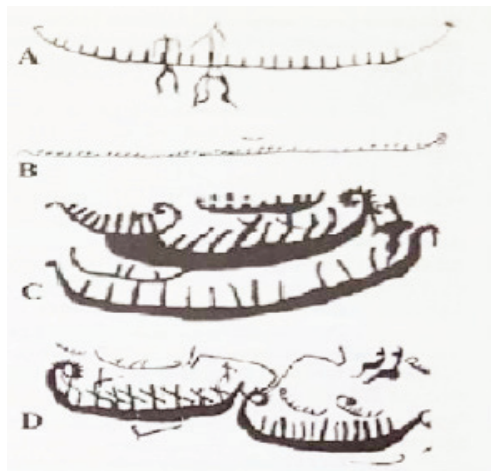

Рис. 4. Петроглифы с изображениями судов у берегов Каспийского моря (по Р. Галахар и Ан. Чипалига)

водную связь (канал Маныч) между Черным и Каспийским морями¹.

А сходство изделий из меди и уже знакомых эгейских мидий в энеолитических памятниках Карбуна, Мариуполь и Никольск с находками из Варненского некрополя доказывает, что Хвалынский не является исключением, а по пути к Волге морской транспорт из Варны принимали и другие порты. Чаще всего они находились в долинах рек, протекающих сравнительно близко к Чёрному и Азовскому морям. Ещё более наглядной становится ситуация с портами, если ещё указать на клады в Хабашешти и Городнице, а также на некрополь из Александрии. Но, может быть, самой впечатляющей является медная находка из с. Завьялово на реке Хопёр (приток Дона) в Саратовской области, где расположен и Хвалынский. В данном случае крайне важным представляется заключение, к которому пришли два русских исследователя –

А. Хреков и В. Быков, которые высказали мнение, что найденный комплекс медных предметов следует отнести к периоду раннего энеолита и включить его в ареал Балкано-Карпатской металлургической провинции, по терминологии Е. Н. Черныха [3, с. 6–9].

Приведённые данные подтверждают гипотезу о предполагаемых морских торговых контактах между существовавшим во время халколита на Черноморском берегу центром Варна и Хвалынском – на реке Волга, впадающей в Каспийское море. Тем более, что Варну можно рассматривать как отправной пункт в попытке выяснить причины появления позднеэнеолитической культуры Болград-Алдени, возникшей в конце эпохи в непосредственной близости севернее Дуная, между рекой и морем. Рассматривая её как «северный вариант» или «дочернюю» Варненскую культуру [22, с. 122–123], археологи отмечают роль, которую она играла в торговых отношениях и в развитии культуры Кукутени-Триполье. Теперь её воспринимают и как предместие к культурам степных и лесостепных зон Северного Причерноморья, вплоть до Поволжья – Средний Стог II и Хвалынский [2, с. 137–139].

По нашему мнению, накопившихся данных достаточно, чтобы принять как реальность транспортировку по морю материальных ценностей из энеолитического центра Варны по направлению к Северному Причерноморью, Приазовью, Прикаспию и Поволжью. По этой причине интересно проверить, существуют ли данные об инфильтрации культурных ценностей в том же направлении? И следует отметить, что попытка проследить распространение погребального обряда

¹ Islamov A., Gallagher R. Cart Ruts and Stone Circles // Azerbaijan International. 2002. № 10.3. P. 28–31.

в форме преднамеренно созданных некрополей представляется в этом отношении успешной.

В предыдущей работе мы установили, что появление первых в Европе некрополей совпало по времени и месту с заселением хаманджийцев в Добрудже в период 5300–5250 гг. до н.э. Первые пять известных некрополей с конца неолита находятся в Добрудже. Единственный некрополь Черники обнаружен за её пределами, но он и в территориальном, и в культурном отношении находится поблизости к области Добруджа¹. Особенно интересный результат даёт исследование распространения некрополей в период халколита. Имеющиеся данные показывают, что в период всего V-го тысячелетия до н.э. некрополи постепенно распространились в соседние Добрудже территории – в Северо-Восточной Болгарии и области Мунтения в Румынии. Распространение погребального обряда в некрополях оказалось слишком медленным и трудным процессом, который на протяжении целого тысячелетия не вышел за пределы Добруджи. Его не было и в других частях Балкан – ни у «дочерней» Варне культуры Болград-Алдени, ни у большой соседней позднеэнеолитической культуры Кукутень-Триполье.

Такая ситуация выглядит естественной и закономерной. Однако сложно объяснить причины появления некрополей в более отдалённых по территории и во времени культурах Средний Стог I – в степных и ле-

состепных зонах восточнее Среднего Приднестровья, и особенно в культуре Хвалынска – в полупустынных, степных и лесостепных зонах Поволжья. Там в большей или меньшей степени исследованы некрополи в районах Мариуполя, Никольска, Александрии, Вовниги I и II и Лисогорский. Кроме них, некрополи (их не так уж и мало) есть и в Поволжье. Только по Нижнему Поволжью, у Хвалынска, известны грунтовые некрополи Царица I и II по возвышениям бывшего Царицына (теперь Волгоград) и севернее – некрополи Мартышкино, Хлопковский и два Хвалынска I и II [5, с. 31]. Но некрополи мариупольского типа встречаются ещё севернее – в Среднем Поволжье (Съезжее, Криволучье, Виловатовский и в Старо-Ельшанской стоянке) [4, с. 237].

Указанные источники, вероятно, будут интерпретированы исследователями по-разному. Однако вряд ли кто не согласится, что они являются свидетельством наличия культурных связей между причерноморскими культурами Хаманджия и Варна, с одной стороны, и энеолитическими культурами степных и лесостепных районов Восточной Европы, с другой [15, с. 30–35]. Как бы их не рассматривать, они не противоречат, а скорее поддерживают наши наблюдения об импорте материальных ценностей из Варны и Западного Причерноморья в Приазовье и Поволжье.

Конечно, когда речь идёт о культурных связях и влияниях, следует иметь в виду, что они, как правило, двусторонние. Когда рассматриваем влияние на культуры от Северо-Западного Причерноморья к Каспийскому морю, то естественно предположить и влияния в обратную сторону. В качестве примера мы несколько раз обращались к фал-

¹ Димов Т., Попов С. Некрополите – цивилизационно наследство на Балканския неолит в световната културна съкровищница // VI пролетни дискусии на сдружение «България – дух и култура». Варна, 22-23 април 2017.

лическим антропоморфным фигуркам. Они для нас интересны по причине своей специфичности и из-за их слишком ограниченного распространения по миру. В то же время они являются типичными для халколита маркерами [21, с. 307–319]. Они есть на скалах заповедника Гобустан (Азербайджан)¹ на берегу Каспийского моря (рис. 5). Но они есть и в Трушешти на реке Прут, и в пещере Магура, и на керамической посуде в родопском селе Седларе в Болгарии (рис. 6). Все указанные находки относятся к халколиту, даже если мы не совсем убеждены в датировках из Каспийского побережья. Но можно предположить, что они появились раньше балканских, так как они изображены вместе с рисунками судов и китов.

Независимо от того, как некоторые из исследователей трактуют упомянутые фаллические фигурки, мы придаём им важное информационное значение,

Рис. 5. Антропоморфные фигуры в петроглифах у берегов Каспийского моря (по Р. Галахар)

считая их, по мнению Т. Стойчева, яркими маркерами халколита. Но, по нашему мнению, они являются не только специфическими знаками эпохи, но и отражают глубокие общественные изменения, сопутствующие появлению металла, судовождению и наступившей смене матриархата патриархатом.

Хорошо известно то, что развитие скотоводства и особенно металлургии и отдалённой торговли (в частности, с плаванием по морю) в период халколита (а позднее и патриархата) стали основой для появления веры в мужские божества. И проявлением таких изменений в общественной среде становится постепенная эрозия культа Богини Матери и его трансформация в культ Богини Матери и её Сына и Супруга. Видимое проявление такой трансформации – тысячи мегалитов, которые существовали со времен позднего халколита и символизировали в самых различных формах Священный брак. Так появляются первые высеченные в скалах памятники, характерные для

Рис. 6. Фигурки из Болгарии, родопского села Седларе

¹ См. ссылку выше: Islamov A., Gallagher R. ...

позднего балканского халколита, – так называемые «скальные гробницы» с отверстиями и каменными крышками и пещера Вульвата в Родопах [14, с. 212–251; 24].

Как классическая мегалитическая форма мужского начала получили распространение так называемые «менгир-ры» (каменные столбы, вбитые в землю камни – символ мужского достоинства) или «хермата» (куча камней), которой отмечали захоронения. К этой же группе можно отнести ещё путевые знаки и фетиши, защищавшие дороги, входные ворота или границы определённой местности. На возражения о том, что оба эти понятия отличаются по существу и по языку, можно вспомнить олимпийского бога Гермеса – вестника богов и покровителя путешественников и мореплавателей [1, с. 292–294]. Видимо, его не случайно изображали с эрекцией.

Не будем перечислять подробности о болгарском народном обычае «Герман», который до недавних времен практиковали в деревнях против засухи. Это наименование куклы с большим мужским достоинством, которую зарывали в землю для оплодотворения, чтобы вызвать дождь и плодородие [20, с. 83–85].

Проявлением той же идеи о мужском начале является и золотой фаллос «царя» из погребения 43 Варненского энеолитического некрополя. В нём нетрудно заметить прототип утраченного фаллоса египетского бога Озириса. Эта тема имеет большое значение и пользуется исключительной популярностью в ряде древних культур, а её корни уходят в праисторические времена. Подтверждением этому являются тысячи менгиров в мире и группы

петроглифов с так называемыми фаллическими фигурками. Всех их объединяет идея мужского начала и время появления – медно-каменный век. Возможно, петроглифы из Каспийского моря впервые заявили о фаллическом культе и зарождении патриархата. Подобное предположение ещё не обсуждалось в литературе и может представлять большой интерес.

Недавно обсуждался только этот пример, но оказалось, что существуют и другие случаи неожиданного сходства. Однако они связаны не с культурами Северного Прикаспия, а со среднеазиатской энеолитической культурой Анау, найденной в предгорье Копетдага, недалеко от Юго-Восточного Прикаспия. Очень любопытные параллели в этой связи представляют обоюдоострые медные ножи, найденные в Средней Азии и в культуре Кукутени-Триполье (рис. 7) [4, с. 17, 19, 24–26, 30–31, 35, 43, 46, 279]. Однако самым интересным является то, что ножи в период неолита и халколита не известны в остальных балканских культурах – ни в зоне комплекса Коджадермен-Гумельница-Караново VI, ни в Варне.

Ещё более показательны параллели с неопределёнными по функции и назначению глиняными конусами, которые также присутствуют в обеих упомянутых культурах (рис. 8). Являются

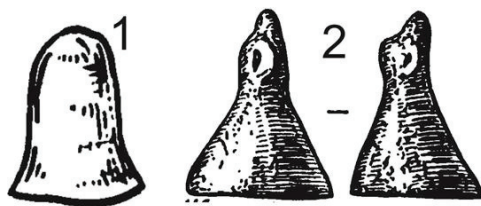

Рис. 8. Глиняные конусы культур Анау и Кукутени-Триполье

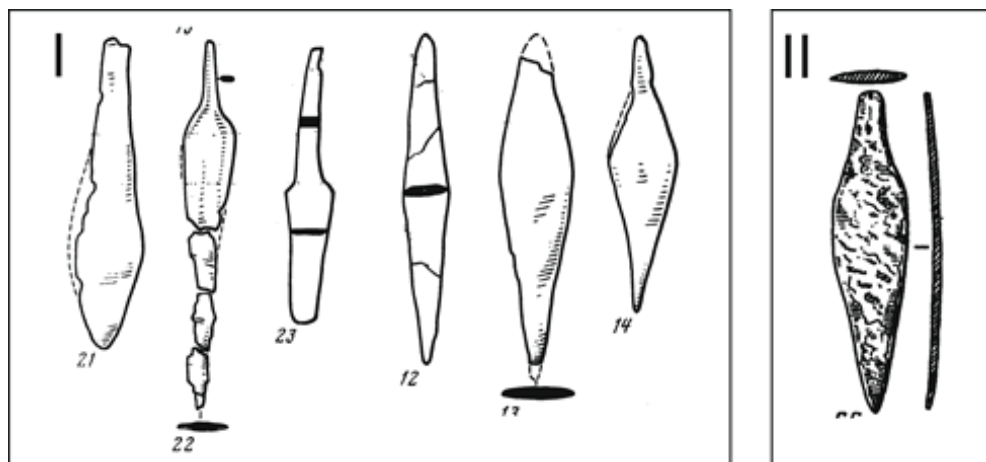

Рис. 7. Обоюдоострые медные ножи культуры Анау в Средней Азии (I) и региона Кукутени-Триполье (II)

ли они культовыми предметами, или игрушками, как предполагают некоторые исследователи, не так важно. Важно то, что они ещё раз подчёркивают отмеченную связь, так как подобные артефакты не известны в других энеолитических культурах [4, с. 22, 248].

Третья параллель наблюдается в пластике, точнее, её представляют антропоморфные женские фигурки и их изменения, которые происходили на трёх этапах развития культур Средней Азии и Кукутени-Триполье. Так, например, на ранних этапах характерна стеатопигия фигурок. На средних этапах в обоих местах доминируют пышные женские формы, а на поздних этапах фигурки выглядят тоньше и характеризуются изящными формами нижних конечностей и подчёркнутыми талиями (рис. 9/а-б). Основным различием в пластике обеих культур является то обстоятельство, что среднеазиатские фигурки изображены сидя, а трипольские – стоя. Но по этому поводу следует отметить, что в раннем энеолите стоя изображены и

среднеазиатские фигурки [4, с. 15, 43, 180, 182, 187, 192, 195, 198, 199, 201, 208, 216, 218, 224].

Кроме параллелей с культурой Кукутени-Триполье, среднеазиатская культура Анау имеет параллель и с более ранними черноморскими культурами Хаманджия и Варна, хотя в данном случае она единственная. Мы говорим об общей ориентации с севера на юг в расположении костяков в погребениях. Показательно, что в раннем периоде культуры Анау погребённые уложены головой на север-северо-восток, а ногами – на юг-юго-запад [4, с. 49–50; 22, с. 195].

И сразу следует отметить, что расположение умерших на Балканах типично для черноморских культур Хаманджия и Варна, и что оно впервые встречается с появлением так называемых хаманджийцев. А до этого, в период балканского неолита и халколита, было характерно расположение погребённых по линии восток-запад. Даже если этот пример единственный, учитывая типичный для погребальных обрядов

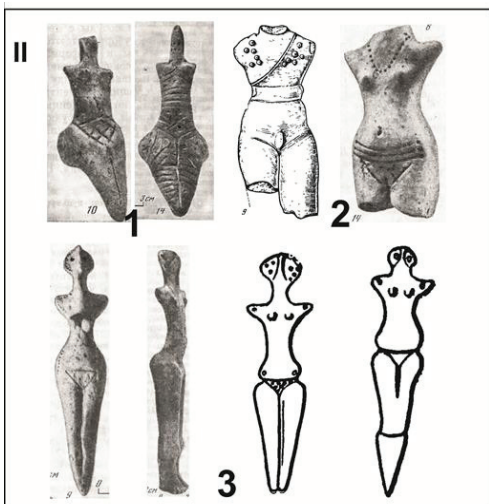
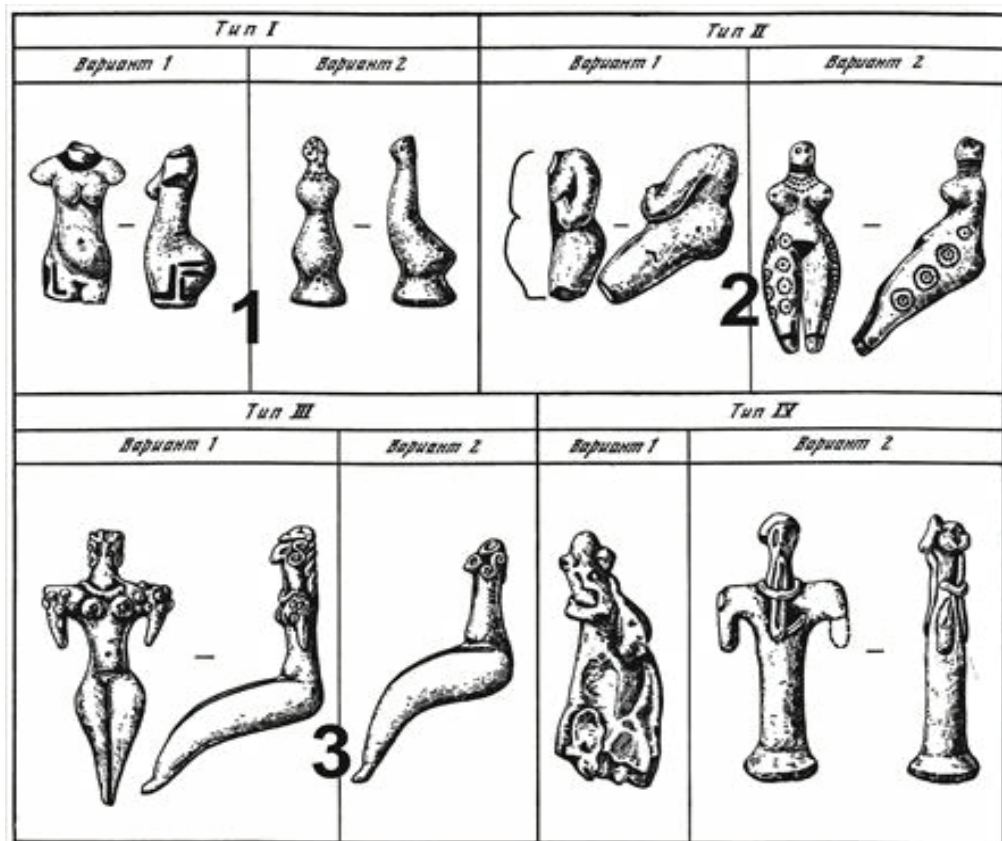

Рис. 9 а и 9 б. Керамическая пластика, женские статуэтки культур Анау и Кукутени-Триполье

Итак, можно провести конкретные параллели между среднеазиатской культурой Анау и культурами Северного и Западного Причерноморья в период неолита и халколита. Этот факт заслуживает внимания и требует своего объяснения. Хотя приведённых примеров пока не так уж много, следует признать, что некоторые из них слишком специфичны, и их следует отметить и принять как серьёзные аргументы в поддержку предложенной гипотезы. Следует подчеркнуть, что они являются только дополнением к уже сказанному о петроглифах и фаллических антропоморфных фигурках

консерватизм, его можно рассматривать как серьёзное свидетельство об общих параллелях между обеими отдалёнными морскими культурами.

и особенно о находках медных изделий и украшений из мидий, происходящих из Западно-Понтийских праисторических культур.

Итак, можно подвести итоги.

1) Многочисленные находки археологических артефактов, и в первую очередь, изделия из меди с доказанным балканским происхождением, и эгейские мидии *Spondylus* и *Dentalium*, найденные на территории Северного Причерноморья, Приазовья и Поволжья, свидетельствуют об оживлённых торговых отношениях этих культур с совпадающей с ними по времени позднеэнеолитической культурой Варна.

2) В целом подобные находки найдены в так называемых «кладах» (Карбуна, Хабашести I, Городница II) или в некрополях (Мариуполь, Никольск, Александрия, Хвалынский II), но существуют и отдельные находки (село Завьялово).

3) Появление схожих находок на территориях, отдалённых от Западного Причерноморья на сотни и тысячи километров, свидетельствует, что они попали туда при помощи транспорта. Учитывая роль водных торговых путей, следует признать наличие морского торгового транспорта, который отправлялся из центра Варны. Это подтверждается и всеми находками, обнаруженными на берегах рек или озёр бассейна Чёрного моря и связанных с ним напрямую или через канал Маньч – Азовского или Каспийского морей (например, некрополь Хвалынский II и находка в селе Завьялово (сегодня Красный полуостров)).

4) На петроглифах заповедника Гобустан (Азербайджан) имеются изображения гребных и парусных судов, в том числе и больших, включающих более 50–60 гребцов. Они появились в период халколита, что позволяет признать в эту эпоху существование торгового морского судоходства.

5) Распространение некрополей по указанному маршруту показывает, что этот культурный импульс получал свое начало в Варне и имел, кроме материальной, ещё и духовную составляющую.

6) Указанные параллели между среднеазиатской культурой Анау и нижнедунайской культурой Кукутени-Триполье дают основание обсуждать наличие культурных импульсов и в обратном направлении – от Прикаспия к Северо-Западному Причерноморью.

Таким образом, можно констатировать, что вопрос судоходства между Чёрным и Каспийским морями в период халколита имеет все необходимые условия (водный путь и плавательные средства), а также многочисленные и разнообразные свидетельства о двусторонних материальных и культурных связях между Западно-Понтийской энеолитической культурой Варна и восточноевропейскими культурами Средний Стог II и Хвалынский, а также со среднеазиатской культурой Анау. До сегодняшнего дня эту тему исследователи обходили стороной. Однако, по нашему твёрдому убеждению, она занимает центральное место не только для изучения судоходства, но и всей праисторической эпохи.

Статья поступила в редакцию 12.08.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Мифология народов мира. Т. I. М.: Советская энциклопедия, 1991. 671 с.
2. Попов С. Молдова – контактная зона в эпохе позднего халколита // Сборник тезисов международной научно-практической конференции «Наука, образование, культура». Т. II. Комрат: б/и, 2017. С. 137–139.
3. Хреков А. А., Быков В. Ю. Новые материалы раннего энеолита лесостепного Прихоперья: Завьяловский клад // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. Саратов: Научная книга, 2012. С. 6–14.
4. Энеолит СССР. Археология СССР. Т. IV. М.: Наука, 1982. 360 с.
5. Юдин А. И. Поздний энеолит степей нижнего Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. Саратов: Научная книга, 2012. С. 15–37.
6. Гимбутас М. Интервью пред вестник «Народно дело» // Вестник «Народно дело». Варна. 1976. 31 юли.
7. Змейкова И. Западночерноморската контактна културна зона през финалните етапи на халколита // Праисторическите проучвания в България: новите предизвикателства. София, 2008. С. 238–245.
8. Иванова М. Крайбрежни селища и морски контакти на Западното черноморие през халколита (V хил. пр. Хр.) // Праисторическите проучвания в България: новите предизвикателства. София, 2008. С. 229–237.
9. Лазаров М. Древното корабоплаване по Западното Черноморие. Варна, 2009. 196 с.
10. Николов В. и др. Археологически проучвания на праисторическия солодобивен център Провадия-солницата при гр. Провадия през 2007 година // Археологически открития и разкопки през 2007 година. София, 2008. С. 63–65.
11. Николов В. и др. Археологически проучвания на Провадия-солницата през 2008 година // Археологически открития и разкопки през 2008 година. София, 2009. С. 65–68.
12. Николов В. Сол и злато: Провадия-солницата и Варненския халколитен некропол // Археология. 2010. Кн. 1–2. С. 7–17.
13. Пеев П. Следи от презморски контакти на древните балкански цивилизации // Авангардни изследвания на древните българи. Том 1 (2). София, 2007. С. 48–54.
14. Попов С. Халколитната цивилизация Варна. Варна, 2014. 300 с.
15. Попов С. Некрополите като индикатор за културни импулси в праисторията // Ави-тохол. 2017. Кн. 40. С. 30–35.
16. Порожанов К. Датировка на каменните котви от Българското Черноморие. Постигания и проблеми // Археология. 1989. Кн. 1. С. 6–15.
17. Порожанов К. Моретата на траките или Тракия Понтика в древността // Археология. 2001. Кн. 1–2. С. 61–69.
18. Порожанов К. Потъналото селище от ранната бронзова епоха при Урдовиза // Добруджа. 2003. Кн. 21. С. 309–321.
19. Станева Н. Когато солта беше по-скъпа от златото – интервю с проф. Васил Николов // Сп. «Осем». 2009. Бр. 2. С. 88–93.
20. Стойнев А. Българска митология. София, 1994. 398 с.
21. Стойчев Т. Халколитни изображения в пещерата Магура, България // Годишник на Департамент Археология. Т. 1. София: Нов български университет, 1994. С. 307–319.
22. Тодорова Х. Каменно-медната епоха в България. София, 1986. 280 с.
23. Тодорова Х. Най-ранните търговски контакти на Северозападното Причерноморие // Добруджа. 1994. Кн. 10. С. 10–20.
24. Фол В. Скални топоси на вярa в Югоизточна Европа и в Мала Азия през древността. София, 2007. 480 с.

25. Хаарман Х. Загадка на Дунавската цивилизация. София, 2015. 208 с.
26. Ozdogan M. Possible connections between the Marmara Region and Danube basin in pre-history // Prehistory studies. Pontic area. Mangalia, 2014. P. 129–146.

REFERENCES

1. *Mifologiya narodov mira. T. I* [The mythology of the peoples of the world. So I]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991. 671 p.
2. Popov S. [Moldova contact zone in the era of the late Chalcolithic]. In: Abstracts of the international scientific-practical conference "Science, education, culture", vol. II, Comrat, 2017, pp. 137–139.
3. Khrekov A., Bykov V. [New materials of the early Eneolithic forest-steppe Preopera: Zav treasure]. In: *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya*, no. 10, Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2012, pp. 6–14.
4. *Eneolit SSSR. Arkheologiya SSSR. T. IV* [The Eneolithic of the USSR. Archaeology of the USSR. Vol. IV]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 360 p.
5. Yudin A. [The late Eneolithic steppe of the lower Volga region]. In: *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya*, no. 10, Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2012, pp. 15–37.
6. Gimbutas M. *Intervyu pred v-k «Narodno delo»*. In: *Narodno delo* [People's case], Varna, 1976, 31 yuli.
7. Zmeikova I. [The Western Black Sea Contact Cultural Area during the Final Stages of Chalcolithic]. In: *Praistoricheskite prouchvaniya v Bŭlgariya: novite predizvikelstva* [Prehistoric Studies in Bulgaria: The New Challenges], Sofia, 2008, pp. 238–245.
8. Ivanova M. [Coastal settlements and maritime contacts of the Western Black Sea through the Chalcolithic (5th millennium BC)]. In: *Praistoricheskite prouchvaniya v Bŭlgariya: novite predizvikelstva* [Prehistoric studies in Bulgaria: the new challenges]. Sofia, 2008, pp. 229–237.
9. Lazarov M. *Drevnoto koraboplavane po Zapadnoto Chernomorie* [Ancient Shipping on the Western Black Sea]. Varna, 2009. 196 p.
10. Nikolov V. et al. [Archaeological excavations of the prehistoric Provadia Salt Center at Provadia in 2007]. In: *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2007 godina* [Archaeological discoveries and excavations in 2007]. Sofia, 2008, pp. 63–65.
11. Nikolov V. et al. [Archaeological Surveys of Provadia-Salt Lake in 2008]. In: *Arkheologicheski otkritiya i razkopki prez 2008 godina* [Archaeological discoveries and excavations in 2008]. Sofia, 2009, pp. 65–68.
12. Nikolov V. [Salt and Gold: Provadia-Salt Lake and the Chalcolithic Necropolis of Varna]. In: *Archeologia*, 2010, Book 1–2, pp. 7–17.
13. Peev P. [Traces of the Overseas Contacts of the Ancient Balkan Civilizations]. In: *Avangardni izsledvaniya na drevnite bŭlgari* [Avant-garde Studies of the Ancient Bulgarians], vol. 1 (2), Sofia, 2007, pp. 48–54.
14. Popov S. *Khalkolitnata tsivilizatsiya Varna* [The Chalcolithic Civilization Varna]. Varna, 2014. 300 p.
15. Popov S. [Necropolises as an Indicator for Cultural Impulses in Prehistory]. In: *Avitohol*, 2017, iss. 40, pp. 30–35.
16. Porozhanov K. [Date of stone anchors from the Bulgarian Black Sea coast. Achievements and problems]. In: *Archeologia*, 1989, no. 1, pp. 6–15.
17. Porozhanov K. [The Seas of the Thracians or the Thracian Pontic in Antiquity]. In: *Archeologia*, 2001, no. 1–2, pp. 61–69.
18. Porozhanov K. [The Sunken Settlement of the Early Bronze Age at Urdoviza]. In: *Dobrudja*, 2003, iss. 21, pp. 309–321.

19. Staneva N. [When salt was more expensive than gold – interview with Prof. Vasil Nikolov]. In: *Sp. Osem* [Eight], 2009, iss. 2, pp. 88–93.
20. Stoynev A. *Bŭlgarska mitologiya* [Bulgarian mythology]. Sofia, 1994. 398 p.
21. Stoichev T. [Chalcolithic Images in the Magura Cave, Bulgaria]. In: *Godishnik na Departament Arkheologiya* [Yearbook of the Archeology Department]. Vol. 1. Sofia: Nov bŭlgarski universitet Publ., 1994, pp. 307–319.
22. Todorova H. *Kamlenno-mednata epokha v Bŭlgariya* [The Stone-Copper Age in Bulgaria]. Sofia, 1986. 280 p.
23. Todorova H. [The earliest trade contacts of the Northwest Black Sea]. In: *Dobrudja*, 1994, iss. 10, pp. 10–20.
24. Fol C. *Skalni toposi na vyara v Yugoiztochna Evropa i v Mala Aziya prez drevnostta* [Rocky Topos of Faith in Southeast Europe and Asia Minor in Antiquity]. Sofia, 2007. 480 p.
25. Haarmann H. *Zagadkata na Dunavskata tsivilizatsiya* [The Mystery of the Danube Civilization]. Sofia, 2015. 208 p.
26. Ozdogan M. Possible connections between the Marmara Region and Danube basin in prehistory. In: *Prehistory studies. Pontic area*. Mangalia, 2014, pp. 129–146.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попов Светлозар – доктор психологии, Военно-медицинская академия, Варна, Болгария;
e-mail: sv_popov@abv.bg

Димов Тодор – доктор праистории, научный сотрудник I степени в Региональном историческом музее г. Добрич, Болгария;
e-mail: tkonstantin@yahoo.com, tkonstantin@mail.bg

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlozar Popov – Doctor of Psychology, Military Medical Academy, Varna, Bulgaria;
e-mail: sv_popov@abv.bg

Todor Dimov – Doctor of History, I degree researcher at the Regional Historical Museum of Dobrich, Bulgaria;
e-mail: tkonstantin@yahoo.com, tkonstantin@mail.bg

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Попов С., Димов Т. Предполагаемые морские связи между Прикаспием и Северо-Западным Причерноморьем в период халколита // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 27–40.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-27-40

FOR CITATION

Popov S., Dimov T. Hypothized maritime links between the Caspian Sea coast and the north-western Black Sea area during the Chalcolithic period. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 27–40.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-27-40

УДК 930(4)"637"

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-41-53

ИСТОРИОГРАФИЯ НИЖНЕМИХАЙЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Файферт А. В.*Государственное автономное учреждение культуры**Ростовской области «Донское наследие»**344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Нижнебульварная, д. 29, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу историографии нижнемихайловской культуры эпохи энеолита Нижнего Поднепровья и Северного Причерноморья. Автором не только рассмотрены практически все публикации, посвящённые данной проблеме, но и дана оценка различным характеристикам памятников нижнемихайловской культуры. При этом отмеченная историография рассматривается в хронологической последовательности, с учётом изменения взглядов авторов с течением времени. В результате показано, что концепция нижнемихайловской культуры Д. Я. Телегина имеет не только хронологический приоритет, но и значительный потенциал для уточнения и преобразования. В статье приведены рекомендации по обоснованию выделения археологических культур. Автору удалось обобщить материал по данной теме и в настоящее время предложенные выводы являются самой полной характеристикой работ по нижнемихайловской культуре позднего энеолита.

Ключевые слова: Восточная Европа, Поднепровье, историография, нижнемихайловская культура, среднестоговская культура, поздний энеолит, ранний бронзовый век.

HISTORIOGRAPHY OF THE LOWER MIKHAYLOVKA CULTURE

A. Faifert*State Autonomous Institution of Culture of the Rostov Region «Donskoe nasledie»**29 Nizhnebulvarnaya ul., Rostov-on-Don 344022, Russian Federation*

Abstract. The paper is devoted to the historiography of the Lower Mikhaylovka culture of the Eneolithic Period in the Lower Dnieper and Northern Black Sea areas. The author reviewed all available publications devoted to this problem, as well as assessed various characteristics of the monuments of the Lower Mikhaylovka culture. The historiography under study was considered in chronological order, taking into account changes in the views of the authors over time. As a result, it was shown that D. Telegin's concept of the Lower Mikhaylovka culture not only has chronological priority over other concepts, but also possesses a considerable potential for further clarification and transformation. The paper provides recommendations concerning how archaeological cultures can be distinguished. The presented materials can be considered as the most exhaustive collection on the topic of the Lower Mikhaylovka culture of the Late Eneolithic Period.

Keywords: Eastern Europe, Dnieper, historiography, Lower Mikhaylovka culture, Sredny Stog culture, Late Eneolithic, Early Bronze Age.

В последние десятилетия историческая наука всё больше отходит от глобалистского взгляда на ямную культуру как ключевую тему индоевропейской проблемы. Всё большее внимание уделяется глубокому анализу источников, установлению надёжных исторических фактов. Важное место в исследованиях занимает вопрос об энеолитической подоснове формирования ямной культуры. Для Поднепровья ключевым памятником для рассмотрения этой проблемы является нижний слой Михайловского поселения.

К настоящему времени в историографии проблем энеолита степей Украины наблюдается крайне запутанная картина. Материалы, которые нередко рассматриваются одними авторами в качестве нижнемихайловских, другими авторами относятся к разным культурам и группам, в числе которых: ямная, среднестоговская, дереивская, квитянская, постмариупольская, постстоговская, кеми-обинская, днепро-бугская, среднемихайловская, рогачикская, животиловская, константиновская. Иногда исследователи избегают употреблять термин «нижнемихайловская культура», заменяя его, к примеру, «типом Грушевка-Соколова-Облои» [1, с. 18].

Отсутствие должного внимания к историографии является характерной особенностью для всех работ по данной тематике. Примером может служить недавняя статья Л. А. Спицыной, в которой работы некоторых ведущих исследователей этого вопроса (И. Ф. Ковалёвой, С. В. Ивановой, Ю. Я. Рассмакина) даже не упоминаются [31]. Ни одного всестороннего обзора по историографии нижнеми-

хайловской культуры, который охватывал бы весь спектр мнений, не было опубликовано. А в статьях и монографиях, вышедших к настоящему времени, чаще всего просто констатируются имеющиеся проблемы, но не предлагаются пути их разрешения. Кроме того, в историографическом исследовании важен и хронологический принцип, поскольку первенство в решении тех или иных вопросов является для науки вопросом принципиальным.

Впервые в качестве самостоятельного этапа исторического процесса нижнемихайловские материалы были осмыслены Е. Ф. Лагодовской [25] и В. Н. Даниленко. Последний в 1955 г. [3] выделил тип памятников «Осоковка — Михайловка I слой». Позже он рассматривал нижний слой Михайловки в рамках Азово-Черноморской линии развития степного энеолита [4], но не выделял её в отдельную культуру. Лагодовская относила нижний и средний слои Михайловки к доямному времени [12, с. 121].

В статье 1960 г. В. Д. Рыбалова [27] сопоставила нижний слой Михайловки и керамику погребений из Осоковки. Уже на этом материале стало понятно, что нижнемихайловская керамика встречается и в вытянутых погребениях. В более поздних работах этот вопрос приобретёт принципиальное значение.

В 1971 г. Д. Я. Телегин опубликовал статью [32], где впервые соотнёс целую серию подкурганых погребений с Михайловским поселением. В нижнемихайловской культурной группе памятников он выделил два этапа: Михайловский (синхронный со среднестоговской культурой) и Широфанско-Баратовский, существо-

вавший параллельно с раннеямыми памятниками. В этой статье описаны основные черты материальной культуры и погребального обряда, перечислены основные памятники, в т. ч. погребальные, обозначена территория распространения. По меркам тех лет данное обоснование выглядело достаточно полным и убедительным. Даже с учётом неизбежных для начала 1970-х гг. неточностей, эта работа должна была стать основой для дальнейших разработок, но была, по большей части, проигнорирована. Скорее исключением явилась Т. Г. Мовша, которая полностью приняла данную концепцию [26, с. 45].

Наибольшее неприятие у последующих исследователей вызвало отнесение к кругу нижнемихайловских памятников вытянутого погребения из Баратовки. Позднее Д. Я. Телегин привёл подробное и убедительное обоснование того, что вытянутое положение погребённых не может надёжно служить ни хронологическим, ни культурным признаком [33]. Указанная работа Телегина содержала целый ряд положений, которые со временем не подтвердились. Например, утверждение о необходимости отнесения подавляющего большинства каменных ящиков энеолита – ранней бронзы степного Причерноморья к нижнемихайловской группе памятников [32, с. 14]. Естественно, со временем должно было происходить уточнение предложенной концепции. Таким образом, хронологически именно Д. Я. Телегину принадлежит первенство в выделении и обосновании нижнемихайловской культуры. Последующие работы, по нашему мнению, должны были либо продолжать развитие этой концепции,

либо привести аргументы о её несостоятельности. К сожалению, этого сделано не было.

Телегин видел нижнемихайловскую культуру в составе единой нижнемихайловско-кеми-обинской энеолитической общности [15, с. 41–42]. Этого мнения исследователь продолжал придерживаться, несмотря на обоснованную критику [16, с. 27]. Со временем выделение А. А. Щепинским кема-обинской культуры было подвергнуто широкой и практически исчерпывающей критике [2; 20, с. 23–24; 17], обосновано отнесение части каменных ящиков к ямной культуре, а большинства вытянутых погребений – к постмариупольской культуре. Существование последней было признано и Д. Я. Телегиным [15, с. 42].

Впрочем, энеолитические погребения из курганов Крыма, видимо, и далее будут рассматриваться в рамках кема-обинской культуры, которая всем исследователям представлялась либо родственной, либо тождественной нижнемихайловской. Для кема-обинской культуры особенно важен вопрос о характерных для неё признаках материальной культуры. В их определении нижнемихайловские материалы могут иметь решающую роль. Полагаем, что дальнейшее развитие тематики кема-обинской культуры должно быть связано с изучением энеолитических памятников, и только после может быть решён вопрос о её соотношении с ямной и другими культурами, особенно на позднем этапе.

В качестве самостоятельной культуры рассматривала её и О. Г. Шапошникова [21], которая в развитии нижнемихайловской культуры также выделила два этапа. Ранний (Ливенцовский) этап –

Ливенцовка 1, Раздольное на р. Кальмиус, энеолитический слой Каменной Могилы на р. Молочной, поселения на островах Виноградный и Похилый в Поднепровье. Ко второму этапу она отнесла нижний слой Михайловки, поселение Новорозановка, курганные могильники Облои и Константиновка. Однако приведённые точки зрения прямо противоречат друг другу: у Д. Я. Телегина нижний слой Михайловки отнесён к первой фазе культуры, а у О. Г. Шапошниковой – ко второму этапу. До сих пор в литературе не принимались попытки установить правоту одной из версий.

В связи с накоплением новых данных точка зрения О. Г. Шапошниковой о необходимости отнесения нижнего слоя Ливенцовского I поселения к раннему этапу нижнемихайловской культуры должна быть признана ошибочной [18]. Это мнение было порождено крайней скудостью аналогий, которые имели С. Н. Братченко и О. Г. Шапошников в момент открытия Ливенцовки. Имеющееся сходство, по видимому, является следствием территориальной и эпохальной близости. Кроме того, судя по морфологии и орнаментации, материалы Ливенцовки ближе к среднему слою Михайловки, чем к нижнему. Памятники, которые можно было бы отнести к нижнемихайловской культуре, на Нижнем Дону до сих пор не выявлены. Также не подтвердилось отнесение к этому времени части материалов поселения Раздольное [9, с. 89].

Развивает концепции Д. Я. Телегина и О. Г. Шапошниковой Н. С. Котова [9], выделившая дереивскую культуру, синхронную нижнемихайловской. Круг нижнемихайловских погребений она

предложила сузить до надёжно атрибутируемых по керамике. К сожалению, в этой монографии Н. С. Котова не разбирает концепцию рассматриваемой культуры, предложенную Ю. Я. Рассамакиным. Хотя она достаточно определённо была изложена в более ранних работах [13]. Материалы нижнего слоя Михайловки были детально проанализированы в работе Н. С. Котовой впервые. Однако автор называет их нижнемихайловской группой, а не культурой. Очевидно, это связано с концепцией Л. А. Спицыной, на чём мы остановимся подробнее ниже.

Ранее Котова уже приводила краткую характеристику керамики «памятников нижнемихайловского типа» [10], предложила реконструкцию пути их сложения на основе памятников типа Гумельницы и среднестоговской культуры и датировку в рамках периода Триполье ВП-СІ. Ю. Я. Рассамакин, продолжая и преобразуя историографическую традицию В. Н. Даниленко, значительно расширяет по сравнению с Котовой число нижнемихайловских погребений. И здесь имеется целый ряд противоречий. К примеру, авторы сходятся в отнесении погребений из Августиновки к нижнемихайловской культуре. Но курган у с. Виноградное Котова относит к дереивской культуре [9, с. 60], а у Рассамакина этот комплекс занимает важнейшее положение во всей концепции нижнемихайловской культуры. В то же время И. Ф. Ковалёва относит некоторые погребения с нижнемихайловской керамикой к постмариупольской культуре [7, с. 24], к примеру, курган 3 XIV группы у с. Спасское. Но, несмотря на это, Ковалёва полностью приняла выделение нижнемихайловской культуры [8].

Однако даже на фоне этих разногласий выделяется концепция рогачикской культуры Л. А. Спицыной. Сама выделенная культура охарактеризована крайне недостаточно – нет ни одной опубликованной работы автора, где была бы дана её полная характеристика, сопровождаемая достаточным иллюстративным материалом. Концепция рогачикской культуры является логическим развитием идей А. Т. Синюка об особой репинской культуре. Согласно взглядам Л. А. Спицыной, восточный ареал (до Днепра) занимает репинская культура, а западный – рогачикская. В статье [29] 2007 г. даётся краткая характеристика рогачикской культуры через противопоставление её репинской культуре. Её основные черты: углублённые жилища, трипольские импорты, посуда с не только круглым, но и плоским дном, отсутствие сосудов с желобчатым горлом, посуда плавно профилированная, с наклонным к центру горлом, орнаментированная отрисками шнура и гребёнки, выдавленные жемчужины замазаны изнутри и оформлены защипами снаружи. Границей между репинской и рогачикской культурами, по мнению Спицыной, служила р. Днепр. Несмотря на идентичную позу, она предлагает различать раннеямные и репинские погребения.

В совместной с Н. С. Котовой статье Л. А. Спицына отмечает, что «гончарные традиции среднего слоя Михайловки сложились на основе нижнемихайловских при значительном влиянии репинской культуры» [11, с. 24]. И черты бесспорного сходства керамики нижнего и среднего слоёв в этой статье отмечены неоднократно. Однако автор ограничивает круг ниж-

немихайловских погребальных памятников только однозначными аналогиями в керамике. Округлодонная керамика из погребений не учитывается в подборке, поскольку не встречена на эпонимном памятнике. О. Г. Шапошникова выделила рогачикский тип памятников, как указывает Спицына, на основе плоскодонности керамики из Нижнего Рогачика, что не совсем верно, поскольку среди опубликованных материалов донца отсутствуют [28]. Сужение круга нижнемихайловских памятников привело к тому, что остался большой массив энеолитических погребений, которые не имеют своей культурной атрибуции. Именно так и возникла концепция рогачикской культуры, которая, вероятно, по мнению Л. А. Спицыной, сосуществовала с нижнемихайловской, а затем и с раннеямной. Мы считаем, что такой подход неверен, поскольку морфология сосудов нижнемихайловской культуры ещё недостаточно известна. Тем более, необходимо учитывать её эволюционное изменение. А кроме того, в рамках одной культуры разница между морфологией ритуальной (в погребениях) и бытовой (на поселениях) керамики может быть очень существенной.

Второй опорной точкой в выделении рогачикской культуры стало разделение среднего слоя Михайловки на два горизонта [30]. Это разделение произведено типологически и не подтверждено стратиграфически. Отсылка О. Г. Шапошниковой к памятникам со слоем, аналогичным нижнему горизонту [23, с. 339], по нашему мнению, не выдерживает простого визуального сопоставления материалов поселения Нижний Рогачик и верхнего горизон-

та среднего слоя Михайловского поселения. Достаточно отметить, что на Нижнем Рогачике большой процент керамики орнаментирован перекрещивающимися линиями по горлу, вертикальными отпечатками верёвки и жемчужинами, что совершенно не характерно для нижнего горизонта среднего слоя Михайловки. Факт их сходства отмечает и Л. А. Спицына [31, с. 4], не делая из этого дальнейших выводов. Поэтому нижний горизонт не может служить надёжной основой для выделения новой культуры, а морфология керамики из него проявляет очевидные черты преемственности с нижнемихайловской. Нужно отметить, что О. Г. Шапошникова в коллективной монографии [22, с. 51] ввела термин «среднемихайловский тип памятников», который представляется локальным вариантом раннего этапа ямной культуры, наряду с репинским. В. Н. Даниленко выделил репинско-рогачикскую фазу [4, с. 77] на материале нижнего горизонта среднего слоя, а верхний горизонт относит к собственно раннеямному времени.

Изложенная в работах Л. А. Спицыной аргументация, по своей сути, идентична таковой в работах А. Т. Синюка по репинской культуре. Однако концепция отдельной от ямной репинской культуры не была принята большинством исследователей [19]. Вероятнее всего, аналогичный подход, использованный при выделении рогачикской культуры, также не будет принят в будущем. Так, представленная концепция не учитывается в сравнительно недавней публикации С. В. Ивановой и соавторов [6, с. 110]. В то же время развиваются подходы, связанные с выделением нижнемихайловской и пост-

мариупольской культур. Большинство авторов избегают критики подхода Л. А. Спицыной, ограничиваясь лишь выражением сомнений [13, с. 25].

К рогачикской культуре Л. А. Спицына приписывает комплексы, которые практически все исследователи относят к нижнемихайловской культуре, например, курганы Облои и Скадовск [13]. В основном рогачикская культура соответствует концепции двух этапов нижнемихайловской культуры Д. Я. Телегина. Фактически Л. А. Спицына просто переименовала культуру по собственному усмотрению. Это ещё раз подтверждается тем, что в недавней работе она указывает на большое сходство керамики нижнего и среднего слоёв Михайловки, точное совпадение местоположения поселений [31, с. 5] и конструкций углублённых жилищ. В качестве основы концепции исследовательница ссылается на работу В. Г. Збеновича [5], который также не обратил внимание на более ранние работы В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегина, О. Г. Шапошниковой и др.

Таким образом, следуя общепринятому в науке принципу «лезвия номинализма», введение термина «рогачикская культура» является излишним, а изучаемые нами явления могут быть объяснены, исходя из устоявшейся и принятой большинством исследователей концепции нижнемихайловской культуры и раннего этапа ямной культуры. Если же выделять в рамках ямной культурно-исторической общности локальную культуру на территории Нижнего Поднепровья, то, исходя из очевидного сходства среднего и верхнего слоёв Михайловского поселения, её следует именовать михайловской. Тем более, большинство этапов

ямной культуры, выделенных В. Н. Даниленко, уже получили обоснование в качестве отдельных культур. Заключительный этап развития культуры был назван михайловским [4, с. 76].

В итоге нашего анализа становится ясно, что рогачикская культура в системе культур рассматриваемых нами эпох может занимать лишь небольшой хронологический промежуток между энеолитической нижнемихайловской культурой и ранним этапом ямной культуры. Выделение этого материала в отдельную культуру мы считаем необоснованным и излишним. В то же время термин «рогачикский тип памятников» может использоваться в дальнейшем для группировки наиболее раннего материала, соответствующего среднему слою Михайловского поселения. Такое наименование поможет избежать путаницы в употреблении терминологии, связанной с тем огромным значением, которое имеет указанный многослойный памятник в историографии энеолита и раннего

бронзового века южнорусских степей.

Такие черты орнаментации керамики, как перекрещивающиеся и вертикальные линии в верхней части горла, выдавленные изнутри и украшенные защипами жемчужины, ряды защипов по горлу, имеют важнейшее значение в характеристике О. Г. Шапошниковой и Л. А. Спицыной материалов среднемихайловского (рогачикского) типа. Эти особенности, действительно отсутствующие на керамике репинского типа, дают основание для культурного обособления среднемихайловских материалов. Однако значение этих особенностей не стоит преувеличивать, поскольку указанные черты орнамента не характерны только для лесостепных материалов, но и на Нижнем Дону они представлены достаточно широко. Так, жемчужины, изменённые защипами, встречены на двух сосудах (рис. 1.6), перекрещивающиеся линии – на горле на трёх (рис. 1.2–4). Встречаются вертикальные линии на горле и прочерченный орнамент (рис. 1.5).

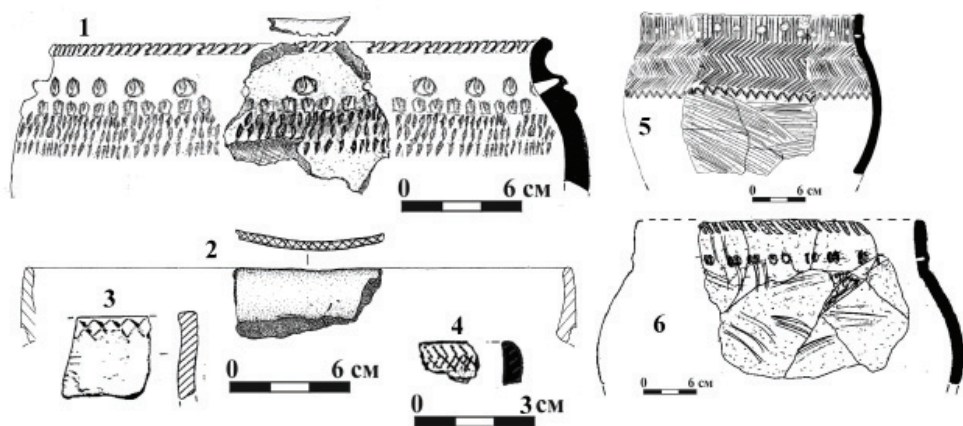

Рис. 1. Керамика «среднемихайловского типа» с территории Нижнего Подонья (1 – местонахождение Мелиховское-Левобережное; 2 – поселение Октябрьское V; 3 – местонахождение Красный Октябрь; 4 – поселение Мишкин I; 5 – курганный могильник Кулешовка (1986), курган 3, погребение 20; 6 – курганный могильник Петровка, курган 1, погребение 4)

Мы считаем естественным процесс выделения в рамках ямной культурно-исторической общности отдельных культур, которые могут частично выходить за хронологические рамки общности или даже иметь обособленный статус. Однако выделение археологической культуры должно сопровождаться проработкой и изложением набора обязательных сведений: а) историографическим обзором, с обоснованием наименования; б) тщательной характеристикой материальной культуры и хронологии; в) определением территории распространения памятников и публикацией более или менее полного свода источников; г) описанием погребального обряда; д) выявлением отличий от синхронных и смежных культур или памятников соседних территорий. При выделении рогачикской культуры эти требования не были соблюдены, начиная с первого пункта, поскольку для рассматриваемых материалов уже есть принятое в науке название – нижнемихайловская культура. А имеющиеся недостатки в историографии не отменяют факта первенства этого наименования для материалов финала энеолита и начала ранней бронзы.

К сожалению, названные недостатки характерны и для работ Ю. Я. Рассасакина, который выделил скелянскую, квитянскую и постстоговскую культуры без должного обоснования на современном уровне. По нашему мнению, необходимо и впредь придерживаться достаточно устоявшейся и принятой большинством исследователей концепции Д. Я. Телегина о среднестоговой культуре (общности). Взгляды Д. Я. Телегина в этой части никогда аргументированно не считались ошибочными.

Создавшееся положение является следствием регулярного несоблюдения принципов историографической проработки и нарушения основных правил при выделении археологических культур. По нашему мнению, в исследовании энеолита степной Украины необходимо вернуться к концепциям Д. Я. Телегина и О. Г. Шапошниковой и идти путём их синтеза и постепенной обоснованной трансформации.

Сложившаяся ситуация в историографии привела к тому, что для многих памятников имеется по три варианта культурной атрибуции. При этом все без исключения исследователи обходят критику работ предшественников и современников, чаще всего делая обзоры неполными и формальными. К настоящему времени использовать в рамках одной терминологической системы существующие разночтения стало решительно невозможно. Данная ситуация является следствием попытки целых поколений учёных примирить взаимоисключающие концепции В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегина, Н. Я. Мерперта, О. Г. Шапошниковой и многих других исследователей, а также внутренней противоречивости построений Даниленко, который, например, часть ливенцовского (очень скудного) энеолитического материала рассматривал в рамках квитянской фазы ямной культуры [4, с. 66], часть – в рамках дереивской [4, с. 88], а часть материала относил к Азово-Черноморской линии развития энеолита [4, с. 90]. Кстати, он также не ссылается на работу С. Н. Братченко, в частности, на его типологию [24].

При всём нашем категорическом неприятии выделения новых энеолитических культур на месте среднестоговой Ю. Я. Рассасакиным [14], его

модель нижнемихайловской культуры [13, с. 24], развивающая взгляды одно- временно В. Н. Даниленко, Д. Я. Теле- гина и О. Г. Шапошниковой, представ- ляется нам на данный момент наиболее обоснованной. По всей видимости, основной ареал этих памятников – Нижнее Поднепровье и прилегающие территории. Относительно выбора хронологической схемы можно ска- зать, что Ю. Я. Рассамкин, очевидно, придерживается синтетической трёх- этапной версии, где нижнемихайлов- ская культура включает самые ранние курганные погребения, а на заключи- тельном этапе происходит распад куль-

туры, выразившийся в возникновении в том числе и «днепро-бугской груп- пы», аналогичной широчанско-бара- товскому этапу [13, с. 26]. Перспекти- вы дальнейшей разработки проблемы рассматриваемой культуры мы видим в сборе и анализе всего имеющегося корпуса источников по погребальным памятникам энеолитической эпохи, поиске и обобщении данных страти- графии, выяснении канвы эволюции погребального обряда и материальной культуры, региональных взаимосвязей и культурной преемственности.

Статья поступила в редакцию 11.09.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Андросов А. В., Марина З. П., Завгородний Д. И. Энеолитический курган (2500–1800 лет до н.э.) у села Богуслав в Присамарье // Проблемы археологии Поднепровья: сб. науч. трудов. Днепропетровск: ДГУ, 1991. С. 4–19.
2. Буров Г. М. Кемі-обинська культура – реальність или фантазія? // Матеріали та дослідження з археології Східної України: від неоліту до киммерійців (Вип. 7). Лу- ганськ: СХУ ім. В. Даля, 2007. С. 73–75.
3. Даниленко В. Н. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских куль- тур шнуровой керамики // Краткие сообщения Института археологии УССР. 1955. Вып. 4. С. 126–128.
4. Даниленко В. Н. Энеолит Украины: этноисторическое исследование. Киев: Наукова Думка, 1974. 176 с.
5. Збенович В. Г. К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северно- го Причерноморья // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова Думка, 1976. С. 57–69.
6. Иванова С. В, Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е. Курганы древних скотоводов меж- дуречья Южного Буга и Днестра. Одесса: КП ОГТ, 2005. 207 с.
7. Ковалёва И. Ф. «Вытянутые» погребения из раскопок В. А. Городцовым курганов Донетчины в контексте постмариупольской культуры // Бронзовый век Восточной Европы (характеристика культур, хронология и периодизация): материалы междуна- родной научной конференции «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзово- го века южной половины Восточной Европы». Самара: ООО «НТЦ», 2001. С. 20–24.
8. Ковалёва И. Ф. Ещё раз о стратиграфическом соотношении постмариупольских ниж- немихайловских и древнеямных погребений // Проблемы археологии Поднепровья. Вып. 3. Днепропетровск: ДГУ, 1986. С. 56–63.
9. Котова Н. С. Деревская культура и памятники нижнемихайловского типа. Киев; Харьков: Майдан, 2013. 486 с.
10. Котова Н. С. К проблеме сложения памятников нижнемихайловского типа // Древ- нейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Тирасполь: Типар, 1994. С. 36–39.

11. Котова Н. С. Спицына Л. А. Керамика позднэнеолитических погребений степной Украины и её аналогии в материалах поселений // *Старожитності Північного Надчорномор'я та Криму*. Вип. 7. Запоріжжя: ЗДУ, 1999. С. 22–31.
12. Лагодовская Е. Ф. Михайловское поселение и его историческое значение // *Краткие сообщения Института археологии (КСИА)*. 1955. Вип. 4. С. 119–121.
13. Рассмакин Ю. Я., Евдокимов Г. Л. Новый позднэнеолитический могильник на юге Херсонщины в свете региональных исследований степного энеолита // *Донецький археологічний збірник*, 2009–2010. № 13/14. С. 7–29.
14. Рассмакин Ю. Я. Среднестоговская культура: миф или реальность // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э.* Тирасполь: Типар, 1994. С. 27–30.
15. Телегин Д. Я. Об основных линиях этнокультурного развития нео-энеолитического времени юго-запада Восточной Европы и их хронология // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.)*. Тирасполь: НИЛ Археология, 2002. С. 41–42.
16. Тесленко Д. Л. К вопросу о культурной принадлежности погребений в каменных гробницах степной Украины (историографический аспект) // *Бронзовый век Восточной Европы (характеристика культур, хронология и периодизация): материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы»*. Самара: НТЦ, 2001. С. 25–32.
17. Тощев Г. Н. К вопросу о кеми-обинской культуре // *Древности*. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: НМЦ МД, 2004. С. 96–113.
18. Файферт А. В. О культурно-хронологической принадлежности материалов энеолита и раннего бронзового века Левенцовского поселения // *Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.): круглый стол, посвящённый 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.)*. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 57–59.
19. Файферт А. В. О репинской культуре Среднего Подонья // *Известия ВГПУ*. 2016. № 21(271). С. 97–102.
20. Шапошникова О. Г. О ямной культуре в Степном Правобережье // *Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы: тезисы докладов конференции*. Донецк: б/и, 1979. С. 23–24.
21. Шапошникова О. Г. Памятники нижнемихайловского типа // *Археологія Української РСР: в 3-х тт.* Т. 1. Киев: Наукова думка, 1971. С. 324–331.
22. Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). Киев: Наукова думка, 1986. 160 с.
23. Шапошникова О. Г. Ямная культурно-историческая общность // *Археологія Української ССР*. Т. 1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985. 336–352.
24. Батченко С. Н. Багатошарове поселення Лівенцівка і на Дону // *Археологія*. 1969. Вип. XXII. С. 210–231.
25. Лагодовська О. Ф. Мідний вік // *Нариси стародавньої історії Української РСР*. Київ: АН УРСР, 1957. С. 232–237.
26. Мовша Т. Г. Взаїмовідносини степових і землеробських культур в епоху енеоліту – ранньобронзового віку // *Археологія*. 1993. № 3. С. 36–51.
27. Рибалова В. Д. Могильник епохи бронзи в с. Осокорівці // *Археологічні пам'ятки УРСР*. Том IX. Київ: АН УРСР, 1960. С. 5–13.
28. Спицына Л. А. Поселення Нижній Рогачик // *Археологія і давня історія України*. 2010. Вип. 3. С. 5–11.

29. Спіцина Л. А. Поховальні пам'ятки репінської культури // Записки товариства імені Шевченка (Праці Археологічної комісії). 2007. Т. 253. С. 56–67.
30. Спіцина Л. А. Рогачицька культура // Збірка наукових праць на пошану Софії Станіславівни Березанської. Київ: Шлях, 2005. С. 104–111.
31. Спіцина Л. А. Рогачицька та репінська культури в колі культур пізнього енеоліту – ранньої бронзи Східної Європи // Археологія. 2017. № 2. С. 3–12.
32. Телегін Д. Я. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. 1971. Вип. 4. С. 3–17.
33. Телегін Д. Я. Культурна належність і датування випростаних енеолітичних поховань Степового Подніпров'я // Археологія. 1987. Вип. 60. С. 17–30.

REFERENCES

1. Androsova A., Marina Z., Zavgorodnii D. [Mound Eneolithic (2500-1800 BC) near the village of Boguslav in Priamure]. In: *Problemy arkheologii Podneprov'ya: sb. nauch. trudov* [Problems of archaeology of the Dnieper: Coll. nauch. works]. Dnepropetrovsk, DGU Publ., 1991, pp. 4–19.
2. Burov G. [Kemi-obinska culture – reality or fantasy?]. In: *Materialy ta doslidzhennya z arkheolohiyi Shkhidnoyi Ukrayiny: vid neolitu do kimmeriytsiv* [Materials and Research in Archeology of Eastern Ukraine: Neolithic to Cimmerian]. Iss. 7. Lugansk, SNU im. V. Dala Publ., 2007, pp. 73–75.
3. Danilenko B. [Early stages of development of the steppe of Eastern European corded ware culture]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii USSR* [Brief Communications of the Institute of Archeology of the Ukrainian SSR], 1955, no. 4, pp. 126–128.
4. Danilenko V. *Eneolit Ukrainy: etnoistoricheskoe issledovanie* [Eneolithic Ukraine: ethnohistorical research]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1974. 176 p.
5. Zbenovich V. [To the problem of the relations of Tripoli with the Eneolithic cultures of the Northern black sea]. In: *Eneolit i bronzovyi vek Ukrainy* [Eneolithic and bronze age Ukraine]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1976, pp. 57–69.
6. Ivanova S., Petrenko V., Vetchinnikova N. *Kurgany drevnikh skotovodov mezhdurech'ya Yuzhnogo Buga i Dnestra* [Barrows of ancient pastoralists of the area between the southern bug and Dniester]. Odessa, KP OGT Publ., 2005, 207 p.
7. Kovalyova I. ["Elongated" burial from the excavations by V. A. Gorodtsov mounds of the Donetsk region in the context of postminimalism culture]. In: *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy (kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya): materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «K stoletiyu periodizatsii V. A. Gorodtsova bronzovogo veka yuzhnoi poloviny Vostochnoi Evropy»* [The bronze age Eastern Europe (characteristics of cultures, chronology and periodization): materials of the international scientific conference "the centenary of V. A. Gorodtsov periodization of the bronze age of the southern half of Eastern Europe"]. Samara, NTTS Publ., 2001, pp. 20–24.
8. Kovalyova I. [Again on stratigraphic correlation of postmaterialistic Nizhnetagilskij and old pit burials]. In: *Problemy arkheologii Podneprov'ya* [Problems of Archeology of the Dnieper]. Iss. 3. Dnepropetrovsk, DGU Publ., 1986, pp. 56–63.
9. Kotova N. *Dereivskaya kul'tura i pamyatniki Nizhnemikhailovskogo tipa* [Deriivka culture and monuments of Nizhnetagilskogo type]. Kyiv; Kharkiv, Maidan Publ., 2013. 486 p.
10. Kotova N. [To the problem of addition of monuments of Nizhnetagilskogo type]. In: *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ya V tys. do n.e. – V vek n.e.* [The ancient community of farmers and cattlemen of Northern black sea coast V thousand BC – V century AD]. Tiraspol, Tipar Publ., 1994, pp. 36–39.

11. Kotova N., Spitsyna L. [Ceramic postmenopausal burials of the steppe of Ukraine and its analogies in the materials of the settlements]. In: *Starozhitnosti Pivnichnogo Nadchornomor'ya ta Krimu. Vip. 7* [Starozhitnosti Pivnichnogo Nadchornomor'ya ta Krimu. Iss. 7]. Zaporizhzhya, ZDU Publ., 1999, pp. 22–31.
12. Lagodovskaya E. [Mikhailovskoe settlement and its historical significance]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (KSIA)* [Brief Communications from the Institute of Archeology (CSIA)], 1955, no. 4, pp. 119–121.
13. Rassamakin Yu., Evdokimov G. [New postmenopausal burial ground on the South of Kherson region in light of regional research of the steppe Eneolithic]. In: *Donets'kii arkheologichnii zbirnik* [Donetsk archaeological collection], 2009/2010, no. 13/14, pp. 7–29.
14. Rassamakin Yu. [Srednestogovskaya culture: myth or reality]. In: *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ya V tys. do n.e. – V vek n.e.* [The ancient community of farmers and cattlemen of Northern black sea coast V thousand BC – V century AD]. Tiraspol, Tipar Publ., 1994, pp. 27–30.
15. Telegin D. [The main lines of ethno-cultural development of neo-Eneolithic time the South-West of Eastern Europe and their chronology]. In: *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ya V tys. do n.e. – V vek n.e.* [The ancient community of farmers and cattlemen of Northern black sea coast V thousand BC – V century AD]. Tiraspol, NIL Arkheologiya Publ., 2002, pp. 41–42.
16. Teslenko D. [To the question of the cultural affiliation of the burials in stone tombs of the steppe of Ukraine (historiographical aspect)]. In: *Bronzovyi vek Vostochnoi Evropy (kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya): materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «K stoletiyu periodizatsii V. A. Gorodtsova bronzovogo veka yuzhnoi poloviny Vostochnoi Evropy»* [The bronze age Eastern Europe (characteristics of cultures, chronology and periodization): materials of the international scientific conference "the centenary of V. A. Gorodtsov periodization of the bronze age of the southern half of Eastern Europe"]. Samara, NTTS Publ., 2001, pp. 25–32.
17. Toshchev G. [To the question of Kemi-ubinskoe culture]. In: *Drevnosti. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik* [Antiquity. Kharkiv historical and archeological Yearbook]. Kharkiv, NMTS MD Publ., 2004, pp. 96–113.
18. Faifert A. [Cultural and chronological belonging of the materials of the Eneolithic and early bronze age settlement Levanevskogo]. In: *Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoi Evropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n.e.): kruglyi stol, posvyashchyonnyi 80-letiyu so dnya rozhdeniya S. N. Bratchenko (Sankt-Peterburg, 14–15 noyabrya 2016 g.)* [External and internal communication of the steppe (pastoral) cultures of Eastern Europe in the Eneolithic and bronze age (V–II Millennium BC): round table, dedicated to the 80th anniversary of the birth of S. Bratchenko (St. Petersburg, 14–15 November 2016)]. St-Petersburg, IIMK RAN Publ., 2016, pp. 57–59.
19. Faifert A. [About Repino culture Medium along the Don]. In: *Izvestiya VGPU* [News of Voronezh State Pedagogical University], 2016, no. 21(271), pp. 97–102.
20. Shaposhnikova O. [About Yamna culture in the Steppe of the right Bank]. In: *Problemy epokhi bronzы Yuga Vostochnoi Evropy: tezisy dokladov konferentsii* [Problems of the bronze age of southeastern Europe: abstracts of the conference]. Donetsk, 1979, pp. 23–24.
21. Shaposhnikova O. G. [Monuments of Nizhnetagil'skogo type]. In: *Arkheologiya Ukraïns'koi RSR: v 3-kh tt. T. 1* [Archaeology Ukraïns'koi RSR in 3 vols, vol. 1]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1971, pp. 324–331.
22. Shaposhnikova O., Fomenko V., Dovzhenko N. *Yamnaya kul'turno-istoricheskaya oblast' (yuzhnobugskii variant)* [Pit cultural-historical region (yuzhnobugsky version)]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1986. 160 p.

23. Shaposhnikova O. [Yamna cultural and historical community]. In: *Arkheologiya Ukrainskoi SSR. T. 1. Pervobytnaya arkheologiya* [Archaeology of the Ukrainian SSR. Vol. 1. Prehistoric archaeology]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1985, pp. 336–352.
24. Batchenko S. [Multilayered settlement of Liventivka and the Don]. In: *Archeologia*, 1969, vol. XXII, pp. 210–231.
25. Lagodovskaya O. [Copper age]. In: *Narysy starodavn'oyi istoriyi Ukrayins'koyi RSR* [Essays on the ancient history of the Ukrainian SSR]. Kiev, AN URSSR Publ., 1957, pp. 232–237.
26. Movsha T. [The relationship between the steppe and agricultural crops in the Eneolithic – Early Bronze Age]. In: *Archeologia*, 1993, no. 3, pp. 36–51.
27. Rybalova V. [The bronzer era bronzer in the village Osokorivtsi]. In: *Arkheolohichni pam'yatky URSR* [Archaeological sites of the USSR], vol. IX. Kiev, AN URSSR Publ., 1960, pp. 5–13.
28. Spitsina L. [Settlement Nizhny Rogachyk]. In: *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukrayiny* [Archaeology and ancient history of Ukraine], 2010, vol. 3, pp. 5–11.
29. Spitsina L. [The burial monuments of the Repin culture]. In: *Zapysky tovarystva imeni Shevchenka (Pratsi Arkheolohichnoyi komisiyi)* [Notes of the Shevchenko Society (Proceedings of the Archaeological Commission)], 2007, vol. 253, pp. 56–67.
30. Spitsyna L. [Rogachytska culture]. In: *Zbirka naukovykh prats' na poshanu Sofiyi Stanisla-vivny Berezhans'koyi* [Collection of scientific works in honor of Sophia Stanislavovna Be-rezhansky]. Kiev, Shlyakh Publ., 2005, pp. 104–111.
31. Spitsina L. [Rogachytska and Repin cultures in the Late Eneolithic – Early Bronze Age cul-tures of Eastern Europe]. In: *Archeologia*, 2017, no. 2, pp. 3–12.
32. Telegin D. [Eneolithic ceilings and monuments of the lower Mikhail type]. In: *Archeologia*, 1971, iss. 4, pp. 3–17.
33. Telegin D. [Cultural identity and dating of rectified eneolithic burials of the Steppe Dnie-per]. In: *Archeologia*, 1987, iss. 60, pp. 17–30.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Файферт Анатолий Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий археолог Государственного автономного учреждения культуры Ростовской области «Донское наследие»; e-mail: faifert86@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly V. Faifert – Cand. Sci. (History), Archaeologist, State Autonomous cultural institution of Rostov region «Donskoe nasledie»; e-mail: faifert86@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Файферт А. В. Историография нижнемихайловской культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 41–53.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-41-53

FOR CITATION

Faifert A. Historiography of the Lower Mikhaylovka Culture. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 41–53.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-41-53

УДК 902.3; 393

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-54-68

ОСНОВНЫЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАНА У СЕЛА БУРСУЧЕНЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ МОЛДОВЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ)

Яровой Е. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация. В статье приведена публикация уникальных основных погребений кургана у села Бурсучены в Центральной Молдове. Основное содержание исследования заключается в описании, предварительной характеристике и культурной атрибуции трёх центральных погребальных комплексов, связанных с сооружением древнейшей курганной насыпи. Они значительно отличаются от известных в данном регионе захоронений, были совершены одновременно и относятся к энеолитической эпохе. В центре группы находилось коллективное погребение 21, содержащее костяки взрослого человека и трех детей. Ещё два захоронения, 20 и 25, содержали одиночные костяки детей. За исключением одного ребёнка, все погребённые лежали скорченно на правом боку в позе адорации. Погребальный обряд и разнообразный погребальный инвентарь позволили отнести центральные погребения кургана к группе животиловских памятников, выделенных И. Ф. Ковалёвой в Поднепровье.

Ключевые слова: курган, погребальный обряд, погребальный инвентарь, энеолит, животиловские памятники

MAIN ENEOLITHIC BURIALS OF A MOUND NEAR THE VILLAGE OF BURSUCENI IN CENTRAL MOLDOVA (PRELIMINARY INFORMATION)

E. Yarovoy*Moscow Region State University**24 Vera Voloshina ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. This paper presents data on unique burials discovered in a burial mound near the village of Bursuceni in Central Moldova. The paper is focused on the description, preliminary characterization and cultural identification of three main burial complexes related to the construction of the ancient burial mound. These complexes, which were created simultaneously during the Eneolithic era, differ significantly from those previously discovered in the region. In the center of the group, a collective burial 21 was found, which contained the bones of an adult and three children. Two more burials contained individual bones of children. With the exception of one child, all of the buried lay curled up on their right side in the pose of devotion. The interments and diverse burial inventory allowed the central burial of the mound to be related to the group of Zhivotilovka monuments distinguished by I. F. Kovalyova in the Dnieper region.

Keywords: burial mound, interments, burial inventory, Eneolite, Zhivotilovka monuments

© CC BY Яровой Е. В., 2019.

В 1977 г. Энеолитическая археологическая экспедиция Института истории АН МССР провела исследования одиночного кургана на трассе строящейся грунтовой дороги у села Бурсучены Лазовского района Молдавии (ныне жудец Сынжерей РМ) (рис. 1а). Под строительство дорожного полотна попала южная половина курганный насыпи.

Курган 1 расположен на трассе дороги местного значения Кошкодены-Слобода Мегура, в 400 м к западу-юго-западу от окраины села Бурсучены. Он находился в центре долины, почти в середине средних размеров возвышенности, ширина которой достигала 2 км (рис. 1б). В пределах нескольких километров курган был хорошо виден из любой точки долины. К западу от него, на возвышенности, заметна значительная выемка грунта глубиной до 1,5–2 м, идущая рядом с насыпью по линии север-юг. Скорее всего, она образовалась в процессе строительства кургана.

Насыпь кургана периодически распахивалась и к началу раскопок имела овальную в плане форму. Её южная часть удлинённая и более пологая, чем северная. Наибольшая высота насыпи от погребённой почвы – 3,9 м, от материка – 4,2 м, длина по линии север-юг – 56,5 м, по линии запад-восток – 53,5 м.

Курган раскопан при помощи семи профилей север-юг, расположенных на расстоянии 6 м один от другого. С древнейшей насыпью кургана оказалось связано три захоронения (рис. 2).

Погребение 20 (основное) – обнаружено по пятнистому заполнению на уровне материка в северо-западном секторе кургана на глубине 4,2 м от нуля.

Яма с уступом. Уступ прямоугольной формы с сильно закруглёнными углами, длиной 1,35 м, шириной 1 м и отмеченной глубиной 0,55–0,6 м, ориентирован по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Продольные стенки расширялись к уступу до 1,05 м. Погребальная камера неправильной овальной формы длиной

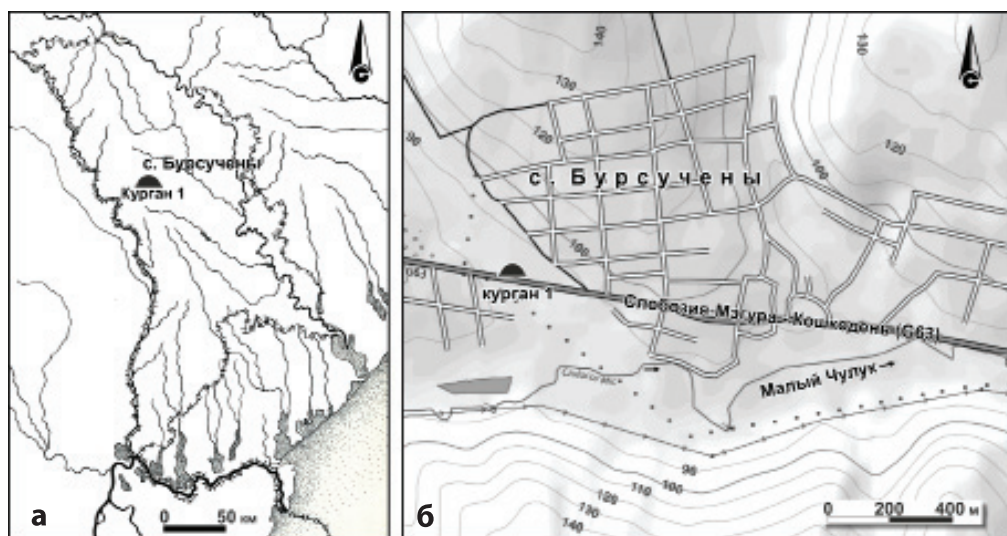

Рис. 1. Местоположение кургана 1 в Пруто-Днестровском междуречье (а) и у с. Бурсучены (б)

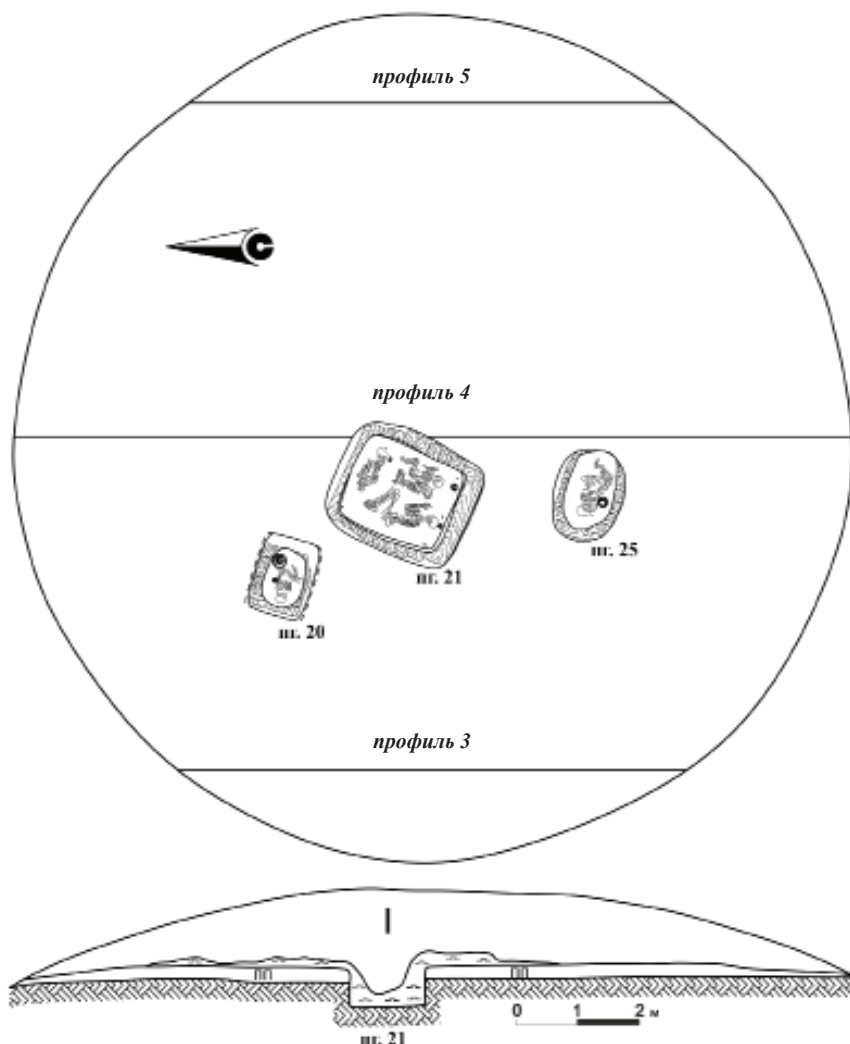

Рис. 2. Древнейшая насыпь 1 кургана у с. Бурсучены

1 м, шириной до 0,7 м и глубиной от уступа 0,4–0,44 м, ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. На уровне уступа яма имела поперечное деревянное перекрытие из 6 дубовых брёвен диаметром от 0,13 до 0,2 м и длиной от 0,8 до 0,9 м. Все брёвна обмазаны белой глиной. Над ними зафиксирован слой чистой материковой глины толщиной до 0,1 м, который особенно хорошо сохранился на уступах. На стенах хорошо видны

вертикальные желобчатые следы от работы орудием. Заполнение состояло из сухих комочков глины, перемешанных со светло-серым грунтом насыпи, и легко отделялось от покрытых плесенью стен.

Костяк ребёнка 2–3 лет (*infantis I*)¹ отличной сохранности лежал скорченно на правом боку, головой на за-

¹ Определение пола и возраста произведено доктором исторических наук С. П. Сегедой (Киев).

пад-северо-запад, лицевой частью на юг. Руки согнуты, кистями лежали у лицевой части черепа. Ноги средне согнуты (рис. 3). Скелет, особенно череп, интенсивно окрашен красной охрой. На дне сохранился тёмно-коричневый тлен от растительной подстилки толщиной 0,1–0,2 см.

Находки. 1. Амфорка – стояла у колен ребёнка. Амфорка с выпуклым туловом, небольшим прямым венчиком, изготовлена из чистой, хорошо отмученной глины и хорошо обожжена. В верхней части тулова имеются две полуовальные ручки с вертикальными сквозными отверстиями. Сосуд леп-

ной, с плоским дном, на котором сохранились слабые отпечатки циновки. Внешняя поверхность жёлто-коричневого цвета, имеет незначительные следы залощенности. В верхней части тулова имеются следы от росписи красной охрой. Из-за плохой сохранности установить характер росписи невозможно. Высота амфорки – 4,5 см, диаметр венчика – 2,6–2,8 см, диаметр дна – 2,5 см, наибольший диаметр тулова – 5,6 см, высота венчика – 0,5 см (рис. 3/1).

2. Миска – стояла под углом у стенки и нижней части таза ребёнка. Миска лепная, плоскодонная, со слегка вогну-

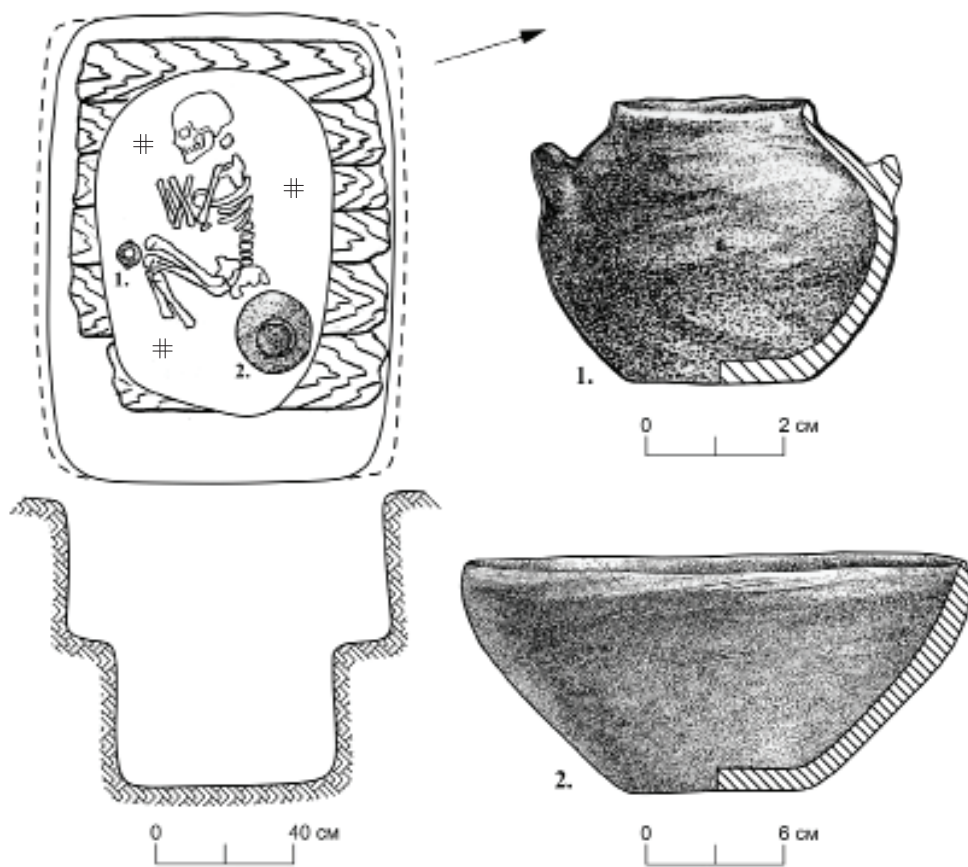

Рис. 3. Погребение 20 кургана 1 у с. Бурсучены: амфорка (1) и миска (2)

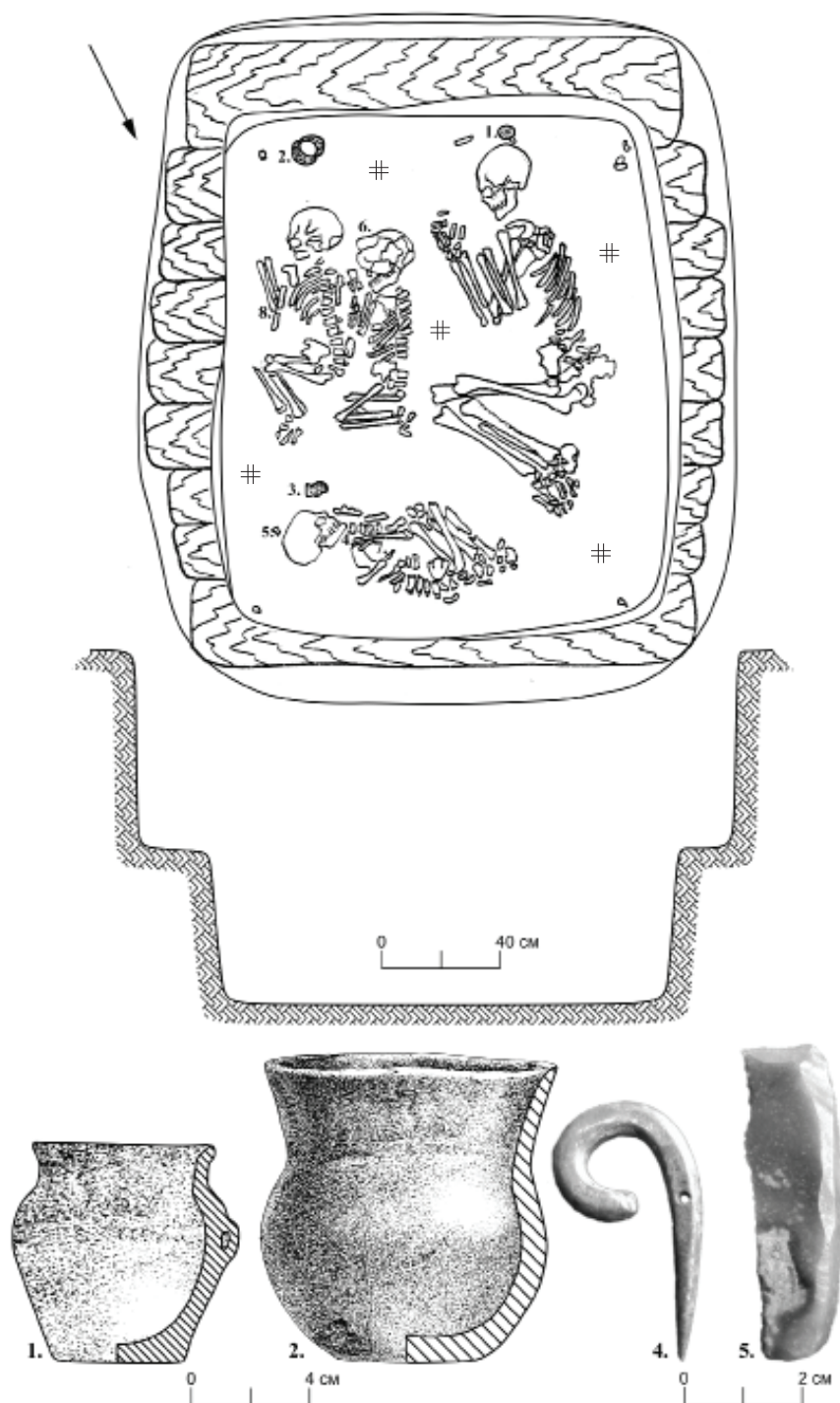

Рис. 4. Погребение 21 кургана 1 у с. Бурсучены: сосуды (1, 2), костяная булавка (4), кремневый вкладыш серпа (5)

тым вовнутрь венчиком. Изготовлена из чистой, хорошо отмученной глины и хорошо обожжена. Поверхность желтовато-коричневого цвета с большим красноватым пятном от огня снаружи. Изготовлена грубо, не расписана, на внутренней и внешней поверхности имеется много параллельных горизонтальных полос и вмятин, оставшихся после грубой обработки. Высота миски – 10 см, диаметр венчика – 20,5–21,5 см, диаметр дна – 8,5 см (рис. 3/2).

Погребение 21 (основное, коллективное) – обнаружено по светлomu пятнистому заполнению на уровне древней погребённой почвы и в центральном профиле 4 в центре кургана, на глубине 3,9 м от нуля и 3,7 м от поверхности кургана.

Яма с уступом. Уступ неправильной прямоугольной формы с сильно закруглёнными углами, длиной 2,3 м, шириной от 1,6–1,7 до 2 м и глубиной от погребённой почвы 0,65–0,7 м, ориентирован по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Его заполнение по периметру состояло из почти чистой материковой глины, а в центре – из чернозёмного грунта насыпи. Погребальная камера неправильной прямоугольной формы с неровными стенками и закруглёнными углами, длиной 1,75 м, шириной 1,4–1,55 м и глубиной от уступа 0,6 м, ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Её южная и восточная стенки скошены ко дну на 0,05–0,08 м. На уровне уступа яма имела поперечное деревянное перекрытие из 9 дубовых брёвен диаметром от 0,18–0,2 до 0,35 м и длиной от 1,65 до 1,95 м. При этом два крайних бревна, по одному с каждой стороны, были почти в два раза мощнее центральных. В восточной ча-

сти наката на дереве отмечены следы обжига и много древесных угольков. Все брёвна обмазаны белой глиной. Профиль 4 показал, что дубовый накат был перекрыт слоем чистой материковой глины толщиной до 0,3 м. По всей поверхности стен, от уступа до дна, отлично сохранились вертикальные, расположенные один рядом с другим, желобчатые следы от работы орудием диаметром 0,04 м. Заполнение ямы состояло из сухих комочков глины, перемешанных со светло-серым грунтом насыпи, и легко отделялось от покрытых плесенью стен.

В погребении обнаружено 4 костяка отличной сохранности: взрослого и трёх детей (рис. 4).

Костяк взрослого человека (*adultus*) лежал у западной стенки погребальной камеры скорченно на правом боку, головой на юг, лицевой частью на восток. Руки резко согнуты, кистями положены у лицевой части черепа. Ноги резко согнуты.

Костяк первого ребёнка 2–3 лет лежал перед костяком взрослого, между ним и вторым ребёнком, скорченно на правом боку, головой на юго-юго-запад, лицевой частью на восток. Руки резко согнуты, кистями положены у лицевой части черепа. Ноги резко согнуты.

Костяк второго ребёнка 3–4 лет лежал у восточной стенки ямы, спиной вплотную к первому ребёнку, скорченно на правом боку с небольшим наклоном на грудь, головой на юго-юго-запад, лицевой частью на юго-восток. Руки резко согнуты, кистями положены у лицевой части черепа. Ноги средне согнуты.

Костяк третьего ребёнка 7–8 лет лежал у северной стенки ямы, в ногах трёх погребённых, скорченно на левом

боку, головой на юго-восток, лицевой частью на юго-запад. Руки резко согнуты, прижаты к груди, кистями положены у нижней челюсти. Ноги резко согнуты, коленями прижаты к локтям, пятками – к тазу.

Все костяки, особенно лобные части черепов, интенсивно окрашены малиновой охрой. В юго-западном углу ямы, в 0,25 м от затылка взрослого лежал кусок малиновой охры диаметром 0,05 м. На дне хорошо сохранился рыхлый тлен от растительной подстилки, состоящий из двух слоев: тёмно-коричневого сверху и чёрного – снизу. Его толщина под скелетами достигала 0,2–0,3 см, под черепами – 1–1,5 см. По углам зачищено 4 ямки неправильной четырёхугольной формы от заострённых кольев размерами от 0,02х0,02 до 0,04х0,03 м и глубиной до 0,13 м. Почти в центре у южной стенки погребения отмечена ямка от кола правильной прямоугольной формы размерами 0,06х0,01 м и глубиной 0,12 м.

Находки. 1. Сосудик – лежал на боку у южной стенки, у темени взрослого погребённого, устьем на северо-запад. Горшковидной формы, лепной, плоскодонный, с вытянутым, слегка выпуклым туловом и суженным, слегка отогнутым венчиком. Сосудик грубой выделки. В средней части тулова имеется налепная полукруглая ручка с горизонтальным круглым отверстием. Точно такая же ручка была и с противоположной стороны, где от неё остался характерный углублённый след от налёпа. Керамика повреждена в древности. Её внешняя поверхность серого цвета с чёрными пятнами копоти от костра. Глина в изломе чёрного цвета. Высота сосуда – 7–7,5 см, диаметр венчика – 5,4 см, диаметр горла – 4 см,

диаметр дна – 3,5 см, наибольший диаметр тулова – 6,5 см, высота венчика – 1,5–2 см (рис. 4/1).

2. Сосуд – стоял у южной стенки, в 0,15 м от темени второго ребёнка. Представляет собой лепной кубок с круглым выпуклым туловом и высоким прямым, отогнутым наружу венчиком. Донце слабо выделено, неровное, поэтому он перекошен на один бок. На боку подчёркнут переход от тулова к венчику. Внешняя поверхность бледного серо-коричневого цвета с чёрным пятном от костра и со следами лощения и окончательной обработки. Керамика хорошо обожжена, изготовлена из чистой глины без примесей, черепок в изломе чёрного цвета. Высота кубка – 9,5 см, диаметр венчика – 10 см, диаметр горла – 7,2 см, диаметр дна – 3,5–4 см, наибольший диаметр тулова – 9 см, высота венчика – 3,5 см (рис. 4/2).

3. Сосудик – лежал на боку в 0,05 м от лицевой части черепа третьего ребёнка, устьем на юго-восток. Горшковидной формы, лепной, с округлым выпуклым туловом, суженным отогнутым венчиком и небольшим, слегка выделенным донцем. Внешняя поверхность чёрного цвета. Керамика в изломе чёрного цвета, с примесью шамота и измельчённого известняка. Высота сосуда – 7–7,5 см, диаметр венчика – 5,5 см, диаметр дна – 2 см, наибольший диаметр тулова – 7 см.

4. Костяная булавка – лежала на груди, под нижней челюстью третьего ребёнка. Изогнутой формы в виде вопросительного знака. Её конец заострён, а в центральной части имеется круглое отверстие для крепления диаметром 0,2 см. Кость тщательно обработана и по всей поверхности за-

лощена. На лицевой стороне булавки имеется изящный орнамент, состоящий из 13 небольших, расположенных одна над другой точек. Длина булавки – 4,5 см, диаметр изгиба – 2,5 см, диаметр кости – 0,5 см (рис. 4/4).

5. Кремневый вкладыш серпа – лежал у теменной части черепа третьего ребёнка. Представляет собой ножевидную платину с ретушью. Одна её часть имеет треугольную залощённость на конце, свидетельствующую, что её использовали в качестве вкладыша в деревянную или костяную рукоятку орудия. Изготовлена из серого кремня с прожилками. Длина вкладыша – 5,5 см, ширина – 1,2–1,8 см (рис. 4/5).

6. Золотое височное колечко – обнаружено под правым виском первого ребёнка. Спиралевидное в 1,5 оборота, его концы слегка заострены. Изготовлено из тонкой, круглой в сечении проволоки диаметром 0,1 см. Диаметр кольца – 0,5 см, вес – 0,84 г. Золото 750 пробы [7, с. 158, рис. 2/2].

7. Бисер из створок раковин – обнаружен на растительном тлене под костяком третьего ребёнка. Найдено 10 мелких просверленных колечек, которые нашивались на одежду или носились как ожерелье. Диаметр бисера – до 0,4 см, диаметр отверстий – до 0,2 см.

8. Кремневый отщеп без ретуши – лежал в 0,05 м от лучевых костей второго ребёнка. Изготовлен из коричневого прозрачного кремня. Длина отщепы – 4 см, ширина – 2,2 см.

Погребение 25 (основное) – обнаружено по светлому пятнистому заполнению на уровне древней погребённой почвы в юго-западном секторе кургана на глубине 3,9 м от нуля и 3,6 м от поверхности кургана.

Яма с уступом. Уступ почти правильной овальной формы длиной 1,5 м, шириной 1,12 м и глубиной от погребённой почвы 0,5–0,53 м, ориентирован по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Продольные стенки слегка расширились к уступу до 1,05 м. Восточная часть ямы – без уступа, а его западная часть скошена в сторону ямы на 0,02 м и имеет небольшой плавный подбой до 0,03 м. Погребальная камера неправильной овальной формы, длиной 1,33 м, шириной до 0,75 м и глубиной от уступа 0,4–0,43 м, ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. На уровне уступа яма имела поперечное деревянное перекрытие из 7 дубовых брёвен диаметром от 0,17 до 0,2 м и длиной от 0,58 до 1 м. Все брёвна обмазаны белой глиной. Над ними зафиксирован слой чистой материковой глины толщиной до 0,1 м, который особенно хорошо сохранился на уступах. На стенах хорошо видны вертикальные желобчатые следы от работы орудием. Заполнение состояло из сухих комочков глины, перемешанных со светло-серым грунтом насыпи, и легко отделялось от покрытых плесенью стен.

Костяк ребёнка отличной сохранности лежал скорченно на правом боку, головой на запад-северо-запад, лицевой частью на юг. Руки резко согнуты, прижаты к груди, кистями лежали у лицевой части черепа. Ноги средне согнуты (рис. 5).

Скелет, особенно лобная часть черепа и кисти, интенсивно окрашен красной охрой. В 0,05 м от лобной части черепа ребёнка лежал комок ярко-красной охры диаметром 0,04 м. На дне хорошо сохранился тёмно-коричневый тлен от растительной подстилки толщиной 0,1–0,2 см.

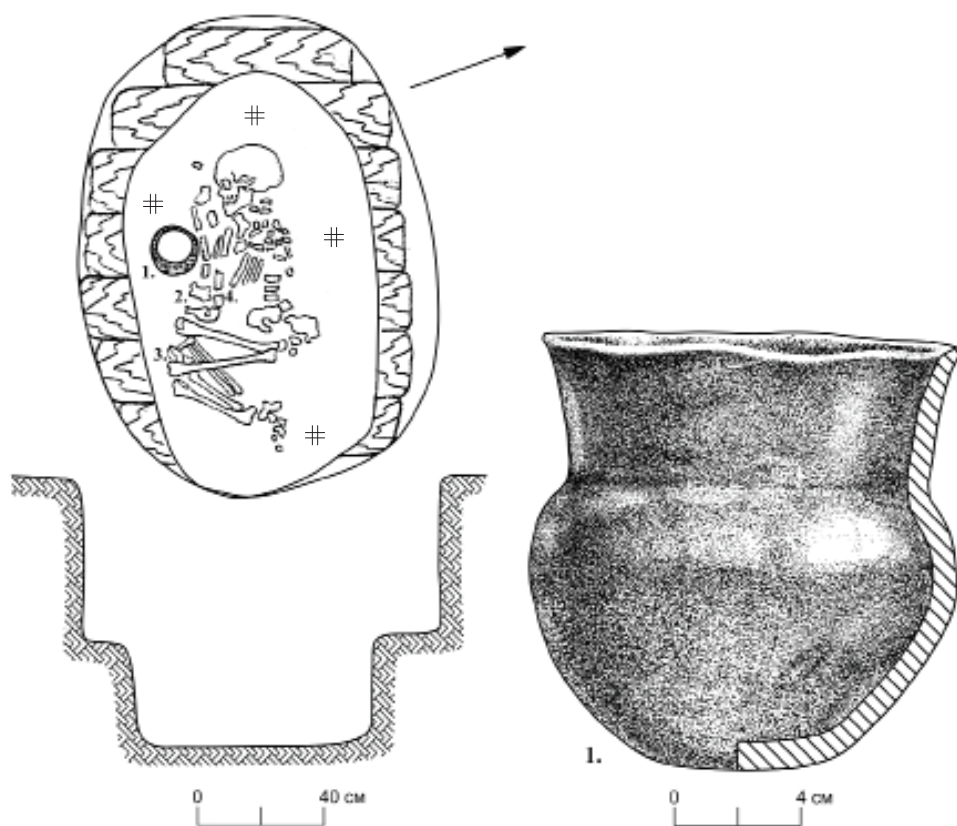

Рис. 5. Погребение 25 кургана 1 у с. Бурсучены: кубок (1)

Находки. 1. Сосуд – стоял вплотную у лучевых костей ребёнка. Представляет собой кубок с округлым, сужающимся ко дну выпуклым туловом и высоким прямым, отогнутым наружу венчиком. Переход от тулова к венчику подчёркнут. Кубок плоскодонный, лепной, слегка перекошен в одну сторону из-за неровного, слегка выпуклого и нечётко выделенного донца. Внешняя поверхность пятнистого тёмно-серого цвета с чёрными и оранжевыми пятнами от огня. На ней хорошо заметно лощение и горизонтальные следы от окончательной обработки. Керамика хорошо обожжена, черепок в изломе двух слоёв: чёрного и красно-корич-

невого. Высота кубка – 13,5–14 см, диаметр венчика – 12,5–13 см, диаметр горла – 9 см, диаметр дна – 5,5 см, наибольший диаметр тулова – 13,5 см, высота венчика – 4,5 см (рис. 5/1).

2. Фрагмент донца и стенки (нижней части) сосуда – лежал вверх дном на локтях и у правой бедренной кости ребёнка. Судя по фрагменту, сосуд лепной, с хорошо выделенным вогнутым донцем, имел выпуклое круглое тулово. Внешняя поверхность залощена, пятнистого серо-коричневого цвета с чёрными и оранжевыми пятнами от огня. Внутренняя – серого цвета, с горизонтальными резными следами от обработки. Керамика в изломе серо-

го цвета. Сосуд очень тщательно обработан: на внутренней поверхности видны следы от красной охры. Скорее всего, в этом обломке сосуда размельчалась охра для окраски погребённого. Диаметр донца – 5,5 см, сохранившаяся высота стенок – до 9 см, толщина стенок – 0,4–0,7 см (рис. 5/2).

3. Каменный растиральник – лежал вплотную между колен ребёнка. Неправильной пятиугольной формы. Возможно, первоначально использовался как отбойник, так как с обеих сторон видны ячеистые следы от ударов. Одна из рабочих сторон интенсивно окрашена красной охрой. Это свидетельствует о том, что этим орудием размельчали охру для посыпки погребённого. На одной из поверхностей заметны слабые следы залощенности, свидетельствующие, что оно использовалось и в качестве лощила. Длина орудия – 8,5 см, наибольшая ширина – 4,5 см, толщина – 3 см.

4. Кремневый отщеп – лежал сверху на дне сосуда, у локтей ребёнка. Неправильной прямоугольной формы, изготовлен из светлого кремня и имеет слабые следы ретуши. Длина отщепа – 2,2 см, ширина – 2,2 см.

Стратиграфия кургана и культурная принадлежность основных погребений. Семь параллельных профилей позволили чётко определить стратиграфию кургана и относительную хронологию обнаруженных погребений. Всего курган имел четыре строительных горизонта и содержал 26 погребений различных исторических эпох: от энеолита до средней бронзы [8, с. 491–492]. Самая ранняя насыпь была зафиксирована в трёх центральных профилях и оказалась связанной с тремя энеолитическими погребениями.

Центральный профиль 4 показал, что с уровня древней погребённой почвы были вырыты ямы для трёх основных захоронений – 20, 21 и 25. В частности, в него попал уступ коллективного погребения 21 и материковые выбросы из ям. Все три погребения были совершены по линии север-юг на естественной возвышенности в пойме р. Чулук и оказались в центре западной части древнейшего кургана. Сведения о том, что под древнейшей насыпью находилось «специально выделенное место для совершения ритуала захоронения», не соответствуют действительности [1, с. 89]. В центре группы находилось коллективное погребение 21, содержавшее костяки взрослого человека и трёх детей. Ещё два захоронения содержали одиночные костяки детей. Таким образом, основные захоронения содержали шесть погребённых, пять из которых были дети от 2–3 до 7–8 лет (*infantis* I). При этом, согласно определению С. П. Сегеды, единственному взрослому человеку было от 20–22 до 30–35 лет (*adultus*). Подобная возрастная характеристика позволяет сделать вывод, что в данном случае были погребены представители одной семьи или, как минимум, близкие родственники. Все эти захоронения были перекрыты древнейшей насыпью 1, состоявшей из пятнистого тёмного пойменного чернозёма, которая хорошо выделялась в профилях 3, 4 и 5. Диаметр древнейшего кургана – 13,6 м, высота от погребённой почвы – 1,25 м, высота от материка – 1,55 м.

Обращает на себя внимание единство погребального обряда. Обнаруженные ямы прямоугольной с округлёнными углами и овальной форм

имели уступ или заплечики, на уровне которых были перекрыты поперёк небольшими брёвнами, обмазанными белой глиной. Материковый выброс из них толщиной от 0,1 м до 0,3 м был частично уложен на перекрытие, а частично остался на погребённой почве. Детские погребения 20 и 25 близки по размерам и практически идентичны по конструкции. Более значительными размерами выделяется погребение 21, что, впрочем, объясняется его коллективностью. Однако погребальный обряд здесь такой же, как и в одиночных: за исключением уложенного в ногах ребёнка, все погребённые лежали скорченно на правом боку в позе адорации. Одиночные детские захоронения были ориентированы головами в западном полукруге, а коллективное – на юг. Погребённые, особенно их черепа, были интенсивно окрашены охрой, все кости отличной сохранности, а заполнение ям – однородное и состояло из сухих комочков глины, перемешанных со светло-серым грунтом насыпи. При этом везде на стенах сохранились вертикальные желобчатые следы от работы орудием с острым рабочим краем. Все эти факты однозначно свидетельствуют об одновременности совершения этих захоронений.

Не противоречит данному выводу и обнаруженный относительно многочисленный инвентарь. Он включал амфорку и миску позднетрипольского времени, два лощёных кубка, два миниатюрных сосудика, изящную посоховидную булаву-застежку из полированной кости, кремневый вкладыш серпа, бисер из створок раковин и так далее [8, с. 491–492]. Особо следует отметить височное колечко из золота, обнаруженное у одного из детей.

Три основных погребальных комплекса кургана у с. Бурсучены в лесостепной зоне Молдавии значительно отличаются от известных в регионе подкурганных захоронений. В 1977 г. подобный памятник был единственным на территории Северо-Западного Причерноморья, поэтому встал вопрос о его культурной принадлежности. Наметить направление его решения позволяют публикации И. Ф. Ковалёвой памятников животиловского типа из Орельско-Самарского региона.

Впервые вопрос о связях населения ямной культуры левобережья Днепра с позднетрипольскими племенами возник в связи с исследованием в 1934 г. в кургане «Майдан» близ с. Животиловка (Днепропетровская обл.) «ямного» погребения 5 с двумя сосудами усатовского типа. Находки усатовских сосудов в ямном захоронении рассматривались как доказательство культурных контактов между населением позднего триполья и степными племенами [9, с. 103–104; 2, рис. 46/4–5; 3, с. 66]. Но в 1978 г. в степном Поднепровье И. Ф. Ковалёвой были выделены погребения животиловского типа. Из 260 захоронений, исследованных в 1972–1977 гг., 6 не вписывались в погребальный обряд ямной культуры Орельско-Самарского междуречья и были определены как животиловские – 6. Для них характерно скорченное на боку, в позе адорации, положение погребённых, северная или северо-восточная ориентировка, перекрытие ям гранитными плитами или каменными закладами и наличие уступов-заплечиков, а также своеобразный погребальный инвентарь, включающий позднетрипольскую керамику [4, с. 48].

За исключением ориентировки и каменных перекрытий, бурсученские комплексы оказались аналогичными животиловским памятникам степного Поднепровья [4, с. 46–54; 5, с. 66–67]. Характеристика погребального обряда и инвентаря у них практически совпадает: ямы с заплечиками, скорченность на боку в позе адорации, наличие посуды поздне трипольского облика, так называемых крюковидных подвесок из кости и т. д.

С другой стороны, определённая близость бурсученским комплексам наблюдается и в материалах Койсугских курганов, исследованных на левобережье Донской дельты. Здесь было раскопано семь курганов, в которых открыто свыше 170 погребений. Однако четыре резко выделялись из общего числа, образуя компактную монокультурную группу. Её культурная атрибуция вызывала вопросы и, по мнению автора, эти захоронения имели сходство, с одной стороны, с майкопскими памятниками, а с другой, – с кемиобинской культурой [6, с. 249–254].

С Бурсученами данные комплексы также сближает обряд: все ямы подпрямоугольной формы с уступом, кости лежат в скорченном положении на левом боку, ориентированы как в восточном, так и в западном (курган «Радутка», погр. 24) полукруге. Из 4 погребений – 2 парных и 1 – детское. Показательна и лощёная керамика с воронкообразным горлом. Миниатюрный шаровидный сосудик со слегка подчёркнутым горлом из погребения 24 кургана «Радутка» полностью аналогичен бурсученскому из погребения 21 (рис. 4/2). Находки гагатовых бус и проколки-амулета из отполированного клыка кабана (?) или его части

также сближают указанные комплексы [6, рис. 3/4-5; 7].

Следует особо оговорить относительную хронологию. В Койсугских курганах более ранними оказались древнейшие захоронения, в то время как в Бурсученах наблюдается обратная стратиграфия. Но подобная ситуация вполне объяснима, если рассматривать миграции указанных племён навстречу друг другу. В таком случае хронологический приоритет принадлежит западным комплексам животиловской группы.

В настоящее время аналогичные или близкие погребальные комплексы известны в различных регионах восточноевропейской степи, в том числе и в Дунай-Днестровском междуречье. Здесь некоторые исследователи насчитывают до 30 подобных захоронений [1, с. 89, рис. 1]. Однако по поводу их культурной атрибуции до сих пор нет единого мнения. Так, в своё время животиловские памятники зачем-то были переименованы в волчанские [10, с. 292–294, рис. 109, 146; 11, с. 7, рис. 3 и др.], и теперь везде в литературе упоминается тип Животиловка-Волчанск. А сравнительно недавно было предложено выделение так называемой группы Бурсучень, несмотря на то, что до сих пор этот памятник не введён в научный оборот. Не удивительно, что в эту группу попали разнородные погребения энеолитического времени, в частности, группы Хаджидер [1, с. 88–90, рис. 1–2]. В настоящее время трудно сказать, связаны ли они генетически или оставлены различными энеолитическими племенами, но различия между ними как в погребальном обряде, так и в инвентаре видны невооружённым взглядом.

Культурные группы Хаджидер и Животиловка представляют степное население с сильным влиянием земледельческих культур. И если для первой из них близкие аналогии находятся к западу от данного региона – в ареале культуры Чернавода-I, то для вторых – большинство аналогичных комплексов расположено на востоке – в курганах Поднепровья, Поингуля и Подонья. Появление этих памятников можно объяснить своеобразной компактной конвергенцией скотоводческих и земледельческих традиций, приведших в итоге к рождению новых культурных образований.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение данного вопроса (он будет возможен лишь после полной публикации памятника), следует отметить, что в последние годы наметилась тенденция не всегда оправданного дробления крупных культурно-исторических объединений на культуры, культурные группы, локальные варианты или географические центры. Часто основной причиной подобного «творчества» являются незначительные локальные отличия однокультурных памятников, не имеющие прин-

ципального значения. В результате и без того сложная и неоднозначная этнокультурная картина степного энеолита Северного Причерноморья запутывается ещё больше.

В своё время И. Ф. Ковалёва выделила в степном Поднепровье небольшую по количеству, но оригинальную по погребальному обряду и инвентарю группу, которую чётко описала и предложила назвать животиловской. В неё полностью вписываются основные комплексы из кургана у с. Бурсучены. Поэтому новые открытия не дают объективных оснований для переименования или расчленения указанного культурного объединения. С другой стороны, они свидетельствуют, что Днестро-Пруто-Дунайское междуречье не являлось географически и исторически замкнутой территорией, в которой периодически зарождались местные локальные культуры. Скорее, наоборот, они показывают, что данный регион оставался составной, неразрывной частью различных культурно-исторических общностей Северного Причерноморья.

Статья поступила в редакцию 13.09.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Демченко Т. И. К вопросу о выделении культурной группы Бурсучень в рамках Гордишештско-позднемайкопского феномена // *Culturi, Procese si Contexte in Arheologie. Chişinău: IPC AŞM*, 2016. С. 84–99.
2. Збенович В. Г. Поздне трипольские племена Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1974. 175 с.
3. Збенович В. Г. К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья // *Энеолит и бронзовый век Украины*. Киев: Наукова думка, 1976. С. 57–69.
4. Ковалёва И. Ф. Погребения животиловского типа в Присамарье // *Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. (Вып. 2)*. Днепропетровск: ДГУ, 1978. С. 46–54.
5. Ковалёва И. Ф. Погребения животиловской группы на левобережье Днестра // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.): тезисы докладов научной конф.* Киев: АН УССР, 1991. С. 66–67.

6. Максименко В. Е. Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону // Советская археология. 1973. № 1. С. 249–254.
7. Никулицэ А. Ювелирные изделия из золота и серебра, обнаруженные при раскопках памятников эпох энеолита и бронзы (по материалам из фондов НМАИМ) // Tiragetiа. Serie nouă. 2009. Vol. III (XVIII), № 1. С. 157–168.
8. Яровой Е. В. Охранные раскопки кургана у с. Бурсучены // Археологические открытия 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 491–492.
9. Лагодовська О. Ф. Пам'ятки усятівського типу // Археологія. 1953. Вип. VIII. С. 95–108.
10. Рассамакін Ю. Я. Світ скотарів // Давня історія України. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1997. С. 273–301.
11. Рассамакін Ю. Я. Степи Причорномор'я в контексті розвитку перших землеробських суспільств // Археологія. 2004. № 2. С. 3–27.

REFERENCES

1. Demchenko T. [To the question of allocation of the cultural group Bursuceni within Gardenista-late Maikop phenomenon]. In: *Culturi, Procese si Contexte in Arheologie* [Culturi, Procese si Arheologie in Contexte]. Chişinău, IPC AŞM Publ., 2016, pp. 84–99.
2. Zbenovich V. *Pozdnetripol'skie plemena Severnogo Prichernomor'ya* [Pozdnerimskoe tribes of the Northern black sea]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1974. 175 p.
3. Zbenovich V. [To the problem of the relations of Tripoli with the Eneolithic cultures of the Northern black sea]. In: *Eneolit i bronzovyi vek Ukrainy* [Eneolithic and bronze age Ukraine]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1976, pp. 57–69.
4. Kovalyova I. [Burial repatronage type in Priamure]. In: *Kurgannye drevnosti stepnogo Podneprov'ya III–I tys. do n.e. (Vyp. 2)* [Mound of ancient steppe Dnieper III–I Millennium BC (iss. 2)]. Dnepropetrovsk, DGU Publ., 1978, pp. 46–54.
5. Kovalyova I. [Burial gepaticeski group on the left Bank of the Dnieper]. In: *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ya (V tys. do n. e. — V v. n. e.): tezisy dokladov nauchnoi konf.* [The ancient community of farmers and cattlemen of Northern black sea coast (V century BC — V century ad): abstracts of scientific conference]. Kiev, AN USSZ Publ., 1991, pp. 66–67.
6. Maksimenko V. [New materials on the early bronze age on the Lower don]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1973, no. 1, pp. 249–254.
7. Nikulitse A. [Jewelry of gold and silver discovered during excavations of monuments of epoch of Eneolithic and bronze (according to materials from the collections of NMIM)]. In: *Tiragetiа, Serie nouă*, 2009, vol. III (XVIII), no. 1, pp. 157–168.
8. Yarovoi E. [Excavations of mound S. Bursuceni]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1978 g.* [Archeological discoveries, 1978]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 491–492.
9. Lagodovskaya O. [Monuments of the Usat type]. In: *Arkheolohiya* [Archeology], 1953, vol. VIII, pp. 95–108.
10. Rassamakin Yu. [The world of pastoralists]. In: *Davnya istoriya Ukrainy* [Ancient history of Ukraine]. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka Publ., 1997. pp. 273–301.
11. Rassamakin Yu. [Steppes of the Black Sea in the context of the development of the first agricultural societies]. In: *Arkheolohiya* [Archeology], 2004, no. 2, pp. 3–27.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яровой Евгений Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Yarovoy – Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Archaeology and History of the Ancient World and the Middle Ages, Moscow Region State University;
e-mail: jar.evgenijj@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яровой Е. В. Основные энеолитические погребения кургана у села Бурсучены в Центральной Молдове (предварительная информация) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 54–68.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-54-68

FOR CITATION

Yarovoy E. Main Eneolithic burials of a mound near the village of Bursuceni in Central Moldova (preliminary information). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 54–68.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-54-68

УДК 902

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-69-75

КУРГАН РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА 4 У С. ТАЛМАЗ В НИЖНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

Агульников С. М.

*Центр археологии Института культурного наследия Академии наук Республики Молдова
МД 2001 Кишинэу, бул. Штефан чел Маре, д. 1, Молдова*

Аннотация. Целью данной работы является публикация результатов раскопок кургана 4 у села Талмаз, расположенного на правом берегу р. Днестр. Указанный памятник был раскопан в 1989 г. В результате проведенных исследований удалось установить, что его сооружение было связано с погребением 1 ямной культуры. Особенностью кургана является наличие кромлеха и ровика, связанного с ямной культурой, а также открытием тризны катакомбного времени. Впускные захоронения совершены в период ранней и средней бронзы, а также средневековыми кочевниками.

Ключевые слова: Днестр, ямная культура, катакомбная культура, культура многоваликовой керамики, позднекочевнические захоронения, кромлех

EARLY BRONZE AGE BARROW 4 NEAR THE VILLAGE OF TALMAZ IN THE LOWER DNIESTER REGION

S. Agulnikov

*Institute of Cultural Heritage, Academy of Sciences of Moldova
1 bul. Shtefan chel Mare, Kishineu MD 2001, Moldova*

Abstract. This paper presents barrow 4 near the village of Talmaz located on the right bank of the Dniester river. The monument was excavated in 1989. The results of the conducted investigations indicated that its construction was connected with burial 1 of the Yamnaya culture. The barrow is characterized with a cromlech and a trench associated with the Yamnaya culture, as well as with the discovery of a Catacomb culture trizna. Inlet burials were made in the Early and Middle Bronze Ages, as well as by medieval nomads.

Keywords: Dniester, Yamnaya culture, catacomb culture, multirolled ceramics culture, late nomadic burials, cromlech

В 1989 г. Суворовская новоостроечная археологическая экспедиция Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР провела в Суворовском районе МССР (ныне район Штефан-Вода Республики Молдова) охранные археологические исследования. Они были связаны со строительством I-й очереди Каушанского орошаемого массива на землях сел Чобручи, Талмаза и Фештелица. Курганная группа находилась на возвышенном плато правого берега Днестра, в природно-географической зоне, именуемой Нижнеднестровской степной равниной. В

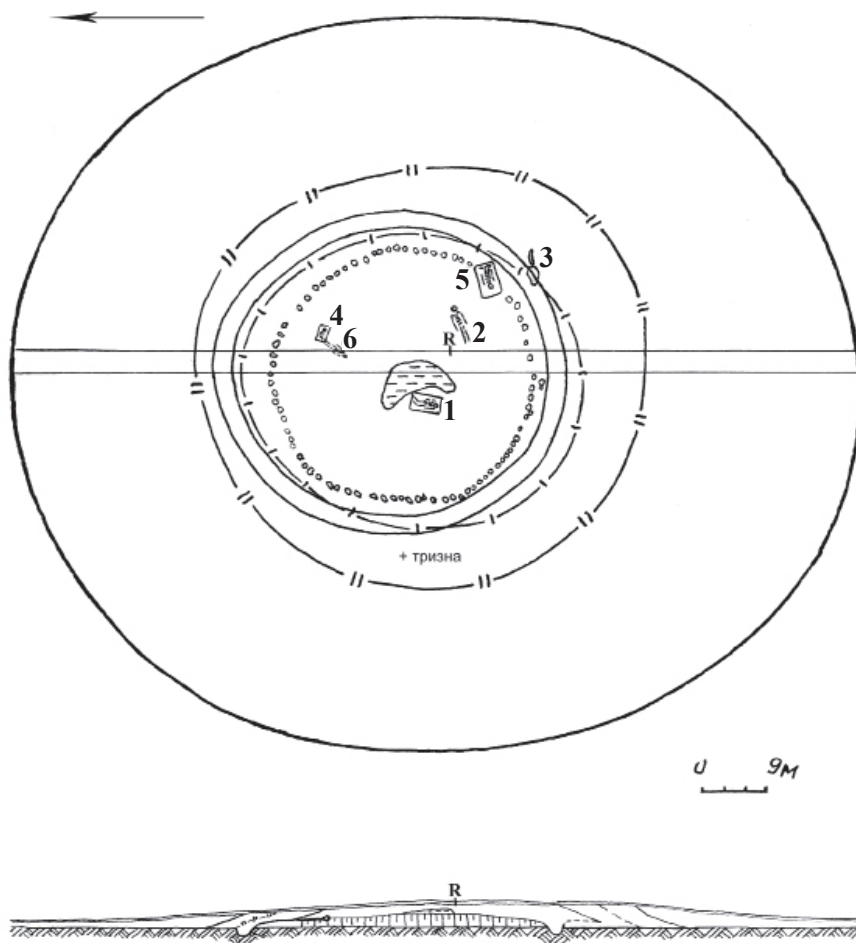

Рис. 1. Общий план и профиль кургана 4 у с. Талмаз

1989 г. было исследовано шесть курганов бронзового века и скифской культуры, расположенных на плато цепочкой по линии север-юг¹. До настоящего времени эта курганная группа, за исключением энеолитического кургана 3, не опубликована [1, с. 10–29].

Курган 4

Располагался в 5,4 км к ЮЗ от с. Талмаз и в 3 км к СВ от пгт. Суворово

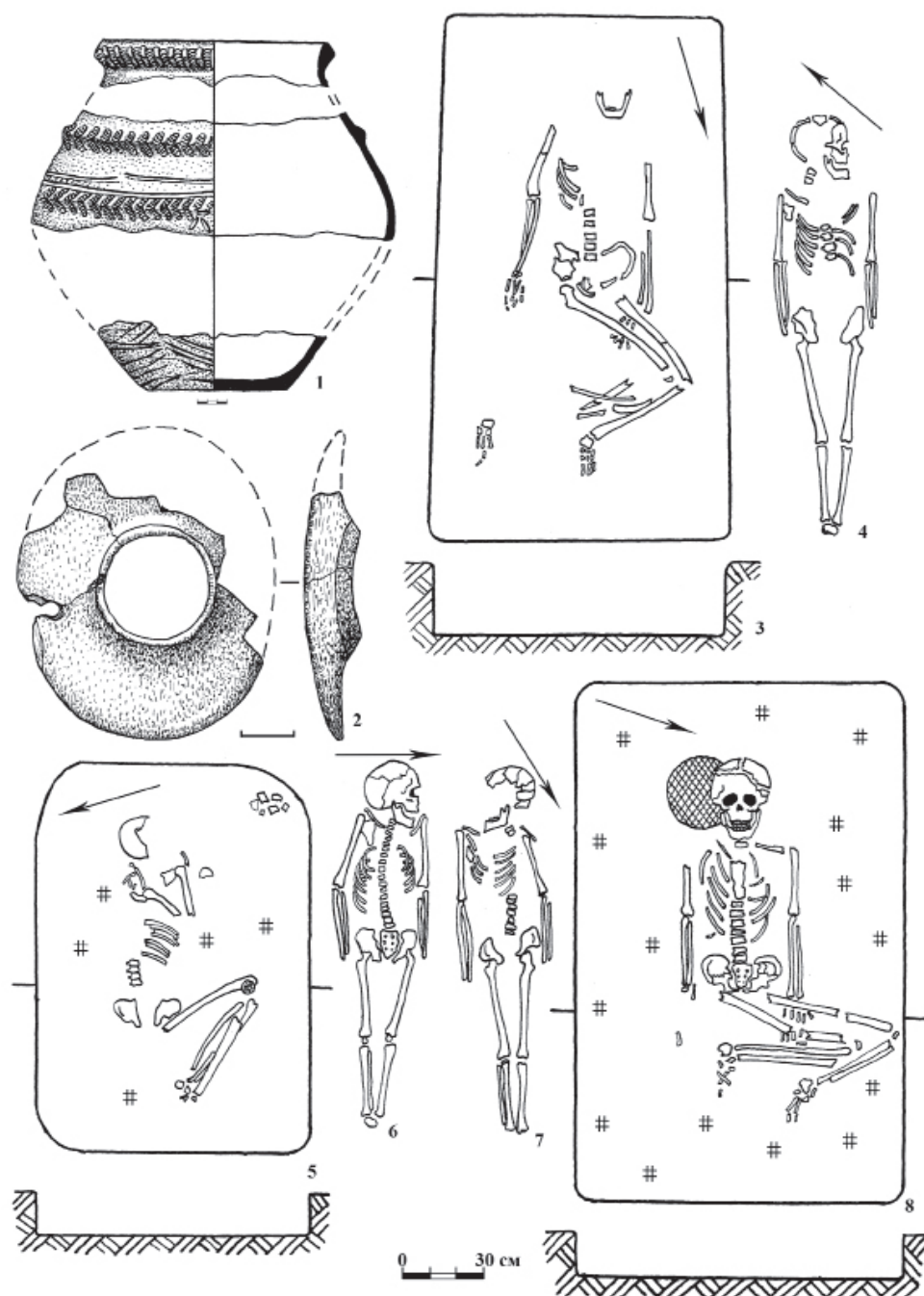
¹ Агульников С. М. Отчёт о полевых исследованиях Суворовской новостроечной археологической экспедиции в 1989 [рук.] / Архив МНАИМ, № 297.

(ныне Штефан Водэ) в составе курганной группы у с. Талмаз.

Насыпь кургана периодически распахивалась. Высота от уровня современной дневной поверхности – 1 м, от уровня древней погребённой почвы – 1,2 м, от уровня материка – 1,5 м.

В кургане обнаружено 6 погребений (рис. 1).

Погребение 1 (ямной культуры, основное) (рис. 2/2) – обнаружено в северо-западном секторе кургана на расстоянии 2,0 м (270°) от репера, на глубине 1,2 м. Захоронение находилось в слое древней погребённой почвы.

Прим.: 1 – сосуд катакомбной культуры из тризны в кургане; 2 – костяная пряжка из погр. 4; 3 – основное погр. 1; 4 – погр. 2; 5 – погр. 4; 6 – погр. 3; 7 – погр. 6; 8 – погр. 5

Рис. 2. Погребальные комплексы из кургана 4 у с. Талмаз

Погребальная камера трапециевидной формы с закруглёнными углами размерами 1,90x1,05x0,25 м была ориентирована по линии СВЗ – ЮЗЗ. Заполнение состояло из древнего чернозёма, перемешанного с глиной, в котором встречались отдельные мелкие известняковые камни.

Погребённый лежал в скорченном положении на спине головой на ЮЗЗ (194°). Череп нарушен грызунами, но судя по сохранившейся в первоначальном положении нижней челюсти, был обращён лицевой частью вверх. Руки, прямые, лежали вдоль туловища. Кисть левой руки перекрыта бедренными костями ног, которые первоначально стояли коленями вверх, а затем упали влево.

Погребение 2 (позднекочевническое) (рис. 2/4) – обнаружено в юго-восточном секторе кургана на расстоянии 6,40 м (143°) от репера, на глубине 0,5 м. Захоронение совершено в насыпи кургана. Контуры погребальной камеры проследить не удалось.

Погребённый лежал вытянуто на спине головой на СВ (52°). Череп обращён лицевой частью влево, на юго-восток. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги прямые, соприкасаются голеностопными суставами.

Погребение 3 (позднекочевническое) (рис. 2/6) – обнаружено в юго-восточном секторе кургана на расстоянии 6,40 м (143°) от репера, на глубине 0,6 м. Захоронение совершено в насыпи кургана. Контуры погребальной камеры проследить не удалось.

Погребённый лежал вытянуто на спине, головой на запад (270°). Череп обращён лицевой частью влево, на север. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая рука слегка согнута.

Ноги прямые, соприкасаются голеностопными суставами.

Погребение 4 (культуры многоваликовой керамики) (рис. 2/5) – обнаружено в северо-восточном секторе кургана в 5,2 м (15°) от репера, на глубине 0,6 м.

Погребальная камера прямоугольной формы с сильно округлёнными углами была ориентирована по линии ЮВ – СЗ. Размеры камеры 1,45x1 м, глубина от уровня фиксации – 0,15 м.

Погребённый лежал скорченно на левом боку, головой на ВЮВ. Лицевая часть черепа и лучевые кости рук отсутствуют. Ноги сильно скорчены влево. Скелет плохой сохранности.

Дно ямы покрывал тёмно-коричневый тлен от растительной подстилки.

Инвентарь: округлая костяная пряжка – лежала на колене погребённого. Пряжка с двумя отверстиями. Её диаметр 5,5 см, диаметр большого отверстия – 1,5 см, диаметр малого отверстия – 0,4 см (рис. 2/2).

Погребение 5 (ямной культуры) (рис. 2/8) – обнаружено в юго-восточном секторе кургана (135°) в 4,6 м от репера, на глубине 1,8 м.

Погребальная камера прямоугольной формы с округлёнными углами была ориентирована по линии СВВ – ЮЮЗ (252°). Размеры камеры – 1,9x1,2 м, глубина от уровня фиксации – 0,15 м. Заполнение состояло из смеси чернозёма и предматерикового суглинка, в котором встречались фрагменты деревянных плах перекрытия, уложенного поперёк ямы.

Погребённый лежал скорченно на спине, головой на ЮЮЗ, лицевой частью вверх. Руки, прямые, вытянуты вдоль туловища. Кисть левой руки лежит под бедренной костью левой ноги. Ноги первоначально стояли коленями

вверх, но затем упали влево. Степень скорченности ног сильная.

Костяк окрашен охрой ярко-красного оттенка. Особенно интенсивно окрашен череп, у которого находилось скопление охры овальной формы размерами 0,28х0,25 м.

Дно погребальной камеры покрывал тёмно-коричневый тлен от растительной подстилки.

Погребение 6 (позднекочевническое) (рис. 2/7) обнаружено в северо-восточном секторе кургана в 3,5 м от репера (9°), на глубине 0,58 м. Контуры погребальной камеры проследить не удалось.

Погребённый лежал вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, лицевой частью повернут вправо. Руки, прямые, уложены вдоль туловища. Ноги прямые.

Находки в насыпи кургана

В 5 м к востоку от репера на глубине 0,6 м найдено скопление керамики и костей животных. В нем выделяются фрагменты большого сосуда биконической формы, орнаментированного двумя валиками по тулову и одним – в верхней части горла. На валики и стенки сосуда нанесён орнамент в виде тупых треугольников, выполненный двойным штампом типа «гусеничка». Поверхность тёмно-серого цвета, заглаженная, покрыта изнутри и снаружи расчёсами травы. Высота сосуда – 35 см, диаметр дна – около 12 см, диаметр тулова – 38 см, диаметр венчика – 20–22 см (рис. 2/1).

В скоплении также находились отдельные фрагменты сероглиняного лепного сосуда горшковидной формы, восстановить который не удалось. Здесь же обнаружены бабки крупного рогатого скота. По всей видимости, указанное скопление является местом

тризны бронзового века, связанной с катакомбной культурой.

Стратиграфия и относительная хронология кургана 4

Сооружение первоначальной насыпи кургана 4 связано с основным захоронением 1 ямной культуры. Одновременно с сооружением кургана был возведен каменный кромлех, состоящий из отдельных необработанных известняковых камней, вкопанных на уровне древней дневной поверхности. Кромлех имел неправильную округлую форму. Его диаметр – 12 м. Далее имелся сплошной ров диаметром 17 м, частично перекрытый в юго-западном секторе расплывшейся первоначальной насыпью. Ширина рва – 0,8–1 м, глубина – 0,7–0,9 м. Дно округлое.

С погребением I связан материковый выброс, который лёг полукольцом вокруг него диаметром 4 м, толщиной до 0,2–0,3 м.

Следующий хронологический горизонт представлен погребением ямной культуры 5, с которым, по всей вероятности, связано сооружение II-й насыпи диаметром 22 м. По краям кургана отмечены чернозёмные клинья. Сооружение III-й насыпи, возможно, связано с погребением 4. Погребение 4 было впущено во II-ю насыпь и относится к культуре многоваликовой керамики (КМК). В дальнейшем в курган 4 были впущены позднекочевнические погребения 2, 3 и 6, образующие самый поздний горизонт.

Культурно-хронологические группы кургана 4

Основное погребение 1 совершено носителями ямной культуры и соответствует I-й обрядовой группе (по

Е. В. Яровому) [5, с. 25–27]. С ним связано сооружение рва и кромлеха, что не совсем типично для ямных комплексов Нижнего Поднестровья. К этой же группе относится и погребение 5, перерезающее ров и кромлех в юго-западном секторе. Оба захоронения относятся к так называемой «городцовой» группе захоронений раннего бронзового века – развитого этапа ямной культуры. В обоих случаях имеются простые прямоугольные погребальные камеры, наличие охры и скорченное на спине положение погребённых. Возможно, они были совершены в небольшой промежуток времени.

Вызывает определённый интерес находка орнаментированного валика и насечками биконического сосуда из тризны в насыпи кургана. При этом захоронений катакомбной культуры в кургане не было обнаружено. По всей видимости, в данном случае имела место тризна раннего бронзового века, связанная с катакомбной культурой. Подобная керамическая форма сопоставима с памятниками позднекатакомбного периода Подонья, а именно Манычского типа, не характерного для погребальных комплексов катакомбной культуры Нижнего Поднестровья. Скорее всего, она связана с позднейшей фазой Донской катакомбной культуры [2, с. 252], носители которой также проникали и в Северо-Западное Причерноморье. Следует отметить, что типологически близкий по форме

сосуд был найден в катакомбном погребении 9/1 Семёновского курганно-могильника, который находится на правом берегу Днестровского лимана, примерно в 50 км к югу от с. Талмаз [4, с. 90–92, рис. 15/6-7].

Погребение культуры 4 культуры многоваликовой керамики совершено в погребальной камере типа Д – прямоугольной формы, наиболее распространённой для данного культурного образования (известно 121 погребение с прямоугольными камерами, но на 1-ом месте камеры овальной формы – 166 погребений) [3, с. 18, табл. 1]. Погребение 4 сопровождалось костяной пряжкой выпуклой формы с выделенным бортиком вокруг большого отверстия. Данные пряжки соответствуют III-му типу подобных изделий (по Е. Н. Савве) [3, с. 42–45, рис. 11] и характеризуют развитый период культуры КМК в Пруто-Днестровском регионе.

Погребения средневековых кочевников безынвентарны и их культурная принадлежность трудноопределима. Возможно, погребение 6 связано с исламизированными ногайскими племенами, так как погребённый обращен лицевой частью черепа к ЮВ – в сторону Мекки (Кыблы). Таким образом, курган 4 у с. Талмаз являлся погребальным сооружением, который использовался длительный период – от раннего бронзового века до позднего средневековья.

Статья поступила в редакцию 16.10.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Агульников С. М., Яровой Е. В. Энеолитический курган у села Талмаз в Нижнем Поднестровье в Молдавии // *Carpatica-Карпатика: Давня історія Карпато-Дунайського ареалу та суміжних регіонів*. 2004. Вип. 31. С. 12–29.
2. Братченко В. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976. 252 с.

3. Савва Е. Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1992. 226 с.
4. Субботин Л. В. Семёновский могильник энеолита-бронзы // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1985. С. 45–95.
5. Яровой Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2000. 47 с.

REFERENCES

1. Agul'nikov S., Yarovoi E. [Neolithic barrow near the village of Talmaz in the Lower Dniester area in Moldova]. In: *Carpatica-Karpatika: Drevnyaya istoriya Karpato-Dunaiskogo areala i smezhnykh regionov* [Carpatica-Karpatika: Ancient history of the Carpathian-Danube area and the adjacent regions], 2004, no. 31, pp. 12–29.
2. Bratchenko V. *Nizhnee Podon'e v epokhu srednei bronzy* [The lower don region in the middle bronze age]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1976. 252 p.
3. Savva E. *Kul'tura mnogovalikovo keramiki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ya* [Multiraised border pottery culture of the Dniester-Prut interfluv]. Chisinau, Shtiintsa Publ., 1992. 226 p.
4. Subbotin L. [Semenovskiy burial of Eneolithic-bronze]. In: *Novye materialy po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [New materials on the archaeology of the northwestern black sea]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1985. pp. 45–95
5. Yarovoi E. *Skotovodcheskoe naselenie Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya epokhi rannego metalla: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [The pastoral population of the North-Western black sea early metal: abstract of Doc. thesis in Historical sciences]. Moscow, 2000. 47 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Агульников Сергей Михайлович – научный сотрудник Центра археологии Института культурного наследия Академии Наук Молдовы;
e-mail: agulnikov-budjak@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey M. Agulnikov – Researcher, Centre for Archeology, Institute of Cultural Heritage, Academy of Sciences of Moldova;
e-mail: agulnikov-budjak@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Агульников С. М. Курган раннего бронзового века 4 у с. Талмаз в Нижнем Поднестровье // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 69–75.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-69-75

FOR CITATION

Agulnikov S. Early Bronze Age barrow 4 near the village of Talmaz in the Lower Dniester Region. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 69–75.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-69-75

УДК 903.2(477)

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-76-100

КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ПРОВАЛЬСКОЙ СТЕПИ

Пыслару И.*Музей археологии «Каллатис»**905500, г. Мангалия, Шоссе Констанцы, д. 23, Румыния*

Аннотация. Целью статьи является публикация результатов археологических исследований автора, проведённых в 70-е гг. XX в. на юге Донбасса, в Свердловском районе Луганской области Украины и на территории Гуковского района Ростовской области РФ. Вниманию читателей предлагаются материалы, полученные при раскопках 2 курганов, в которых было открыто 39 погребений различных археологических культур: от эпохи ранней до поздней бронзы. Оба кургана были возведены в ямное время, но их отличительной особенностью является факт большой насыщенности впускными захоронениями. В результате проведённых раскопок удалось установить, что они представляют собой небольшие курганные некрополи, которые служили сакральным местом для местного животноводческого населения на протяжении длительного времени.

Ключевые слова: курган, ямная культура, катакомба, культура Делакэу-Бабино, срубная культура, керамика

BRONZE AGE BARROWS IN THE PROVALSKAYA STEPPE

I. Pyslaru*Museum of archaeology "Kallatis"**23 Sos. Constanța, Mangalia 905500, România*

Abstract. This paper presents the results of the author's archaeological research, conducted in the 70s of the 20th century in the south of Donbass, Sverdlovsk district of the Luhansk region, Ukraine, and in the Gukovo district of the Rostov region, Russian Federation. The paper represents the results obtained during the excavations of 2 burial mounds, in which 39 burials of various archaeological cultures were discovered: dated from the Early to Late Bronze Age. Both mounds were erected in the Yamnaya culture period; however, the abundance of inlet burials was noted. The excavations showed that both mounds represented small burial necropolises, which served as a sacred place for the local pastoralist population for a long time.

Keywords: barrow, Yamna culture, catacomb, Delacau-Babino culture, Srubnaya culture, ceramics

В 6 км к востоку от с. Провалье Свердловского района Луганской области, в районе Грушевой балки, которая служит границей между Украиной и Россией, Северско-Донецкой экспедицией Института археологии Академии наук Украины проводились обширные работы по обследованию региона, попадавшего в зону строительных работ по сооружению прудов-накопителей. В среднем тече-

нии ручья в балке Грушевой нами была выявлена группа из нескольких курганов. Они имели небольшие насыпи и располагались компактно вдоль правого берега балки (рис. 1).

Курган 11

Курган располагался на высоком мысу правого берега балки Грушевой, недалеко от пионерского лагеря «Юность» Гуковского района.

Диаметр кургана достигал 30 м, высота около 0,8 м. Южная пола кургана пологая, северная – крутая. В вос-

точной поле заметны следы перекопа. Курган раскапывался тремя параллельными траншеями, проложенными с помощью бульдозера с С на Ю, с оставлением бровок (рис. 2).

На стратиграфических разрезах прослеживаются следующие слои: материковый суглинок с уровня 1,15 м и от Р(репера), погребённая почва с уровня 0,30 м и от Р с видимой линией ДГ длиной до 13 м с лежащим на ней выкидом мешаного грунта (гумус с суглинком и комочками мела) мощностью до 0,40 м и из основного

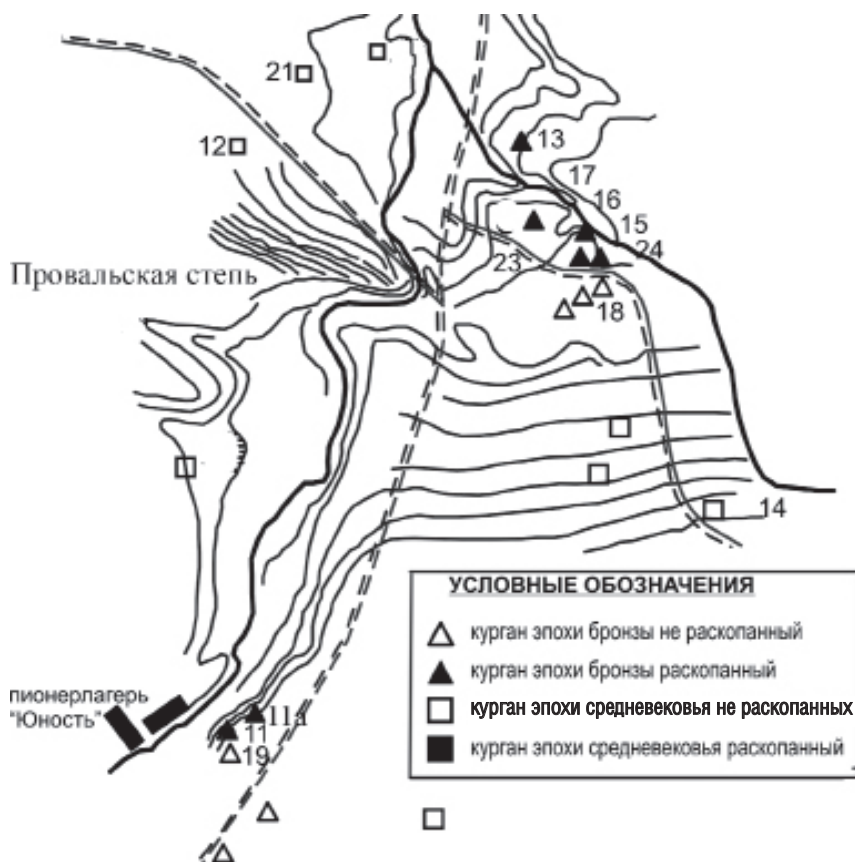

Рис. 1. Провальская степь. Грушевая балка. Археологические памятники

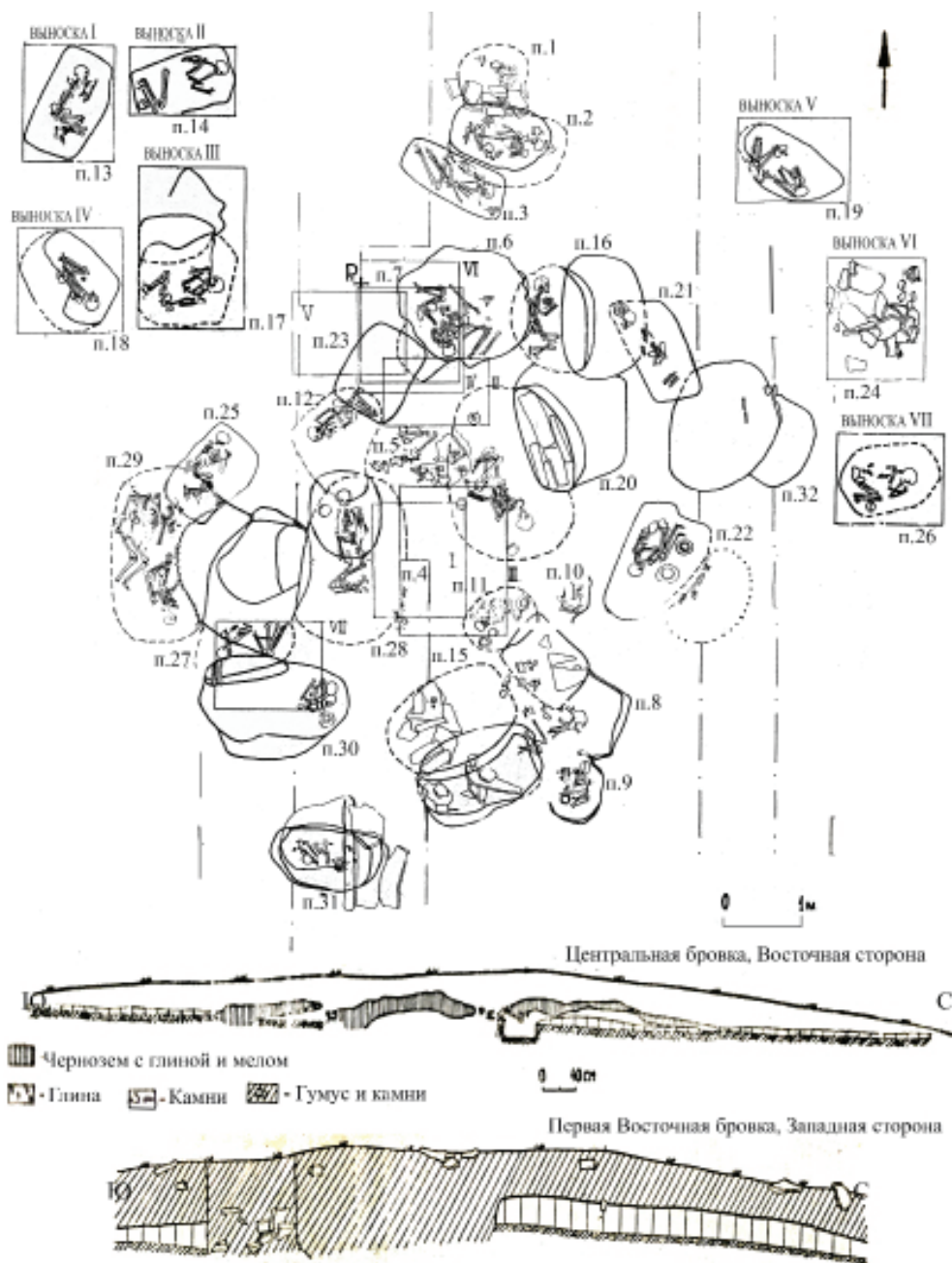

Рис. 2. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган № 11. План и профили

погребения № 25; гумусированная насыпь, фиксировавшаяся меловым выкидом из впускного погребения № 28 (?) (см. Центральная бровка, за-

падная сторона), гумусированная насыпь 2 (рис. 2).

Всего в кургане обнаружено 32 погребения. Из них 1 – ямное (?), 19 –

катакомбных, 6 – культуры Бабино (культуры многоваликовой керамики), 6 – срубных.

Погребение 1 (катакомбное) в 3 м, под углом 32°, на ур. 1,13 м от Р (рис. 3). Нарушено бульдозером. Входная яма не прослежена. Сохранился каменный заклад из крупных (0,40х0,20х0,20 м) плит песчаника, закрывавших вход в катакомбу с южной стороны. Плиты были поставлены в 2–3 ряда. Стенка слегка завалилась к В. В восточной части катакомбы – скопление костей очень плохой сохранности. По-видимому, труп был расчленён. На черепе и костях конечностей прослежены следы охры.

Погребение 2 (катакомбное) в 8 м, под углом 45°, на ур. 1,55 м от Р. Входная шахта в насыпи не прослеживалась. Катакомба овальной формы 1,00 к 1,12 м, высота свода 0,32 м.

На дне костяк взрослого на правом боку, скорченно, завалившись на грудь, головой на В. Правая рука вытянута по направлению к оленям, левая – вдоль туловища, кисть на середине левого бедра. Перед лицом сосуд. У верхнего сустава левого плеча кусок чёрной смолы. В 10 см от черепа, у восточной стенки изнутри плита песчаника 18х12 см. У дна сосуда челюсть мелкого животного (рис. 3).

Сосуд с прямой шейкой, отогнутым

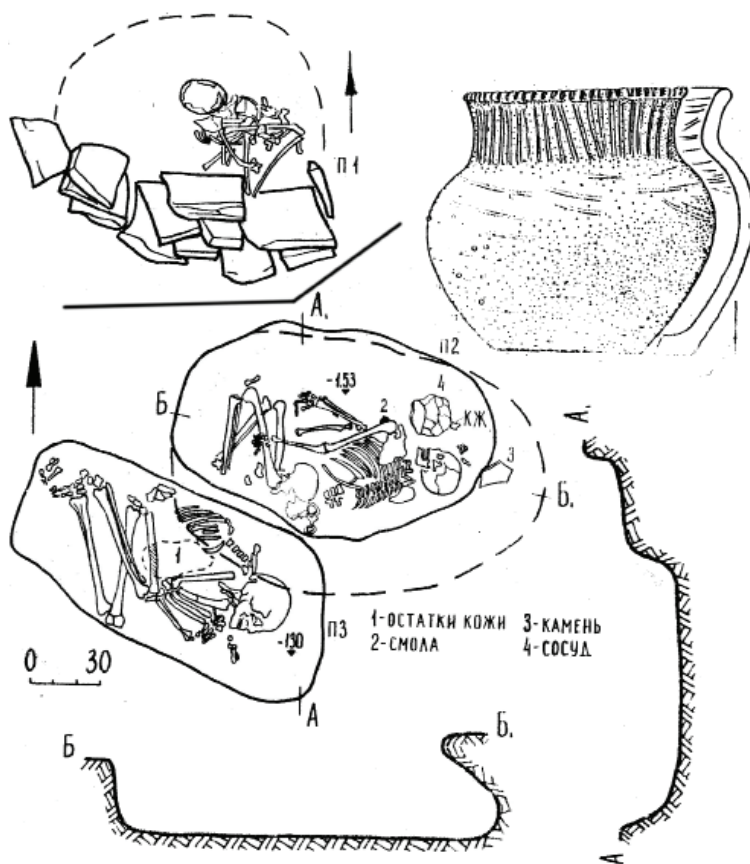

Рис. 3. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган № 11. Погребения №№ 1, 2, 3

венчиком, выпуклыми боками, плоским дном. Орнаментирован по краю венчика рядом вертикальных ногтевых вдавлений. По шейке вертикальные расчёсы, по туловищу и внутри сосуда косые расчёсы. Поверхность серая и чёрная. Высота – 14,4 см, дно – 9 см.

Погребение 3 (позднемогильное) в 2 м, под углом 40°, на ур. 1,30 м от Р. Яма подпрямоугольной формы с закруглёнными углами 1,40x0,67 м, ориентирована длинной осью СВ-ЮЗ. На дне костяк взрослого на левом боку, скорченно, головой на ЮЗ. Руки согнуты в локтях, кисти у подбородка. Ноги в тазобедренных суставах согнуты под углом 50°, 75°, а в коленных – 25°. В районе живота – остатки кожи (рис. 3).

Погребение 4 (позднемогильное?) в 4 м, под углом 170°, на ур. 0,90 м от Р. Нарушено бульдозером. Костяк на правом боку, скорчен, ориентирован головой на С. Кости рук не сохранились. Ноги в тазобедренных суставах согнуты под прямым углом, в коленях – 25° (рис. 4).

Погребение 5 (катакомбное) в 2 м, под углом 170° на ур. 1,42 м от Р. Разрушено грызунами. Отдельные кости человека (рёбра, позвонки, лучевая

кость) шли с уровня 1,07 м от Р. Основное скопление костей – на уровне 1,42 м от Р состояло из черепа, тазовых и бедренных костей, лежащих не в анатомическом порядке. Вокруг скопления на ур. от 0,22 и до 1,37 м располагались плиты песчаника. На ур. от 0,52 и до 1,22 м – фрагменты сосуда (рис. 4). Сосуд в обломках, с короткой шейкой и резко сужающейся прямой шейкой, отогнутым венчиком, выпуклыми боками, плоским дном. Орнаментирован по краю венчика насечками. До плечиков – ряд ногтевых вдавлений. По туловищу расчёсы. Поверхность чёрная и коричневая. Высота – 18,3 см, дно – 11 см (рис. 4).

Погребение 6 (катакомбное) в 1,5 м, под углом 110°, на ур. 1,33 м от Р. Яма подпрямоугольной формы с закруглёнными углами, ориентирована длинной осью СЗ-ЮВ. Западная часть ямы разрушена более поздним погребением 7. От костяка сохранились лишь нижняя часть и кости левой руки. От правой руки сохранилась лишь кисть, лежавшая на костях таза. Судя по оставшимся костям, погребённый, взрослый, лежал на левом боку, скорченно, головой на СЗ. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги согнуты

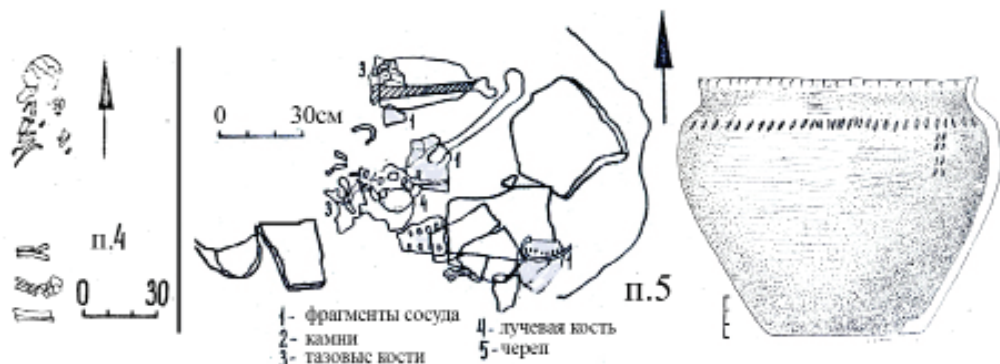

Рис. 4. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган № 11. Погребения №№ 4, 5

в тазобедренных суставах под углом 90° – 100° , в коленях – 30° – 40° . У локтевой кости – пятно органических остатков 18×10 см (рис. 5).

Погребение 7 (позднемогаваликовое?) в 1,0 м, под углом 110° , на ур. 1,35 м от Р. Яма ориентирована длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Восточная стенка перекрывала погребение 6, южная перекрывалась более поздним погребением 14, поэтому размеры ямы определялись условно – по западной и северной стенкам – $1,25 \times 0,75$ м.

На дне костяк взрослого на правом боку, скорченно, головой на ЮЗ. Руки согнуты в локтях, кисти у лица (?). Ноги согнуты в тазобедренных суставах под углом 95° – 100° , в коленях – 33° .

Череп и таз располагалась на ур. 1,18 м от Р, в то время как кости нижних конечностей – на уровне 1,35 м от Р. Очевидно, погребение было совершено на ур. 1,18 м от Р, но нижняя часть скелета просела в заполнение погребения 6. У плеча сосуд (рис. 5). Сосуд в форме биконической банки. Поверхность пятнистая, коричневатая чёрная. Высота – 8,7 см, дно – 5,6 см.

Погребение 8 (позднемогаваликовое?) в 16,5 м, под углом 155° , на ур. 1,06 м от Р. Контуры ямы прослежены частично, так как погребение 8 перекрывало погребение 11, и, в свою очередь, перекрывалось погребением 9. Сохранилась лишь восточная стенка длиной 0,8 м. Костяк взрослого лежал на левом боку, скорченно, головой на В. Руки согнуты в локтях, кистями у подбородка. Ноги в тазобедренных суставах согнуты под углом 45° – 50° , в коленных – 35° , 60° (рис. 6).

Погребение 9 (срубное) в 7 м, под углом 160° , на ур. 1,50 м от Р. Яма овальной формы $1,10 \times 0,60$ м, ориентирована длинной осью СВ-ЮЗ. Костяк лежал на левом боку, скорченно, головой на СВ. Руки согнуты в локтях, кисти перед грудью, ноги согнуты в тазобедренных суставах под углом 45° , в коленных – 25° . За костяком, у таза сосуд. У ступней – следы охры (рис. 6). Сосуд баночной формы с выделенной закраиной у дна. Поверхность бугристая, грязно-серая. Высота – 8,5 см, дно – 9,7 см (рис. 6).

Погребение 10 (позднемогаваликовое?) в 15,0 м, под углом 145° , на ур.

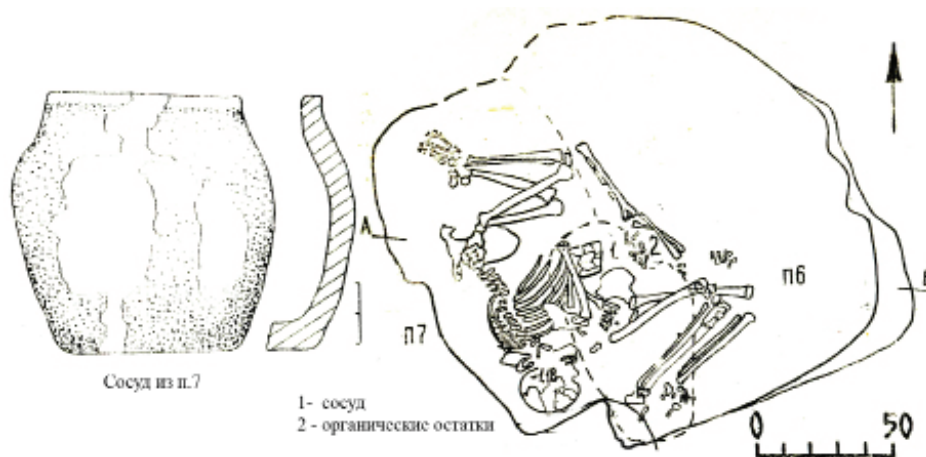

Рис. 5. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган № 11. Погребения №№ 6, 7

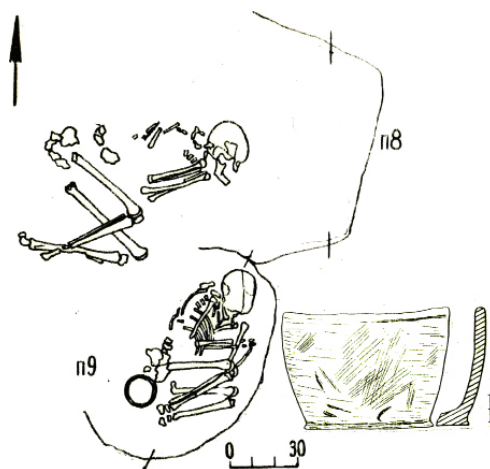

Рис. 6. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган № 11. Погребения №№ 8, 9

0,95 м от Р. Костяк молодого индивидуума сохранился частично. Судя по оставшимся костям, погребённый лежал скорченно, на левом боку, головой

на ССВ. Кисти у черепа. Ноги согнуты в коленях под углом 20° (рис. 7).

Погребение 11 (катакомбное) в 5,5 м, под углом 155° , на ур. 1,74 м от Р. Входная шахта прямоугольной формы 1,20х0,9 м, ориентирована длинной осью СВ-ЮЗ. Заполнение – гумус и камни. В СВ стенке вход в катакомбу, закрытый вертикально стоящими плитами песчаника. В заполнении шахты, на ур. 1,35–1,40 м от Р, у ЮЗ стенки – фрагменты жаровни с углями. На дне шахты – угли. Катакомба овальной формы 1,05х0,90 м, ориентирована длинной осью СВ-ЮЗ, т. е. находилась в перпендикулярном сопряжении с шахтой. На дне – костяк ребёнка, сильно потревоженный грызунами (?). Судя по оставшимся на месте костям, погребённый лежал на правом боку, скорченно, головой на ЮЗ. Правая

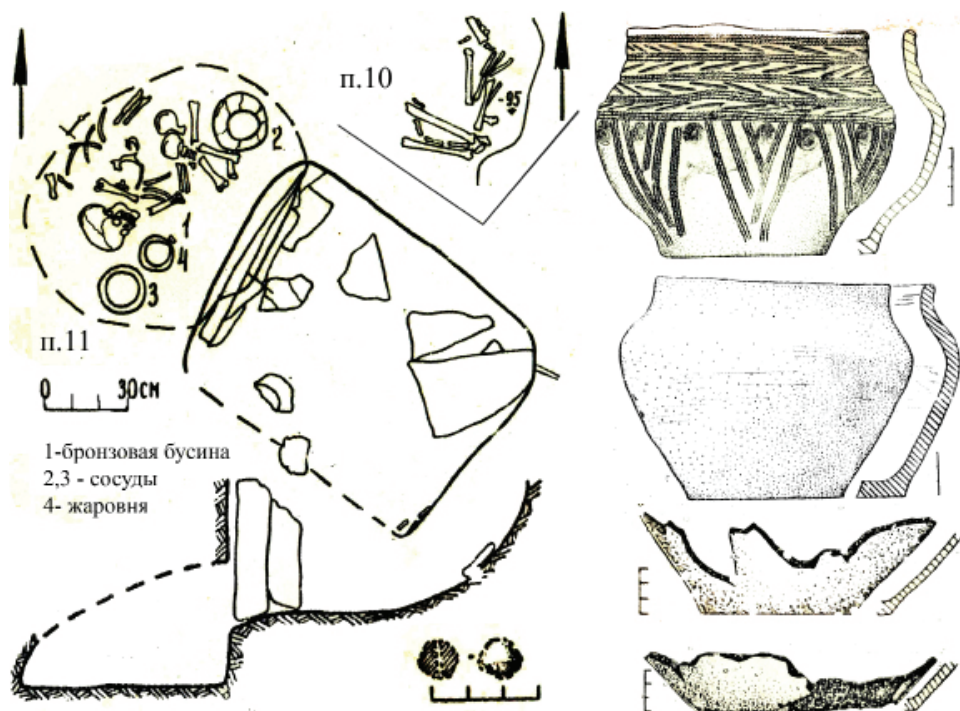

Рис. 7. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган № 11. Погребения №№ 10, 11

рука согнута в локте, кисть у таза. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под прямым углом, в коленях – 30° . Перед черепом два сосуда. В ногах – 2-я жаровня. Под черепом кусочки охры и фрагмент бронзовой бусины. У колен бронзовая бусина бочонковидной формы. В заполнении нор грызунов нашлась ещё одна жаровня (рис. 7).

Сосуд 1 – кубок с прямой шейкой, крутыми плечиками, выпуклыми боками и слабо выделенным поддоном. Орнаментирован по шейке и плечикам рядами трёхрядной тесьмы и косыми насечками. Ниже, до дна, спускаются треугольные оттиски тесьмы и ряд круглых углублений. Поверхность серо-коричневая, с потёком. Высота – 12,2 см, дно – 8,5 см.

Сосуд 2 – приземистый с короткой прямой шейкой, крутыми плечиками. Поверхность заглажена, жёлтая и чёрная, внутри расчёсы. Высота – 15 см, дно – 10 см.

Жаровня 1 – из дна сосуда, дно – 13,5 см.

Жаровня 2 – из дна сосуда с неровной поверхностью желтоватого цвета, дно – 10,3 см.

Погребение 12 (катакомбное) в 2 м, под углом 185° на ур. 2,05 м от Р. Входная шахта круглой формы диаметром 1,20х0,5 м, ориентирована длинной осью СВ-ЮЗ. Заполнение – гумус и камни. В заполнении из гумуса находились камни, фрагменты дерева и костей черепа. На дне шахты – угли. В северной стенке шахты вход в катакомбу овальной формы 1,45х1,00 м, ориентированную длинной осью СВ-ЮЗ. Высота свода катакомбы до 0,35 м.

На дне – костяк взрослого, на правом боку, скорченно, головой на ЮЗ. Правая рука вытянута вдоль тела, ки-

стью у таза, левая, согнутая в локте под прямым углом, поперёк поясничных позвонков, кисть у середины предплечья правой руки. Ноги сильно согнуты в тазобедренных суставах под углом $120^\circ, 140^\circ$, в коленях – $2^\circ, 25^\circ$. На лучевой кости – костный мозоль. У ног небольшое пятно охры. Под черепом – остатки подстилки (рис. 8).

Погребение 13 (позднее бабинское?) в 3,8 м, под углом 167° , на ур. 1,33 м от Р. Яма прямоугольной формы 1,35х0,7 м, ориентирована длинной осью ССВ-ЮЮЗ. Погребённый, взрослый, на левом боку, скорченно, головой на ССВ. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом.

Ноги согнуты в тазобедренных суставах под углом $90^\circ, 115^\circ$, в коленях – $10^\circ, 25^\circ$. Под черепом плоский камень вытянутой формы. Лопатка погребённого имела патологические изменения (рис. 8).

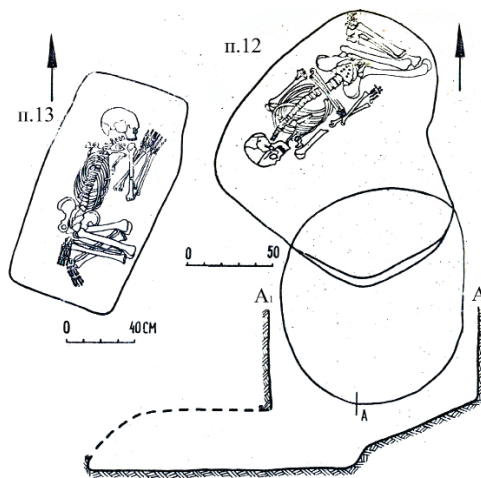

Рис. 8. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган № 11. Погребения №№ 12, 13

Погребение 14 (срубное) в 1,5 м, под углом 150° , на ур. 1,45 м от Р. Яма прямоугольной формы с закруглёнными

ми углами 1,35x0,70 м, ориентирована длинной осью ВСВ-ЗЮЗ.

Костяк взрослого лежал на левом боку, скорченно, головой на ВСВ. Руки согнуты в локтях, кисти перед грудью. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под углом 100°, в коленях – 35°. За костяком, у таза сосуд. Сосуд баночной формы. Поверхность коричневая и красноватая. Высота – 13,2 см, дно – 9,8 см (рис. 9).

Погребение 15 (катакомбное) в 6 м, под углом 165°, на ур. 2,80 м от Р. Входная шахта овальной формы 1,7x1,2 м, ориентирована длинной осью СВ-ЮЗ. В заполнении попадались угли. На дне – камни. Часть их провалилась в катакомбу, располагавшуюся в северной стенке. Катакомбы овальной формы 1,80x1,50 м, в параллельном сопряжении с шахтой. Высота свода до 0,80 м. На дне, у северо-восточной стенки жаровня с углями. Кроме неё, найден передний зуб лошади. В кротовине, уходящей в потолок камеры, – позвонок человека.

Жаровня из дна сосуда со стенками. Орнаментировка у дна рядом ёлки

из оттисков гребенчатого штампа и рядами оттисков полого стебля. Дно – 12,8 см (рис. 9).

Погребение 16 (катакомбное) в 3 м, под углом 100° на ур. 2,70 м от Р. Входная шахта овальной формы 1,5x1,00 м, ориентирована длинной осью С-Ю. Заполнение – чернозём. В СВ углу шахты, в норе грызуна найдены обломки нижней челюсти человека. С ЮВ стороны колодец прорезался погребением 21. СЗ угол погребения 21 просел, вследствие чего на дне шахты, на ур. 1,95 м от Р, оказались сосуд и череп из погребения 21 (рис. 10).

Вход в катакомбу располагался в западной стенке шахты и представлял собой узкую щель шириной 0,40 м. Дно камеры ниже дна шахты на 0,75 м. Катакомба овальной формы 1,45x1,00 м, в параллельном сопряжении с колодцем. Высота свода до 0,80 м.

На дне костяк взрослого, на левом боку, скорченно, головой на С. Левая рука согнута в локте, нижние эпифизы предплечья перед грудью. Ноги в тазобедренных суставах согнуты под прямым углом, в коленях – 40°, 45°. Перед

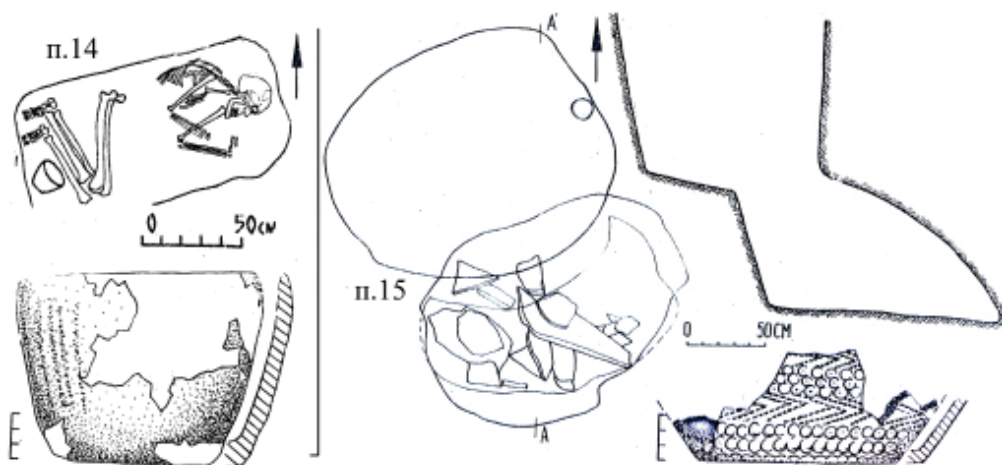

Рис. 9. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган № 11. Погребения №№ 14, 15

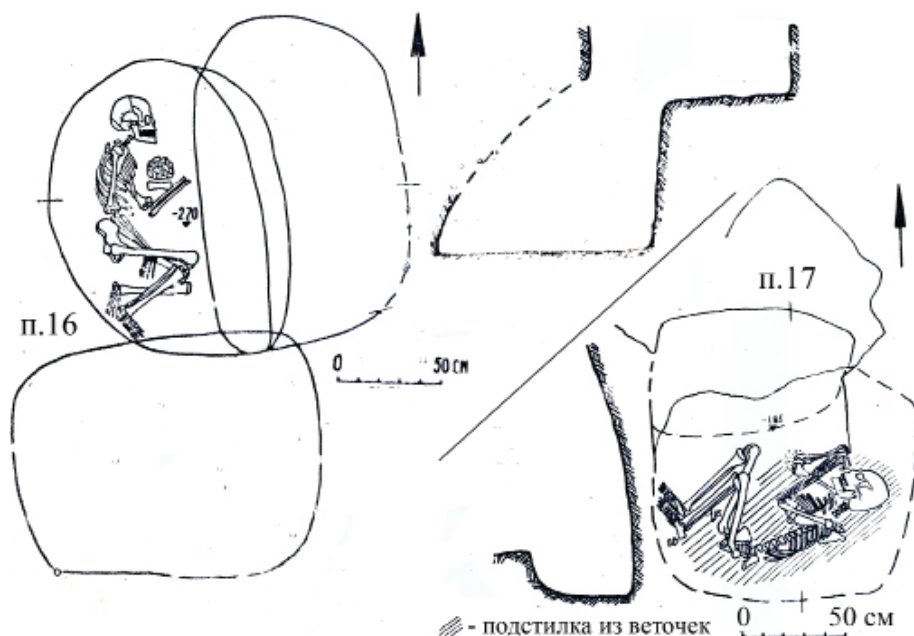

Рис. 10. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Погребения №№ 16, 17

грудью – остатки деревянной чаши и кость животного. Следует отметить, что южная стенка катакомбы нарушила северную стенку входной шахты погребения 20, т. е. погребение 20 являлось более ранним, чем погребение 16.

Погребение 17 (катакомбное) в 14 м, под углом 163° , на ур. 1,85 м от Р. Входная шахта разрушила погребение 5, так как кости, керамика из погребения 5 находились в заполнении шахты погребения 17. Катакомба подпрямоугольной формы $1,3 \times 1,05$ м, ориентирована длинной осью В-З. На дне костяк взрослого, на правом боку, скорченно, головой на В. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Ноги в тазобедренных суставах согнуты под углом 60° , в коленях – 40° . У локтя правой руки посыпка охры. Под костяком коричневый тлен (рис. 10).

Погребение 18 (катакомбное) в 1,5 м, под углом 135° на ур. 1,74 м

от Р. Входная шахта не прослеживалась. Катакомба овальной формы $1,30 \times 1,05$ м, ориентирована длинной осью СЗ-ЮВ. Заполнение – гумус с суглинком. Но свод почти полностью уничтожен выше лежавшими погребениями 6 и 7.

Костяк взрослого лежал на правом боку, скорченно, головой на ЮВ. Левая рука вытянута вдоль туловища и лежит кистью у таза, под костями ног. Правая согнута в локте, кистью у колен. Ноги сильно согнуты в тазобедренных суставах под углом 50° , в коленях – 15° . Череп искусственно деформирован (рис. 11).

Погребение 19 (катакомбное) в 0,5 м, под углом 100° на ур. 1,87 м от Р. Катакомба овальной формы $1,50 \times 0,80$ м, ориентирована длинной осью СЗ-ЮВ. Костяк взрослого лежал на левом боку, скорченно, головой на ЮВ. Руки согнуты в локтях, кисти у

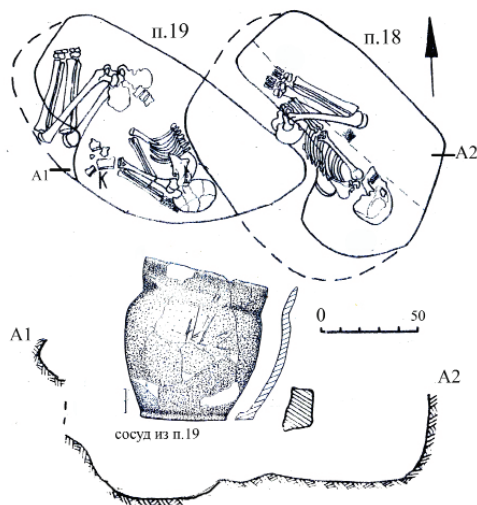

Рис. 11. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган № 11. Погребения №№ 18, 19

черепа. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под прямым углом, в коленях – 25°, 35°. Между локтями и коленями находился сосуд (рис. 11).

Сосуд в виде биконической банки с раструбной шейкой, асимметричен. Поверхность чёрная, бугристая. Высота – 13 см, дно – 7,1 см.

Погребение 20 (катакомбное) в 3,5 м, под углом 125°, на ур. 3,60 м от Р. Входная шахта подквадратной формы с сильно закруглёнными углами ориентирована по сторонам света, ширина её 1,5 м, северная стенка разрушена погребением 16. Забутована крупными камнями (1,30х0,25х0,15 м), плитами песчаника, сосредоточенными в основном в юго-западной части шахты, там, где находился вход в катакомбу. В заполнении попадались угли и один осколок расщеплённой трубчатой кости животного. Устье имело длину 1,35 м и ширину 0,85 м, и было закрыто заслоном из семи вертикально стоящих плит. Размеры: 1,35х0,35х9,20 м, толщина 0,05–0,07 м. Основанием пли-

ты упирались в плоские камни, лежащие на ступеньке в камере, и верхними концами возвышались над устьем.

Катакомба овальной формы 2,40х1,40х0,55 м, (макс. высота свода в центре – 0,73 м). На дне – костяк взрослого, скорченно, на правом боку, головой на ЮВ. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть между бедренными костями. Предплечье левой руки откинулось в сторону. Ноги в тазобедренных суставах согнуты под углом 90°–120°, в коленях – 25°, 45°. Череп искусственно деформирован. На нижней челюсти заметна патология: всего 4 передних зуба, отверстия для остальных отсутствуют (заросли?). В ногах, у северной стенки, жаровня с углями. За черепом – остатки деревянной чаши, за тазом – остатки второй деревянной чаши. У локтя правой руки посыпка охры. Под костяком подстилка белого тлена (рис. 12).

Жаровня из верхней части сосуда с прямой шейкой, нерезкими пологими плечиками и резким перегибом в боках. Орнаментирована по шейке тремя рядами трёхрядной тесьмы, ниже спускаются вписанные треугольники из оттисков той же тесьмы. Поверхность чёрная и коричневая, гладкая (рис. 12).

Погребение 21 (катакомбное) в 16 м, под углом 160°, на ур. 1,75 м от Р. Камера(?) прямоугольной формы 1,40х0,75 м, ориентирована длинной осью СЗ-ЮВ. На дне плохо сохранившийся костяк взрослого на правом боку, скорченно, головой на СВ. В СЗ углу ямы сосуд и откатившийся череп на ур. 1,95 м от Р, просевшие в заполнение шахты погребения 16 (рис. 13). Сосуд с высокой шейкой, крутыми плечиками и резким перегибом в бо-

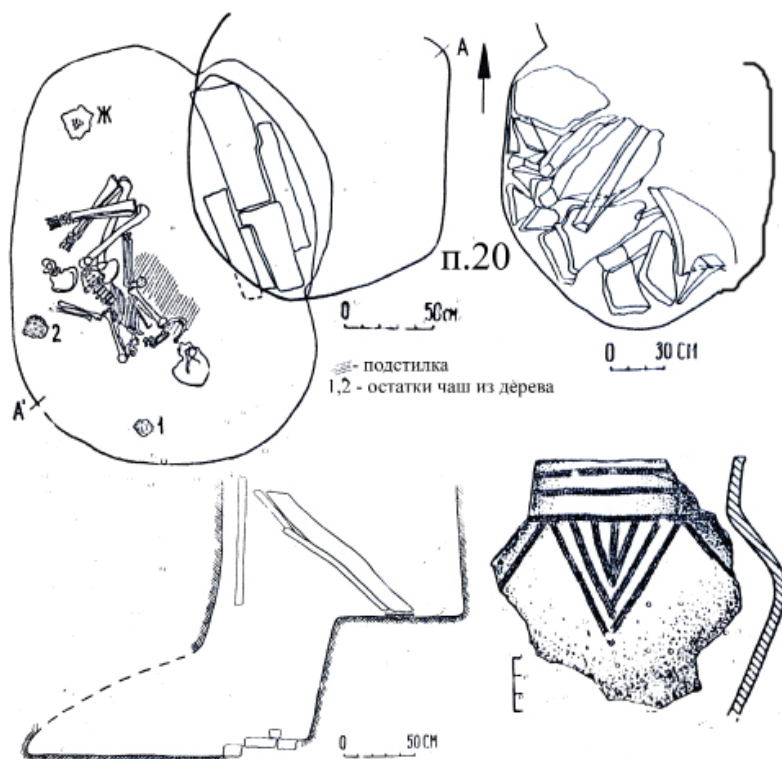

Рис. 12. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган № 11. Погребение № 20

ках, широким дном. Орнаментирован насечками по венчику. В основании шейки прочерчена линия, ниже – треугольники, обрамлённые двумя рядами

вдавлений. В виде биконической банки с раструбной шейкой, асимметричен. Высота – 16,1 см, дно – 10 см (рис. 13).

Погребение 22 (катакомбное)

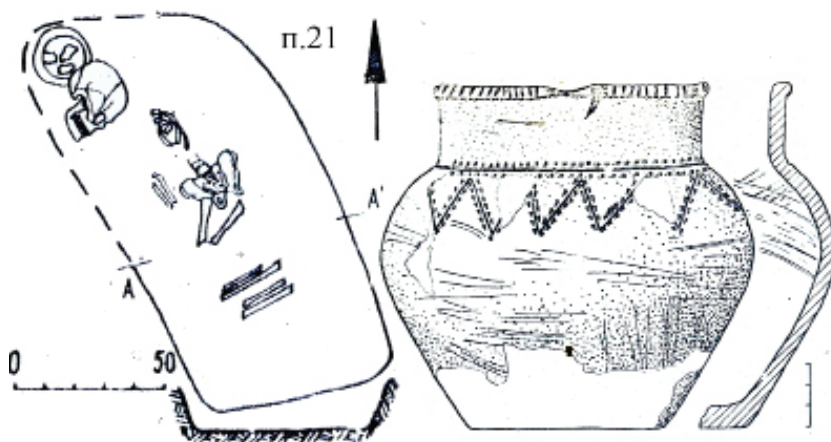

Рис. 13. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган № 11. Погребение № 21

в 6 м, под углом 135° на ур. 2,30 м от Р. Входная шахта прослеживалась в бровке (1-В, Зап. Ст.), забутована камнями. Вход, расположенный в СВ стенке шахты, был закрыт вертикально стоящими плитами (0,40х0,22х0,05 м).

Катакомба овальной формы 1,80х1,20 м, ориентирована длинной осью СВ-ЮЗ. На дне костяк взрослого на правом боку, сильно скорчен, головой на ЮЮЗ. Руки согнуты в локтях, кисти у подбородка. Ноги согнуты так, что колени касались кистей, а пяточные кости были подтянуты к тазу. Перед костяком находились два сосуда (рис. 14).

Сосуд 1 с высокой раструбной шейкой, резким перегибом к плечикам, крутыми боками. Орнамент по шейке

двухрядной тесьмой и ёлкой из оттисков гусеничного штампа. По плечикам ряды тесьмы и отпечатки треугольной лопаточки. По бокам «паркет» отпечатков тесьмы. Высота – 20,4 см, дно – 10,8 см.

Сосуд 2 – приземистый, с вогнутой шейкой, резко отогнутым наружу венчиком, шаровидным туловищем. Орнаментирован по венчику косыми ногтевыми вдавливаниями. В основании шейки валик из ногтевых защипов. Высота – 14,7 см, дно – 11,3 см (рис. 14).

Жаровня представляет обломок стенки сосуда, поверхность которой имеет расчёсы, на плечиках орнамент косыми ногтевыми защипами.

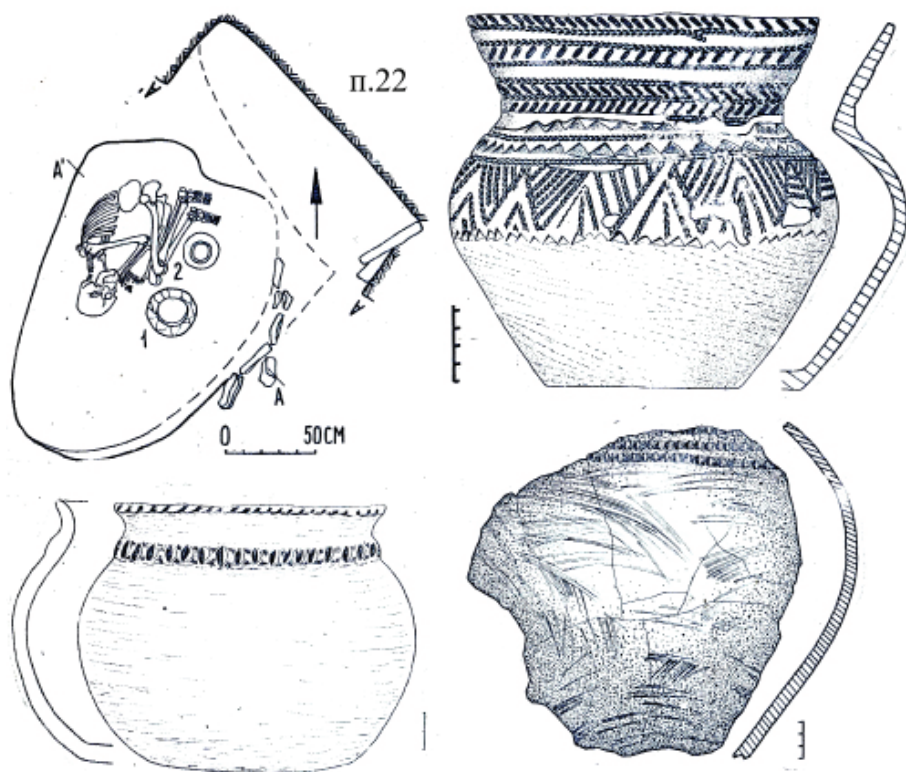

Рис. 14. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган № 11. Погребение № 22

Погребение 23 (основное ямное?) в 1 м, под углом 180° , на ур. 1,35 м от Р (рис. 12). Опушено с уровня погребённой почвы, над ямой – слой глинистого выкида мощностью от 0,15 до 0,25 м. Яма $1,20 \times 0,85$ м, ориентирована длинной осью СВ-ЮЗ. На юго-западной стенке кайлообразные следы орудий. Ширина желобков 2,5–3 см. Погребение разрушено при устройстве погребений 12, 18, 19, 14 и 24 (рис. 15).

Погребение 24 (срубное?) в 0,5 м, под углом 90° , на ур. 0,85 м от Р. Представляет собой скопление костей размером $1,30 \times 1,00$ м, ориентированное длинной осью СВ-ЮЗ. Камни располагались на ур. от 0,25 до 0,85 м от Р. В 0,05 м от камней в северо-восточной части скопления, на ур. 0,70 м от Р обнаружен череп человека (рис. 16).

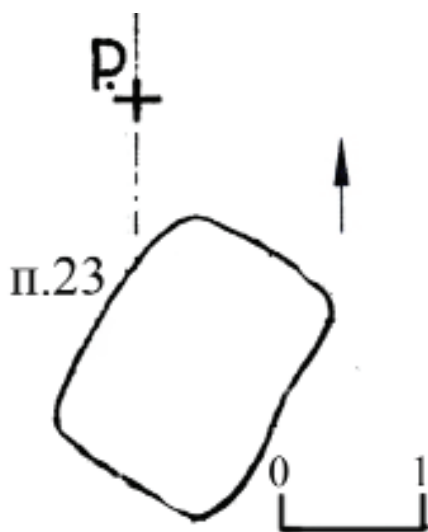

Рис. 15. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган № 11. Погребение № 23

Погребение 25 (срубное) в 35 м, под углом 220° , на ур. 1,18 м от Р. Яма прямоугольной формы $1,25 \times 0,80$ м, ориентирована продольной осью СВ-ЮЗ.

На дне костяк взрослого лежал на левом боку, завалившись на грудь, скорченно, головой на СВ. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под углом 60° , 90° , в коленях – 35° , 65° . На костях стоп посыпка красной охры. У голеней сосуд (рис. 16).

Сосуд острорёберный с отогнутым венчиком. Орнаментирован по венчику короткими насечками. Под венчиком и по ребру прочерчены линии. По плечикам два двойных зигзага, образующие ромбы. Поверхность неровная, пятнистая, чёрная и коричневая. Высота – 14 см, дно – 9,3 см. На внутренней и наружной поверхностях сосуда – расчёсы.

Погребение 26 (срубное) в 5,2 м, под углом 199° , на ур. 1,14 м от Р. Контуры ямы чётко прослеживались только с западной стороны, поскольку лишь западная стенка была углублена в материк, оставшаяся часть совершенно на уровне погребённой почвы.

Костяк взрослого лежал на левом боку, скорченно, головой на В. Руки согнуты в локтях, кисти перед черепом. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под углом 45° , в коленях – 25° . У головы сосуд (рис. 16).

Сосуд острорёберный с отогнутым венчиком. Дна нет. По венчику прочерчен зигзаг, под венчиком и по ребру две прочерченные линии. По плечикам – паркетная композиция. Высота – 16–17 см, дно – 15 см, в форме биконической банки. Поверхность пятнистая, коричневая чёрная. Высота – 8,7 см, дно – 5,6 см.

Погребение 27 (катакомбное) в 5 м, под углом 197° на ур. 2,05 м от Р. Контуры входной шахты чётко не прослеживались, так как шахта по-

гребения 27 «села» на камеру погребения 30, и у них оказалось общее дно. Вследствие этого образовалась яма неправильной формы, в которой западная часть – шахта погребения 27, а восточная – остаток камеры погребения 30. В северной стенке шахты располагался вход в катакомбу, заставленный плитами песчаника в виде брусков. Катакомба овальной формы, ориентирована длинной осью В-З. Северная стенка не прослеживалась, так как в этой части катакомба была сооружена в заполнении входной шахты погребения 28.

Костяк взрослого лежал скорченно, на правом боку головой на З. Левая рука вытянута согнута в локте под прямым углом, дистальные эпифизы предплечья направлены к коленям. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под углом 70°, в коленях – 40° (рис. 17).

Погребение 28 (катакомбное) в 4,2 м, под углом 196° на ур. 3,05 м от

Р. Входная шахта прямоугольной формы 1,75х1,30 м, ориентирована длинной осью ССВ-ЮЮ. Восточная часть шахты забутована вертикально стоящими плитами песчаника (1,2х0,14 м). Они закрывали вход в катакомбу, куда вела пологая ступень. Размеры устья 0,9х0,4 м, ориентирована продольной осью С-В. В заполнении камеры на ур. 3,00 м от Р обнаружены клык кабана и бронзовая бусина (рис. 18).

На дне костяк взрослого, скорченно, на правом боку, скорченно, головой на С. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти у таза. Ноги согнуты в тазобедренных суставах под углом 90°, 100°, в коленях – 35°, 50°. Перед черепом сосуд. Перед локтем правой руки – пест и кость животного. У колен три абразива, лежавшие друг на друге. У левого локтя роговые острия и бронзовое шило (?). Возле песта и в средней части позвоночника – посыпка красной охры (рис. 17).

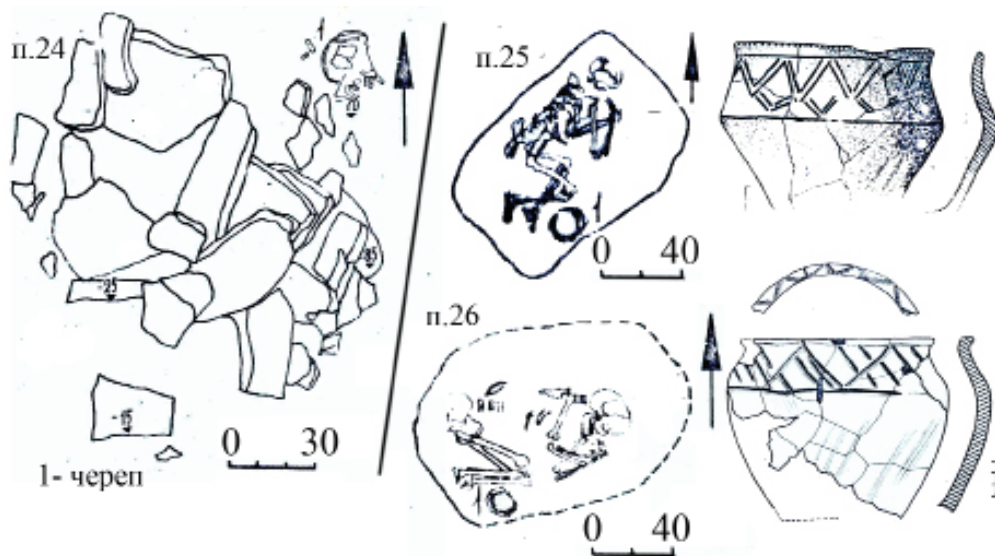

Рис. 16. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган № 11. Погребения №№ 24, 25, 26

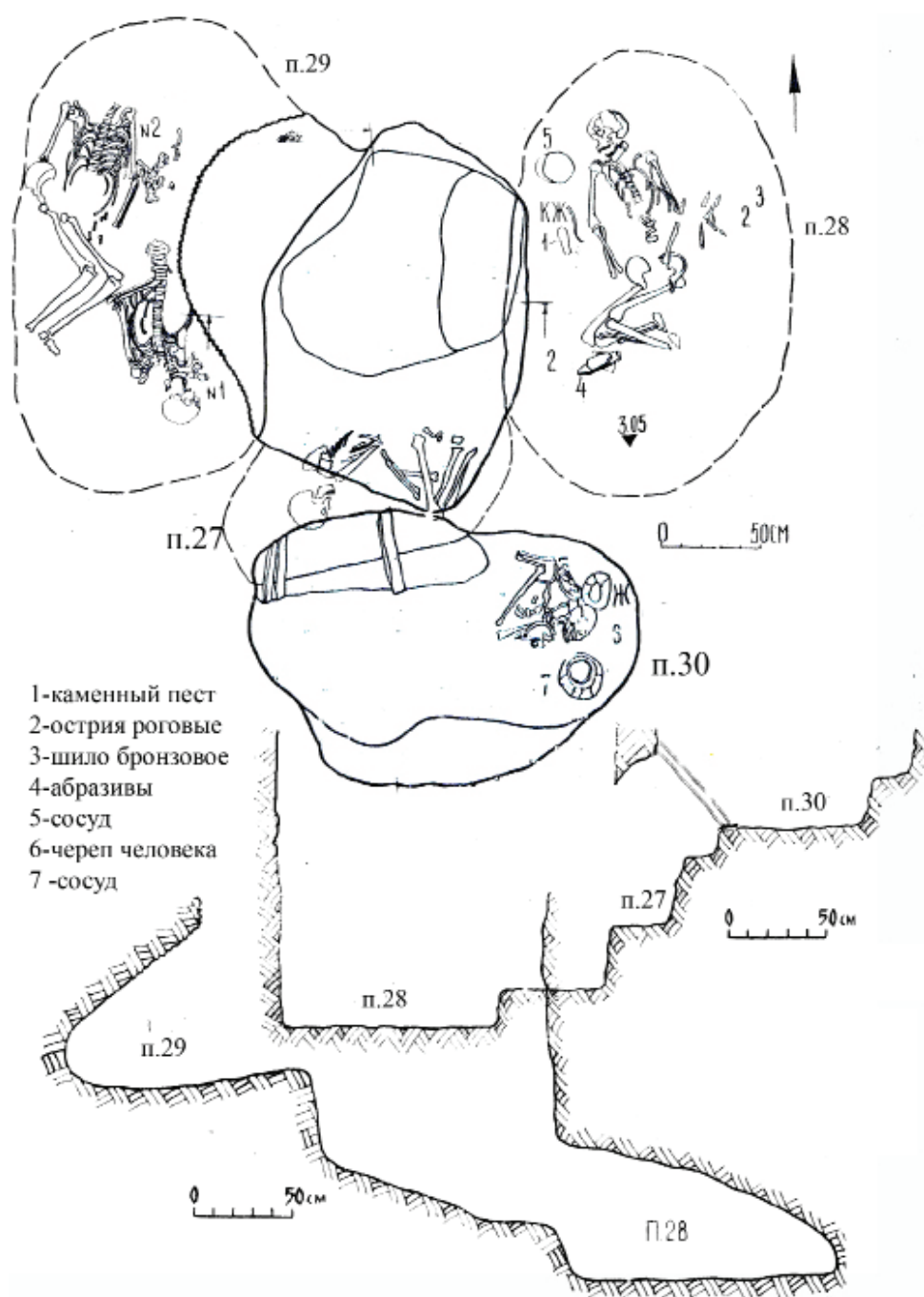

Рис. 17. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курбан № 11. Погребения №№ 27, 28, 29, 30

Сосуд – кубок с высокой прямой шейкой, шаровидным туловом, выделенным поддоном. Орнаментирован по шейке четырьмя рядами оттисков трёхрядной тесьмы с косыми нарезками между оттисками тесьмы. Поверхность коричневая. Высота – 15,3 см, дно – 9 см.

Пест из мелкокристаллической породы. Рабочая часть близка к параллелепипеду, рукоять в торце округлена, в сечении овальна. Длина 17 см, ширина 7 см, толщина 4,8 см (рис. 18).

Бипирамидальный бронзовый стержень (шило?). Длина 4,5 см, ширина 0,5 см.

Бусина бронзовая биконическая. Длина 1 см, диаметр 1,1 см.

Роговые острия – 11 экз. Три из них орнаментированы сеткой из перекрещивающихся линий.

Плитка песчаника в плане треугольной формы, в сечении прямоугольная. Длина 11,3 см, ширина 9,4 см, толщина 2 см.

Плитка песчаника в форме вытянутого полуовала, в сечении треугольная. Длина 12,1 см, ширина 6 см, толщина 3 см.

Плитка песчаника в форме вытянутого прямоугольника с одним закруглённым краем. В сечении овальная. Длина 20,8 см, ширина 5 см, толщина 1,7 см.

Клык животного (кабан?) со следами обработки.

Погребение 29 (катакомбное) в 4,8 м, под углом 220° на ур. 1,95 м от Р. Контуры входной шахты не прослежены, так как она была соединена с шахтой погребения 28. Катакомба располагалась к западу от шахты, была овальной формы 2,40х1,25 м, ориентирована длинной осью С-Ю. Высота свода в центре 0,65 м (рис. 17).

На дне два костяка.

Костяк 1, ближний ко входу, взрослый, на правом боку, головой на В. Кости правой руки и нижние конечности отсутствовали. Левая рука согнута в локте под прямым углом, кисть на поясничных позвонках.

Костяк 2, у западной стенки, взрослый, на правом боку, головой на С. Левая рука вдоль туловища, кисть у середины левого бедра. Предплечье правой руки отсутствовало. Ноги слабо согнуты: в тазобедренных суставах под углом 135°, в коленях – 90°. У левого локтя комки красной охры.

Погребение 30 (катакомбное) в 5,8 м, под углом 193° на ур. 1,95 м от Р. От входной шахты сохранилась лишь нижняя ступень на ур. 1,30 м от Р. Катакомба, располагавшаяся к северу от шахты, была разрушена погребением 27. Кости погребённого в хаотическом беспорядке были сосредоточены у восточной стенки ямы (рис. 17).

Череп искусственно деформирован, лицевым отделом обращён на В. Здесь же находились сосуд и жаровня (рис. 19).

Сосуд с раструбной шейкой, резким перегибом к плечикам и к бокам. Орнаментирован по венчику и в основании шейки валиками, расчленёнными ногтевыми защипами. Поверхность коричневато-жёлтая. Высота – 19,6 см, дно – 11,4 см.

Жаровня из боковой стенки крупного сосуда, орнаментированного по плечикам тремя рядами ногтевых защипов. Поверхность чёрная и серая, в расчёсах.

Погребение 31 (срубное) в 7,65 м, под углом 183°, на ур. 1,50 м от Р. Яма подпрямоугольной формы 1,4х0,75 м с сильно закруглёнными углами была

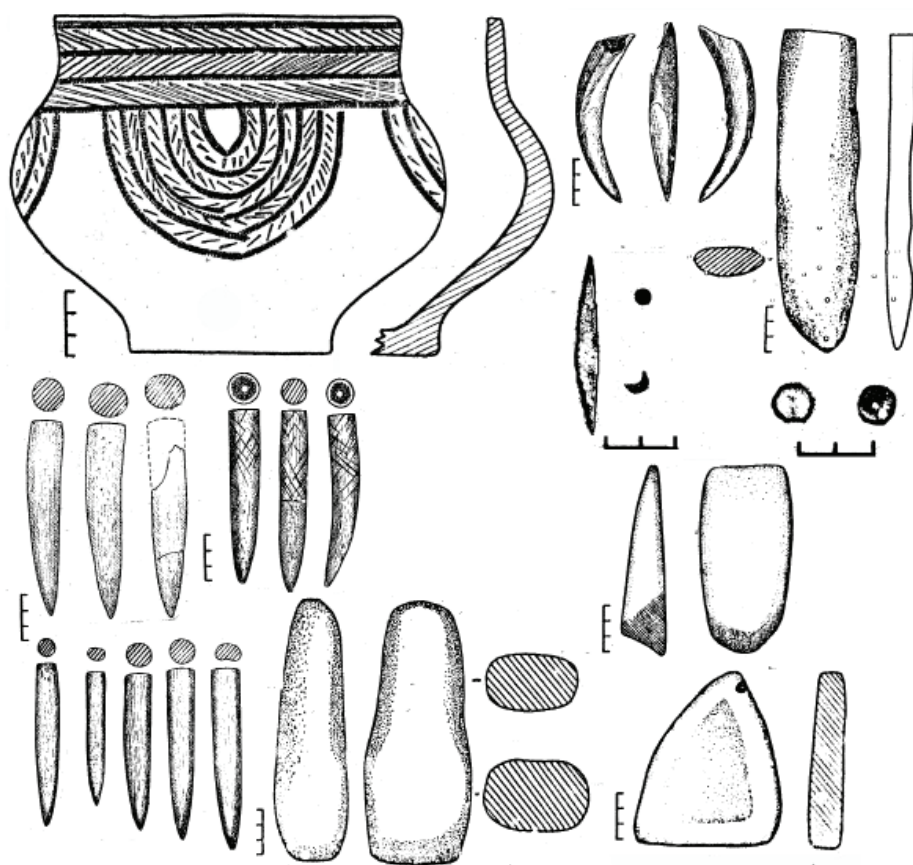

Рис. 18. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган № 11. Инвентарь из погребения № 30

ориентирована длинной осью В-3 с небольшим отклонением. Сверху яма перекрывалась крупными плитами песчаника. На дне костяк плохой сохранности, на левом боку, скорченно, головой на В. Создается впечатление, что погребённый был положен на живот. На это указывает положение костей стоп «подошвами» кверху, крестец и позвонки также были обращены дорсальной поверхностью кверху. У голени правой ноги сосуд (рис. 20).

Сосуд баночной формы с закраиной у дна. Поверхность чёрная и коричневая, пятнами, с вертикальными расчёсами. Высота – 16,7 см, дно – 12 см.

Погребение 32 (катакомбное) в 5,2 м, под углом 110° на ур. 1,8 м от Р. От входной шахты, находившейся в камнях, сохранилась лишь нижняя ступень. Катакомба, овальной формы, 1,8x1,4 м, располагалась к СЗ от шахты, ориентирована длинной осью СВ-ЮЗ. Вход был закрыт камнями (1-В, В сторона). На дне две кости животного и жаровня (рис. 20).

Жаровня представляет обломок верхней части тулова крупного сосуда. Вся шейка и линия плечиков украшена 4-мя рядами ногтевых вдавливания. Ниже плечиков на тулово спускаются «полотнища» таких же ногтевых вдавливания в 5 рядов.

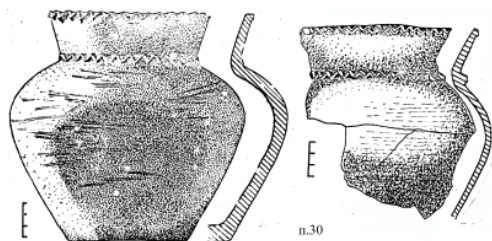

Рис. 19. Грушевая балка.
Пионерлагерь «Юность». Курган № 11.
Инвентарь из погребения № 30

Курган 11А

Один из двух курганов, расположенных на правом берегу балки Грушевой у пионерлагеря «Юность», в 1,5 км к югу от поселения эпо-

хи поздней бронзы. Высота – 0,4 м; диаметр – около 12 м. Имел неправильную форму, поверхность изрыта ямами позднего происхождения. Исследовался двумя параллельными траншеями, проложенными с В на З бульдозером С-100 (рис. 21). В стратиграфических разрезах центральной бровки прослежены следующие слои: материковый суглинок с уровня 0,8 м от Р; погребённая почва с уровня 0,6 м от Р мощностью 0,2 м с лежавшим на ней материковым выкидом из основного погребения 1.

В кургане обнаружено семь погребений: 1 – ямной культуры, 4 – катакомбных и 2 – срубных (рис. 21).

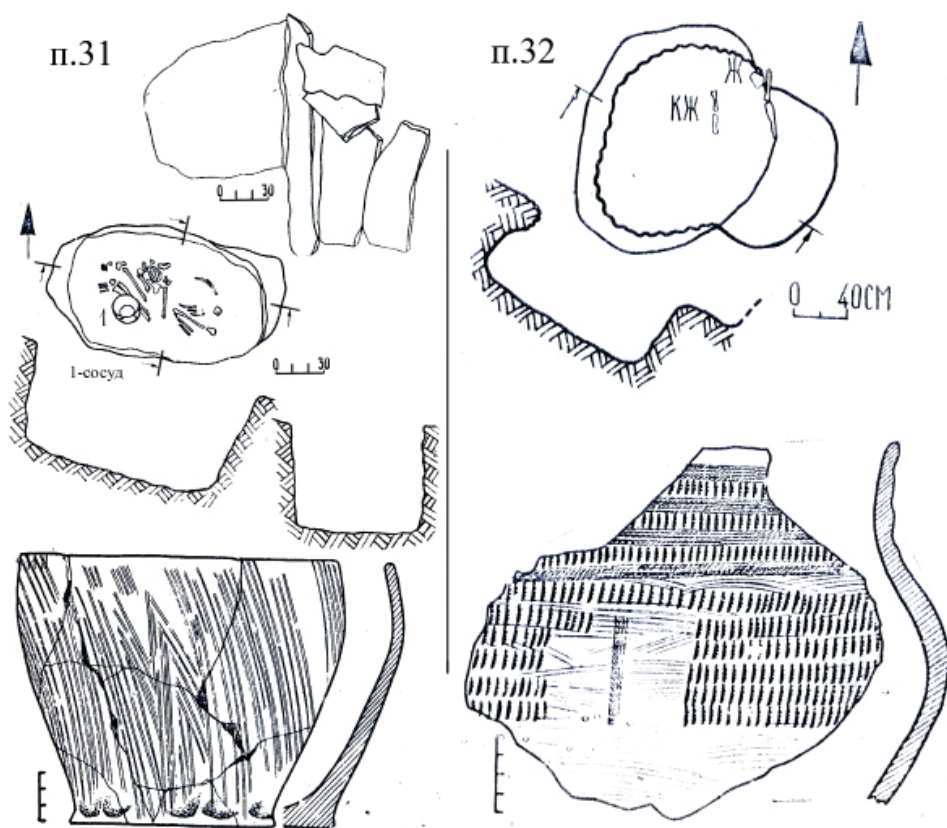

Рис. 20. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган 11. Погребения №№ 31 и 32

Погребение 1 (ямное, основное) в центре кургана на ур. 1,6 м от Р. Разрушено более поздними погребениями 4, 5 и 6. Уцелел лишь небольшой участок дна могильной ямы, в ЮВ части в которой был найден череп человека, лежавший в перевёрнутом виде. На дне ямы – небольшой камень с беспорядочными сколами. В заполнении, на уровне 1,45 м от Р – гарпун, а на уровне

1,5 м – сосуд, видимо, также относившиеся к данному погребению (рис. 22).

Сосуд – круглодонный, с короткой прямой шейкой. Внешняя и внутренняя поверхности покрыты расчёсами. Цвет светло-коричневый с тёмными пятнами. Фактура грубая, тесто с добавлением шамота. Высота – 13 см; Нш – 1,5 см; Нб – 4 см; Дв – 8 см; Дб – 12,5 см.

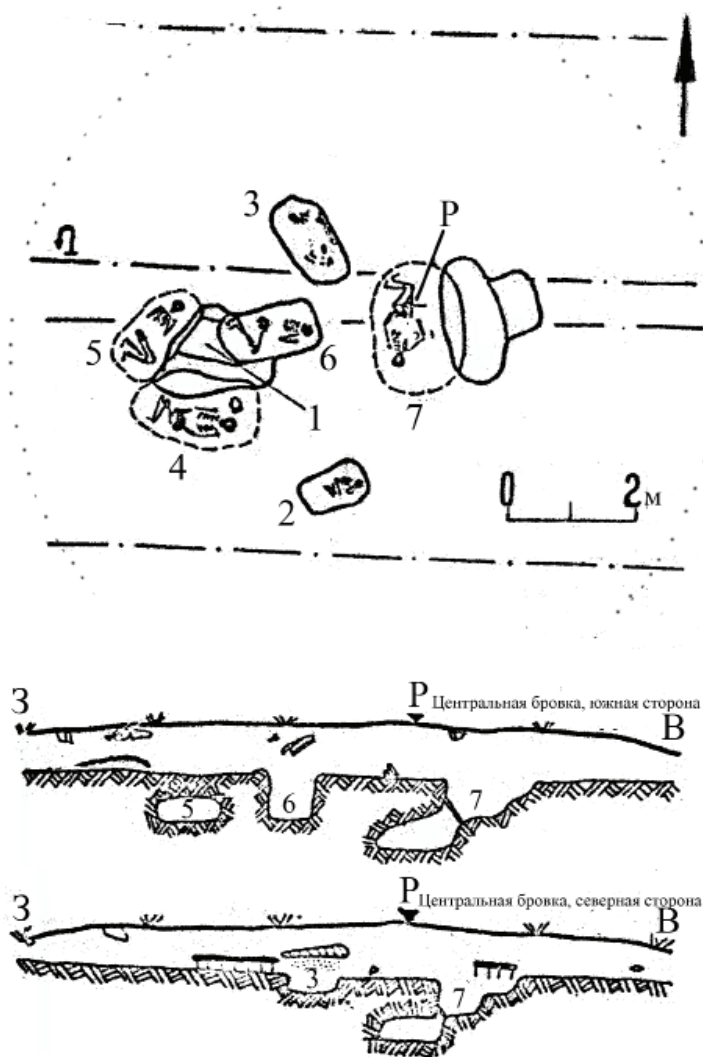

Рис. 21. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Кургan11А. Инвентарь из погребения № 1

Гарпун из рога. Массивный и длинный, уплощённо-овальный в поперечном сечении, с двумя зубцами, расположенными в разных плоскостях. Зубцы клювовидно изогнуты, в сечении треугольные со сглаженными гранями. Насад трапецевидной формы, отделён от стержня боковыми выступами. Основание насада закруглено. Изделие хорошо отшлифовано, в отдельных местах обнажено губчатое вещество рога. Длина гарпуна – 20 см, длина насада – 4 см (рис. 22).

Погребение 2 (срубное) в 2,5 м от центра, под углом 130°, на ур. 1,3 м от Р. Яма прямоугольной формы 1,0х0,5 м, ориентирована длинной осью ВСВ. Руки согнуты в локтях и сложены перед грудью. У костей голени сосуд (рис. 23).

Сосуд – баночной формы, не орнаментирован. Поверхность серого цвета, местами светлого коричневого с красноватым оттенком, со следами заглаженности. В тесте включения шамота. Высота – 10 см, диаметр венчика – 14 см; диаметр дна – 8,5 см.

Погребение 3 (катакомбное) в 2 м от центра, под углом 50°, на ур. 1,4 м от Р. Входная яма не прослежена. Камера катакомбы подовальной формы 1,4х0,7 м, длинной осью ориентирована СЗ-

ЮВ. У входа в камеру, с западной стороны – продолговатый камень 0,5х0,25 м, стоявший на ребре, закрывая вход. На дне – детский костяк очень плохой сохранности. Судя по расположению уцелевших костей, погребённый лежал на правом боку, скорченно, головой на юго-восток (рис. 23).

Погребение 4 (катакомбное) в 1,2 м от центра, под углом 180°, на ур. 1,7 м от Р. Обнаружено на уровне материка. Входная шахта не прослеживалась, так как являлась общей с входной шахтой погребения 5 и была частично разрушена погребением 6. Камера подовальной формы 1,9х0,8 м, ориентирована длинной осью по линии З-В. Свод сохранился. Заполнение состояло из суглинка. Костяк взрослого в скорченном положении, на спине с разворотом вправо, головой на В, руки протянуты к бёдрам. Кости стоп и кистей отсутствовали. Возле правого предплечья кости животных. У головы сосуд (рис. 23).

Сосуд – опуклобокий, с короткой шейкой, отогнутым венчиком и плоским дном. Орнаментирован зонально до плечиков оттисками однорядного шнура, по самой выступающей части плечиков – «овами» в той же технике;

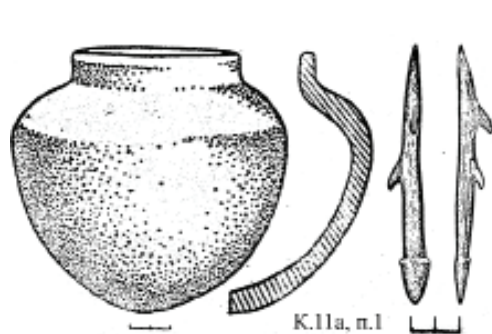

Рис. 22. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган 11А. Погребения №№ 2 и 3

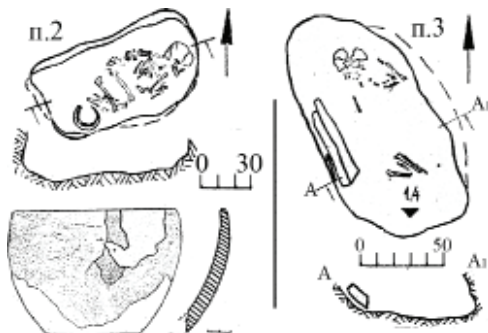

Рис. 23. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган 11А. Погребения №№ 2 и 3

остальная часть до дна – рядами горизонтальной «ёлки», выполненными зубчатым штампом. По срезу венчика – косые отпечатки шнура (рис. 24).

Поверхность жёлто-серого цвета, верх закопчён; на внутренней поверхности следы расчёсов. Н – 14 см; Нш – 3 см; Нб – 6 см; Дв – 14 см; Дш – 13 см; Дб – 17,5 см; Дд – 10,5 см.

Погребение 5 (катакомбное) в 0,7 м от центра, под углом 270°, на ур. 1,6 м от Р. Прослежено с уровня материка. От входной шахты сохранился лишь небольшой участок северной

стенки. Остальная часть разрушена погребением 6 и, возможно, погребением 4. Камера подовальной формы 1,6х0,8 м, ориентирована по длинной оси СВ-ЮЗ. Свод сохранился, заполнение из суглинка.

Костяк взрослого в скорченном положении, на спине с разворотом влево, головой на СВ. Руки сложены на груди, кисти над ключицами. Из-за деятельности землеройных животных центральная часть разрушена и потому отсутствовал нижний отдел позвоночного столба (рис. 24).

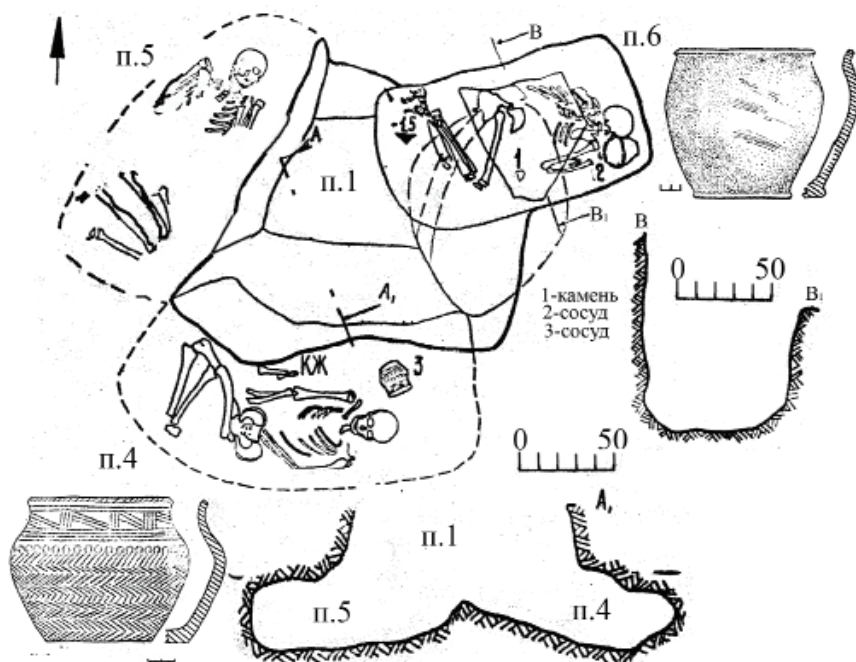

Рис. 24. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган 11А.
Погребения №№ 1, 4, 5, 6

Погребение 6 (срубное) в 1 м от центра, под углом 70°, на ур. 1,55 м от Р. Прослежено с материка. Яма подпрямоугольной формы 1,4мх0,75 м, ориентирована по длинной оси ЗЮЗ-ВСВ. Костяк ребёнка на левом боку, скорченно, головой на ВСВ. Руки со-

гнуты, кисти перед лицом. На костяке лежал плоский пятиугольный камень. В головах сосуд. Сосуд – баночной формы, слабо профилированный, вытянутой пропорции. Поверхность жёлто-серого цвета, заглажена. На венчике, изнутри, следы расчёсов. Н –

14 см; Нб – 4,5 см; Дв – 13,5 см; Дд – 10 см (рис. 24).

Погребение 7 (катакомбное) в 3,5 м от центра, под углом 80°, на ур. 2,05 м от Р. Прослежено с уровня материка. Входная шахта забита камнями. Вход в камеру закрыт двумя плитами. Камера с сохранившимся сводом, подовальной формы, ориентирована по длинной оси ЮЮВ-ССЗ. Костяк взрослого на правом боку (впоследствии завалился на спину), слабо скорченно, головой на Ю. Руки вытянуты вдоль туловища. Перед костяком кость животного (рис. 25).

Удивительным в исследованных курганах является факт большой насыщенности их погребениями различных археологических культур. Они представляют собой небольшой

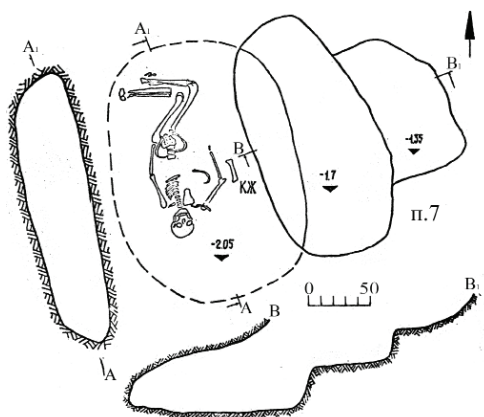

Рис. 25. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган 11А. Погребение № 7

курганный некрополь, служивший сакральным местом населению, обитавшему в Грушевой балке на протяжении длительного времени (рис. 26).

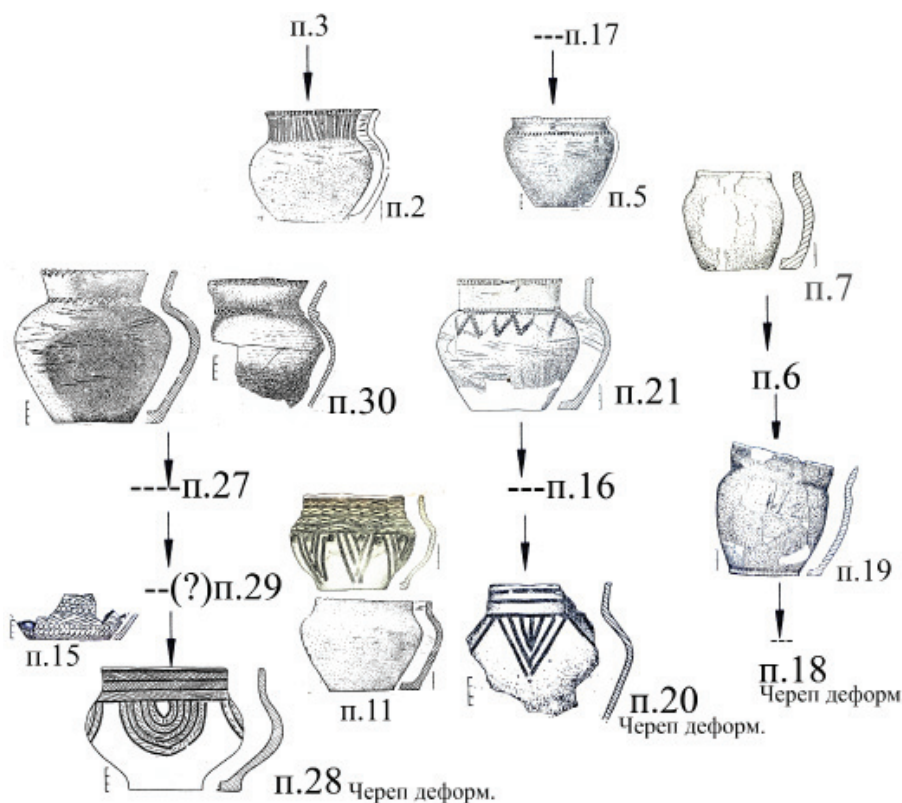

Рис. 26. Грушевая балка. Пионерлагерь «Юность». Курган 11. Стратиграфические наблюдения

Самыми древними здесь выступают погребения эпохи ранней бронзы, отнесённые нами к ямной культуре (погребение 23 в кургане 11 и погребение 1 в кургане 11а). Они были устроены на небольших естественных возвышенностях, после чего над ними были насыпаны небольшие курганные насыпи. Ямное погребение в кургане 11 оказалось разрушенным, поскольку в этом месте были устроены несколько катакомбных и поздних многоваликовых погребений. Зато инвентарь из ямного погребения в кургане 11а представляет особый интерес.

Позднее, с появлением здесь населения катакомбной культуры эти курганы были восприняты ими как могилы предков и использованы как место для погребения своих умерших сородичей. Всего нами обнаружено 22 погребения катакомбной культуры. Поскольку создание курганных насыпей для катакомбной культуры нехарактерно, то все захоронения здесь производились без каких-либо новых досыпок или подсыпок.

Катакомбные погребения, как правило, устраивались по дуге вокруг центральной части, исключая северо-западную полу кургана 11. Наиболее ранними погребениями катакомбной культуры в кургане 11 являются погребения 11, 15, 28, 20, 18 и п.7 в кургане 11а. Отметим, что в ранних захоронениях кургана 11 у погребённых оказались деформированные черепа.

В последующее время в курганы 11 и 11а были впущены более поздние катакомбные погребения 16, 19, 29, 27 и

в кургане 11а погребения 3, 4, 5. Такие катакомбные погребения 2, 5, 7, 17 из кургана 11, видимо, следует считать самыми поздними.

Погребения, отнесённые нами к культуре Дэлакеу-Бабино (культура многоваликовой керамики), представлены в данных курганных комплексах в меньшем количестве, чем катакомбные. Все они, по нашему мнению, отражают поздний этап развития этой культуры, непосредственно предшествующий появлению в данной местности населения срубной культуры.

Погребения срубной культуры были впущены в курганные насыпи на небольшую глубину – до 1,5 м, и только одно погребение 24 кургана 11 устроено на глубине 0,85 м. Для всех погребений срубной культуры характерна восточная ориентация, сильная скорченность, кисти рук у лица, сопровождавшиеся глиняными сосудами.

Если учесть тот факт, что на расстоянии 1 км к С от курганов 11 и 11а находилось поселение срубной культуры, то данные погребения можно было бы рассматривать как некрополь какой-то одной части населения, обитавшего на поселении.

Таким образом, на примере только этого небольшого курганного некрополя вырисовывается картина появления и смены во времени носителей различных археологических культур от раннего бронзового века и до эпохи поздней бронзы в этом довольно компактном и ограниченном регионе.

Статья поступила в редакцию 06.09.2019

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пыслару Ион – доктор исторических наук, археолог-эксперт Музея археологии Каллатис, Мангалия, Румыния;

e-mail: pslr2007@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ion Pyslaru – Doctor of History, Archaeologist-Expert, Kallatis Archaeology Museum, Mangalia, Romania;

e-mail: pslr2007@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пыслару И. Курганы эпохи бронзы в Провальской степи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 76–100.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-76-100

FOR CITATION

Pyslaru I. Bronze Age Barrows in the Provalskaya Steppe. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 76–100.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-76-100

УДК 903.532(477)

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-101-107

ОБ ОДНОМ ПОГРЕБЕНИИ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ПОВИСУНЬЯ

Снытко И. А.*Государственная инспекция по охране памятников культуры в Николаевской области
54029, г. Николаев, ул. Декабристов, д. 34/1, Украина*

Анотация. Целью статьи является публикация результатов раскопок уникального захоронения катакомбной культуры, открытого в 1984 г. у села Соколовка Николаевской области Украины. В нём были обнаружены два детских костяка и три лепных сосуда. В результате проведённого анализа установлено, что один из сосудов перекрывал череп ребёнка более старшего возраста. Он имел на внешней поверхности выбоины, которые, вероятно, имитировали человеческую голову. По итогам исследования автором сделан вывод, что это захоронение относится к Ингульской катакомбной культуре Северо-Западного Причерноморья и связано с идеологическими представлениями скотоводов эпохи бронзы.

Ключевые слова: курган, погребение, катакомбная культура, лепные сосуды

ABOUT ONE BURIAL OF THE CATACOMB CULTURE FROM THE VYSUN REGION

I. Snytko*State Inspectorate for Heritage Protection in the Nikolaev region
34/1 Dekabristov ul., Nikolaev 54029, Ukraine*

Abstract. This paper presents data on a unique burial of the Catacomb culture, which was discovered in 1984 near the Sokolovka village, the Nikolaev region, Ukraine. In this burial, two children's bones and three stucco vessels were discovered. The conducted analysis showed that one of the vessels had overlapped the skull of the older child. The outer surface of the vessel featured dents, which were likely made to imitate a human head. The conducted study allowed the author to conclude that the discovered burial belongs to the Ingul Catacomb culture of the North-Western Black Sea area and is associated with the ideology of the Bronze Age cattle breeders.

Keywords: mound, burial, Catacomb culture, stucco vessels

Археологическая экспедиция сектора охраны памятников археологии Николаевского краеведческого музея в июле–сентябре 1984 г. провела исследования курганный группы в зоне строительства оросительной системы на землях колхоза «12-летия Октября» Березнеговатского района Николаевской области. Курганный группа состояла из двух насыпей, которые находились на плато левого берега реки Висунь (правого притока реки Ингулец), в 0,5 км к северо-востоку от с. Соколовка¹.

© СС ВУ Снытко И. А., 2019.

¹ См.: Никитин В. И., Снытко И. А. Отчёт сектора охраны памятников археологии при Николаевском краеведческом музее об охранных раскопках летовки у с. Малая Корениха Николаевского района, курганный группы у с. Соколовка Березнеговатского района, кургана на окраине г. Ни-

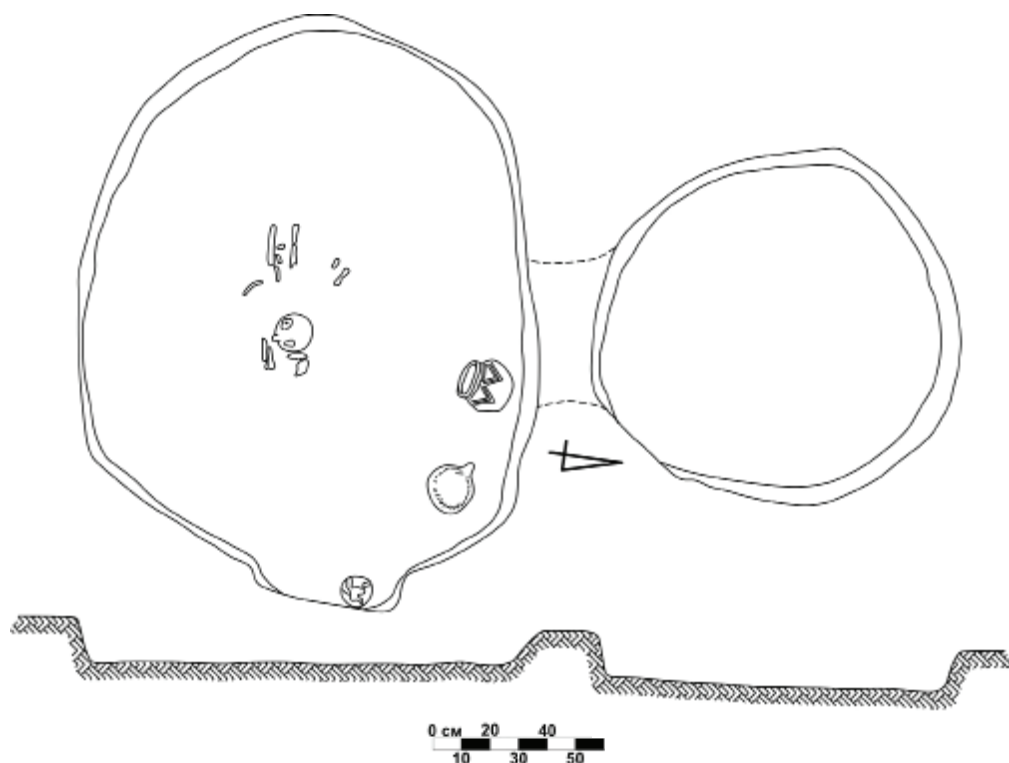

Рис. 1. Погребение № 7 кургана № 2 у с. Соколовка

Курган 1 (высотой до 2 м и диаметром до 35 м) содержал 31 погребение эпохи энеолита – бронзы: ямной культуры – 13, катакомбных – 4, эпохи поздней бронзы – 10, неопределённых – 4. Два основных погребения ямной культуры были окружены каменным кромлехом диаметром 14 м, состоявшим из известняковых плит со следами обработки,

Курган 2 (высотой до 0,6 м диаметром до 25 м) находился в 30 м к северу от кургана 1. В нём исследовано 14 погребений: ямного времени – 8, ката-

комбного – 3, поздней бронзы – 3. Основное погребение – ямной культуры.

В данном кургане особый интерес представляет детское погребение катакомбной культуры 7, которое заслуживает отдельной публикации [5, с. 22–23, рис. 93–96].

Погребение 7 (рис. 1). Пятно входного колодца катакомбы зафиксировано на уровне материкового суглинка в северо-восточном секторе кургана, на расстоянии 9,5 м от нулевой точки. В плане пятно округлой формы, размером 1,3х1,27 м, глубиной от нулевой точки – 1,05 м, от древнего погребённого чернозёма – 0,7 м и от материка – 0,15 м.

Вход в катакомбу (дромос) был обустроен в южной части входной ямы.

колаева, кургана у с. Воскресенск Жовтневого района и погребения античного времени на некрополе у с. Черноморка Очаковского района // НА ИА НАНУ. Ф. № 1984/82. Л. 8. Указанные материалы не опубликованы.

Его длина – 0,2 м, ширина – 0,5 м. Свод катакомбы был обрушен, и его контуры не прослеживались.

Катакомба в плане подовальной формы. Её размеры: по линии восток-запад – 2,12 м, по линии север-юг – 1,61 м. Глубина, как и входного колодца, – 0,15 м от материка. Дно понижалось с севера на юг на 0,03 м. Длина всего погребального сооружения, ориентированного с севера на юг, – 3,11 м.

На дне катакомбы зафиксированы остатки двух детских костяков и три лепных сосуда.

Костяк первого ребёнка находился в центре погребальной камеры. Частично разрушен грызунами. По положению сохранившихся частей скелета (остатки голеностопных костей ног, плечевая кость левой руки, два мелких фрагмента черепа, несколько рёбер) можно предположить, что погребённый лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток. Длина костяка не более 0,7–0,8 м. У фрагментов черепа, который, вероятнее всего, был повреждён, и это, очевидно, стало причиной смерти ребёнка, зафиксирована лепная чаша, перевёрнутая вверх дном. Скорее всего, первоначально она накрывала сильно повреждённый череп и затем была слегка сдвинута от черепа в область грудной клетки¹.

Лепная чаша (рис. 2) – имеет полусферическую форму. Край венчика слегка отогнут наружу. Под венчиком – петельчатая, со сквозным тонким боковым отверстием, ручка, расположенная вертикально по отношению к

¹ Пользуясь возможностью, хочу поблагодарить Г. Н. Тощева и С. М. Агульникова за устную информацию о том, что в их обширной практике в Крыму, Поднепровье, Поднестровье и Подунавье подобных случаев у носителей катакомбной культуры не зафиксировано.

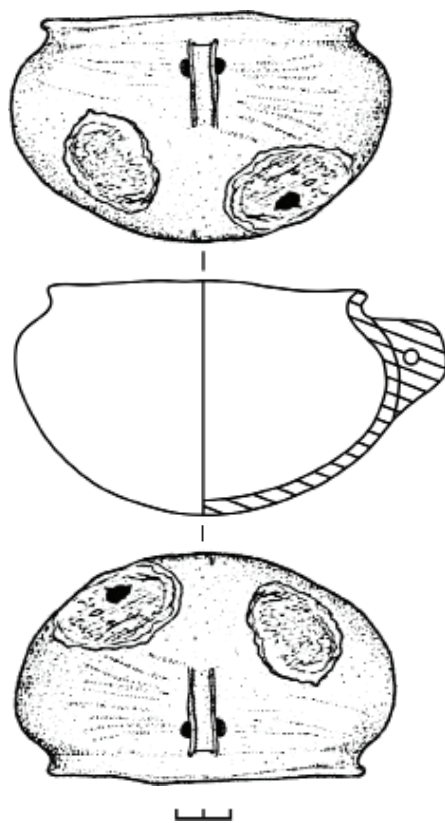

Рис. 2. Лепная чаша из погребения № 7 с ритуальной подработкой

корпусу сосуда. На поверхности чаши, с внешней и внутренней сторон, следы гребенчатого сглаживания, нанесённые до обжига сосуда. По обеим сторонам от ручки чаши, по корпусу, специально нанесены, округлой формы, неглубокие выбоины (одна со сквозным отверстием) теста сосуда, возможно, имитирующие глазницы. Ручка, в таком случае, имитирует нос, а сам сосуд – человеческую голову (?). Такой вариант функционального назначения сосуда в могиле не исключён, при условии того, что он был зафиксирован в районе повреждённого, ещё до попадания в могилу, черепа. Высота чаши – 8,5 см, диаметр по венчику –

11,7 см. Максимальный диаметр по корпусу – 14 см.

Костяк второго ребёнка обнаружен у восточной стенки катакомбы. Сохранились череп и множество мелких костей скелета младенца, растасканных грызунами. Изначальное положение костяка определить невозможно.

У северо-восточной и северной стенок катакомбы находились два лепных сосуда – чаша, перевёрнутая вверх дном, и лежавший на боку горшок.

Лепной горшок (рис. 3) зафиксирован у северной стенки при входе в погребальную камеру. Сосуд, судя по всему, мог сопровождать как первый, так и второй детские костяки. Венчик невысокий, прямой, со срезанным краем. Корпус округлый. Дно плоское. По внутренней и внешней поверхности прослежены следы гребенчатого сглаживания. Сосуд имеет орнаментацию под венчиком и по корпусу. Орнаментация под венчиком в виде двух рядов широких горизонтальных врезных линий, доходящих до плечиков, в пространстве которых нанесены косые насечки, образующие так называемую «ёлочку». Орнамент по корпусу представлял собой треугольники, углом к доньшку, из тройных широких, ко-

сых, врезных линий. Высота сосуда – 14,3 см, диаметр по венчику – 13,3 см, максимальный диаметр по корпусу – 17,2 см. Диаметр доньшка – 7 см.

По форме и характеру орнаментации сосуд типичен для носителей катакомбной культуры регионов Нижнего Поднепровья и Поингулья [7, с. 20, рис. 2.2; 8, с. 102, рис. 14.5; 4, с. 45, рис. 16.5], а также для катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) в целом [5, с. 131, рис. 69.7, 8, 11, 13].

Лепная чаша (рис. 4) находилась в перевёрнутом вверх дном положении, в северо-восточном углу катакомбы, между черепом младенца и лепным горшком. Вероятно, сопровождала погребение младенца. Имеет полу-сферическую форму. Венчик прямой. Ниже его края, по поверхности корпуса идёт орнаментальная композиция в виде системы чередующихся врезных линий, между которыми орнамент из косых насечек, образующих «ёлочку». Ближе к венчику отходит от корпуса одна ручка-налеп, со сквозным узким боковым отверстием. На поверхности ручки также имеется аналогичный орнамент в виде врезных линий с косыми мелкими насечками, расположенных вертикально по отношению к корпусу.

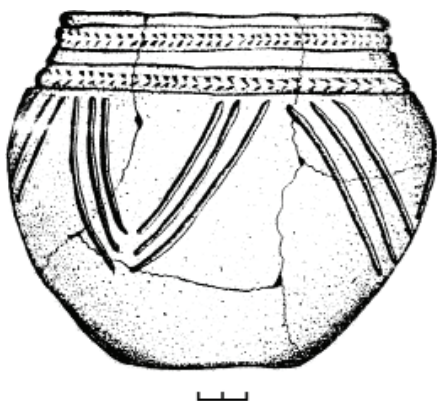

Рис. 3. Лепной горшок из погребения № 7

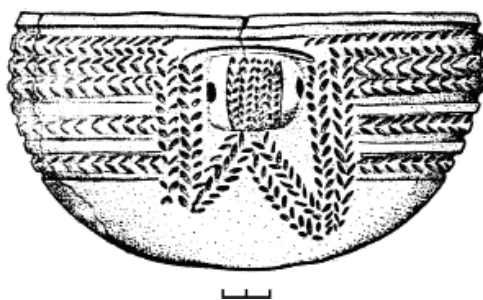

Рис. 4. Лепная чаша из погребения № 7

Такой же орнамент из сдвоенных линий с насечками, скомпонованный в виде латинской литеры «W», но с прямыми вертикальными боковыми гасками, обрамляет ручку по поверхности корпуса чаши. Высота сосуда – 10,4 см, диаметр по венчику – 18,7 см.

Похожая по орнаментации чаша происходит из погребения 33 кургана 1 у с. Пересадовка на Ингуле [4, с. 57, рис. 2.4]. Такие чаши со сходной орнаментацией характерны и для других регионов ККИО [5, с. 131, рис. 69.16-17].

Погребальная камера погребения катакомбной культуры, по всей видимости, служила семейной усыпальницей для двух разновременных детских захоронений. Наиболее ранним, вероятно, было погребение ребёнка, костяк которого был расположен в центре катакомбы. Следует отметить, что здесь не зафиксирована окраска охрой или её наличие в погребальной камере.

По основным характеристикам, как то округлая форма входного колодца, наличие пышно декорированной посуды, восточная ориентация костяка и его вытянутое положение на спине, погребение относится к Ингульской культуре междуречья Южного Буга и Ингульца [6, с. 6–8; 10, с. 34]. Отметим и то, что для носителей Ингульской культуры [6, с. 6–8] ККИО характерны всевозможные ритуальные действия с черепами умерших: отчленение и возложение возле тела, системные раскраска и моделирование черт лица, с помощью охры, глины, посмертные трепанации и пр. [2, с. 97–98, рис. 54; 10, с. 34–37].

Заметим, что традиция отчленения черепов известна с эпохи энеолита и была характерна для носителей

постмариупольской культуры [3, с. 74, рис. 26.5]. Отчленение, раскраска и моделирование черепов характерны для ККИО Нижнего Поднепровья, Крыма и носителей Ингульской культуры Северо-Западного Причерноморья [11, с. 152, abb.18.1, с. 156, abb. 20.1; 5, с. 120, рис. 61; 1, с. 274; 9, с. 32].

В данном погребении отсутствие большей части черепа, скорее всего, не связано с какими-либо ритуальными процедурами, но, вероятно, является результатом несчастного случая, происшедшего с ребёнком. В данном варианте ритуальные действия перед церемонией захоронения произведены не над черепом, а над сосудом, которому приданы черты, характерные человеческому облику. По информации начальника Николаевской экспедиции Института археологии НАН Украины В. Н. Фоменко, в соседнем с Повисуньем Нижнем Поингулье, Ингульской экспедицией ИА АН УССР в 1970-х-1980-х гг., в одном из курганов, было зафиксировано погребение катакомбной культуры, в котором лепной сосуд заменял отсутствующий череп погребённого. К сожалению, эти материалы раскопок до настоящего времени не опубликованы.

Учитывая присутствие в могиле чаши, которая, вероятнее всего, имитирует голову захороненного ребёнка, в комплексе с зафиксированной пышно орнаментированной посудой, погребение 7 кургана 2 можно считать уникальным для ККИО этого региона, дополняющим сведения о погребальной практике носителей катакомбной культуры и их духовно-идеологических традициях.

Статья поступила в редакцию 19.07.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова С. В. Катакомбные культуры // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: СМІЛ, 2013. С. 255–275.
2. Ковпаненко Г. Т., Бунатян Е. П., Гаврилюк Н. А. Раскопки курганов у с. Ковалёвка // Курганы на Южном Буге. Киев: Наукова думка, 1978. С. 7–132.
3. Курганы энеолита–бронзы в Криворожском течении Ингульца / И. Ф. Ковалёва, З. П. Марина, В. А. Ромашко, Д. Л. Тесленко, В. Н. Шалобудов, В. А. Векленко. Днепропетровск: Днепропетровский ун-т, 2003. 132 с.
4. Никитин В. И. Курганы Нижнего Поингулья. Николаев: Илион, 2018. 160 с.
5. Тощев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Запорожский ун-т, 2007. 304 с.
6. Шапошникова О. Г. Ингульская культура // Археологические исследования в Украине 1976–1977 гг.: тезисы докладов XII конф. ИА АН УССР. Ужгород: ИА АН УССР, 1978. С. 6–8.
7. Шапошникова О. Г., Бочкарёв В. С., Корпусова В. Н. Курганная группа у с. Привольное // Археологические памятники Поингулья. Киев: Наукова думка, 1980. С. 17–70.
8. Шарафутдинова И. Н. Северная курганная группа у с. Соколовка // Археологические памятники Поингулья. Киев: Наукова думка, 1980. С. 71–124.
9. Яровой Е. В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья в эпоху раннего металла: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2000. 47 с.
10. Фоменко В. Н. Поховання інгульської культури зі слідами особливих дій над головою померлого у межиріччі Південного Бугу та Інгульця // Етнографія. Культура. Нові дослідження: IX Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Миколаїв: Вид. Ірини Гудим, 2013. С. 34–39.
11. Kaiser E., Plesivenko A. G. Die bronzzeitlichen Grabzitten im unteren Dneprgebiet // Eurasia Antiqua: Zeitschrift fur archaologie Eurasiens. 2000. Band 6. S. 125–208.

REFERENCES

1. Ivanova S. [Catacomb culture]. In: *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Ancient cultures of the northwestern black sea]. Odessa, SMIL Publ., 2013, pp. 255–275.
2. Kovpanenko G., Bunatyan E., Gavriluk N. [Excavations of burial mounds in S. Kovalevka]. In: *Kurgany na Yuzhnom Buge* [Mounds on the southern bug]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1978, pp. 7–132.
3. Kovaleva I., Marina Z., Romashko V., Teslenko D., Shalobudov V., Veklenko V. *Kurgany eneolita-bronzy v Krivorozhskom techenii Ingul'tsa* [The burial mounds of Chalcolithic–bronze in Krivoy Rog for the Ingulets]. Dnepropetrovsk, Dnepropetrovskii un-t Publ., 2003. 132 p.
4. Nikitin V. *Kurgany Nizhnego Poingul'ya* [Mounds Lower Pongola]. Nikolaev, Ilion Publ., 2018. 160 p.
5. Toshchev G. *Krym v epokhu bronzy* [Crimea in the bronze age]. Zaporozhye, Zaporozhskii un-t Publ., 2007. 304 p.
6. Shaposhnikova O. [Ingul culture]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya v Ukraine 1976–1977 gg.: tezisy dokladov XII konf. IA AN USSR* [Archaeological research in Ukraine in 1976–1977: abstracts of XII Conf. IA SSR]. Uzhgorod, IA AN USSR Publ., 1978, pp. 6–8.
7. Shaposhnikova O., Bochkaryov V., Korpusova V. [Barrow group at p free]. In: *Arkheologicheskie pamyatniki Poingul'ya* [Archaeological sites Pongola]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1980, pp. 17–70.
8. Sharafutdinova I. [North barrow group S. Sokolovka]. In: *Arkheologicheskie pamyatniki Poingul'ya* [Archaeological sites Pongola]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1980, pp. 71–124.
9. Yarovoi E. *Skotovodcheskoe naselenie Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v epokhu rannego*

metalla: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk [The pastoral population of the North-Western black sea region in the epoch of early metal: abstract of thesis Doctor in Historical science]. Moscow, 2000. 47 p.

10. Fomenko V. [Burial of the Ingul culture with traces of special actions on the head of the deceased in the intersection of the Southern Bug and Ingulets]. In: *Etnohrafiya. Kul'tura. Novi doslidzhennya: IX MykolaYivs'ka oblasna krayeznavcha konferentsiya* [Ethnography. Culture. New Research: IX Mykolaiv Regional Local History Conference]. Nikolaev, Irina Goodim Publ., 2013, pp. 34–39.
11. Kaiser E., Plesivenko A. [The Bronze Age Tombs in the Lower Dnieper Area]. In: *Eurasia Antiqua: Zeitschrift fur archaologie Eurasiens* [Eurasia Antiqua: Journal of Archeology of Eurasia], 2000, vol. 6, pp. 125–208.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Снытко Иван Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственной инспекции по охране памятников культуры в Николаевской области; e-mail: maharadze_v@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan A. Snytko – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, State Inspectorate for Heritage Protection in the Nikolaev region; e-mail: maharadze_v@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Снытко И. А. Об одном погребении катакомбной культуры из Повисунья // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 101–107.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-101-107

FOR CITATION

Snytko I. About one burial of the Catacomb Culture from the Visun region. In: Bulletin of the Moscow Regional State University. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 101–107.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-101-107

УДК 902

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-108-124

ВТОРИЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ АЗОВО-КУБАНСКОЙ РАВНИНЫ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Мельник В. И.*Институт археологии Российской академии наук**117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация. Целью статьи является публикация и характеристика 8 так называемых вторичных захоронений, обнаруженных на территории Азово-Кубанской равнины. Основным содержанием проведённого анализа является вывод о редкости использования этого вида погребений в раннекатакомбный период и его массовость в период существования батуринской культуры. Широкое использование данного вида необычного погребального обряда может объясняться особенностями хозяйственной жизни, связанными с сезонным выпасом скота и традицией окончательного и обязательного захоронения в курганах.

Ключевые слова: эпоха средней бронзы, Азово-Кубанская равнина, погребальная практика, вторичное погребение, раннекатакомбная восточноприазовская культура, батуринская культура, манычская культура

MIDDLE BRONZE SECONDARY BURIALS IN THE AZOV-KUBAN PLAIN

V. Melnik*Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences**19 ul. Dm. Ulyanova, Moscow 117036, Russian Federation*

Abstract. This study aims to describe 8 so-called secondary burials discovered in the territory of the Azov-Kuban Plain. These burials represent a rare type of interments corresponding to the Middle Bronze Age. The conducted analysis confirms that this type of interments was rarely used in the Early Catacomb Period and acquired a mass character in the period of the Baturin culture. The spread of this unusual type of interments can be explained by the specific economic conditions involving seasonal cattle grazing, as well as by the tradition of final and obligatory burying in barrows.

Keywords: Middle Bronze Age, Azov-Kuban Plain, interments, secondary burials, East-Azovian Early Catacomb culture, Baturin culture, Manych culture

Вид погребений, обозначаемых как вторичные, занимал определённое место в погребальной практике населения степей Евразии в эпоху бронзы. Расширение источниковедческой базы открывает новые возможности для изучения этого рода погребений. Начало активного интереса к теме, связанной с данной категорией археологических объектов, проявилось на рубеже 80–90-х гг. прошлого

века [5; 7; 9], и лишь с 2000-х гг. эта тематика в более широком варианте снова обрела внимание [1; 2; 4; 8; 14].

Вторичные погребения известны на территории Азово-Кубанской равнины с раннего бронзового века. Такой вид погребений зафиксирован среди памятников новотитаровской культуры. Эта традиция продолжается в среднем бронзовом веке и имеет проявление в позднем. Рассмотрим характер этого вида погребальной практики в среднем бронзовом веке, связанном в этом регионе преимущественно с катакомбными культурами. Сразу следует отметить, что в настоящее время здесь фиксируются два основных и одновременных культурных образования – раннекатакомбная восточноприазовская культура и позднекатакомбная батури́нская культура. Кроме этого, в позднекатакомбное время здесь известны комплексы манычской культуры. Что касается рассматриваемого вида погребений, то можно насчитать не менее 70 погребений, которые с той или иной долей вероятности могут быть отнесены к упомянутым культурам.

Значительную часть этих погребений трудно или вообще невозможно соотнести с этими культурами. Это связано с тем, что большинство погребений безынвентарны и находятся в насыпи кургана, где форма могильного сооружения зачастую не прослеживается. Учитывая это обстоятельство, будем опираться на данные о погребениях, культурная принадлежность которых не вызывает сомнений. Для раннекатакомбного времени можно указать на 4 таких погребальных комплекса, а для позднего – на 17 (6 опубликовано). Для выяснения специ-

фики вторичных погребений Азово-Кубанской равнины эпохи средней бронзы представим практически полные данные о 8 аналогичных погребениях.

Батури́нская I 9/9 (рис. 1)¹. Погребение катакомбное, основное. Могильное сооружение Т-образной формы. Входная шахта прямоугольная с закруглёнными углами, размером 1,8х0,98 м, ориентирована длинной осью В-З с небольшим отклонением. В западной стенке шахты дромос длиной 0,36 м и шириной 0,8 м, ведущий в камеру прямоугольной в плане формы размерами 2,1х1,15 м, дно на глубине 4,09 м.

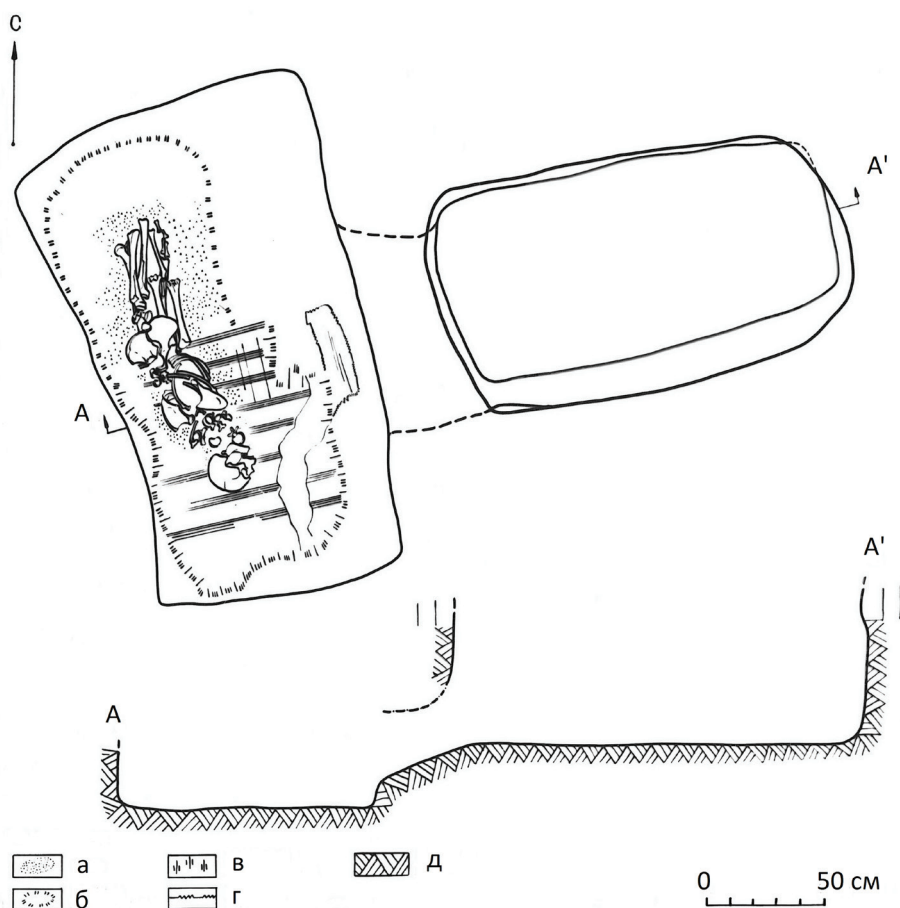
На дне костяк взрослого человека в расчленённом состоянии. Кости уложены компактно в следующем порядке: у южной стенки – череп на правой височной кости; далее к северу – скопление позвонков, лопатки, рёбра, крылья таза. Ещё севернее – плечевые кости и кости ног, здесь же фаланги пальцев ног.

Под костями дно ямы покрыто тленом. Южная половина – тленом чёрного цвета, на котором явно читался орнамент в виде параллельных белых полос, сгруппированных по четыре, и чередующихся с равными промежутками по 0,1 м чёрного тлена. Северная часть дна посыпана охрой, оконтуренной коричневым тленом.

Брюховецкая II 7/1 (рис. 2)². Погребение катакомбное. Пятно входной шахты зафиксировано с глубины 1,16 м от центрального репера. Шахта

¹ Бочкарёв В. С. Отчёт о работе Батури́нского отряда Кубанской экспедиции за 1979 год в Брюховецком районе Краснодарского края // Архив ИА. Р-1. № 7581.

² Бочкарёв В. С. Отчёт Брюховецкого отряда Кубанской экспедиции за 1981 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 8846.

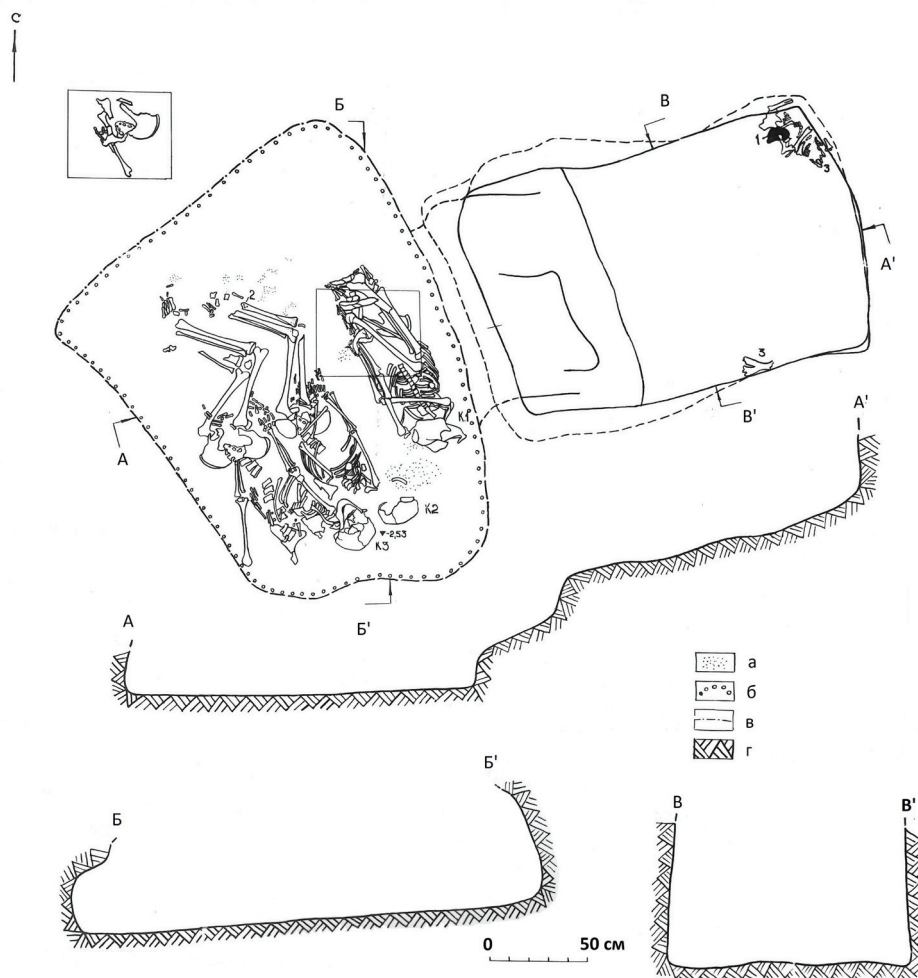

Прим.: план и профиль, в т. ч. а – охра, б – граница коричневого тлена, в – подстилка чёрного цвета, г – граница сиреневого тлена, д – материк, суглинок (по В. С. Бочкарёву)

Рис. 1. Погребение Батуринская I 9/9

впущена в курган с уровня насыпи. С глубины 1 м шахта и камера катакомбы были вырыты в материковом суглинке. Дно камеры на глубине 2,53 м от 0. Шахта прямоугольной в плане формы размером 1,93x1,27 м, со стороны камеры слегка расширялась и ориентирована длинной осью по линии ВСВ-ЗЮЗ. Дно шахты круто понижалось в сторону камеры на 0,83 м. Глубина шахты около входа в камеру от поверхности насыпи достигала 2,2–

2,25 м. Сохранившаяся высота стенок шахты около входа в камеру 1,1 м. Заполнение шахты состояло из переотложенного суглинка, бывшего выкидом из нижней части этой же шахты. Вдоль длинных стенок шахты у входа в камеру располагались короткие низкие материковые уступы длиной 0,45 м и 0,6 м, шириной примерно 0,2 м и высотой около 0,15 м. Дно шахты в 0,5 м от входа в камеру имело понижение на 0,15 м.

Прим.: план, профиль, выноска, в т. ч. а – охра, б – граница посыпки мелом, в – линия реконструкции, г – материк, суглинок (по В. С. Бочкарёву); 1 – остаток каменного грузила, 2 – костяные и бронзовые бусы, 3 – кости овцы.

Рис. 2. Погребение Брюховецкая II 7/1

На дне шахты, в северо-восточном углу лежали кости овцы в обломках (кости ног-голен и двух черепов), а у подножия южной стенки лежала лопатка овцы. В северо-восточном углу шахты под костями овцы обнаружен обломок каменного круглого грузила, расколотого вдоль и поперёк; размеры сохранившейся части орудия 11х6,5х3,2 см. На уцелевшей поверх-

ности сохранилось два неглубоких желобка, расположенных под прямым углом друг другу.

Вход в камеру находился в западной узкой стенке шахты. Свод камеры вместе с входом рухнул в древности. Камера неправильной подпрямоугольной формы размером 2,3х1,6 м, ориентированной длинной осью по линии СЗ-ЮВ. Дно камеры понижалось к ЮЗ

на 0,06 м и к С на 0,16 м. Сохранившаяся высота стен камеры достигала 0,6 м. На стенках местами сохранились следы орудий с зубчатым рабочим краем, которыми была выкопана камера.

На дне камеры лежали три костяка, уложенные ногами в пониженную сторону камеры и ориентированные черепами на ЮЮВ.

Костяк 1, лежавший у входа, представлял собой расчленённое захоронение мужчины. Анатомический порядок костей нарушен, но все кости лежали компактно. Их положение позволяет предположить, что тело было связано или уложено в мешок. Погребённому было придано, насколько это было возможно, скорченное положение и ориентировка головой к ЮЮВ. Череп раздавлен рухнувшим сводом. Он лежал основанием почти вниз, завалившись слегка в правую сторону. В 0,08-0,1 м от черепа лежал позвоночник, в котором сохранилось 13 позвонков, находившихся в сочленении с ребрами. В левой части грудной клетки два смещённых позвонка находились отростками вверх, рядом с ними было ребро в вертикальном положении. На верхней части правых рёбер лежала коленная чашечка. Вплотную к черепу залегали обе лопатки, находившиеся в сочленении с плечевыми костями. Лопатки касались друг друга, правая из них перекрывалась черепом. Правая плечевая кость залегала под грудной клеткой (под позвонками и ребрами) и была направлена в сторону левой руки, вытянутой вдоль тела и параллельно позвоночнику, и все кости которой находились в сочленении. Правая рука, все кости которой были в сочленении, согнута в локте под прямым углом так, что кости её

предплечья лежали вплотную длинными сторонами к предплечью и плечевой кости левой руки. Поверх правой лопатки лежали обломок левой ключицы и правая ключица. Последняя перекрывала правую плечевую кость и залегающие на ней ребра. Нижняя часть правой стороны грудной клетки перекрыта коленным суставом сильно согнутой правой ноги. На нижнем эпифизе бедренной кости этой ноги лежала грудная кость (грудина). Кисти обеих рук сочленены (как и кости предплечья) и вместе с нижними концами костей предплечья залегали под левым крылом таза. Правое крыло таза вместе с крестцом перекрыто правой голенью, малой и большой берцовыми костями и правым бедром. Нижняя часть правой голени перекрыта, в свою очередь, обломком левой бедренной кости с нижним дистальным концом, а на середине этого обломка лежал край второго обломка этого же бедра с верхним дистальным концом. К западу от обломков второго левого бедра, чуть заходя одним концом под верхний из них, лежал обломок большой берцовой кости с верхним дистальным концом левой голени. Правая голень находилась со стопой в сочленении. Под обломками второго бедра и левого крыла таза лежали кости стопы левой ноги, которые находились вплотную к кистям обеих рук, тоже перекрытых костями таза. Правое крыло таза лежало под бедром и голенью согнутой правой ноги. Под костями этой ноги лежал обломок левой большой берцовой кости с нижним дистальным концом. Конец этой голени, залегавший под правой голенью, был сломан. Этот конец голени залегал на нижних ребрах. К ССЗ от тазовых костей, вплотную к ним лежа-

ли обломки второй голени с нижним дистальным концом, находящимся в сочленении со стопой, лежавшей под тазом. Около северо-западного края правого крыла таза залегал обломок малой берцовой кости левой голени. В итоге, кости рук (с лопатками и кистями), правой ноги (со стопами), таза с крестцом и части позвоночника с рёбрами находились в соответствующих сочленениях. Кости левой ноги были сломаны, и в сочленении находилась лишь стопа с обломанной голенью. Тазовые кости перекрывали стопы и кисти, так как концы рук и ног, которые были соединёнными и заломленными назад, залегали под тазом.

Костяк 2 лежал в 0,2 м к ЮЮЗ от костяка 1, в скорченном положении на спине с наклоном вправо, головой на ВСВ; ноги слабо согнуты в тазобедренных и коленных суставах. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте почти под прямым углом, её предплечье покоится на правом крыле таза; кисти рук соединены около правого бедра. Стопы и часть позвоночника с рёбрами разрушены сурчинами. Левое крыло таза лежало плашмя, нижняя часть правого крыла – в положении стоя. Череп слегка смещён к ЮЮВ, нижняя челюсть обломана, перевернута и отвалилась. На правой голени погребённого обнаружены следы зелёной окиси, две круглые бронзовые бусинки и одна костяная цилиндрической формы. Размеры бронзовых бусин: 0,4х0,3 см, размеры костяной бусинки: 0,6х0,3 см. Эти бусы – остатки браслета, опоясывающего щиколотку умершей.

Костяк 3 покоился рядом с костяком 2 в той же позе на спине с наклоном вправо со слабо подогнутыми ногами,

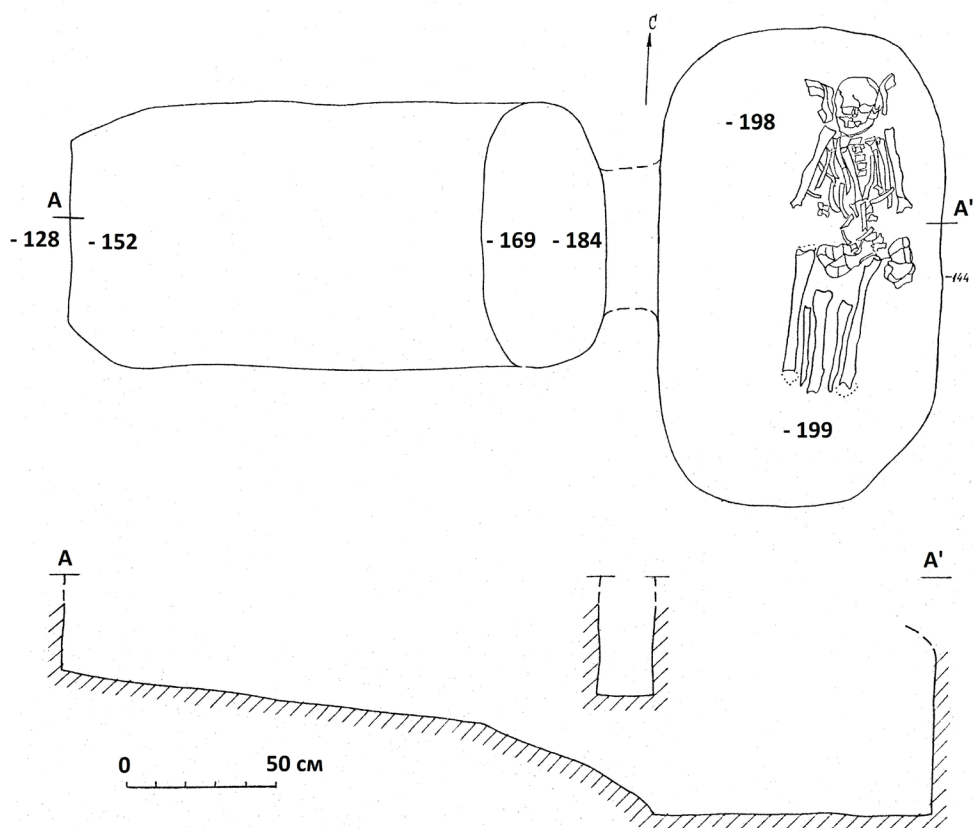
головой на ЮЮВ. Руки вытянуты вдоль тела, кисти на бедрах. Таз лежал плашмя. Череп на правом боку. Нижняя челюсть перевернута нижней стороной вверх. Вероятно, смещение черепов обоих костяков связано с тем, что головы погребённых первоначально залегали на неких «подушках». Костяки 2 и 3 принадлежали женщинам, первая – среднего возраста, вторая – пожилого.

Дно камеры было покрыто меловой посыпкой, а поверх неё около кистей рук костяка 1, голеней и стоп костяка 2, стоп костяка 3 и между черепами костяков 1 и 2 прослежена охра. Под костями таза и ног костяка 2 были следы коричневого тлена (остатки одежды и обуви?).

Новотитаровская 8/9 (рис. 3)¹. Погребение впускное, находилось 8,4 м к ЮЗ от центра кургана в катакомбе. Входная яма прослежена с глубины 1,28 м от 0. Она имела форму вытянутого прямоугольника и ориентирована по оси 3-В. Размеры 1,8х0,9х0,4 м. Стенки вертикальные. Перед лазом в камеру сделано углубление длиной 0,4 м и глубиной 0,1 м. От восточного торца ямы выведен лаз аркообразной формы. Размеры 0,35х0,47х 0,18 м. Погребальная камера почти овальной формы была ориентирована по линии С-Ю. Стенки сохранились на высоту 0,55 м. Размеры у дна 1,61х0,95 м.

В камере находился расчленённый скелет мужчины, лежавший на спине, головой на С. Череп был направлен глазницами вверх и подпирался с двух сторон лопатками. Плечевые кости уложены вдоль туловища на груди. Бедренные кости лежат в анатомическом

¹ Нехаев А. А. Раскопки курганов в Кореновском и Динском районах Краснодарского края в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9708.

Прим.: план и профиль (по А. А. Нехаеву)

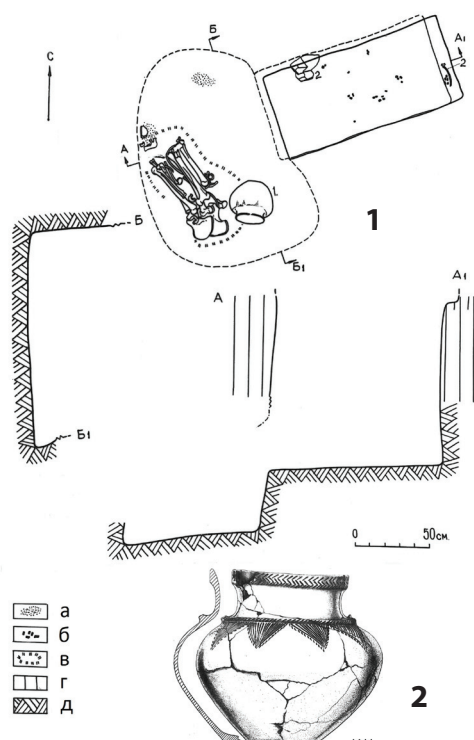
Рис. 3. Погребение Новотитаровская 8/9

порядке, берцовые отчленены и лежат между бедренными.

Батуриная I 2/13 (рис. 4/1)¹. Погребение катакомбное, впускное, находилось в 3 м к В от центрального репера и на глубине 3,33 м от 0. Границы шахты прослежены от уровня погребённой почвы. Шахта прямоугольной формы размером 1,2х0,6 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. У СВ стенки шахты, на высоте 1,1 м от дна шахты

устроена ступенька шириной 5 см. На ступеньке лежал фрагмент стенки лепного сосуда с углями. У северной стенки шахты на дне, перед уступом, находился ещё один фрагмент орнаментированного чернолощёного сосуда с углями. Фрагмент принадлежал сосуду с округлым туловом, под венчиком которого располагались два ряда прерывистых налепных валика. Наибольший диаметр тулова 23 см. По всему дну шахты разбросаны угли. Вход в камеру и её свод обвалились. Дно камеры на 0,4 м ниже дна шахты. Камера овальная в плане. Северная стенка

¹ Бочкарёв В. С. Отчёт о работе Батуринского отряда Кубанской экспедиции за 1979 год в Брюховецком районе Краснодарского края // Архив ИА. Р-1. № 7581.

Прим.: 1 – план и профиль, в т. ч. а – охра, б – уголь, в – граница коричневого тлена, г – предметерик, д – материк, суглинок, 1 – сосуд, 2 – фрагменты керамики; 2 – сосуд (по В. С. Бочкареву)

Рис. 4. Погребение Батуриная I 2/13

камеры сохранилась на высоту 0,55 м. Размеры камеры 1,5х0,9 м. Она ориентирована по линии СЗ-ЮВ.

На дне камеры находился частично расчленённый костяк погребённого. Судя по расположению костей, конечности были отделены от тела в плечевых и тазобедренных суставах. Кости рук отчленены в локтевых суставах и уложены поверх туловища параллельно друг другу, при этом стопы ног и кисти рук располагались у черепа. Погребённый был ориентирован головой на СЗ.

Под костяком и вокруг него прослежен тлен коричневого цвета. Под черепом пятно алой охры. Около костей

таза погребённого на боку лежал большой сосуд. Диаметр венчика 17 см, тулова 32 см, дна – 10 см. Высота сосуда 27 см. Сосуд орнаментирован налепным прерывистым валиком и свисающими прочерченными треугольниками (рис. 4/2).

Батуриная I 9/8 (рис. 5)¹. Погребение катакомбное, находилось 11 м к ЮЮЗ от центрального репера на глубине 5,45 м от 0. Входная шахта в плане имела форму слегка изогнутого прямоугольника размером 1,4х0,55 м по оси СВ-ЮЗ параллельно камере. Дно на глубине 4,8 м. Заполнение – рыхлый чернозём. На стенках шахты чёткие желобчатые следы, идущие в вертикальном направлении. Вход в камеру со стороны ЮВ стенки со ступенькой в 0,40 м высотой. Камера подквадратной в плане формы размером 1,6х1,55 м имела покатое к ЮВ дно.

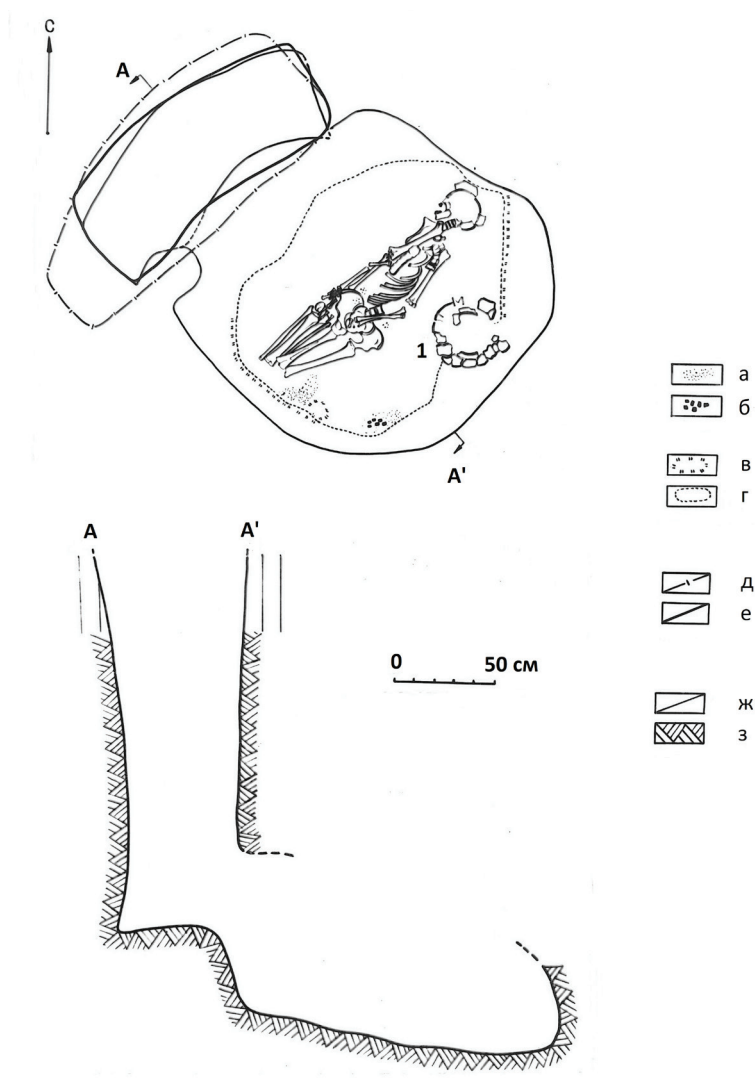
На дне погребальной камеры лежал костяк взрослого человека на спине с наклоном вправо. Скелет со следами частичного расчленения. Его верхняя часть скелета до таза включительно в анатомическом порядке: правая рука прямая, лежала вдоль тела, кистью у таза. Левая рука слегка согнута, кистью положена на таз. Нижние конечности расчленены. Стопы отсутствовали.

У ЮВ стенки камеры, за спиной погребённого, стоял раздавленный сосуд.

Батуриная II 3/19 (рис. 6/1)². Погребение катакомбное, впускное, нахо-

¹ Бочкарев В. С. Отчёт о работе Батуриного отряда Кубанской экспедиции за 1979 год в Брюховецком районе Краснодарского края // Архив ИА. Р-1. № 7581.

² Бочкарев В. С. Отчёт о работе Новокорсунского и II-го Батуриного отрядов Кубанской экспедиции за 1980 год в Тимашевском и Брюховецком районах Краснодарского края // Архив ИА. Р-1. № 8243.

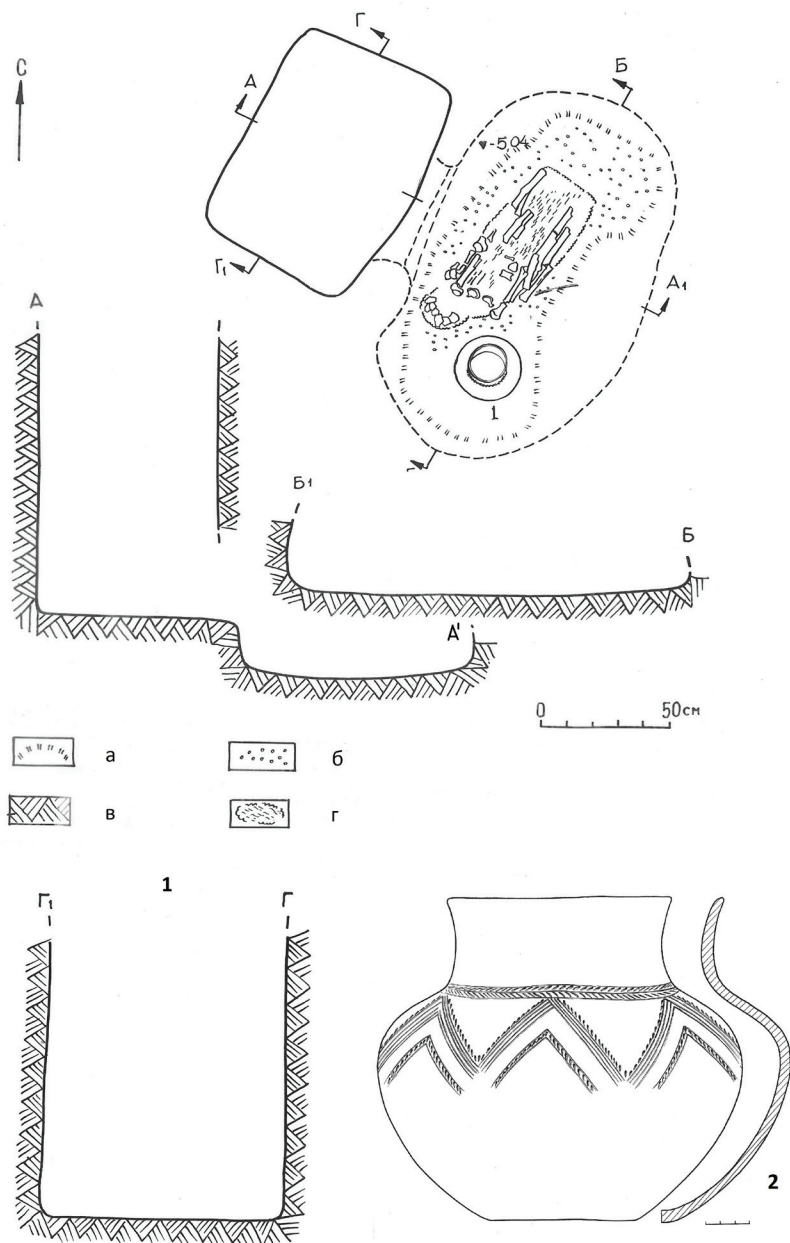

Прим.: план и профиль, в т. ч. а – охра, б – уголь, в – граница коричневого тлена, г – граница меловой подсыпки, д – верхний контур шахты, е – средний контур шахты, ж – нижний контур шахты, з – материк, суглинок (по В. С. Бочкарёву)

Рис. 5. Погребение Батуриная I 9/8

дилось в 12,2 м к ВЮВ от центрального репера и на глубине 5,04 м от 0. Шахта прямоугольная размером 0,93х0,72 м. Шахта с камерой соединялась коротким и узким лазом длиной 0,08 м и шириной 0,4 м в ЮВ стенке шахты. Свод камеры обвалился в древности. В ка-

меру вела крутая ступенька высотой 0,17 м. Камера в плане овальной формы размером 1,53х0,93 м, ориентирована длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Сохранившаяся высота стенок камеры достигала 0,27 м. Дно камеры к стенкам слегка повышалось.

Прим.: 1 – план и профиль, в т. ч. а – темно-коричневый тлен, б – меловая подсыпка, в – материк, суглинок, г – костный тлен, 1 – сосуд; 2 – сосуд (по В. С. Бочкарёву)

Рис. 6. Погребение Батурина II 3/19

На дне камеры костяк взрослого человека плохой сохранности, расчленён. Скелету придано скорченное по-

ложение. Лежал головой на ЮЗ. Около раздавленного черепа лежала пяточная кость и коленная чашечка, рядом с

которой находился верхний плечевой эпифиз. К востоку от этих костей лежало несколько позвонков. Длинные кости уложены по краям этого скопления вплотную и параллельно друг другу: рядом с локтевыми костями лежали плечевые, а к СВ располагались кости ног. В середине скопления костей находились вторая коленная чашечка, часть позвонков, кости стоп и кистей. В противоположном от черепа конце лежал позвонок.

Дно покрывал тёмно-коричневый тлен подстилки. На тлене от подстилки следы меловой посыпки. У головы погребённого стоял сосуд тёмного цвета с прямым расширяющимся вверх горлом, округлым туловом и уплощённым дном. Сосуд орнаментирован узкой врезной лентой, заполненной косыми вдавлениями. Плечики сосуда покрыты зигзагообразным узором, состоящим из нескольких рядов врезных линий, которые сверху и снизу обрамлены зигзагом из косых вдавлений. Высота сосуда 22,5 см, диаметр венчика 15 см, дна 10 см, тулова – 25 см (рис. 6/2).

Пролетарский 3/6 (рис. 7/1)¹. Погребение катакомбное, впускное, находилось в 1,2 м к СВ и на глубине 3,65 м от 0. Оно перекрывалось первой восточной бровкой. Пятно входной шахты зафиксировано на глубине 1,23 м от 0.

Шахта имела в плане овальную форму, стенки ровные, иногда имели вертикально вытянутые следы. Заполнение состояло из тёмного гумусированного суглинка, отличающегося по составу, цвету и плотности от окружающего грунта. В глубину шахта посте-

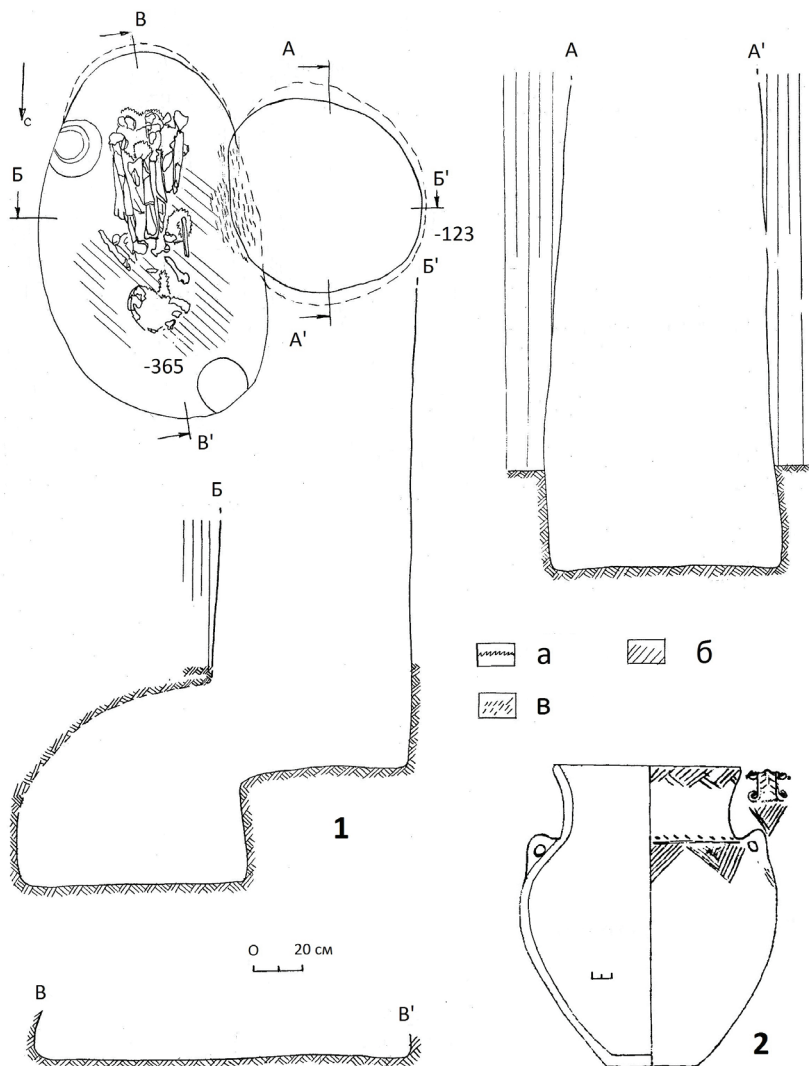
пенно расширялась и у дна достигала размера 0,78х0,87 м. Дно имело небольшой наклон к востоку и уступом переходило в камеру. Высота ступеньки 0,41 м. Камера овальная, ориентирована длинной осью по линии С-Ю. Свод рухнул, заполнение состояло из жёлтого предматерикового суглинка. Стенки ровные, с незначительным расширением ко дну. В некоторых местах на них хорошо заметен известковый налёт. Под западной стенкой, в районе входной шахты расчищен плотный древесный тлен, вероятно, оставшийся от заклада, который после истления дерева рухнул внутрь камеры.

В центре камеры лежал расчленившийся костяк взрослого человека. Длинные кости ног и рук компактно расположены в области груди. Скелет сильно повреждён рухнувшим сводом. Череп, по всей вероятности, лежал *in situ*, головой на С.

На дне камеры прослежен тёмно-коричневый тлен от подстилки.

Под восточной стенкой стоял лепной плоскодонный сосуд. Тулово реповидное, горло высокое, которое плавно переходит в небольшой слабо отогнутый венчик. В месте перехода плечиков в горло проведена врезная линия, параллельно которой идёт ряд косых насечек. С другой стороны к линии примыкает ряд заштрихованных треугольников, вершинами книзу. Венчик орнаментирован врезными линиями, идущими под углом друг к другу. На плечиках крепятся две петлевидные ручки, украшенные ёлочным орнаментом. Нижние края ручки ограничивают заштрихованные треугольники. В местах переходов торцов ручек в плечиках сделаны небольшие налёпы с вдавлением в центральной части.

¹ Шевченко Н. Ф. Отчёт о раскопках у хутора Пролетарского Кореновского района Краснодарского края в 1984 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 10541.

Прим.: 1 – план и профиль, в т. ч. а – костный тлен, б – тлен подстилки, в – древесный тлен; 2 – сосуд (по Н. Ф. Шевченко)

Рис. 7. Погребение Пролетарский 3/6

Поверхность чёрная, подлощенная, со следами сажи. Тесто сосуда в изломе светло-серое с примесью дресвы. Высота сосуда 30 см, диаметр венчика 19,5 см, диаметр дна 8,2 см (рис. 7/2).

За черепом погребённого стояла жаровня, изготовленная из придонной части лепного черноглиняного сосуда.

Поверхность светло-серая заглаженная. Тесто плотное, в изломе чёрного цвета с примесью дресвы. Высота – 9,4 см, диаметр дна – 11,5 см. Внутренняя поверхность сильно закопчена.

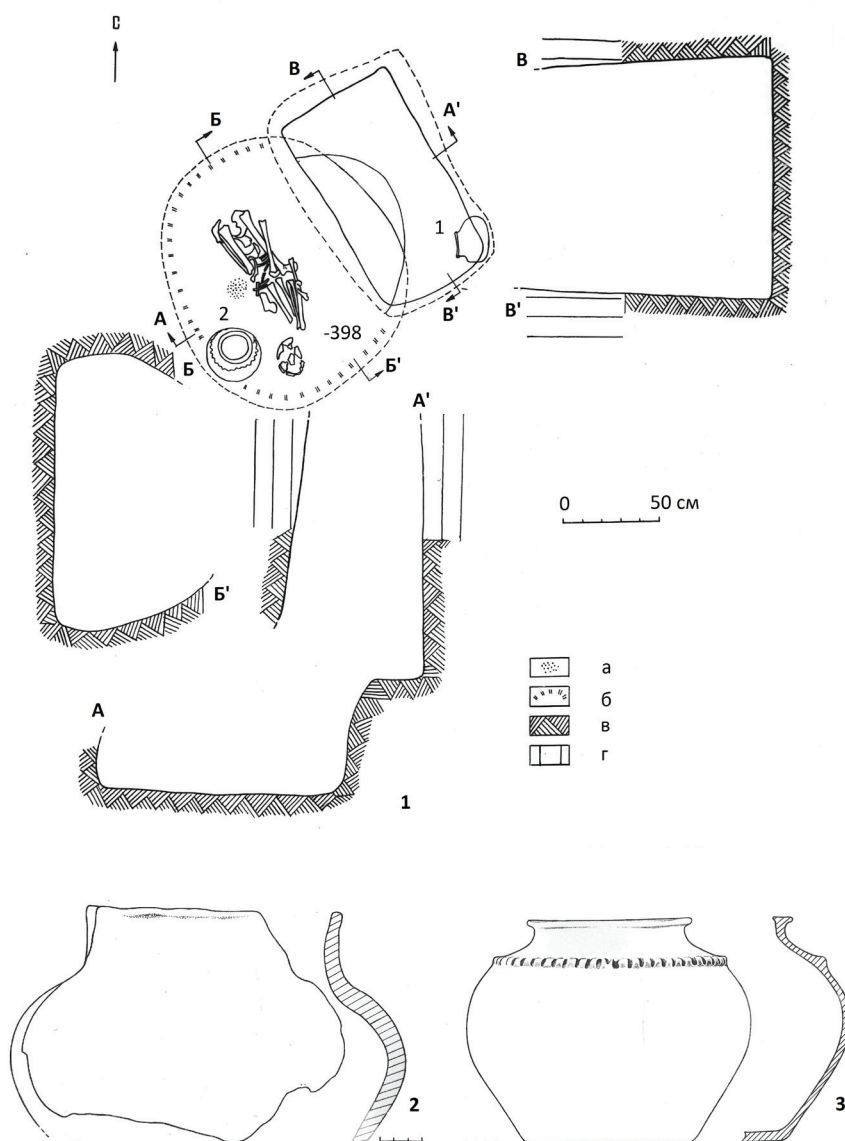
Анапская I 7/13 (рис. 8/1)¹. Погре-

¹ Бочкарёв В. С. Отчёт Кубанской археологической экспедиции о раскопках курганов

бение катакомбное, впускное, находилось в 7,5 м к ВЮВ от центрального репера и на глубине 3,98 м от 0. Шахта

в Тимашевском и Кореновском районах Краснодарского края в 1982 году // Архив ИА. Р-1. № 9505.

прямоугольная размером 1,1х0,6 м с расширением ко дну, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Между шахтой и камерой ступенька 0,6 м высотой. Камера почти круглая диаметром около 1,35 м.

Прим.: 1 – план и профиль, в т. ч. а – охра, б – граница коричневого тлена, в – предматерик, г – материк, 1 – жаровня, 2 – сосуд; 2 – жаровня; 3 – сосуд (по В. С. Бочкарёву)

Рис. 8. Погребение Анапская 7/13

На дне камеры костяк взрослого человека, расчленённый. Все трубчатые кости уложены вместе параллельно друг другу. У северного их конца лежали кости таза, у южного – кости черепа.

По дну камеры прослежен тлен коричневого цвета от подстилки. Пятно краски бурого цвета зафиксировано рядом с костями с ЮЗ стороны.

В ЮВ углу шахты находился фрагмент боковой части сосуда с венчиком с древесными углями. Диаметр венчика 19 см, тулова – 29 см (рис. 8/2). У ЮЗ стенки стоял сосуд реповидной формы. Высота сосуда 22,5 см, наибольший диаметр тулова 28,5 см, диаметр венчика 16,5 см. Сосуд орнаментирован наlepным прерывистым валиком. Внутри сосуда тлен жёлтого цвета (рис. 8/3).

Опираясь на предыдущее исследование [5], постараемся дифференцировать имеющиеся комплексы. Первые три погребения из представленных здесь относятся к раннекатакомбному времени. Вероятно, погребение Батуриная I 9/9 (рис. 1), учитывая форму могильного сооружения, более раннее из них. Вторичные погребения могут различаться по таким показателям, как сочленённость, способ укладки, комплектность. Названное захоронение по показателю сочленённости может быть определено как частично несочленённое, по способу укладки – как длинная «кукла», а комплектность его относительно полная. Второе погребение Брюховецкая II 7/1 (рис. 2) представляло собой коллективное захоронение, где два скелета находились в естественном сочленении, а третий скелет был представлен несочленёнными костями, уложенными с имитацией скорченной позы. В третьем погребении Новотитаровская 8/9 (рис. 3)

костяк был не сочленён и уложен в виде длинной «куклы».

Другая группа погребений относится к памятникам позднекатакомбного периода. Батуриная группа представлена по основным разновидностям форм катакомб – 4 подгруппы по нашей классификации [5] и погребением маньчского облика. Погребение Батуриная I 2/13 (рис. 4) с Т-образной катакомбой, имеющей узкую и короткую шахту (1-я батуриная подгруппа), содержало кости в виде «пакета-куклы». В погребении Батуриная I 9/8 (рис. 5) с Н-образной катакомбой (2-я батуриная подгруппа), верхняя часть скелета имела естественное сочленение и в целом представляла собой длинную «куклу». В погребении Батуриная II 3/19 (рис. 6) с катакомбой, имеющей шахту, которая приближалась к квадратной (3-я батуриная подгруппа), и погребении Пролетарский 3/6 (рис. 7) с катакомбой, имеющей круглую шахту (4-я батуриная подгруппа), находились кости захороненных в виде «пакета-куклы». Этот же способ укладки присутствовал и в погребении Анапская I 7/13 (рис. 8) с маньчской керамикой.

Представленные комплексы показательны в плане основной типологии и, таким образом, систематизируют уже известные материалы [3; 6; 10–13].

Почти все вторичные погребения этих групп являются впускными в уже имеющиеся курганы. Для раннекатакомбных погребений можно назвать два основных погребения – Батуриная I 9/9 и Янтарный 4/1, расположенного уже за пределами обозначенного региона, а для позднекатакомбных, которых значительно больше, всего одно – Пролетарский 5/7.

Сохранившиеся погребальные конструкции и расположение костей в могиле свидетельствуют о соблюдении общих канонов погребальной практики в случае вторичного захоронения. Так, среди батуриных вторичных погребений представлены все основные формы погребальных конструкций. Помимо весьма распространенного способа укладки несочленённых костей в виде «пакета-куклы», есть и вариант имитации скорченной позы.

Имеющиеся данные позволяют говорить о разной роли вторичных погребений в жизни людей раннекатакомбного и батуриного периодов. Как бы ни трудна была культурная атрибуция имеющихся комплексов, совершенно очевидно, что в раннекатакомбном времени такие захороне-

ния – редкость. Иная ситуация в батуриный период. Как уже отмечалось [3], вторичные погребения составляли 43% от общего числа данного культурного образования. Таким образом, можно говорить не об исключительном, а об ординарном и систематическом варианте погребальной практики. Чем было вызвано такое обращение с умершими – отдельный вопрос.

Как нам представляется, такой способ захоронения связан с особенностями хозяйственной жизни населения этого периода данного региона. Важно отметить, что здесь утверждалась традиция захоронения в определённом месте, скорее всего, на родовом некрополе.

Статья поступила в редакцию 14.08.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева М. В. Восточноманычская катакомбная культура. М.: ТАУС, 2014. 272 с.
2. Бондаренко А. В. Погребальные практики лесостепного Обь-Иртышья в эпоху бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 33 с.
3. Гей А. Н. Батуриная катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. Вып. 1 / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир: Армавирский краеведческий музей, 1995. С. 4–14.
4. Зайцева О. В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.
5. Мельник В. И. Особые виды погребений катакомбной общности. М.: Наука, 1991. 136 с.
6. Мельник В. И. Погребения эпохи бронзы курганной группы Степной // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века. М.: ИА РАН, 2018. С. 294–327.
7. Мельник В. И. Характер смерти и погребальный обряд // Религиозные представления в первобытном обществе / Отв. ред. Д. А. Крайнов. М.: Институт научной информации АН СССР, 1987. С. 39–40.
8. Небрат С. Г. Вторичные погребения ингульской катакомбной культуры // Донецкий археологічний збірник. 2013. № 17. С. 7–23.
9. Пиотровский Ю. Ю. К толкованию вторичного погребального обряда // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1988. С. 6–18.
10. Раскопки у станицы Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. / В. С. Бочкарёв, Г. Н. Бестужев, А. М. Бианки, В. А. Трифонов // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 1991. С. 3–56.

11. Трифонов В. А. Батуринский вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья / Отв. ред. С. Н. Братченко. Киев: Ин-т археологии АН Украины, 1991. С. 101–116.
12. Трифонов В. А. Две группы катакомбных погребений на Среднем Бейсуге // Краткие сообщения института археологии (КСИА). 1983. Вып. 176. С. 86–90.
13. Трифонов В. А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита-средней бронзы // Древние культуры Прикубанья. Л.: Наука, 1991. С. 92–166.
14. Флёров В. С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. (Труды Клино-Ярской экспедиции. Вып. 3). М.: ТАУС, 2007. 370 с.

REFERENCES

1. Andreeva M. *Vostochnomanychskaya katakombnaya kul'tura* [Vostochnobeisky catacomb culture]. Moscow, TAUS Publ., 2014. 272 p.
2. Bondarenko A. *Pogrebal'nye praktiki lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya v epokhu bronzy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The burial practices of the forest-steppe of the Ob-Irtyshye in the bronze age: abstract of PhD thesis in Historical sciences]. Moscow, 2016. 33 p.
3. Gei A. [Baturin catacomb culture and the finale of the middle bronze age in the Kuban steppe]. In: *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh* [Munchaev R., ed. Historical and archaeological almanac, iss. 1]. Armavir, Armavirskii kraevedcheskii muzei Publ., 1995, pp. 4–14.
4. Zaitseva O. *Pogrebeniya s narushennoi anatomicheskoi tselostnost'yu kostyaka: metodika issledovaniya i vozmozhnosti interpretatsii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Burial with abnormal anatomical integrity of the bone structure: research methods and possible interpretations: abstract of PhD thesis in Historical sciences]. Novosibirsk, 2005. 28 p.
5. Mel'nik V. *Osobyie vidy pogrebenii katakombnoi obshchnosti* [Special types of graves catacomb community]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 136 p.
6. Mel'nik V. [Burial of the bronze age barrow groups of the Steppe]. In: *Arkheologicheskie pamyatniki i mezhkul'turnye fenomeny eneolita i bronzovogo veka* [Archaeological sites and cultural phenomena in the Chalcolithic and bronze age]. Moscow, IA RAN Publ., 2018, pp. 294–327.
7. Mel'nik V. [The manner of death and burial rites]. In: *Religioznye predstavleniya v pervobytnom obshchestve. Otvet. red. D. A. Krainov* [Krainov D., ed. Religious ideas in primitive society]. Moscow, Institut nauchnoi informatsii AN SSSR Publ., 1987, pp. 39–40.
8. Nebrat S. [Secondary burial Ingul catacomb culture]. In: *Donets'kii arkheologicheskii zbirnik* [Donetsk archeological collection], 2013, no. 17, pp. 7–23.
9. Piotrovskii Yu. [The interpretation of secondary burial rites]. In: *Problemy arkheologii i etnografii Severnogo Kavkaza* [Problems of archeology and Ethnography of the North Caucasus]. Krasnodar, Kubanskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1988, pp. 6–18.
10. Bochkaryov V., Bestuzhev G., Bianki A., Trifonov V. [Excavations in stanitsa Bryukhovetskaya, Krasnodar Krai, in 1978]. In: *Drevnie kul'tury Priukuban'ya* [The ancient culture of the Kuban region]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 3–56.
11. Trifonov V. [Baturin variant of the CIS-Caucasian catacomb culture]. In: *Katakombnye kul'tury Severnogo Prichernomor'ya. Otvet. red. S. N. Bratchenko* [Bratchenko S., ed. Catacomb culture of the Northern black sea region]. Kiev, In-t arkheologii AN Ukrainy Publ., 1991, pp. 101–116.
12. Trifonov V. [Two groups of catacomb burials on Average Basuke]. In: *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (KSIA)* [Brief Communications from the Institute of Archeology], 1983, no. 176, pp. 86–90.

13. Trifonov V. [The Kuban steppe in the Eneolithic-middle bronze]. In: *Drevnie kul'tury Prikuban'ya* [The ancient culture of the Kuban region]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, pp. 92–166.
14. Flyorov V. *Postpogrebal'nye obryady Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I v. do n.e. – IV v. n.e. i Vostochnoi Evropy v IV v. do n.e. – XIV v. n.e. (Trudy Klin-Yarskoi ekspeditsii)* [Postponeable rites of the Central Caucasus in I century BC – IV century ad and Eastern Europe in the IV century BC – XIV century ad (proceedings of the Wedge-Yarskaya expedition)]. Iss. 3. Moscow, TAUS Publ., 2007. 370 p.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность В. С. Бочкарёву за разрешение публикации погребальных комплексов, исследованных Кубанской экспедицией ЛОИА АН СССР и определяемых как вторичные.

ACKNOWLEDGMENTS

The author expresses gratitude to V. S. Bochkaryov for the permission to publish the funeral complexes, studied by the Kuban' expedition of the Leningrad branch of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences, and determine them as secondary ones.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мельник Валерий Иосифович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела бронзового века Института археологии РАН;
e-mail: melvaler@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valeriy I. Melnik – PhD in Historical sciences, senior researcher at the Department of the Bronze Age, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences;
e-mail: melvaler@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мельник В. И. Вторичные погребения Азово-Кубанской равнины эпохи средней бронзы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 108–124.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-108-124

FOR CITATION

Melnik V. Middle Bronze secondary burials of the Azov-Kuban Plain. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 108–124.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-108-124

УДК 902(470.62/67); 543.42

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-125-141

ДОЛЬМЕНЫ МОГИЛЬНИКА ШУШУК. СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАЛЛА, ХРОНОЛОГИЯ

Резепкин А. Д.*Институт истории материальной культуры РАН**191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, Российская Федерация*

Аннотация. Основной целью статьи является публикация спектрального анализа украшений из дольменов могильника Шушук, а также их анализ. Ещё одна задача – на основании изучения полученного материала попытаться определить время существования могильника. Основное содержание статьи включает в себя публикацию источников из раскопок, их анализ, а также введение в научный оборот спектрального анализа 65 предметов из ряда дольменов могильника. На основе изучения приведённых данных удалось установить, что указанный могильник относится к поздней фазе существования дольменной культуры, а именно – к эпохе поздней бронзы. В частности, этим и объясняется то, что в украшениях, в подавляющем большинстве случаев, в качестве основной примеси является олово. По ряду аналогий со степными культурами эпохи поздней бронзы, эти дольмены можно датировать XIX–XVII вв. до н.э.

Ключевые слова: Северный Кавказ, эпоха поздней бронзы, дольмен, спектральный анализ

DOLMENS OF THE SHUSHUK BURIAL GROUND. METAL SPECTRAL ANALYSIS, CHRONOLOGY

A. Rezepkin*Institute of history of material culture RAS**18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg 191186, Russian Federation*

Abstract. This paper set out to analyze and present the results of a spectral analysis of ornaments from the Shushuk burial ground dolmens. Another objective was to approximately estimate the dates of the burial ground on the basis of the obtained data. The paper presents the excavations sources, their analysis, as well as the spectral analysis of 65 objects from the burial ground dolmens. It is established that the burial ground belongs to the Late Dolmen Culture Period, more precisely, to the Late Bronze Age. In particular, this explains the use of tin as the main additive in the vast majority of jewelry finds. Similar to the Late Bronze Age steppe cultures, these dolmens can be dated back to the 19-17th centuries B.C.

Keywords: North Caucasus, Late Bronze Age, dolmen, spectral analysis

Исследования В. И. Марковина положили начало новому этапу в изучении дольменов Северо-Западного Кавказа. Он, как никто другой, раскопал и ввёл в научный оборот значительное количество материала, без которого невозможно обойтись при любых исследованиях мегалитов Кавказа. Итогом десятилетних (1967–1976 гг.) полевых работ было издание четырёх монографий, в последней из которых были подытожены все его исследования [4].

В 2009–2011 гг. в Майкопском районе Республики Адыгея под моим руководством было раскопано 10 дольменов в дольменном могильнике «Шушук» и были опубликованы некоторые результаты исследований [5; 6].

Памятник расположен в 11 км к юго-востоку от пос. Каменноостровский и в 2-х км к северу от хутора Весёлый, в гористой местности, на высоте 820–850 м над уровнем моря. Группа из 11 дольменов располагалась на склоне горы по линии северо-запад – юго-восток. Расстояние между крайними дольменами по этой линии достигало 240 м. Архитектура и способы сооружения дольменов в этом могильнике единообразны: на склоне горы вырезалась полка, туда ставился сам дольмен, по внешнему периметру камеры от основания плит и до крыши он засыпался рваными кусками известняка средних и мелких размеров. Перед фасадом дольмена сооружался портал из горизонтально положенных плит прямоугольной формы толщиной до 40 см. Они располагались вдоль по линии боковых плит камеры, как бы их продолжая (рис. 1/1).

В частности, это можно проследить на примере исследованного не огра-

бленного дольмена № 1. К моменту начала раскопок рабочими карьера у него экскаватором были снесены покровная плита (крыша), правая боковая и передняя плиты и большая часть пространства камеры. Оставшаяся часть дольмена была присыпана землёй и придавлена большой кварцевой глыбой. Судя по сохранившейся с северо-восточной стороны части дольмена, он был поставлен его строителями во врезанную в довольно крутой склон горы своего рода «полку». Об этом свидетельствует характерное заполнение гумуса вокруг дольмена на фоне материкового склона горы и чёткая, разделяющая их граница (рис. 1/2). Боковые и задняя стены самого дольмена с внешней стороны были укреплены камнями (рис. 1/3, П/3–4), причём верхняя, сохранившаяся часть дольмена также с внешней стороны была обложена камнями на довольно большой площади (рис. 2/1–2).

Прежде чем перейти к описанию остатков самого погребального комплекса, опишем ту его часть, которая была разрушена и перемещена экскаватором. Это покровная плита, правая боковая и передняя плиты дольмена. Все плиты данного сооружения изготовлены из известняка.

Передняя плита трапециевидной в плане формы, в нижней её части по центру имеется отверстие арочной формы, заткнутое пробкой (рис. 3/1–2]. Ширина плиты в нижней части – 195 см, в верхней – 176 см, высота – 132 см, толщина неровная – 23–27 см. Расстояние между нижней плоской частью отверстия и нижним краем плиты составляет 37 см. Ширина отверстия в нижней части – 45 см, высота по центру – 26 см (рис. 3/1–3). Пробка

1

2

3

4

5

6

Рис. 1. 1 - дольмен №5. Первичная расчистка. 2 - дольмен №1, разрез «полки» с северо-восточной стороны дольмена. 3 - сохранившаяся часть камеры кургана перед расчисткой. 5 - первый ярус расчистки камеры дольмена. 6 - второй ярус расчистки камеры дольмена

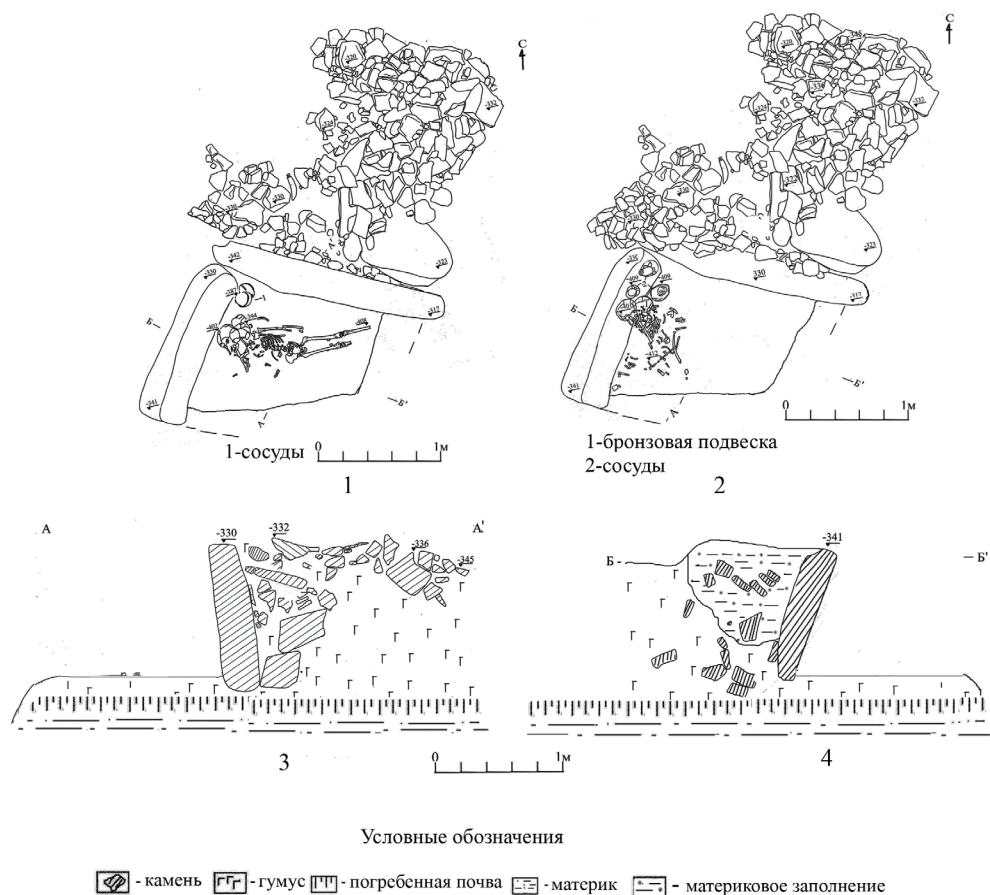

Рис. 2. 1 - первый ярус погребений в камере дольмена. 2 - второй ярус погребений. 3 - поперечный разрез сохранившейся части дольмена. 4 - продольный разрез сохранившейся части дольмена

длиной 40 см, туловище в сечении круглое, её диаметр – 26 см. Её наружная часть с одной стороны слегка утолщается, и диаметр составляет 28 см (рис. 3/3–4). Боковая плита также была расколота, причем её верхняя передняя часть была утрачена. Её длина по низу – 220 см, по сохранившейся части верха – 178 см, высота в передней сохранившейся части – 110 см, высота задней части – 90 см, толщина в средней части 28 см. (рис. 3/5). На расстоянии 15 см от нижнего переднего края

плиты был выбит паз для передней плиты. Его ширина 8 см, глубина до 1,5 см. Он сохранился на высоту 35 см.

Покровная плита трапециевидной в плане формы, была расколота пополам, трещина проходила поперёк. Ширина передней части плиты составляла 230 см, задней части – 150 см, длина – 235 см, толщина – 15–17 см (рис. 3/6). Ненарушенная часть комплекса состояла из северо-восточной боковой и задней плит, окружённых сверху навалом из камней (рис. 1/3–4, рис. 2).

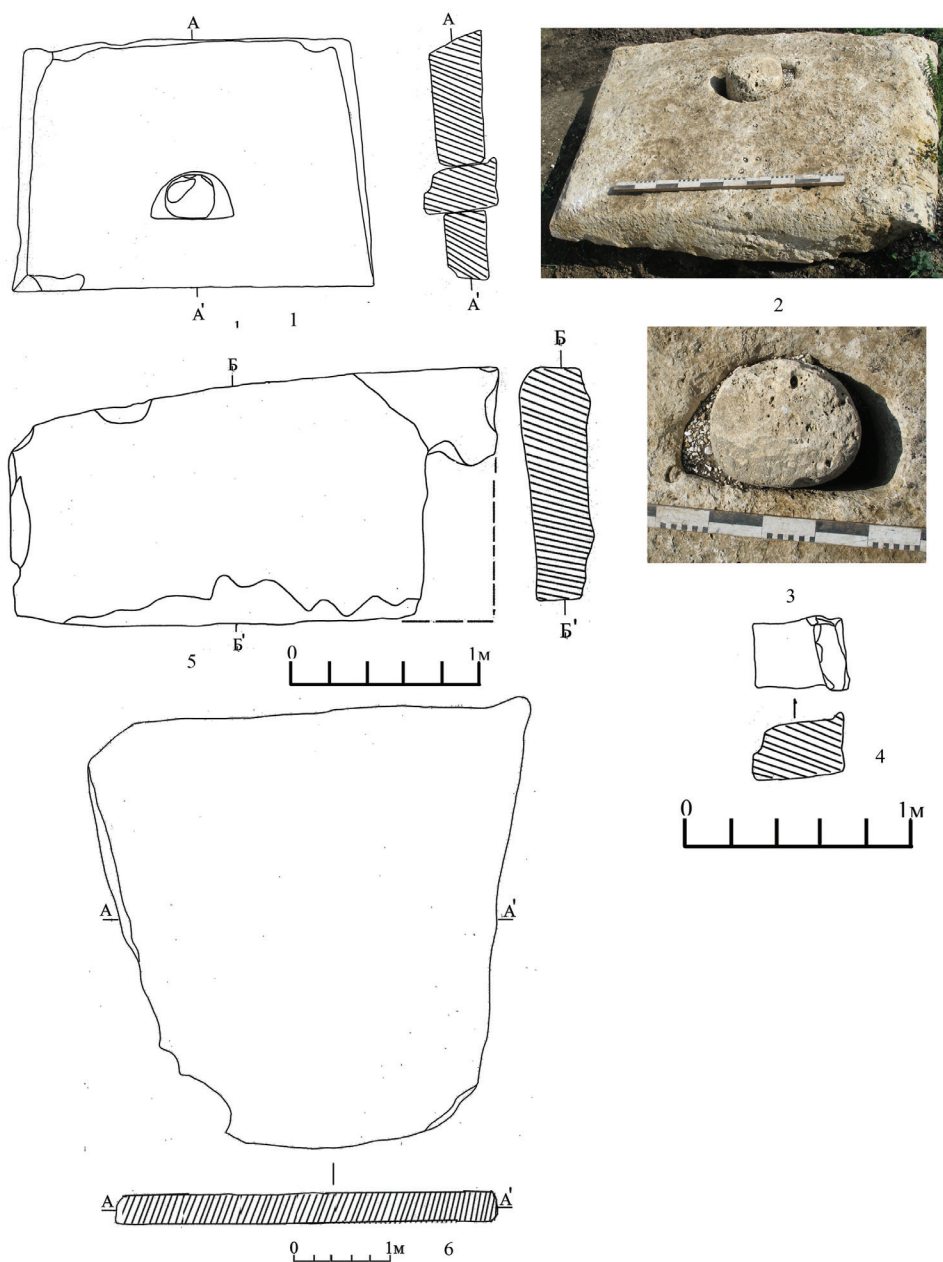

Рис. 3. 1-2 – передняя плита дольмена. 3 – пробка in situ в отверстии передней плиты дольмена. 4 – пробка. 5 – боковая плита. 6 – покрывная плита камеры дольмена

Высота боковой плиты в её передней части составляла 132 см, в задней – 105 см, длина по верху – 202 см, по низу – 223 см, толщина – 28 см. Выра-

женных пазов как для передней, так и для задней плит не было. Высота задней плиты – 112 см, ширина в верхней части – 132 см, в нижней – 156 см.

Интересно отметить, что все четыре стенки дольмена не имели под собой «пяточных плит», то есть оснований, а были просто врыты в землю. Пол внутри камеры также фиксировался только по уровню залегания нижнего слоя погребённых.

Что касается собственно погребения, то экскаватором была уничтожена примерно его третья часть. При расчистке сразу выяснилось, что оставшаяся часть погребального комплекса имеет свою стратиграфию, или ярусы. Первым было обнаружено и расчищено погребение подростка, поскольку он лежал выше остальных костяков. Погребённый (как и все последующие) лежал в слое гумуса, вытянуто, на спине, головой у задней плиты, сохранившаяся левая рука протянута вдоль туловища. Кости правой стороны туловища нарушены и почти все утрачены. Стопы и часть берцовых костей также утрачены. Ориентация: запад – северо-запад.

Для того, чтобы было видно не только горизонтальное положение дольменов относительно друг друга, но и вертикальное, за точку отсчёта был принят единый Центральный Репер для всей дольменной группы. Глубина от Центрального Репера до черепа этого погребённого составила – 3 м 94 см. В северном углу камеры дольмена, на глубине 3 м 87 см, рядом с черепом, стоял сосуд (рис. 1/5, рис. 2/1). Керамика светло-коричневого цвета, довольно слабого обжига, тесто тёмного цвета, с большой примесью крупнотолчёного известняка. По основанию шейки идет горизонтальный ряд продолговатых углублений сегментовидной формы. На плечике расположена вертикальная ручка-выступ, высотой

2,2 см, её край имеет рифлёную, как бы «зазубренную» поверхность. Высота сосуда 15 см, диаметр венчика – 11 см, дна – 7,7 см, высота шейки – 2,5 см. Толщина стенок 0,5 см, дна – 1,2 см. С внешней стороны дна, по центру, расположено углубление круглой формы. Его глубина 0,2 см, то есть сосуд стоит как бы на широком поддоне (рис. 4/13).

При расчистке скелета первого подростка выяснилось, что непосредственно под ним находятся ещё погребённые. После снятия первого погребённого, на глубине 401 см, под ним были расчищены плохо сохранившиеся останки двух погребённых детского возраста. Их кости были перемешаны, лежали не в анатомическом порядке, черепа находились у задней стенки дольмена. Позу погребённых установить не удалось, но по черепам и общему направлению костей можно полагать, что они были ориентированы головами, как и первый погребённый, на запад-северо-запад. Непосредственно за черепами, стояли два сосуда и нижняя часть третьего (рис. 1/6, рис. 2/1).

Один из сосудов стоял в углу дольмена, непосредственно под вышеописанным. Он серо-коричневого цвета, с большой примесью крупнотолчёного известняка, довольно слабого обжига. Сосуд округлобокий, венчик прямой, под венчиком идет ряд углублений подчетырёхугольной формы. Дно оформлено в виде поддона. Его высота – 12,5 см, диаметр венчика 10,7 см, высота венчика 2 см, диаметр поддона 5,5 см, его высота 0,8 см (рис. 4/14). Второй сосуд меньшего размера стоял непосредственно у черепов. Его дно находилось на глубине 409 см. Керамика светло-коричневого цвета, до-

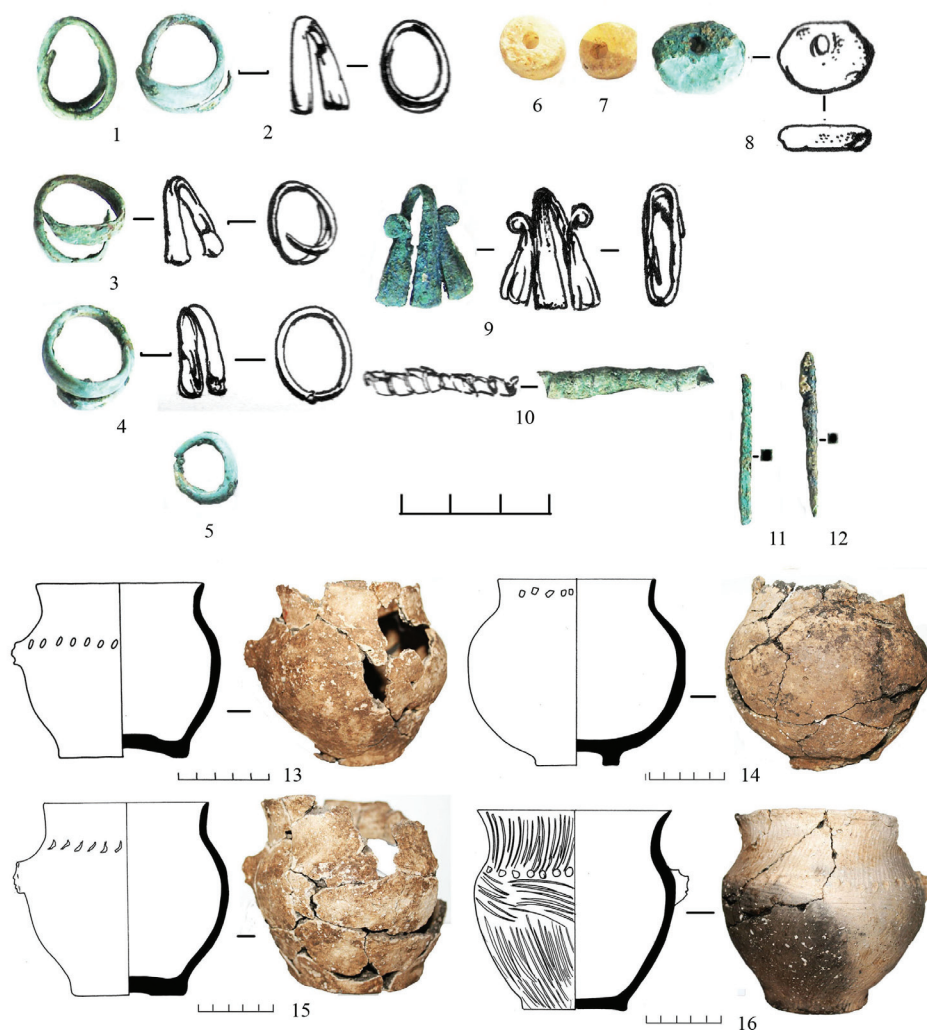

Рис. 4. Комплекс инвентаря дольмена № 1. 1-4 – бронзовые подвески в 1,5 оборота. 5 – бронзовая подвеска с сомкнутыми концами. 6-7 – каменные бусы. 8 – бронзовая бусина. 9 – бронзовая подвеска. 10, 11 – бронзовые шильца. 13-16 – сосуды

вольно слабого обжига, тесто тёмного цвета, с большой примесью крупно-толчёного известняка. По плечикам идет горизонтальный ряд продолговатых углублений округлой формы. На плечике расположена вертикальная ручка-выступ высотой 1,4 см, её край имеет рифлёную, как бы «зазубренную» поверхность. Высота сосуда 9,7 см, диаметр венчика 9,3 см, дна –

7,2 см, высота шейки 2 см. Толщина стенок 0,5 см, дна – 0,8 см. С внешней стороны дна, по центру, расположено углубление круглой формы глубиной 0,4 см, то есть сосуд как бы стоит на широком поддоне (рис. 4/15).

У второго черепа, лежащего ближе к левой боковой плите, на той же глубине, что и предыдущий сосуд, находилась нижняя часть сосуда. Она

тёмно-серого цвета, довольно слабого обжига, тесто тёмного цвета, с большой примесью крупнотолчёного известняка. Его сохранившаяся высота 2,2 см, диаметр дна 6,7 см. На этом же черепе лежала бронзовая спиралька. Её сохранившаяся длина 3 см, диаметр 0,4 см.

Помимо материала, обнаруженного при раскопках, в охрану памятников Адыгеи был сдан материал, собранный при разрушении этого дольмена. Помимо антропологических остатков от двух погребённых, были собраны украшения из бронзы, камня и один сосуд. Керамика хорошей сохранности, цвет в её верхней части светло-коричневый, внизу – серый. Сосуд довольно слабого обжига, тесто тёмного цвета, с большой примесью крупнотолчёного известняка. По всему тулову идут крупные расчёсы: по горлу и нижней части тулова – вертикальные, по плечикам – горизонтальные. У основания шейки проходит ряд округлых вдавлений. На плечике расположена вертикальная ручка-выступ высотой 2,2 см, её край имеет рифлёную, как бы «зазубренную» поверхность. Горло плавно расширяется вверх, венчик имеет приострённый край. Высота сосуда 12,3 см, диаметр венчика – 12 см, дна – 6,5 см, высота шейки – 2,7 см. Толщина стенок 0,5 см, дна – 0,7 см. Дно выделено, его края оформлены в виде слабого поддона (рис. 4/16). Украшения представлены фрагментами бронзовых спиральных пронизок, колец, бусинами, подвесками, двумя шильями и двумя бусинами из камня.

Кольца. Обнаружено 4 экземпляра в 1,5 оборота. Они однотипны: овальной формы, с раскованными концами. Их размеры от 1,8 до 1,6 см в длину и 1,5 см в

ширину (рис. 4/1–4). ещё одно кольцо – круглой формы с сомкнутыми концами. Его диаметр 1 см (рис. 4/5). Две бусины из кварца цилиндрической формы, толщиной 0,4 см, диаметром 1,1 см. В центре всех бусин имеется круглое отверстие диаметром 0,2 см (рис. 4/6–7]. Одна бронзовая плоская бусина – овальной формы, толщиной 0,3 см, её диаметр 1,6х1,1 см, диаметр отверстия 0,2 см (рис. 4/8).

Бронзовая подвеска. Её длина 2,4 см, ширина в нижней части 1,8 см. Представляет собой редкий тип украшений в виде трёхвитковой спирали, концы которой в плоскости также закручены в тонкие спиральки. Внизу все три спирали расширяются (рис. 4/9).

Спиральные украшения. Представлены в количестве 5 фрагментов (включая и найденную *in situ*). Все они однотипны: это плоские полоски бронзы, шириной 0,3 – 0,4 см, закрученные в спираль (рис. 4/10).

Бронзовые шилья. 2 экземпляра квадратной в сечении формы, с приострёнными концами. Длина одного 2,7 см, другого 3,1 см (рис. 4/11–12).

Поскольку этот, хотя и полуразрушенный карьерными работами, дольмен № 1 был в древности не нарушен, то его погребальный комплекс вполне можно считать относящимся к самим строителям дольменов. Это подтверждается материалами, аналогичными артефактам из дольмена 1 и из других, имеющих разную степень сохранности дольменов этого могильника.

Особый интерес представляет спектральный анализ 65 экземпляров бронзовых украшений, найденных в дольменах. Все они представляли собой подвески, как правило, в полтора оборота, и спиральки-«накосницы».

Аналитиком А. Н. Егорьковым спектральному анализу были подвергнуты 64 экземпляра (табл. 1, 2). В дольмене № 6 резко преобладает примесь мышьяка над оловом: соответственно 5 и 2 случая (табл. 3/2). В дольменах 5, 6, 7 нет совстречаемости мышьяка и олова в одном предмете (табл. 3/2). В дольмене № 1 наоборот, бронзовые украшения обладают несколько большим количеством уже олова – 7 экземпляров, а мышьяка – 5 (табл. 3/1). Металл из этого дольмена интересен тем, что два предмета содержат смешанный состав примесей: так в двухвольютной (лирообразной) подвеске с обратной петлёй (рис. 4/9, табл. 1) и подвеске в 1,5 оборота (табл. 1) содержатся мышьяк и сурьма (табл. 3/1; 4). В остальных же дольменах, практически во всех украшениях, в качестве примеси находится олово – в дольмене № 9: 26 – олово, 1 – мышьяк и 1 – мышьяк и олово (табл. 3/3). Дольмены №№ 2, 3, 7 – только олово в 4 экземплярах (табл. 3/1–2). Примесь мышьяка и олова в одном предмете встречены в трёх случаях: в дольмене № 9 и в одном – в дольмене № 10 (табл. 3/3, 4).

Только в двух дольменах, и то незначительно, преобладает мышьяк (дольмены № 5, 6), в остальных – олово. Более того, в дольменах № 2, 3, 7 – только олово (табл. 3/4). Но в этих дольменах слишком мало анализов, чтобы утверждать, что они содержат в украшениях примесь только олова. Наиболее разнообразный по составу металл обнаружен в дольмене № 1, там же найдены и наиболее разнообразные украшения [6], хотя он и не имеет наибольшего количества анализов (рис. 4, табл. 3/1). В одних дольменах преобладает мышьяк (дольмены № 5, 6), в дру-

гих – олово (дольмены № 9, 10), в третьих – только олово (дольмены № 2, 3, 7). Но в этих дольменах слишком мало анализов, чтобы утверждать, что они содержат в украшениях примесь только олова. Из изложенного видно, что в разных дольменах – разный по количеству состав примесей.

Помимо керамики и бронзовых подвесок в один и полтора оборота, бронзовых спиралек-накосников, бронзовой и каменных бусин, в этом дольмене была найдена бронзовая височная подвеска редкой формы. Особая ценность этой находки состоит в том, что она находилась в неограбленном дольмене.

Подвеска представляет собой довольно широкое и плоское кольцо в один оборот, концы которого, поднимаясь на две трети его высоты, закручены в спиральки, обращённые наружу плоской стороной. Аналогия этому предмету имеется в погребении из склепа, раскопанном в 1976 г. М. Б. Мужухоевым у села Эгикал в горной части Ингушетии. Находки из погребения были опубликованы В. И. Марковиным. Часть предметов – обломки кинжала закавказского типа, наконечник копья, сурьмяную поделку (рис. 1; 3/2, 6–7), он склонен отнести к концу II тыс. до н.э., а остальные – «к середине, скорее всего к началу второй половины II тыс. до н.э.» [3]. Ещё одна подвеска, но из золота и меньшей формы, была найдена в Северной Осетии у станицы Архонской в погребении 2 кургана 2 [2, с. 58, 106, рис. 8–3]. Достаточно аргументированно авторы относят это погребение ко второму этапу архонской культурной группы, который, согласно их исследованиям, можно датировать 22–18 вв. до н.э.,

Таблица 1

Результаты эмиссионного спектрального анализа украшений из дольменов 1-3, 5-7

а. Дольменный могильник Шушук

(1-12 – дольмен № 1; 13 – дольмен № 2; 14-15 – дольмен № 3)

Медь – основа

№ п/п	Категория	Лабор. шифр	Ag	As	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	Примечание
1	подвеска	842-15	0,05	7,3	-	-	0,2	0,02	0,01	-	9,0	0,07	-	лирообр.
2	подвеска	842-16	0,07	0,1	0,02	-	-	0,02	-	0,5	0,05	12	-	1,5 об.
3	подвеска	842-17	0,06	5,2	0,04	-	0,1	0,02	0,05	0,06	0,2	0,8	-	1,5 об.
4	подвеска	842-18	0,06	0,1	0,07	0,05	0,04	0,01	0,1	-	0,3	10	-	1,5 об.
5	подвеска	842-19	0,03	0,1	0,9	-	0,4	0,02	0,05	-	0,8	18	-	1,5 об.
6	подвеска	842-20	0,06	5,2	0,02	-	-	0,02	0,3	-	2,1	0,01	-	
7	подвеска	842-21	0,02	0,3	0,02	-	0,7	0,03	0,01	0,1	-	14	-	
8	спираль	842-22	0,07	0,9	0,04	-	-	0,02	-	-	-	0,05	0,09	
9	спираль	842-23	0,05	0,07	0,05	0,02	0,5	0,02	0,04	0,1	0,02	13	-	
10	спираль	842-24	0,03	-	-	0,01	0,7	0,03	0,05	0,2	-	15	-	
11	шило	842-25	0,06	9,1	0,1	-	0,05	0,01	0,01	-	0,5	0,01	-	тонкое
12	шило	842-26	0,05	8,3	0,01	-	0,08	0,01	0,6	-	0,1	0,01	-	толстое
13	подвеска	842-27	0,06	0,1	0,2	-	0,4	0,01	0,01	-	0,02	16	-	1,5 об.
14	подвеска	842-28	0,03	0,07	0,01	-	0,09	0,01	-	-	0,01	20	-	1,5 об.
15	подвеска	842-29	0,04	0,07	-	-	0,03	0,01	0,01	-	0,02	18	-	1,5 об.

б. Дольменный могильник Шушук

(1-5 – дольмен № 5; 6-17 – дольмен № 6; 18 – дольмен № 7)

Медь – основа

№ п/п	Категория	Лабор. шифр	Ag	As	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	Примеч.
1	подвеска	861-11	0,02	-	0,02	0,03	0,04	0,01	0,2	0,1	-	14	-	петля
2	подвеска	861-12	0,02	-	0,02	-	-	0,01	0,01	0,03	-	12	-	
3	спираль	861-13	0,02	2,5	0,02	-	-	0,01	0,2	0,04	0,05	-	-	
4	бляшечка	861-14	0,02	9,3	0,02	-	0,1	0,01	0,1	0,1	0,1	-	-	
5	иглочка	861-15	0,02	4,2	0,02	-	0,2	0,02	0,04	0,05	0,1	-	-	
6	спираль	861-16	0,01	-	0,1	-	0,01	0,01	0,03	0,03	-	3,6	-	
7	спираль	861-17	0,01	2,0	0,1	-	-	0,01	0,03	0,03	0,04	-	-	
8	подвеска	861-18	0,01	-	0,2	-	0,01	0,01	-	0,03	-	1,1	-	
9	подвеска	861-19	0,01	0,8	0,2	-	0,01	0,01	0,02	0,04	0,01	--	-	
10	подвеска	861-20	0,01	0,3	0,1	-	0,01	0,02	0,2	0,02	0,06	0,01	-	
11	подвеска	861-21	0,02	0,3	0,03	-	-	0,02	0,2	0,01	0,06	0,01	-	
12	подвеска	861-22	0,02	0,2	0,02	-	0,02	0,02	0,2	0,02	0,06	0,2	-	
13	подвеска	861-23	0,04	0,2	0,01	-	-	0,01	0,2	0,01	0,03	0,01	-	
14	подвеска	861-24	0,01	3,3	0,02	-	0,01	0,01	0,1	0,04	0,05	-	-	
15	подвеска	861-25	0,01	3,8	0,03	-	-	0,01	0,1	0,3	0,05	0,03	-	
16	подвеска	861-26	0,03	3,6	0,02	-	-	0,01	0,1	0,3	0,04	0,8	-	петля
17	подвеска	861-27	0,02	3,6	0,02	-	0,05	0,02	0,2	0,05	0,07	-	-	
18	подвеска	861-28	0,01	-	0,03	-	0,02	0,01	0,03	0,1	0,01	12	-	

Таблица 2

**Результаты эмиссионного спектрального анализа украшений
из дольменов №№ 9 и 10**

Дольменный могильник Шушук
(1-27, 29-31 – дольмен № 9; 28 – дольмен № 10)

№ п/п	Категория	Лабор. шифр	Ag	As	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	Примечание
1	подвеска	870-27	0,01	-	0,03	-	0,04	-	0,03	0,03	-	9,6	-	1,5 об.
2	подвеска	873-11	-	0,1	-	-	0,2	-	0,02	0,05	-	15	-	1,5 об.
3	подвеска	873-12	-	0,1	-	-	0,4	-	-	0,1	-	18	-	1,5 об.
4	подвеска	870-30	0,02	0,1	0,02	0,02	0,09	0,01	-	0,04	-	11	-	1,5 об.
5	подвеска	870-31	0,02	-	0,02	-	0,01	0,01	0,08	0,1	0,1	12	-	1,5 об.
6	подвеска	870-32	0,01	-	-	0,02	0,7	0,01	0,1	0,09	0,04	10	-	1,5 об.
7	подвеска	870-33	0,01	-	-	-	0,01	-	0,01	0,09	-	10	-	1,5 об.
8	подвеска	870-34	0,01	-	-	-	0,05	-	0,02	0,09	0,01	11	-	1,5 об.
9	подвеска	870-35	-	0,2	-	-	1,7	0,04	-	0,2	-	15	-	1,5 об.
10	подвеска	870-36	0,04	0,2	-	-	0,02	0,02	0,2	0,09	0,3	17	-	1,5 об.
11	подвеска	870-37	0,04	0,6	0,03	0,01	0,1	0,01	0,4	0,09	0,07	16	-	1,5 об.
12	подвеска	870-38	0,1	0,2	-	-	0,2	-	0,09	0,08	0,2	16	-	1,5 об.
13	подвеска	870-39	0,08	0,4	-	-	0,06	-	0,4	0,08	0,03	4,0	-	1,5 об.
14	подвеска	870-40	0,03	0,2	0,02	0,02	0,04	-	0,05	0,08	0,05	15	-	1,5 об.
15	подвеска	870-41	0,01	0,2	0,01	0,03	0,04	0,02	0,03	0,05	-	9,6	-	1,5 об.
16	подвеска	870-42	-	0,1	0,01	-	0,06	0,01	0,02	0,06	-	9,1	-	1,5 об.
17	подвеска	870-43	0,01	0,6	-	-	0,04	0,01	0,03	0,04	0,03	9,6	-	1,5 об.
18	подвеска	870-44	0,01	1,8	-	-	0,02	0,02	0,04	0,09	0,04	7,6	-	1,5 об.
19	подвеска	870-45	0,02	2,2	0,03	-	0,04	0,02	0,08	0,2	0,3	4,0	-	1,5 об.
20	бусина	870-46	-	-	-	-	0,06	-	0,02	0,3	-	16	-	Малая
21	бусина	870-47	0,02	1,6	-	-	0,2	-	0,1	0,06	0,3	18	-	Больш.
22	стержень	870-48	0,01	-	-	0,04	0,06	-	0,06	0,3	-	16	-	1,5 об.
23	подвеска	870-49	0,01	-	0,03	-	0,07	0,01	0,02	0,2	-	15	-	1,5 об.
24	подвеска	870-50	-	-	-	-	0,2	0,01	0,09	0,2	0,2	15	-	1,5 об.
25	подвеска	870-51	0,01	0,2	0,04	0,03	0,2	-	0,03	0,4	-	25	-	1,5 об.
26	бусочек	870-52	0,03	5,2	0,06	-	0,3	0,01	0,04	0,4	0,05	0,3	-	1,5 об.
27	подвеска	870-53	-	0,2	-	-	0,03	0,01	0,02	0,4	0,07	22	-	1,5 об.
28	подвеска	870-54	0,01	3,3	0,02	-	0,04	-	0,07	0,2	0,2	7,4	-	1,5 об.
29	подвеска	870-55	0,01	3,9	0,02	-	0,2	0,01	0,05	0,3	0,03	25	-	1,5 об.
30	подвеска	870-56	0,01	0,3	-	-	0,06	-	0,05	0,2	-	17	-	1,5 об.
31	игла	870-57	0,02	4,5	0,03	-	0,1	0,02	0,02	0,8	0,2	0,05	-	1,5 об.

Таблица 3

Анализ данных спектрального анализа, % содержания элементов

№ п/п	As	Sb	Sn		№ п/п	As	Sb	Sn		№ п/п	As	Sb	Sn	
1	7,3	9,0	–		1	-	-	14		1	–	–	–	9,6
2	-	-	12		2	-	-	12		2	–	–	–	15
3	5,2	-	-		3	2,5	-	-		3	–	–	–	18
4	-	-	10		4	9,3	-	-		4	–	–	–	11
5	-	-	18		5	4,2	-	-		5	–	–	–	12
6	5,2	2,1	-		6	-	-	3,6		6	–	–	–	10
7	-	-	14		7	2,0	-	-		7	–	–	–	10
8	-	-	-		8	-	-	11		8	–	–	–	11
9	-	-	13		14	3,3	-	-		9	–	–	–	15
10	-	-	15		15	3,8	-	-		10	–	–	–	17
11	9,1	-	-		16	3,6	-	-		11	–	–	–	16
12	8,3	-	-		17	3,6	-	-		12	–	–	–	16
13	-	-	16		18	-	-	12		13	–	–	–	4,0
14	-	-	20							14	–	–	15	
15	-	-	18							15	–	–	9,6	
										16	–	–	9,1	
										17	–	–	9,6	
									18	–	–	7,6		
									19	2,2	–	4,0		
									20	–	–	16		
									22	–	–	16		
									23	–	–	15		
									24	–	–	15		
									25	–	–	25		
									26	5,2	–	–		
									27	–	–	22		
									28	3,3	–	7,4		
									29	3,9	–	25		
									30	–	–	17		
									31	4,5	–	–		

Прим.: из 64 анализов 57 содержат элементы в количестве более чем 2%

- 1) 1–12 дольмен № 1, 13 дольмен № 2, 14–15 дольмен № 3;
- 2) 1–5 дольмен № 5, 6–17 дольмен № 6, 18 дольмен № 7;
- 3) 1–27, 29–31 дольмен № 9, 28 дольмен № 10;
- 4) распределение количества элементов и их сплавов, в содержании не менее 2% каждый в украшениях, обнаруженных в дольменах

Таблица 4

Распределение примесей мышьяка, олова и сурьмы в анализах проб металла изделий из дольменов, %

№ п/п	Номера дольменов	As	Sn	Sb
1	Дольмен № 1	7,3	–	9,0
3	Дольмен № 1	5,2	–	–
6	Дольмен № 1	5,2	–	–
11	Дольмен № 1	9,1	–	2,1
12	Дольмен № 1	8,3	–	–
15	Дольмен № 6	3,8	–	–
16	Дольмен № 1	3,6	–	–
17	Дольмен № 6	3,6	–	–
14	Дольмен № 6	3,3	–	–
7	Дольмен № 6	2,0	–	–
4	Дольмен № 5	9,3	–	–
5	Дольмен № 5	4,2	–	–
3	Дольмен № 5	2,5	–	–
26	Дольм. № 9,10	5,2	–	–
31	Дольм. № 9,10	4,5	–	–
29	Дольм. № 9,10	3,9	25	–
28	Дольм. № 9,10	3,3	7,4	–
19	Дольм. № 9,10	2,2	4,0	–

Прим.: содержание примесей более 2% (65 анализов): в 13-ти примесь мышьяка (As), в 3-х – примесь мышьяка и олова (AS–Sn), в 2-х – примесь мышьяка и сурьмы (AS –Sb)

с возможным омоложением верхней границы до 16 в. до н. э. [2, с. 65, 71]. Но это, надо полагать, является нижней границей времени существования подвесок этого типа, поскольку мы их видим и в поздних комплексах [8, рис. 114-7, -8, -15, -30], что и отмечают авторы [2, с. 59].

Относительно датировки подвески из склепа у с. Эгикал можно сказать, что достаточно надёжное обоснование она получает благодаря обнаруженной там же фаянсовой двухрожковой бусине. Согласно выводам С. Н. Коре-

невского и Р. А. Мимохода, они доживают до развитого этапа в лолинской культуре и время их существования не заходит в начало эпохи поздней бронзы, поскольку в комплексах носителей ранних колесничных культурных образований они не встречены [2, с. 53]. Иными словами, тот комплекс предметов, который вместе с подвеской найден на дне склепа, датируется не позже конца III тыс. до н.э.

Всё же представляется крайне сомнительным, чтобы подвески такого типа, если учитывать их позднюю датировку по находкам из Тлийского могильника, существовали не менее 800 лет. Остальные типы украшений: подвески в полтора оборота с расплюснутыми концами (рис. 4/1,3–4) наконечники (рис. 4/10) также имеют широкие временной диапазон и ареал распространения.

Керамика в этих дольменах достаточно своеобразна и отличается, к примеру, от керамики, обнаруженной в дольменах Абхазии. Её специфика в том, что на многих сосудах имеется по одной, вертикально расположенной на плечиках, ручке-выступе и многие из сосудов имеют «поддончики». Орнамент в основном состоит из зигзагообразных линий, либо из треугольников вершинами вниз. Техника нанесения орнамента также в большинстве случаев носит прорезной характер. Он, как правило, расположен на верхней части тулова и шейке (рис. 4/13–16). Ближайшая аналогия сосудам на «поддончике» находится в комплексах из раскопанного ящика могильника Гнокопсе, расположенного на окраине поселка Агуй-Шапсуг в Туапсинском районе Краснодарского края. Погребённый лежал вытянуто, на спине, головой на

ЮЮЗ. Рядом с ним находился сосуд на «поддончике». У этого же поселка был раскопан дольмен «Колихо» с останками десятков погребённых. Там также был найден сосуд аналогичной формы [9]. Эти сосуды практически однотипны с сосудами из дольменов могильни-

ка Шушук (рис. 5/4–6). Территориально гораздо более удалённая аналогия – это сосуд с поддоном из Филатовского кургана 1 погребения 1 [7, с. 217, рис. 53-2]. Его (рис. 5/7) с керамикой из дольменов сближает и общая горшковидная форма тулова на «поддончике»

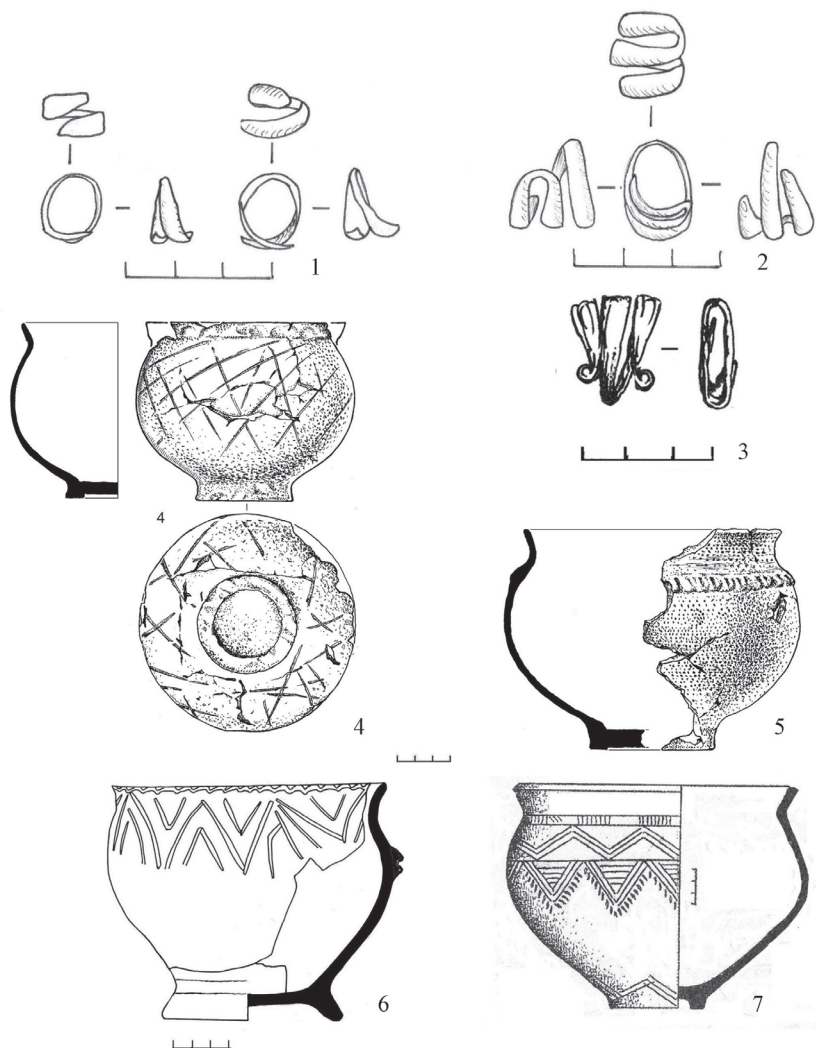

Рис. 5. Образцы украшений и керамики из дольменов и их аналоги

1-3 – образцы бронзовых подвесок из дольменов могильника Шушук. 4-5 – сосуды из дольмена «Колихо» и каменного ящика (по В.А. Трифонову и др. 2012). 6 – сосуд из дольмена №3 могильника Шушук. 7 – сосуд. Филатовский курган, погр. 1 (по В.А. Синюк, 1996).

и элементы орнамента, выполненные в прорезной технике – свисающие треугольники, зигзаг, но отличительная черта – наличие вертикальной ручки-выступа на плечике (рис. 5/6).

Непростым является вопрос хронологии могильника Шушук. Серия из четырех радиоуглеродных дат по погребению в каменном ящике из Агуй-Шапсуг дала общий диапазон дат от 1670 до 1190 гг. до н.э. Восемь дат из дольмена «Колихо» – соответственно от 1850 до 930 гг. до н.э. [9, с. 103, табл. 1]. Псалий из Филатовского кургана 1 погребения 1 В. С. Бочкарёв и П. Ф. Кузнецов относят к первому периоду развития эпохи поздней бронзы [1, с. 8, рис. 1-615], который представлен датами синташтинской и потаповской культур. Есть и одна раннепокровская датировка. Калиброванный радиоуглеродный возраст периода I определяется

в интервале XIX–XVIII вв. до н.э. Бронзовая фигурная подвеска, найденная в дольмене № 1 (рис. 4/9) имеет аналогию в кургане 2 погребения 2 в Северной Осетии у станицы Архонской. Его можно датировать XX–XVIII вв. до н.э., с возможным омоложением верхней границы до XVI в. до н.э. [2, с. 58, 65, 71, с. 106, рис. 8-3]. Известно, что этот тип подвесок имеет широкий временной диапазон [6], но с учётом датировки погребения 1 из Филатовского кургана 1, наиболее вероятной степенью дольменный могильник Шушук можно отнести к XIX–XVIII вв. до н.э.

Помимо собственно археологических задач, представляется крайне важным провести генетическую обработку остеологических материалов, обнаруженных в дольменах.

Статья поступила в редакцию 16.09.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарёв В. С. Кузнецов П. Ф. Основные этапы развития щитковых псалиев Северной Евразии // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии). Самара: ПГСГА, 2014. С. 5–10.
2. Кореневский С. Н., Мимоход Р. А. Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонской в Северной Осетии. М.: ИА РАН, 2011. 119 с.
3. Марковин В. И. К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе // Краткие сообщения Института археологии (КСИА) АН СССР. 1982. № 169. С. 25–32.
4. Марковин В. И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.: ИА РАН, 1997. 403 с.
5. Резепкин А. Д. К вопросу о классификации дольменов и погребальном обряде «дольменной культуры» // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К., 2010. С. 412–422.
6. Резепкин А. Д. Комплекс украшений из дольмена могильника Шушук в Адыгее // Третья Абхазская международная археологическая конференция «Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа». Сухум: б/и, 2013. С. 119–120.
7. Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Воронежский педуниверситет, 1996. 350 с.
8. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI – X вв. до н.э. М.: Наука, 1977. 240 с.
9. Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда «дольменной культуры» на Северо-Западном Кавказе / В. А. Трифионов, Г. И. Зайцева,

Х. Плихт, Н. Д. Бурова, А. А. Семенцов, С. А. Ришко // Культуры степной Евразии и их взаимодействие со степными цивилизациями: материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб.: Периферия, 2012. С. 100–107.

REFERENCES

1. Bochkaryov V., Kuznetsov P. [The main stages of development probably Piliev Northern Eurasia]. In: *Protsess kul'turogeneza nachal'noi pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Ural'skogo regiona (voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii)* [The process of cultural Genesis to the initial late bronze age Volga-Ural region (questions of chronology, periodization, historiography)]. Samara, PGSGA Publ., 2014, pp. 5–10.
2. Korenevskii S., Mimokhod R. *Kurgany pozdnego perioda srednego bronzovogo veka u stanitsy Arkhonskoi v Severnoi Osetii* [The barrows of the later period of the middle bronze age at the village Arkhonskoy in North Ossetia]. Moscow, IA RAN Publ., 2011. 119 p.
3. Markovin V. [To the question about the origin of the crypts and the proliferation of composite dolmens in the North Caucasus]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (KSIA) AN SSSR* [Brief Communications of the Institute of Archeology (CSIA) of the USSR Academy of Sciences], 1982, no. 169, pp. 25–32.
4. Markovin V. *Dol'mennye pamyatniki Prikuban'ya i Prichernomor'ya* [Dollmania monuments of the Kuban and the black sea]. Moscow, IA RAN Publ., 1997. 403 p.
5. Rezepekin A. [The question of the classification of the dolmens and the burial rite of "dolmen culture"]. In: *Chelovek i drevnosti. Pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009)* [Man and antiquity. The Memory Of Alexander Alexandrovich Formozov (1928–2009)]. Moscow, Grif i K Publ., 2010, pp. 412–422.
6. Rezepekin A. [A set of ornaments from burial dolmen of Susuk in Adygea]. In: *Tret'ya Abkhazskaya mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya «Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii Kavkaza»* [The third Abkhaz international archaeological conference "Problems of ancient and medieval archeology of the Caucasus"]. Sukhum, 2013, pp. 119–120.
7. Sinyuk A. *Bronzovyi vek basseina Dona* [The bronze age of the don basin]. Voronezh, Voronezhskii peduniversitet Publ., 1996. 350 p.
8. Tekhov B. *Tsentrал'nyi Kavkaz v XVI – X vv. do n.e.* [Central Caucasus in XVI – X centuries BC] Moscow, Nauka Publ., 1977. 240 p.
9. Trifonov V., Zaitseva G., Plikht H., Burova N., Sementsov A., Rishko S. [The first radiocarbon dates of alternative forms of funerary rite of "dolmen culture" in the North-Western Caucasus]. In: *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie so stepnymi tsivilizatsiyami: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiiskogo arkheologa Mikhaila Petrovicha Gryaznova. Kn. 2* [Steppe culture of Eurasia and their interaction with the steppe civilizations: materials of the international scientific conference devoted to 110-anniversary from birthday of the outstanding Russian archaeologist Mikhail Petrovich Gryaznov. Iss. 2]. St-Petersburg, Perifiriya Publ., 2012, pp. 100–107.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках гранта ФНИ ГИАИ, тема № 0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н.э. – I тыс. до н.э.)»

ACKNOWLEDGMENT

This work was supported by the FNI GAI, topic No. 0184-2018-0009 “Interaction of the ancient cultures of Northern Eurasia and the civilizations of the East in the era of the paleometal (IV millennium BC - I millennium BC)”

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Резепкин Алексей Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН;
E-mail: rezepkin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey D. Rezepkin – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of Central Asia and Caucasus Archaeology, Institute of the History of Material Culture RAS;
E-mail: rezepkin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Резепкин А. Д. Дольмены могильника Шушук. Спектральный анализ металла, хронология // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 125–141.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-125-141

FOR CITATION

Rezepkin A. Dolmens of the Shushuk burial ground. Metal spectral analysis, chronology. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 125–141.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-125-141

УДК 902.3; 94(395.5): 393–057.36

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-142-172

К ВОПРОСУ О ВОИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХ БРОНЗЫ И ЖЕЛЕЗА МОГИЛЬНИКА КАРАШАМБ, АРМЕНИЯ (ПО ДАННЫМ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И ПАЛЕОПАТОЛОГИИ)

Худавердян А. Ю., Меликян В. В.

Институт археологии и этнографии НАН РА

0025, Ереван, ул. Чаренци, д. 15, Республика Армения

Аннотация. Целью статьи является изучение антропологических материалов из воинских погребений могильника Карашамб. Памятник находится на территории Котайской провинции Республики Армения. В статье приведён комплексный анализ в рамках интегративной антропологии и представляет собою консолидацию двух таких её разделов, как физическая антропология и палеопатология. При описании и диагностике патологических изменений использовался макроскопический метод исследования. Проведённый анализ показал, что индивиды характеризуются особенностями южноевропеоидного типа. По среднему модулю коронки они отчётливо тяготеют к микродонтизму. По остеометрическим характеристикам индивиды характеризовались средним ростом и крепким телосложением. Специфика развития костно-мышечного рельефа связана с верховой ездой. Все обнаруженные повреждения на костях скелета имеют прижизненный характер и военную направленность при отсутствии травматических повреждений летального характера. Прижизненное общее состояние здоровья индивидов можно охарактеризовать как благополучное.

Ключевые слова: Армения, эпоха бронзы, эпоха железа, воинское погребение, палеоантропология, палеопатология

ON THE ISSUE OF MILITARY BURIALS OF THE BRONZE AND IRON AGES OF THE KARASHAMB BURIAL GROUND, ARMENIA (ACCORDING TO PHYSICAL ANTHROPOLOGY AND PALEOPATHOLOGY)

A. Khudaverdyan, V. Melikyan

Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA

15 ul. Charentsi, Yerevan 0025, Armenia

Abstract. In this work, we investigated anthropological materials from warrior burials of the Karashamb burial ground. The monument is located on the territory of the Kotayk province in Armenia. The article provides a comprehensive analysis in terms of integrative anthropology and represents consolidation of its two sections: physical anthropology and paleopathology. A macroscopic research method was used for describing and diagnosing the pathological changes. The analysis showed that individuals were characterized by features of the Southern European type. According to the average module of the crown, individuals clearly tended to mi-

crodontism. Judging by the osteometric characteristics, individuals were featured as heavily-built and of medium height. The specific character of a bony and muscular relief is associated with horse riding. All damage detected is antemortem and military-directed in the absence of traumatic injuries of a fatal nature. The health status of individuals can be characterized as good.

Keywords: Armenia, Bronze and Iron Ages, military burials, paleoanthropology, paleopathology

На протяжении более 150 лет в современной Армении были раскопаны многочисленные захоронения с уникальными материалами, которые в научной литературе считаются «воинскими погребениями». Учитывая количество и стандартный состав «воинских погребений» в раскопанных могильниках XVI/XV–IX вв. до н.э., часто подчёркивалось, что подобные комплексы свидетельствуют о милитаризации общества и формировании военного класса [1]. Сравнительный анализ «воинских погребений» из некоторых памятников раннего железного века выявил достоверную связь между возрастом (мужчины 40 лет и старше) и характерными атрибутами (особенностями) воинов (оружия, пояса, доспехи, богатый ассортимент жертвенных животных и т.д.) [1]. Следовательно, можно допустить, что возрастной ценз имел самое непосредственное отношение к принадлежности классу профессиональных воинов. В то же время картина немного иная в погребениях эпохи поздней бронзы, однако до сих пор подобных исследований в Армении не проводилось. Очевидно, что в указанные периоды принадлежность к тому или иному классу общества должна была быть связана также с их происхождением (наследственностью). Эта проблема может быть решена на основе изучения антропологических особенностей и генетических анализов.

Очевидно, что социальная роль и социальный статус влияют на образ жизни человека и отличают его от других слоев общества. Одной из основных научных проблем физической антропологии является выявление этих отличий. При этом принципиальное значение имеет документирование и анализ жизнеобеспечения (питание, болезни, причины смерти, физические доказательства занятости и т. д.) людей, занимающих высокое положение в обществе, для выявления региональных особенностей социального ландшафта доурартского периода.

Итак, антропологическая дифференциация позволяет распознавать морфологические вариации, связанные с особенностями антропологического состава и его отдельных компонентов. А анализ ряда индикаторов стресса позволяет определять уровень социальной и биологической адаптации отдельных членов популяции (и группы в целом) к среде обитания [23]. Данный подход базируется на взаимосвязи особенностей механизмов адаптации человека к различным условиям существования в зависимости от индивидуальных свойств организма, а также его неспецифической резистентности. А с целью определения родства индивидов применяется анализ высоковариабельных STR-локусов и гена амелогенина [27].

В работах известного врача, антрополога и скульптора, профессора

А. Д. Джагаряна [7] используется другой подход к изучению наивысших социально-политических и творческих слоёв, занимаемых элитными группами людей. На основе метода пластической портретной реконструкции Джагарян создал уникальную галерею скульптурных портретов исторических лиц, многие из которых являются известными фигурами в армянской истории и принадлежат к царским и воинским кругам элиты. Это, в частности, портреты сюникского короля Григория I, королевы Агванка Динар, полководца племени хурритов с бронзовыми свастиками на груди и т. д. Этот подход отражён и в работах представителей русской антропологической школы (М. М. Герасимова, С. А. Никитина) по пластической портретной реконструкции [6]. Можно сказать, что работами Джагаряна было положено начало направлению «физическая антропология власти» или антропологические аспекты элитологии.

В статье впервые вводятся в научный оборот антропологические данные из воинских погребений могильника Карашамб. Карашамбский могильник является одним из редких памятников, который последовательно отражает этапы эпохи бронзы и железного века и представлен большим числом раскопанных погребений [20]. Захоронения сопровождалась кромехами. В могилах рядом с погребёнными лежал инвентарь, характерный для воинов (рис. 1–5). Авторами были выбраны только пять захоронений, которые, судя по наличию предметов вооружения и инвентарю, относятся к воинской верхушке общества [20].

Данное исследование проведено в рамках интегративной антропологии

и представляет собою консолидацию двух таких её разделов, как физическая антропология и палеопатология. С точки зрения палеоантропологии изучен физический облик индивидов и определены основные показатели, характеризующие их физическое развитие [4]. Палеопатология, в свою очередь, позволяет представить следы заболеваний и травм [23], обнаруженных у индивидов. Травмы, полученные при жизни, в совокупности с данными археологии и смежными дисциплинами могут отражать не только уровень социальной напряженности, но и степень вовлечённости в военные конфликты населения, костные останки представителей которого были выбраны для изучения.

Материал и методы исследования

Могильник в селе Карашамб в Котайкской области Армении был впервые раскопал археолог В. Э. Оганесян в 1981 г. После длительного перерыва раскопки могильника были продолжены в 2009 г. под руководством П. С. Аветисяна вместе с сотрудниками Института археологии и этнографии НАН РА (В. В. Меликян, Т. Э. Арутюнян и др.).

Был исследован антропологический материал из погребений №№ 119, 182, 211, 513, 626. После реставрации кости черепа и посткраниального скелета были изучены по измерительным и описательным программам в соответствии с методами, принятыми в практике российских антропологов [2; 3; 8; 9; 21]. Для сравнительного анализа полученных результатов были использованы данные по размаху вариаций индексов пропорций из работ Е. Н. Хрисанфовой [17], Я. Я. Рогин-

ского и М. Г. Левина [13]. Остеоскопическое исследование макрорельефа длинных костей проводилось по системе В. Н. Федосовой [19], с некоторыми нашими добавлениями (введены промежуточные значения – 1,5, 2,5 и 3,5). При оценке степени развития мышечного рельефа по трёхбалльной системе нередко возникала необходимость ставить даже балл 3,5. Нами вычислялись следующие показатели: а) средние баллы по отдельным признакам; б) средний балл развития рельефа кости; в) суммарный средний балл (правой/левой костей).

Указанный материал хранится в кабинете физической антропологии Института археологии и этнографии РАН РА.

Погребение 119

Кромлех состоит из нерегулярных концентрических кругов (за исключением северо-западной части) (рис. 1-1). Размеры основного кромлеха (т. е. первого) около 5,30 м с севера на юг и 5,00 м с востока на запад. Погребение грунтовое, прямоугольное с закруглёнными углами (1,72×1,00×1,10 м). Наряду с человеческими костями определены и кости животных. Также обнаружены кинжал, железный наконечник копья, бронзовый пояс, керамические сосуды и т. д. (рис. 1-3). Погребение датируется XI–IX вв. до н.э. Останки представлены фрагментами костей черепа и посткраниального скелета (рис. 1–2).

Пол индивида мужской, возраст – 50–55 года.

По шкале П. Брока степень стёртости швов определяется 2 баллами. При взгляде сверху черепная коробка сфероидной формы. Надбровные дуги или область глабеллы средневыраже-

ны. Степень выступления надпереносья оценивается 3 баллами. Мозговая коробка характеризуется как долихокранная (72,194), с очень большим продольным (196) и средним поперечным (141,5) диаметрами. Не превышает малые величины значения ширины основания черепа (121). Затылок средней ширины (107,2), с очень большой дугой (130) и большой хордой (102). Наружный затылочный выступ развит средне, в латеральной норме (*norma lateralis*) затылок имеет округлую форму. Ответной реакцией организма на физическую нагрузку, хроническую (многократную) микротравму является образование затылочных валиков (*torus occipitalis*). Затылочные валики (ТОТ) располагаются на месте верхних выйных линий, в области крепления трапецевидной мышцы (*m. trapezius*). Наблюдается их асимметрия (3 балла – левый, 1 балл – правый). Величины теменной дуги (122) и хорды (114) попадают в категории средних размеров. Сосцевидный отросток средней величины. Лоб широкий (103), лобно-поперечный указатель средний (72,792) – мезозем. Ширина носа средняя (25). Нижний край грушевидного отверстия – *anthropina*, т. е. боковые края грушевидного отверстия непосредственно переходят в нижний край, имеющий острую форму.

На внутренней (место прикрепления внутренней крыловидной мышцы *m. pterygoideus medialis*) поверхности угла нижней челюсти и наружной (место прикрепления жевательной мышцы *m. masseter*) бугристость выражена отчётливо. Её тело очень низкое (25?) с очень малой (10) толщиной.

Из 29 дискретно-варьирующих краниоскопических признаков на черепе

Рис. 1. Погребение 119

фиксируются только семь. Латеральный край лобного отростка скуловой кости имеет выступающую форму. На черепе отмечены отверстия непостоянных и венозных пропускников (надглазничное *lforamina supraorbitalia*/, лобное *lforamina frontalia*/, теменное *lforamina parietalia*/), шовные кости в чешуйчатом шве (*os wormii suturae squamosum*), на ламбде (*os apicis lambdae*) и на ламбдовидном шве (*os wormii suturae lambdoidea*).

Форма альвеолярной дуги – U-образная. Обследованы правые первый премоляр, первый и второй моляры, левые первый и второй премоляры, левые первый и второй моляры верхней челюсти, а также правый первый моляр (табл. 1). *Гиподонтия* (уменьшение числа зубов) диагностируется у индивида. В ряду моляров (верхних и нижних) отсутствуют последний – третий. Размеры правого первого премоляра, левых первого и второго премоляров и левого первого моляра (вестибуло-лингвальный, мезио-дистальный диаметры и высота коронки) искажены патологической стёртостью зубов.

Мезио-дистальный диаметр первых и вторых моляров оказался заметно больше (падают в категорию очень больших значений), а вестибуло-лингвальный – несколько меньше (в категорию очень малых и малых значений). Высота коронки падает в категорию малых и очень малых значений. Гипоконус правого первого моляра слабо редуцирован (балл 4-), так же как и метаконус (балл 2), а второго моляра – полностью редуцирован (балл 3). Нижний правый первый моляр четырёхбугорковый, диаметры коронки больших (VL) и малых (MD)

размеров. Высота коронки попадает в категорию очень малых значений.

Длинные кости посткраниального скелета индивида имеют средние продольные размеры (табл. 2), и реконструируемая по ним длина тела с применением четырёх формул (166, 094 см) является средней. Наименьшая окружность диафиза плечевых костей характеризуется как большая. Форма сечения диафиза левой плечевой кости находится на верхней границе платибрахиальных вариантов, при этом правая плечевая кость менее уплощена. Верхняя часть диафиза локтевой кости характеризуется эуроленией. Указатель поперечного сечения средний. Бедренные кости по двум размерам длины относятся к категории среднелинних, окружность середины диафиза очень большая. Проксимальная часть диафиза характеризуется эуримерией (расширена). Массивность бедренных костей – сильная. У индивида наблюдаются дополнительные суставные площадки на нижней суставной поверхности большеберцовых костей.

О функциональной перегруженности мускулатуры пояса верхних конечностей свидетельствуют энтесопатии на плечевых костях в области прикрепления сухожилий длинной головки двуглавой мышцы плеча (*caput longum m. biceps brachii*). Необходимо отметить сильное развитие гребней малого бугорка, межбугорковой борозды и дельтовидной шероховатости (табл. 3). На костях предплечья значительно развиты лучевые бугристости, что является отражением соответствующего развития мышцы, сгибающей плечо и предплечье. На правой локтевой кости значительно развита локтевая бугристость, а также гребни пронатора. Хо-

рошо развит латеральный край нижнего конца лучевой кости, к которому также прикрепляется эта мышца. Следовательно, можно документировать значительное развитие мышц, приводящих в различного рода движения плечевые и локтевые суставы, а также обеспечивающих силовые действия.

На скелете нижних конечностей очень хорошо развита ягодичная бутристорость и шероховатая линия бедренных костей, что свидетельствует о большой нагрузке на мышцы, сгибающие, разгибающие, приводящие и отводящие бедро, а также сгибающие и разгибающие голень (рис. 1–7). На бедренных костях сильно развита *linea aspera*, структура, образовавшаяся под влиянием многолетней верховой езды [21]. На большеберцовых костях наблюдаются средневыраженность линии камбаловидной мышцы (*m. soleus*, часть трёхглавой – в основном сгибает стопу, поднимает пятку). На суставных поверхностях пяточных костей (*calcaneus*) фиксируются признаки энтезопатии. На пяточном бугре (апофиз) фиксируются множественные экзостозы.

Отсутствуют у индивида такие неспецифические маркеры стресса, как воспаление надкостницы (периостит), *cribra orbitalia*, а также повреждения зубной эмали (гипоплазия). Равномерная стёртость левых первого и второго премоляров и левого первого моляра, а также развитие костного рельефа в области прикрепления жевательной мышцы дают основание предположить стёртость зубов как следствие функциональной нагрузки (т. е. использование зубов как «третьей руки» или в качестве вспомогательного инструмента). Обнаружена также необычная стёртость верхнего

первого правого моляра (с медиальной стороны). В области левого клыка и второго премоляра отмечаются каверны диаметром 9–10 мм. Альвеолярные абсцессы могут быть спровоцированы пародонтитом, травмами и некрозом пульпы. На некоторых зубах верхней челюсти слабые отложения зубного камня и начальные проявления пародонтоза. Образование зубного камня в немалой степени связано с особенностями диеты.

Одним из интереснейших аспектов изучения костных останков данного индивида является выявления характера травматизма на скелете. Травма наблюдается на лобной кости в передней части *носовых костей* (рис. 1–4). При анализе повреждения отчётливо видны следы зажившего воспалительного процесса. Дефект округлой формы, наблюдается также образование костной мозоли вокруг повреждения. На левой теменной кости обнаружен округлый вдавленный перелом (рис. 1–6). По всей видимости, это заживший след травмы, полученной при ударе тупым предметом. В указанных случаях ранения, скорее всего, были получены в результате ударов спереди. На левой височной кости видна давняя зажившая травма, нанесённая острым орудием (рис. 1–5). Воспаление в области повреждения не наблюдается.

Обнаружены дегенеративно-дистрофические изменения позвонков: хрящевые узлы (грыжи Шморля) и остеофиты. Механизм развития хрящевых узлов заключается в проникновении изменённого участка гиалиновой пластинки в губчатую ткань тел позвонков с образованием в ней углублений разнообразной формы. Наблюдается центральное расположе-

ние межпозвоночных грыж. Хрящевые грыжи формируются при значительных компрессионных нагрузках на позвоночник преимущественно в период роста. Остеохондроз остеоскопически проявляется специфическими краевыми костными разрастаниями. Размер остеофитов от 3–10 мм. У индивида зафиксированы остеофиты как горизонтальной, так и вертикальной направленности по отношению к оси позвоночника.

Погребение 182

Погребение грунтовое, прямоугольное с закруглёнными углами (1,45×0,78×0,9 м), ориентировано по линии восток-запад (рис. 2–1). Наряду с костями животных обнаружены бронзовый кинжал, бронзовое копье, бронзовая булава и керамические сосуды (рис. 2–3). Погребение датируется XII–XI вв. до н.э. Останки представлены фрагментами черепа и посткраниального скелета. Полностью отсутствуют фрагменты челюстей и зубов (рис. 2–2).

Пол – мужской, возраст 30–39 лет (~35 лет).

Из 6 дискретно-варьирующих признаков на фрагментах костей черепа фиксируется только сосцевидное отверстие (*foramina mastoidea* / на шве). Очень слабо развиты надглазничный рельеф, надпереносье (балл 1) и затылочный торус (балл 1), а затылочные валики (ТОТ) оцениваются 2 баллами. Правый сосцевидный отросток развит очень сильно (высота 55 мм, ширина 38 мм).

Функционально перегружена мускулатура верхних конечностей (табл. 3). На плечевых костях необходимо отметить довольно хорошее

развитие дельтовидной шероховатости. На фрагментах бедренных костей лучше всего развиты ягодичная шероховатость, шероховатая линия бедра (*linea aspera*) (рис. 2–4). Фиксируются также так называемые фасетки всадника, образовавшиеся под влиянием многолетней верховой езды. Линия камбаловидной мышцы (*m. soleus*) отчетливо выражена на берцовых костях.

Несмертельное боевое ранение выявлено у индивида. Скользящий удар остролезвийным оружием был нанесён по левому бедру (рис. 2–5). В области травмы имелся обширный воспалительный процесс. Образовавшая костная мозоль имеет длину 75 мм, наибольшая ширина мозоли составляет 11 мм. После травмы индивид жил примерно 2 года. У индивида на правой бедренной, левой большеберцовой костях наблюдаются обширные очаги воспаления травматического происхождения (периостит).

Погребение 211

Кромлех состоит из нерегулярного концентрического круга, размеры структуры около 5,70 м с севера на юг и 5,40 м с востока на запад (рис. 3–1). Погребальная яма (размеры 2,00×1,36×1,38 м) была заполнена мелкими и средними камнями и землёй (рис. 3–1). В погребении обнаружен бронзовый кинжал, обсидиановые наконечники стрел, бронзовые бляхи, керамические сосуды. Погребение датируется XV–XIII вв. до н.э. Скелет представлен фрагментарными костями черепа и посткраниального отдела (рис. 3–2). Кости покрыты красной охрой (рис. 3–4).

Пол индивида мужской, возраст 30–39 лет (~35 лет).

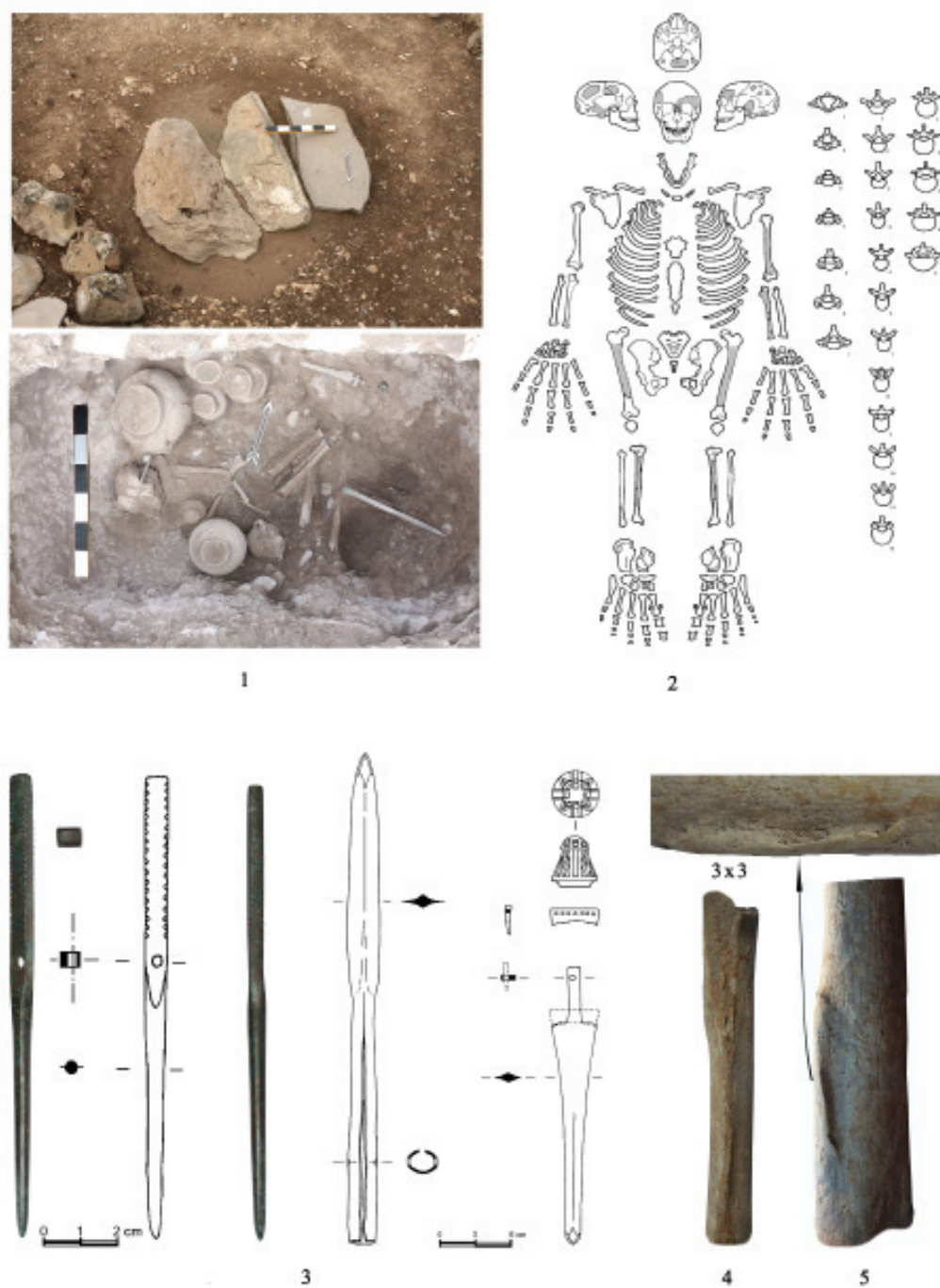

Рис. 2. Погребение 182

Рис. 3. Погребение 211

Череп индивида может быть описан как мезокранный (75,61), с большим продольным (186,5) и средним поперечным (141) диаметрами. Сверху форма черепа овоидная, швы – зубчатые. Надпереносье и надбровные дуги выражены слабо. Лоб широкий (101), по лобно-поперечному указателю среднеширокое (мезозем: 71,64). Величины лобных дуги (140) и хорды (121) очень большие, а теменной дуги (135) и хорды (118,8) – большие. Затылок среднеширокий (107,5), со средней дугой (115) и большой (101,5) хордой. Наружный затылочный выступ развит слабо, в латеральной норме затылок округлый. Сосцевидный отросток развит средне (2 балл). Верхняя ширина лица (106) – средняя. Горизонтальная профилировка верхней части лица довольно сильная.

На черепе выявлены следующие дискретно-варьирующие признаки: лобные отверстия (*foramina frontalia*), шовные кости в чешуйчатом шве (*os wormii suturae squamosum*) и вормиевы кости в ламбдовидном шве (*os wormii suturae lambdoidea*).

Кости посткраниального скелета имеют малые продольные размеры (за исключением лучевой кости / средние) (табл. 2). В проксимальной части диафиз бедренных костей расширен (эуримерия). Сагиттальный диаметр верхней части диафиза бедренных костей заметно меньше ширины. Диафиз в поперечном сечении имеет чечевицеобразную форму, при которой большая ось соответствует ширине диафиза. На проксимальной суставной поверхности шейки бедренных костей, в области фасетки Пуаррье (*Poirier's facet*), фиксируются костный наплыв или налёт (*plaque*). Большеберцовые

кости по контуру сечения диафиза эурикреничны. Форма поперечного сечения диафиза большеберцовой кости характеризуется типом 4. Поперечное сечение диафиза представляет собой прямоугольник неправильной формы. Задняя поверхность тела большеберцовой кости подразделяется практически на две поверхности – заднемедиальную и заднелатеральную, наблюдаются также дополнительные суставные площадки на нижней суставной поверхности большеберцовых костей. Кривая сагиттального сечения латерального мыщелка изогнута значительно (тип 5). Левый диафиз локтевой кости уплощён в верхней части (платоления). Реконструированная с применением четырёх формул длина тела (162,05 см) попадает в рубрику «ниже средней».

Судя по рельефу костей предплечья, у индивида были относительно гипертрофированы мышцы разных слоёв, обеспечивавшие движения кисти и пальцев, разгибатели и сгибатели запястья, мышцы, участвовавшие в сгибании предплечья в локтевом суставе (табл. 3). Очень хорошо развитая ягодичная бугристость и шероховатая линия бедренных костей (*linea aspera*), что свидетельствует о большой нагрузке на мышцы, сгибающие, разгибающие, приводящие и отводящие бедро, а также сгибающие и разгибающие голень (рис. 3–4). На берцовых костях наблюдаются усиления выраженности линии камбаловидной мышцы (*musculus soleus*) часть трёхглавой мышцы голени.

На черепе обнаружены травмы, доброкачественные опухоли и воспаление правого сосцевидного отростка. На правой теменной кости

11 мм от коронального шва наблюдается вдавленный перелом, затронувший только наружную пластинку компактного вещества свода черепа (рис. 3–3). Повреждение округлой формы, диаметр поражения больше 38 мм. На правой бедренной кости отмечена травма тупым предметом. Длина поражения 21,5 мм. Признаки воспаления в области повреждения не обнаружены. Следует полагать, что индивид не умер после травм, а его гибель вызвали другие причины.

На черепе зафиксирована одиночная доброкачественная опухоль – остеомы. Известно, что все доброкачественные опухоли, достигнув определённой величины, прекращают или сильно замедляют свой рост. Остеомы могут образовываться вследствие каких-либо нарушений скелетогенной мезенхимы [14]. На правой большеберцовой кости наблюдается небольшой костно-хрящевой экзостоз (высота хрящевых разрастаний 6,8 мм). Экзостоз – небольшое доброкачественное образование костной ткани. Причинами его формирования могут быть воспалительный процесс, ушиб, ущемление, аномалии надкостницы и хряща.

Фиксируется острое гнойное воспаление сосцевидного отростка височной кости (правого). Воспаление ячеек сосцевидного отростка чаще является осложнением острого гнойного воспаления среднего уха. Мастоидит может возникнуть в результате травмы или при сепсисе. Он вызывается микроорганизмами – стафилококками, стрептококками, вирусами и грибами. Вероятно, причина смерти индивида – общее заражение крови.

Погребение 513

Кромлех округлой формы (размеры 4,30×4,40 м), сооружён крупными и средними камнями из базальта (рис. 4–1). Западная часть кладки кромлеха была неполной. Погребение грунтовое, прямоугольное (размеры 1,55×1,00×1,75 м) с закруглёнными углами, ориентированное с севера на юг (рис. 4–1). Инвентарь состоит из следующих предметов: бронзового кинжала, наконечников стрел из обсидиана, бронзовых пуговиц, бронзового шила и керамических сосудов. Погребение датируется XIV–XIII вв. до н.э. Останки представлены костями черепа и посткраниального скелета (рис. 4–2). Череп фрагментарной сохранности.

Пол – мужской. Возраст – 35–45 года.

Сверху черепная коробка овоидной формы. Швы черепа зубчатые. Мозговая коробка индивида характеризуется как долихокранная (57,28), с очень малым поперечным (122) и выходящим за верхнюю границу нормы продольным диаметром (213). Лоб узкий (88), лобная хорда средняя (112), теменная – очень большая (127,5). Надпереносье и надбровные дуги выражены незначительно. Проекционная длина нижней челюсти очень малая (97?). Углы развёрнуты, наименьшая ширина ветви средняя (33). Передняя ширина (48,5) большая.

Бугристость в области наружной поверхности угла (место прикрепления *m. masseter*) и внутренней поверхности угла (место прикрепления *m. pterygoideus medialis*) на правой стороне нижней челюсти выражена отчетливо (на левой – фрагмент челюсти отсутствует). Симфиз средневысокий (30,5), тело средневысокое (30) с большой толщиной (14).

Рис. 4. Погребение 513

На черепе отсутствовал двадцать один генетически детерминированный признак. У индивида латеральный край лобного отростка (левого) скуловой кости имеет прямую форму. На черепе фиксируется шовная косточка на ламбдовидном шве (*os wormii suturae lambdoidea*), на правой стороне.

Обследованы левые медиальный резец и второй моляр верхней челюсти, а также левые латеральный резец, клык, премоляры, моляры (M1, M2, M3), правый первый моляр нижней челюсти (табл. 1). Остальные зубы были утрачены. Диаметры коронок верхних и нижних моляров варьируют от очень малых до средних величин. У индивида отмечается микродонтизм (по среднему модулю коронок моляров – M1-M3), что типично для грацильных, в частности южноевропеоидных форм. Высота коронки моляров попадает в категорию очень малых значений. На медиальном резце присутствовала максимально выраженная лопатообразность. Гипоконус второго моляра слабо редуцирован (балл 4-), так же как и метаконус (балл 2). Полная высота зуба (по внешнему краю мезиального корня) – 23,2 мм. На нижней челюсти левый второй резец имеет слабо лопатообразную форму, на клыке наблюдается небольшое увеличение краевых гребней лингвальной поверхности (балл 1). На первом левом премоляре вестибулярный бугорок несколько больше лингвального, но размеры бугорков сравнимы (тип 2). Межбугорковая борозда левого второго премоляра имеет лингвальную веточку, разделяющую лингвальную половину зуба на две части, образуя трёхбугорковый тип (балл 5). Нижние первые моляры пятибугорковые. Вто-

рой левый моляр имеет грацильное четырёхбугорковое строение с узором «X». Третий левый моляр также имеет четырёхбугорковое строение с «X»-узором коронки.

Параметры посткраниальной морфологии индивида выделяются. Ключицы умеренно массивные, необычайно длинные, отмечается резкая асимметрия в параметрах (правая 164 мм, левая – 172 мм) (рис. 4–3). Сумма наибольших длин правой и левой ключицы равна 336 мм, а условный показатель ширины плеча ($Cl.1/172/+H.1/331/$) примерно равен 503 мм. По абсолютным размерам плечевые, лучевые кости характеризуются большими значениями (табл. 2). Луче-плечевой указатель ($R1/H1$) характеризуется максимальными значениями (79,46 мм). Строение верхней части диафиза левой локтевой кости нормальное, сечение не имеет специализированной формы – эуроления. Бедренная кость характеризуется малыми значениями. По указателю платикнемии для правой и для левой стороны свойственна гиперплатимерия. Большая берцовая кость характеризуется очень большими значениями. Наблюдается латеральная (боковая) дополнительная суставная площадка на нижней суставной поверхности большеберцовой кости (*lateral tibial squatting facet*). Признак фиксируется на обеих больших берцовых костях (правой/левой).

Представление о соотношениях размеров основных отделов скелета получено по нескольким параметрам. Указатели берцово-бедренный ($T1/F2$: 95) и плече-бедренный ($H1/F2$: 78,81; $H1/F1$: 76,63) попадают под категорию выше максимальных значений¹.

¹ Благоприятное для ростовых процессов

Луче-берцовый указатель характеризуется выше средними значениями (65,92). Условный показатель величины скелета (УПВС / $H1+R1+F1+T1$) попадает под категорию больших значений (1425 мм). Остеологическая длина верхней конечности ($H1+R1$) по В. В. Бунаку равна 594 мм, а остеологическая длина нижней конечности ($F2+T1$: 819 мм) по В. В. Бунаку, ($F1+T1$: 831 мм) находится выше средних границ межгрупповой вариации. В среднем остеологическая длина ноги $F2+T1$ характеризуется величиной в 805 мм и попадает под категорию выше средних значений. Интермембральный указатель ($(H1+R1):(F2+T1)$), описывающий отношение длины верхней конечности к нижней, в одном случае попадает под категорию больших (72,53) значений, в другом – выше максимальных ($(H1+R1)/(F1+T1)$) (табл. 2).

Считается, что реконструкция длины тела по бедренной кости – один из самых оптимальных приёмов с точки зрения теоретического обоснования в силу того, что при работе с данным сегментом полностью исключено влияние пропорций на конечный результат. Однако бедренные кости индивида, в отличие от остальных костей, имеют малые размеры. Следовательно, усредняя результаты, полученные по формулам для разных классов костей (*humerus, radius, femur, tibia, fibula*) мы повысим достоверность полученного результата. Средняя длина тела по формулам разных авторов равна

влияние среды – хорошее питание в сочетании с умеренными физическими нагрузками, на которое больше реагируют дистальные сегменты, чем проксимальные, особенно нижних конечностей, может ещё больше сдвинуть луче-плечевой и берцово-бедренный указатели в сторону увеличения.

169,62 см. Следовательно, у индивида рост попадает в категорию средних размеров с непропорциональным телосложением. Известно, что пропорции конечностей с удлинёнными дистальными сегментами характерны для морфотипа южного происхождения.

Индивидуум обладал в высшей степени тренированной мускулатурой. По-видимому, его отличала «военная выправка». На плечевых костях наблюдается довольно хорошее развитие дельтовидной бугристости, в комплексе с особенностями макрорельефа ключиц это может указывать о значительно развитом плечевом поясе. На лучевых костях хорошо развиты лучевые шероховатости. Правый локтевой отросток хорошо развит. К олекранону прикрепляется общее сухожилие трёхглавой мышцы (*трицепс*) плеча, являющейся разгибателем предплечья. Эта мышца расположена на задней стороне плеча, а её сухожилие, минуя локтевой сустав над его капсулой, затем фиксируется к локтевому отростку. За счет длинной головки происходит движение руки назад и приведение руки к туловищу (стрельба из лука?). Индивид испытывал также нагрузки на нижнюю конечность. Бедренные кости отличаются выраженной шероховатой линией и выступанием над поверхностью. Большую часть своей жизни индивид проводил сидя в седле. Рельеф на задней поверхности обеих больших берцовых костей, соответствующий линии камбаловидной мышцы (*m. soleus*), также хорошо выражен.

У индивида есть свидетельство воспаления среднего уха (отит), болезнь одного или нескольких отделов ушной полости, которая вызвана попаданием внутрь инфекции. Наблюдается пол-

ное разрушение сосцевидного отростка. Когда гнойный отит переходит на ткани мозга, могут воспалиться оболочки мозга (менингит), развиться абсцесс головного мозга и другие заболевания, которые могут стать причиной смерти [28; 29]. Вероятно, индивид скончался от общего заражения крови, наступившего при активном некротическом процессе с проникновением инфекции в полость черепа.

Погребение 626

Кромлех округлой формы (3,05 м), ориентирован с севера на запад, часть кладки была неполной (рис. 5-1). При этом использован базальтовый камень средних размеров. Погребение грунтовое, прямоугольное с закруглёнными углами (1,60×0,95×1,20 м). В погребении наряду с человеческими костями определены и кости животных. Инвентарь состоит из следующих предметов: бронзового кинжала, наконечников стрел из обсидиана, бронзовых пуговиц и керамических сосудов. Погребение датируется XIV – III четвертью XIII в. до н.э. Останки представлены черепом фрагментарной сохранности и фрагментами посткраниального скелета (рис. 5-2). Полностью отсутствуют кости челюстей.

По результатам многофакторной идентификации погребённому было от 20 до 29 лет (~ 25). Пол мужской.

Из 14 дискретно-варьирующих краниоскопических признаков на черепе фиксируются только вормиевы кости в ламбдовидном шве (*os wormii suturae lambdoidea*). Обследован правый первый премоляр. Остальные зубы были утрачены. Мезио-дистальный диаметр равен 7 мм, вестибуло-лингвальный диаметр – 9,5 мм, высота коронки –

8,5 мм, шейка зуба – 4 мм. Вестибулярный и лингвальный бугорки равны по размеру (тип 3). Для бугорка характерна коронка с суживающимися в лингвальном направлении боковыми краями. Узор борозд жевательной поверхности относится к 6 типу (образование центральных бугорков).

На левой плечевой кости присутствует генетически детерминированная аномалия (надмышечковое отверстие). На фрагменте правой плечевой кости наблюдается слабое развитие дельтовидной бугристости. Возможно, это объясняется тем, что индивид молодого возраста. Хотя нагрузки на нижнюю конечность отчетливо выражены (табл. 3). На фрагментах бедренных костей наблюдаются ягодичная шероховатость, шероховатая линия бедра (рис. 5-3). Слабее выражен рельеф мышц, которые связаны с движениями стопы.

У индивида наблюдается непреднамеренная деформация головы (*tump-line deformation*) [26]. Вероятно, индивид носил при жизни на голове кожаную повязку, концы которой соединены поперечными ремнями, удерживающими груз на спине (приспособление в форме кожаного футляра или соломенной корзины). Повязка вызвала уплощённость верхних отделов теменных костей (рис. 5-4). От давления повязки на теменных костях остался неглубокий желоб шириной 29,5 мм, длиной примерно 89 мм и глубиной 1,8 мм. Следы воспалительных процессов наблюдаются на теменных костях, что указывает на присутствие широкого спектра факторов, влияющих на появление различных инфекционных заболеваний неспецифического характера. В области четвёртого ребра

Рис. 5. Погребение 626

наблюдается травма тупым орудием. Причиной травмы можно считать прямой удар в область грудной клетки.

Заключение

На основании антропологических заключений уместным будет сказать, что исследованные индивиды характеризовались особенностями южноевропейского типа, широко распространённого в эпоху бронзы и железного века на территории Армянского нагорья (и Кавказа в целом) [18].

У двух индивидов черепные коробки имеют долихокранические характеристики. Один череп – мезокраний. Лобные и лицевые кости среднеширокие, профилированность в горизонтальной плоскости малая. Нос средней ширины.

Использование краниоскопических (дискретно-варьирующих) признаков непосредственно связано с популяционными исследованиями, занимающими важное место в исследованиях этнической антропологии [11]. На четырёх черепках наблюдаются шовные кости на ламбдовидном шве (*os wormii suturae lambdoidea*), на двух – лобные отверстия (*foramina frontalia*) и шовные кости в чешуйчатом шве (*os wormii suturae squamosum*). Остальные дискретно-варьирующие признаки встречаются на одном черепе (*foramina supraorbitalia*, *foramina parietalia*, *foramina mastoidea* / на шве, *os apicis lambdae*).

По среднему модулю коронки индивиды отчётливо тяготеют к микродонтизму, что типично для грацильных, в частности южноевропейских форм. *Гиподонтия* диагностируется у одного индивида.

По остеометрическим характеристикам индивиды характеризовались

средним ростом и крепким телосложением. Можно допустить, что при выборе военной специализации учитывались особенности физического развития. У индивидов под влиянием механических нагрузок в кортикальном слое диафиза трубчатых костей произошли структурные изменения, которые отражают величину и направление этих воздействий. Утолщения компактного вещества диафиза некоторых костей посткраниального скелета могут быть рассмотрены как случаи прогрессирующей рабочей гипертрофии костной ткани, вызванной длительной физической нагрузкой на данные сегменты [12]. Наличие взаимосвязи между структурой кости и её механической функцией широко используется для реконструкции физической активности [28; 31; 32]. Экспертиза показала, что у индивидов специфика развития костно-мышечного рельефа связана с верховой ездой. Всем индивидам была присуща примерно сходная физическая активность.

В биоархеологии вопросы боевого травматизма обсуждаются уже достаточно давно [5; 10; 15; 16; 24; 25]. Для решения вопросов боевого травматизма первостепенное значение имеет соотнесение характера нанесённого поражения с типом травмирующего орудия. Нами на скелетном материале зафиксированы пять вдавленных¹ переломов (пог. 119, пог. 211, пог. 626), а также по одному рубленному (пог. 182) и колотому (пог. 119). Все они были получены от ударов тупого, колющего и рубящего типов орудий и нанесены с разной силой и в разных направле-

¹ В случаях, где на одном скелете фиксировались две одновременные травмы, обе включались в подсчёт (пример: пог. 119, пог. 211).

ниях. Полученные травмы – от орудий рубящих остролезвийных (топор, нож) и вдавленные – от орудий ударных с тупым навершием (обух топора, молоты, палица /дубинка, метательные камни). Вдавленные (компрессионные) переломы характеризуются различного рода вдавлениями и вмятинами. В области таких переломов наружный компактный слой вдавлен в губчатый слой кости. Рубленые дефекты – с характерной плоскостью разруба или среза. Очень часто на костях остаются большие дефекты – отрублены отдельные части, при этом чётко просматривается плоскость разруба. Колото-резаные раны имеют относительно небольшую зону поражения, острые (или острый, в зависимости от орудия ранения) концы и ровные края.

Необходимо отметить, что все обнаруженные повреждения имеют прижизненный характер и военную направленность при отсутствии травматических повреждений летального характера. Однако проследить все повреждения на изученных костях скелета невозможно. Во-первых, не все травмы могут быть выявлены, например, в связи с летальным исходом по причине повреждения мягких тканей, которые не поддаются фиксации. Во-вторых, некоторые небольшие травмы имели следы полной облитерации, и их обнаружение маловероятно. И, на-

конец, в-третьих, фрагментарность и раздробленность антропологических материалов из карашамбского некрополя просто не позволяет зафиксировать все дефекты.

Итак, останки древних воинов, оружие, ритуальные предметы указывают на знатное происхождение погребённых. Вопрос о статусе воинов в обществе эпохи бронзы и железа имеет особый интерес. Мы постарались решить его на конкретном историческом материале. Вынести косвенное заключение о степени привилегированности индивидов помогут данные о встреченных патологических маркерах. Изучение палеопатологического профиля показало отсутствие у индивидов таких неспецифических маркеров стресса, как периостит, *cribra orbitalia*, гипоплазия эмали, что позволяет говорить о благоприятных условиях жизни и их, в некотором роде, привилегированном положении в обществе. К числу реконструируемых компонентов жизнеобеспечения можно отнести достаток и полноценность пищевой базы. Условия жизни (прежде всего, питание) были сходными для всего того слоя, который формировал прослойку воинов. Наличие зубного камня и отсутствие кариеса указывают на преобладание белковой компоненты в диете.

Статья поступила в редакцию 11.07.2019

Таблица 1

Размеры зубов индивидов из могильника Карашамб

	№ 119		№ 513	
	Верхняя челюсть			
	Вестибуло-лингвальный диаметр VL _{cor}			
	прав.	лев.	прав.	лев.
I1	-	-	-	7
I2	-	-	-	-
C	-	-	-	-
P1	-	4	-	-
P2	-	4,5	-	-
M1	9,5?	6,5	-	-
M2	8,5	8,5	-	10,2
M3	-	-	-	-
	Мезио-дистальный диаметр MD _{cor}			
I1	-	-	-	8,2
I2	-	-	-	-
C	-	-	-	-
P1	-	7,5	-	-
P2	-	8,5	-	-
M1	11,5	10,5	-	-
M2	11	10,5	-	10
M3	-	-	-	-
	Высота коронки H _{cor}			
M1	6,7	-	-	-
M2	5,5	5,5	-	5
M3	-	-	-	-
	Мезио-дистальный диаметр шейки MD _{col}			
M1	8	6	-	-
M2	7,2	7,2	-	8
M3	-	-	-	-
	Площадь коронки MD × VL			
M1	109,25	68,25	-	-
M2	93,5	89,25	-	102
M3	-	-	-	-
	Индекс коронки I _{cor} (VL / MD) × 100			
M1	82,61	61,91	-	-
M2	77,28	80,96	-	102
M3	-	-	-	-
	Модуль коронки m _{cor} MD + VL / 2			
M1	10,5	8,5	-	-
M2	9,75	-	-	10,1
M3	-	-	-	-

Нижняя челюсть				
Вестибуло-лингвальный диаметр VL _{cor}				
I1	-	-	-	-
I2	-	-	-	6,5
C	-	-	-	7,5
P1	-	-	-	6,8
P2	-	-	-	8,5
M1	10	-	10,7	10,2
M2	-	-	-	9,9
M3	-	-	-	9,5
Мезио-дистальный диаметр MD _{cor}				
I1	-	-	-	-
I2	-	-	-	5,5
C	-	-	-	6,5
P1	-	-	-	6,8
P2	-	-	-	7,5
M1	9,5	-	9,9?	10,7
M2	-	-	-	9,5
M3	-	-	-	9,9
Высота коронки H _{cor}				
M1	4,2	-	3,5	4,2
M2	-	-	-	5,5?
M3	-	-	-	5,5?
Мезио-дистальный диаметр шейки MD _{col}				
M1	9	-	8,5	8,5
M2	-	-	-	7,5
M3	-	-	-	7
Площадь коронки MD × VL				
M1	95	-	105,93	109,14
M2	-	-	-	94,05
M3	-	-	-	94,05
Индекс коронки I _{cor} (VL / MD) × 100				
M1	105,27	-	108,09	95,33
M2	-	-	-	104,22
M3	-	-	-	95,96
Модуль коронки m _{cor} MD + VL / 2				
M1	9,75	-	10,3	10,45
M2	-	-	-	9,7
M3	-	-	-	9,7

Таблица 2

Остеометрическая характеристика индивидов из могильника Карашамб

	пог. 119 прав./лев.	пог. 513 прав./лев.	пог. 182 прав./лев.	пог. 211 прав./лев.	пог.626 прав./ лев.
Плечевая кость (Humerus)					
1. Наибольшая длина	-/-	331/-	-/-	-/-	-/-
2. Вся длина	-/-	327/-	-/-	-/-	-/-
3. Ширина верхнего эпифиза	51?/-	48,2/-	-/-	-/-	-/-
4. Ширина нижнего эпифиза	68,8/63,8	58/61,5	-/-	-/-	-/-
5.Наибольшая Ø середины диафиза	25,8/23	23,8/24,1	-/25,8	-/22	-/-
6.Наименьшая Ø середины диафиза	22,2/18	22,8/21	-/22,8	-/20	-/-
7. Наименьшая окружность диафиза	71/70	67/65?	-/70	-/66	-/56
7а. Окружность середины диафиза	77/74	71/71	-/74	-/71	-/-
7:1 Индекс массивности	-/-	20,25	-/-	-/-	-/-
6:5 Указатель сечения	86,05/78,27	95,8/87,14	/88,38	/90,91	-/-
Лучевая кость (Radius)					
1. Наибольшая длина	253/-	263/260	-/-	-/240	-/-
2. Физиологическая длина	239,5/-	255/252	-/-	-/229	-/-
4.Поперечный Ø диафиза	13/13,9	13,5/14	-/-	-/13,5	-/-
5. Сагитальный Ø диафиза	18/17,2	15/16	-/-	-/16,8	-/-
3. Наименьшая окружность диафиза	45/46	41/41	-/-	-/46	-/-
3:2 Указатель массивности	18,79/	16,1/16,3	-/-	-/20,09	-/-
5:4 Указатель сечения	138,5/123,8	111,2/114,3	-/-	/124,45	-/-
Локтевая кость (Ulna)					
1. Наибольшая длина	-/-	-/-	-/-	-/-	-/-
2. Физиологическая длина	-/-	-/-	-/-	-/-	-/-
11. Сагитальный Ø диафиза	15/14	-/-	-/16	-/15	-/-
12. Поперечный Ø диафиза	19/17,2	-/-	-/18,8	-/18	-/-
13. Верхний поперечный Ø диафиза	19/19	-/20	-/18?	-/21	-/-
14. Верхний сагитальный Ø диафиза	19,2/19	-/23	-/26	-27	-/-
3. Наименьшая окружность	-/-	-/-	-/43?	-/39	-/-
3:2 Указатель массивности	-	-/-	-/-	-/-	-/-
11:12 Указатель сечения	78,95/81,396	-/-	/85,11	/83,34	-/-
13:14 Указатель платолении	98,96/100	/86,96	/69,24	/77,78	-/-
Бедренная кость (Femur)					
1. Наибольшая длина	451/-	432/-	-/-	-/416	-/-
2. Длина в естественном положении	442/441	420/-	-/-	-/404	-/-
21. Мышечковая ширина	85/-	-/-	-/-	-/-	-/-
6. Сагитальный Ø середины диафиза	30,2/30,2	31/31,9	31/29,2	26,5/27,8	22/22,9
7. Поперечный Ø середины диафиза	28/29	30,5/30	28,2/29,9	30/31,5	23,6/23,2
9. Верхний поперечный диаметр	37/38,5	36/38	38/37	36,5/39	-/33
10. Верхний сагитальный диаметр	28,9/31	25,5/25	25,2/25,5	23,5/25,5	-/22,6
8. Окружность середины диафиза	90,5/91	95/95	92/90	89/92	74/74
8:2 Указатель массивности	20,48/20,64	22,62/	-/-	/22,78	-/-

6:7 Указатель пилястрии	107,86/104,14	101,7/106,4	109,93/97,7	88,4/88,3	93,3/98,8
10:9 Указатель платиметрии	78,11/80,52	70,84/65,79	66,4/68,92	64,4/65,4	/68,49
Большая берцовая кость (Tibia)					
1. Полная длина	378/375	399/-	-/-	342/346	-/-
2. Мыщелково-таранная длина	351,5/351	353/-	-/-	302,5/302,8	-/-
1a. Наибольшая длина	383/380	-/-	-/-	347/351	-/-
5. Наибольшая Ø верхнего эпифиза	77/-	-/-	-/-	72/-	-/-
6. Наибольшая Ø нижнего эпифиза	-/50,3	46/-	-/-	49/44	-/-
8. Сагиттальный Ø на уровне середины диафиза	33/34,5	38/36,8	33/33	31/30	27,8/-
8a. Сагиттальный Ø на уровне питательного отверстия	38/39	40,5/41	39/40	35,8/34	-/-
9. Поперечный Ø на уровне середины диафиза	24/21,8	23/24,5	22/23	23/22,5	22,9/-
9a. Поперечный Ø на уровне питательного отверстия	27/26	25/25,5	24/25	25,8/23,8	-/-
10. Окружность середины диафиза	90/89	95/93	90/89	85/82	81/-
10b. Наименьшая окружность диафиза	82/81	90/-	86/-	80/77	-/75
9:8 Указатель сечения	72,73/63,19	60,53/66,58	66,7/69,7	74,2/75	82,38/
10b:1 Указатель прочности	21,7/21,6	22,56/	-/-	23,4/22,3	-/-
9a:8a Указатель платикнемии	71,06/66,67	61,73/62,2	61,6/62,5	72,1/70	-/-
10:1 Указатель массивности	23,81/23,74	23,81/	-/-	24,9/23,7	-/-
Малая берцовая кость (Fibula)					
1. Наибольшая длина	-/374	-/-	-/-	-/-	-/-
Реконструированные показатели пропорции и длины тела					
R1:H1 Луче-плечевой указатель	-	79,46	-	-	-
T1: F2 Берцово-бедренный указатель	85,6/85,1	95	-	85,65	-
H1+R1/F1+T1 Интермембральный указатель	-	72,53	-	-	-
H1+R1/ F2+T1 Интермембральный указатель	-	78,81	-	-	-
H1:F2 Плече-бедренный указатель	-	65,92	-	-	-
R1:T1 Луче-берцовый указатель	66,94	71,49	-	69,67	-

Таблица 3

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей из могильника Карашамб

Признак	Пог. 119		сум- марно	Пог. 182		Сум- марно
	Правая	Левая		Правая	Левая	
Плечевая кость (Humerus)						
Crista tuberculi minoris, crista tuber- culi majoris	2	2,5	2,25	-	2	-
Tuberositas deltoidea	2,5	3	2,75	-	2	-
Tuberculum majus, tuberculum minus	2	-	2	-	-	-
Margi lateralis, medialis et anterior Epicondili lateralis et medialis	2,5	2,5	2,5	-	-	-
Средний балл	2,25	2,67	2,38	-	-	-
Лучевая кость (Radius)						
Tuberositas radii	3	2,5	2,27	-	-	-
Margo unguis	2	2	2	-	-	-
Бороздки для сухожилий разгиба- телей	2	-	2	-	-	-
Processus styloideus	2,5	-	2,5	-	-	-
Средний балл	2,38	2,25	2,193	-	-	-
Локтевая кость (Ulna)						
Margo interossea, margo posterior	2,5	2	2,25	-	2,5	-
Crista musculi supinatoris	2,5	1,5	2	-	-	-
Tuberositas ulnae	2	1,5	1,75	-	2	-
Средний балл	2,34	1,67	2,01	-	-	-
Бедренная кость (Femur)						
Trochanter major	1,5	1,5	1,5	-	-	-
Trochanter minor	3	3	3	-	-	-
Tuberositas glutea	2,5	3	2,75	3	3	3
Linea aspera	3	3	3	3	3	3
Epicondili	1,5	1,5	1,5	-	-	-
Средний балл	2,3	2,4	2,35	-	-	-
Большая берцовая кость (Tibia)						
Tuberositas tibiae	2,5	2	2,25	-	-	-
Margo anterior, margo interossea	2	2	2	3	3	3
Linea m. solei, m. soleus	2,5	2	2,25	2,5	2,5	2,5
Бороздки для сухожилий разгиба- телей	2	2	2	-	-	-
Средний балл	2,25	2	2,13	-	-	-
Малая берцовая кость (Fibula)						
Развитие краёв	3	3	3	-	-	-

Продолжение табл. 3

Признак	Пог. 211		сум- марно	Пог. 513		Сум- марно
	Правая	Левая		Правая	Левая	
Плечевая кость (Humerus)						
Crista tuberculi minoris, crista tuberculi majoris	-	2,5	-	1,5	1,5	1,5
Tuberositas deltoidea	-	3	-	2	1,5	1,75
Tuberculum majus, tuberculum minus	-	-	-	1,5	-	1,5
Margi lateralis, medialis et anterior Epicondili lateralis et medialis	-	2	-	1,5	1	1,25
Средний балл	-	2,5	-	1,63	1,34	1,5
Лучевая кость (Radius)						
Tuberositas radii	-	1	-	1,5	2	1,75
Margo unterossea	-	1,5	-	1,5	2	1,75
Бороздки для сухожилий разгибателей	-	2,5	-	1,5	2	1,75
Processus styloideus	-	2,5	-	1	-	1
Средний балл	-	1,9	-	1,38	2	1,38
Локтевая кость (Ulna)						
Margo interossea, margo posterior	-	2,5	-	1,5	2	1,75
Crista musculi supinatoris	-	2,5	-	-	1	1
Tuberositas ulnae	-	2	-	-	1	1
Средний балл	-	2,34	-	1,5	1,34	1,25
Бедренная кость (Femur)						
Trochanter major	-	2	-	1	-	-
Trochanter minor	3	3	3	1,5	-	-
Tuberositas glutea	3,5	3,5	3,5	2	2	2
Linea aspera	2,5	3	2,75	2	2,5	2,25
Epicondili	-	1,5	-	1	1,5	1,25
Средний балл	3	2,6	2,8	1,5	2	1,84
Большая берцовая кость (Tibia)						
Tuberositas tibiae	2	1,5	1,75	2	2	2
Margo anterior, margo interossea	2,5	2,5	2,5	2,5	2	2,25
Linea m. solei, m. soleus	3	3	3	2	2?	2
Бороздки для сухожилий разгибателей	2,5	2,5	2,5	2	-	-
Средний балл	2,5	2,38	2,44	2,13	2	2,13
Малая берцовая кость (Fibula)						
Развитие краёв	-	-	-	-	2,5	-

Продолжение табл. 3

Признак	Пог. 626		суммарно
	Правая	Левая	
Плечевая кость (Humerus)			
Crista tuberculi minoris, crista tuberculi majoris	-	-	-
Tuberositas deltoidea	1	-	-
Tuberculum majus, tuberculum minus	-	-	-
Margi lateralis, medialis et anterior	-	1	-
Epicondili lateralis et medialis			
Средний балл	-		-1
Лучевая кость (Radius)			
Tuberositas radii	-	-	-
Margo unterossea	-	-	-
Бороздки для сухожилий разгибателей	-	-	-
Processus styloideus	-	1	-
Средний балл	-	-	-
Локтевая кость (Ulna)			
Margo interossea, margo posterior	-	-	-
Crista musculi supinatoris	-	-	-
Tuberositas ulnae	-	-	-
Средний балл	-	-	-
Бедренная кость (Femur)			
Trochanter major	1?	-	-
Trochanter minor	1,5	1,5	1,5
Tuberositas glutea	-	2,5	2,5
Linea aspera	2,5	2,5	2,5
Epicondili	1?	-	-
Средний балл	1,5	2,2	1,85
Большая берцовая кость (Tibia)			
Tuberositas tibiae	-	-	-
Margo anterior, margo interossea	2	2	2
Linea m. solei, m. soleus	-	1?	-
Бороздки для сухожилий разгибателей	-	-	-
Средний балл	-	1,5	-
Малая берцовая кость (Fibula)			
Развитие краёв	-	-	-

ЛИТЕРАТУРА

1. Аветисян П. С. Армянское нагорье в XXIV–IX вв. до н.э. (динамика социально-культурных трансформаций по археологическим данным): научный доклад ... док. ист. наук. Ереван, 2014. 97 с.
2. Алексеев В. П. Остеометрия: методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
3. Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия: методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
4. Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения) со следами ростовых нарушений / Худавердян А. Ю., Акопян Н. Г., Жамкочян А. С. Енгибарян А. А., Оганесян А. А. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 73–99.
5. Балабанова М. А., Перерва Е. В. Идентификация типов оружия по боевым травмам у сарматов // Вооружение сарматов (региональная типология и хронология): доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 173–181.
6. Васильев С. В. Три сюжета об идентификации исторических личностей методами физической антропологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2012. № 1 (1). С. 246–265.
7. Джагарян А. Д. Внешняя морфология лица и пластическая реконструкция. Ереван: АН АрмССР, 1984. 129 с.
8. Зубов А. А. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. М.: Наука, 1968. С. 5–122.
9. Зубов А. А. Одонтология: методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 199 с.
10. Китов Е. П., Хохлов А. А., Иванов С. С. Боевые травмы у ранних кочевников Волго-Уральского региона и Западного Казахстана как отражение социально-политической обстановки в степной полосе Евразии в VI–II вв. до н. э. // Stratum plus. 2019. № 3. С. 169–182.
11. Мовсисян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г. Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. 1975. Вып. 51. С. 127–150.
12. Привес М. Г. Некоторые итоги исследования влияния труда и физических нагрузок на строение аппарата движения человека // Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. 1959. Т. 36. № 5. С. 7–18.
13. Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.
14. Русаков А. В. Патологическая анатомия болезней костной системы (введение в физиологию и патологию костной ткани). М.: Медгиз, 1959. 320 с.
15. Хохлов А. А. Ритуальные травмы на черепах у носителей хвалынской энеолитической культуры Поволжья // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 118–125.
16. Хохлов А. А., Китов Е. П. Дефекты травматического происхождения на палеоантропологических материалах эпохи раннего металла Волго-Уралья // Stratum plus. 2019. № 2. С. 267–280.
17. Хрисанфова Е. Н. Эволюционная морфология скелета человека. М.: МГУ, 1978. 213 с.
18. Худавердян А. Ю. Краниология населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация на юге Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и железного века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 64–77.
19. Федосова В. Н. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (Остеологическая методика) // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 76. С. 105–116.

20. Avetisyan P., Melikyan V., Hakhverdyan A., Chazin H., Harutyunyan T. The dynamics of socio-cultural transformations from the 20th–19th to the 8th–7th centuries BC (based on the results of excavations at the Karashamb necropolis) // *Archaeology of Armenia in regional context II. International Conference dedicated to the 60th Anniversary of the Institute of Archaeology and Ethnography. Yerevan, 2019. P. 31–32.*
21. Buikstra J. E., Ubelaker D. H. Standards of data collection from human skeletal remains. *Arkansas Archaeol. Survey Research Series (44).* Fayetteville, 1994. 218 p.
22. Capasso L., Kennedy K., Wilczak C. Atlas of occupational markers on human remains. *Teramo: Edigrafital S.P.A., 1999. 183 p.*
23. Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. J., Qark G. Indications of stress from bones and teeth // *Paleopathology at the origins of agriculture. N. Y., 1984. P. 13–49.*
24. Khudaverdyan A. Trauma in human remains from Bronze Age and Iron Age archaeological sites in Armenia // *Bioarchaeology of the Near East. 2014. № 8. P. 28–52.*
25. Khudaverdyan A. Short report of traumatic injuries from Khor Hor cave (Armenia) // *Paleopathology Newsletter. 2016. № 176. P. 17.*
26. Khudaverdyan A. Tumpline Deformation on Skulls from Late Bronze and Early Iron Age Armenia: A Cause of Enigmatic Cranial Superstructures? // *Mankind Quarterly. 2018. Vol. 59 (1). P. 8–30.*
27. Lazaridis I., Nadel D., Rollefson G., Merrett D. C., Rohland N., Mallick S., Fernandes D., Novak M., Gamarra B., Sirak K., Connell S., Stewardson K., Harney E., Fu Q., Gonzalez-Forbes G., Jones E. R., Roodenberg S. A., Lengyel G., Bocquentin F., Gasparian B., Monge J. M., Gregg M., Eshed V., Mizrahi A.-S., Meiklejohn Ch., Gerritsen F., Bejbaru L., Blüher M., Campbell A., Cavalleri G., Comas D., Froguel Ph., Gilbert E., Kerr Sh. M., Kovacs P., Krause J., Darren McGettigan D., Merrigan M., Merriwether D. A., O'Reilly S., Richards M. B., Semino O., Shamoon-Pour M., Stefanescu G., Stumvoll M., Tönjes A., Torroni A., Wilson J. F., Yengo L., Hovhannisyan N. A., Patterson N., Pinhasi R., Reich D. Genomic insights into the origin of farming in the ancient Near East // *Nature. 2016. Vol. 536, 25. P. 419–424.*
28. Lieveise A. R., Stock J., Katzenberg M. A., Haverkort C. M. The Bioarchaeology of habitual activity and dietary change in the Siberian Middle Holocene // *Human Bioarchaeology of the Transition to Agriculture. Ed. Pinhasi R., Stock J. T. Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. P. 265–291.*
29. Rosen A., Ophir D., Marshak G. Acute Mastoiditis: A Review of 69 Cases // *Annals of Otolology, Rhinology and Laryngology. 1986. № 95. P. 222–224.*
30. Stanievich, J. F., Bluestone C. D., Lima J. A., Michaels R. H., Rohn D., Effron M. Z. Microbiology of Chronic and Recurrent Otitis Media with Effusion in Young Infants // *Intern. Journal of Pediatric Otorhinolaryngology. 1981. № 3. P. 137–143.*
31. Stock J. T., Bazaliiskii V. I., Goriunova O. I., Savel'ev N. A., Weber A.W. Skeletal morphology, climatic adaptation and habitual behavior among the Mid-Holocene populations of the Cis-Baikal // *Prehistoric huntergatherers of the Baikal region, Siberia: Bioarchaeological studies of past life ways / Ed. Weber A. W., Katzenberg M. A., Schurr T. G. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2010. P. 193–216.*
32. Weiss E. Sex differences in humeral bilateral asymmetry in two hunter-gatherer populations: California amerinds and British Columbian amerinds // *American Journal of Physical Anthropology. 2009. Vol. 140. P. 19–24.*

REFERENCES

1. Avetisyan P. *Armyanskoe nagor'e v XXIV–IX vv. do n.e. (dinamika sotsial'no-kul'turnykh transformatsii po arkeologicheskim dannym): nauchnyi doklad ... dok. ist. nauk* [The Arme-

- nian highlands in the XXIV–IX centuries BC (the dynamics of socio-cultural transformations in archaeological data): Doc. thesis in Historical sciences]. Yerevan, 2014. 97 p.
2. Alekseev V. *Osteometriya: metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry: methods of anthropological research]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 251 p.
 3. Alekseev V., Debets G. *Kraniometriya: metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry: the methods of anthropological research]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 128 p.
 4. Khudaverdyan A., Akopyan N., Zhamkochyan A., Engibaryan A., Oganessian A. [Anthropological characteristics of individuals IX–XI century monument of Dvin (Armenia) with traces of growth disorders]. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2017, no. 3 (38), pp. 73–99.
 5. Balabanova M., Pererva E. [Identification of types of weapons for combat injuries of Sarmatians]. In: *Vooruzhenie sarmatov (regional'naya tipologiya i khronologiya): doklady k VI mezhdunarodnoi konferentsii «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii»* [The armament of the Sarmatians (regional typology and chronology): reports to the VI international conference "problems of Sarmatian archaeology and history"]. Chelyabinsk, YuUrGU Publ., 2007, pp. 173–181.
 6. Vasil'ev S. [Three story of historical figures identify the methods of physical anthropology]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [News of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 2012, no. 1 (1), pp. 246–265.
 7. Dzhagaryan A. *Vneshnyaya morfologiya litsa i plasticheskaya rekonstruktsiya* [External morphology of facial and plastic reconstruction]. Yerevan, AN ArmSSR Publ., 1984. 129 p.
 8. Zubov A. [Some data odontology to the problem of evolution of man and his races]. In: *Problemy evolyutsii cheloveka i ego ras* [The problem of evolution of man and his races]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 5–122.
 9. Zubov A. *Odontologiya: metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Odontology: methods in anthropological research]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 199 p.
 10. Kitov E., Khokhlov A., Ivanov S. [Combat trauma among the early nomads of the Volga-Ural region and Western Kazakhstan as a reflection of the socio-political situation in the steppe zone of Eurasia in VI–II centuries BC]. In: *Stratum plus*, 2019, no. 3, pp. 169–182.
 11. Movsesyan A., Mamonova N., Rychkov Yu. [Program and methods of the study of anomalies of the skull]. In: *Voprosy antropologii* [Anthropology Issues], 1975, no. 51, pp. 127–150.
 12. Prives M. [Some results of research of influence of labour and physical structure of the apparatus of human movement]. In: *Arkhiv anatomii, gistologii i embriologii* [Archive of Anatomy, Histology and Embryology], 1959, vol. 36, no. 5, pp. 7–18.
 13. Roginskii Ya., Levin M. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1978. 528 p.
 14. Rusakov A. *Patologicheskaya anatomiya boleznei kostnoi sistemy (vvedenie v fiziologiyu i patologiyu kostnoi tkani)* [Pathological anatomy of diseases of the skeletal system (introduction to the physiology and pathology of bone tissue)]. Moscow, Medgiz Publ., 1959. 320 p.
 15. Khokhlov A. [Ritual injuries on the skulls of the native Eneolithic Khvalynskiy culture of the Volga region]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2012, no. 2, pp. 118–125.
 16. Khokhlov A., Kitov E. [Defects of traumatic origin in paleo-anthropological materials of the early metal of Volga-Ural]. In: *Stratum plus*, 2019, no. 2, pp. 267–280.
 17. Khrisanfova E. *Evolyutsionnaya morfologiya skeleta cheloveka* [Evolutionary morphology of the human skeleton]. Moscow, MGU Publ., 1978. 213 p.
 18. Khudaverdyan A. [Craniology of the population of the Armenian highland and ethnogenetic the situation in South Eastern Europe in the late bronze age and iron age]. In: *Vestnik*

- arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2017, no. 1 (36), pp. 64–77.
19. Fedosova V. [An overall assessment of the development component of mesomorphy by osteological data (Osteological methods)]. In: *Voprosy antropologii* [Anthropology Issues], 1986, no. 76, pp. 105–116.
 20. Avetisyan P., Melikyan V., Hakhverdyan A., Chazin H., Harutyunyan T. The dynamics of socio-cultural transformations from the 20th–19th to the 8th–7th centuries BC (based on the results of excavations at the Karashamb necropolis). In: *Archaeology of Armenia in regional context II. International Conference dedicated to the 60th Anniversary of the Institute of Archaeology and Ethnography. Yerevan, 9th–11th of July, 2019*, pp. 31–32.
 21. Buikstra J. E., Ubelaker D. H. Standards of data collection from human skeletal remains. *Arkansas Archaeol. Survey Research Series*, iss. 44. Fayetteville, 1994. 218 p.
 22. Capasso L., Kennedy K., Wilczak C. Atlas of occupational markers on human remains. Teramo, Edigrafital S.P.A., 1999. 183 p.
 23. Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. J., Qark G. Indications of stress from bones and teeth. In: *Paleopathology at the origins of agriculture*. N. Y., 1984, pp. 13–49.
 24. Khudaverdyan A. Trauma in human remains from Bronze Age and Iron Age archaeological sites in Armenia. In: *Bioarchaeology of the Near East*, 2014, no. 8, pp. 28–52.
 25. Khudaverdyan A. Short report of traumatic injuries from Khor Hor cave (Armenia). In: *Paleopathology Newsletter*, 2016, no. 176, pp. 17.
 26. Khudaverdyan A. Tumpline Deformation on Skulls from Late Bronze and Early Iron Age Armenia: A Cause of Enigmatic Cranial Superstructures? In: *Mankind Quarterly*, 2018, vol. 59 (1), pp. 8–30.
 27. Lazaridis I., Nadel D., Rollefson G., Merrett D. C., Rohland N., Mallick S., Fernandes D., Novak M., Gamarra B., Sirak K., Connell S., Stewardson K., Harney E., Fu Q., Gonzalez-Forbes G., Jones E. R., Roodenberg S. A., Lengyel G., Bocquentin F., Gasparian B., Monge J. M., Gregg M., Eshed V., Mizrahi A.-S., Meiklejohn Ch., Gerritsen F., Bejenaru L., Blüher M., Campbell A., Cavalleri G., Comas D., Froguel Ph., Gilbert E., Kerr Sh. M., Kovacs P., Krause J., Darren McGettigan D., Merrigan M., Merriwether D. A., O'Reilly S., Richards M. B., Semino O., Shamoon-Pour M., Stefanescu G., Stumvoll M., Tönjes A., Torroni A., Wilson J. F., Yengo L., Hovhannisyan N. A., Patterson N., Pinhasi R., Reich D. Genomic insights into the origin of farming in the ancient Near East. In: *Nature*, 2016, vol. 536, no. 25, pp. 419–424.
 28. Lieverse A. R., Stock J., Katzenberg M. A., Haverkort C. M. The Bioarchaeology of habitual activity and dietary change in the Siberian Middle Holocene. In: Pinhasi R., Stock J. T., eds. *Human Bioarchaeology of the Transition to Agriculture*, Chichester, Wiley-Blackwell, 2011, pp. 265–291.
 29. Rosen A., Ophir D., Marshak G. Acute Mastoiditis: A Review of 69 Cases. In: *Annals of Otolaryngology, Rhinology and Laryngology*, 1986, no. 95, pp. 222–224.
 30. Stanievich J. F., Bluestone C. D., Lima J. A., Michaels R. H., Rohn D., Effron M. Z. Microbiology of Chronic and Recurrent Otitis Media with Effusion in Young Infants. In: *International Journal of Pediatric Otorhinolaryngology*, 1981, no. 3, pp. 137–143.
 31. Stock J., Bazaliiskii V., Goriunova O., Savel'ev N., Weber A. Skeletal morphology, climatic adaptation and habitual behavior among the Mid-Holocene populations of the Cis-Baikal. In: Weber A.W., Katzenberg M. A., Schurr T. G., eds. *Prehistoric huntergatherers of the Baikal region, Siberia: Bioarchaeological studies of past life ways*. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 2010, pp. 193–216.
 32. Weiss E. Sex differences in humeral bilateral asymmetry in two hunter-gatherer populations: California amerinds and British Columbian amerinds. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 2009, vol. 140, pp. 19–24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Худавердян Анаит Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН РА;
e-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Меликян Вардуи Володиевна – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН РА;
e-mail: vard.melikyan@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anahit Yu. Hudaverdyan – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of the Early Archaeology of Armenia, Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA;
e-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Varduhi V. Melikyan – junior researcher at the Department of the Early Archaeology of Armenia, Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA;
e-mail: vard.melikyan@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Худавердян А. Ю., Меликян В. В. К вопросу о воинских погребениях эпох бронзы и железа могильника Карашамб, Армения (по данным физической антропологии и палеопатологии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 142–172.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-142-172

FOR CITATION

Khudaverdyan A., Melikyan V. On the issue of military burials of the Bronze and Iron Ages of the Karashamb burial ground, Armenia (according to physical anthropology and paleopathology). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 142–172.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-142-172

УДК 902.3; 94(4)"637"

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-173-188

БРОНЗОВЫЕ ТРЁХЛОПАСТНЫЕ ПРОПЕЛЛЕРОВИДНЫЕ УСТРОЙСТВА ПОЗДНЕГАЛЬШТАТТСКОГО ВРЕМЕНИ

Хахеу В.*Центр археологии Института культурного наследия АН Республики Молдова
МД 2001 Кишинэу, бул. Штефан чел Маре, д. 1, Молдова*

Аннотация. Целью статьи является описание и интерпретация оригинальных бронзовых предметов позднегальштатского времени, обнаруженных в северотракийском ареале Восточной Европы. Скорее всего, они имеют местное происхождение, и большинство специалистов считают их навершиями для булавок. Однако изучение этих изделий с тремя лопастями позволило предположить, что они связаны с колчаном и прикреплялись к передней части стрелы для устрашения неприятеля и их коней. По итогам проведённого анализа данные устройства были разделены автором на две группы: в первую вошли массивные и более ранние (VII–V вв. до н.э.), во вторую – мелкие, более поздние (IV–III вв. до н.э.). В целом указанная группа изделий датируется периодом от середины VII до середины III вв. до н.э.

Ключевые слова: позднегальштатское время, бронзовое трёхлопастное пропеллеровидное устройство, культурная принадлежность, Восточная Европа

LATE-HALLSTATT BRONZE THREE-BLADED PROPELLER-SHAPED DEVICES

V. Haheu*Archeology Center of the Institute of Cultural Heritage
of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova
1 Stefan cel Mare Blvd., Chisinau MD 2001, Moldova*

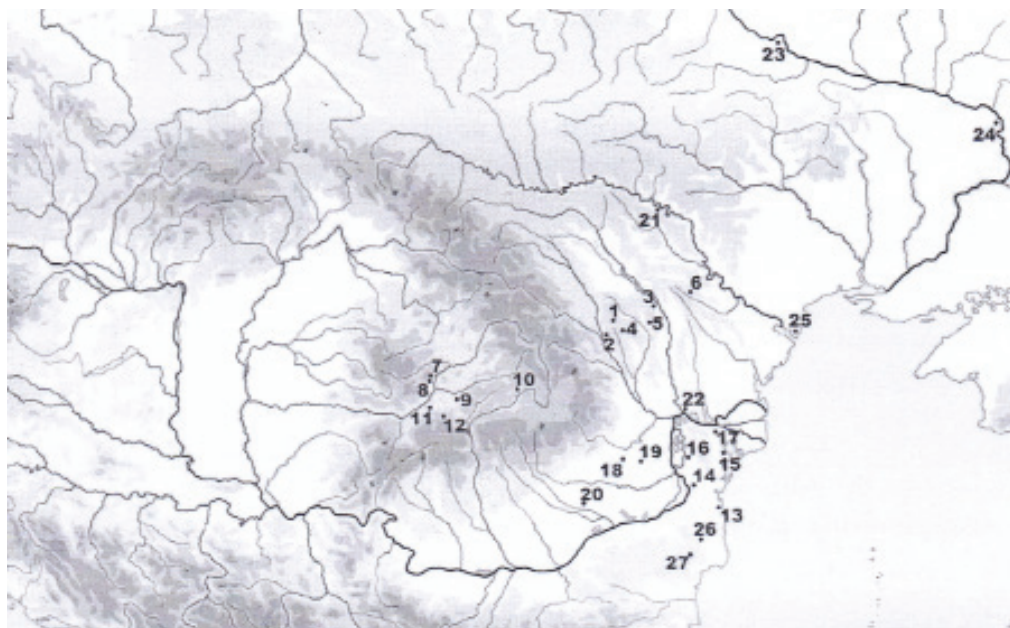
Abstract. This paper is aimed at describing the original bronze objects of the Late Hallstatt Period found in the North Thracian area of Eastern Europe. These artefacts are most likely to be of local origin and to have been used as pommels for pins. However, a study of such devices with three blades suggested that they had been associated with a quiver and had been attached to the front of the arrow to intimidate the enemy and their horses. According to the conducted analysis, these devices were divided into two groups: the first included massive and earlier-dated items (7–5 centuries B.C.), which the second – small and later-dated items (4–3 centuries B.C.). In general, the objects under study can be dated back to the period from the middle of the 4th to the middle of 3rd centuries BC.

Keywords: Late Hallstatt, bronze devices in the form of propeller with three wings, the culture attributions, functionality

Ареал распространения

Трёхлопастные пропеллеровидные устройства позднегалльско-латинского времени известны в обширном ареале от Среднего Буга и Среднего Днестра до Северо-Восточной Болгарии, и от Юго-Восточной Польши и Трансильвании до румынского и украинского побережья Чёрного моря. Они встречаются достаточно неравномерно и в разном количестве. Можно выделить несколько концентраций их обнаружения: Трансильвания, центральная и южная часть Молдовы и Добруджи. Для остальных территорий (Правобережная Украина, северо-восточная часть Болгарии и юго-восточная часть Польши) они единичны [21, Fig. 1]. Многие из них являются

случайными находками или собственностью частных коллекционеров [22, р. 443–449, Fig. 1/7–8]. Со времени публикации последнего свода находок [21, р. 275–283; Anexa 1, Fig. 1] стал известен погребальный комплекс 27 с трупосожжением из Заблотче (Юго-Восточная Польша), в котором были отмечены три подобные находки [15, р. 178–215, Fig. 3/8–10]. По устному сообщению Н. П. Тельнова, им были найдены два таких предмета на поверхности городища Хородиште, Страшенского района. Здесь же «чёрными» археологами были найдены ещё два экземпляра (не изданы, место хранения неизвестно, благодарим Н. П. Тельнова за любезно предоставленную информацию).

Прим.: 1 – Чимбала; 2 – Милештий де Сус; 3 – Хушь; 4 – Покреака; 5 – Поенешть; 6 – Хушь; 7 – Гымбаш; 8 – Чумбруд; 9 – Копша Микэ (Проштеа Микэ); 10 – Радбав; 11 – Унгурей; 12 – Шейка Микэ; 13 – Чернавода; 14 – Сату Ноу «Суат»; 15 – Енисала; 16 – Пиатра Фрекэцей; 17 – Челик-Дере; 18 – Будуреаска-Ваду Сэпат; 19 – Стелника-Грэдиштеа Маре; 20 – Букурешть-Тей; 21 – Сахарна ла Ревекин; 22 – Жюржюлешть; 23 – Трахтемир; 24 – Усть Каменка; 25 – Надлиманское; 26 – Северо-Восточная Болгария; 27 – Крегулево; 28 – Заболотче.

Рис. 1. Карта находок трёхлопастных пропеллеровидных предметов

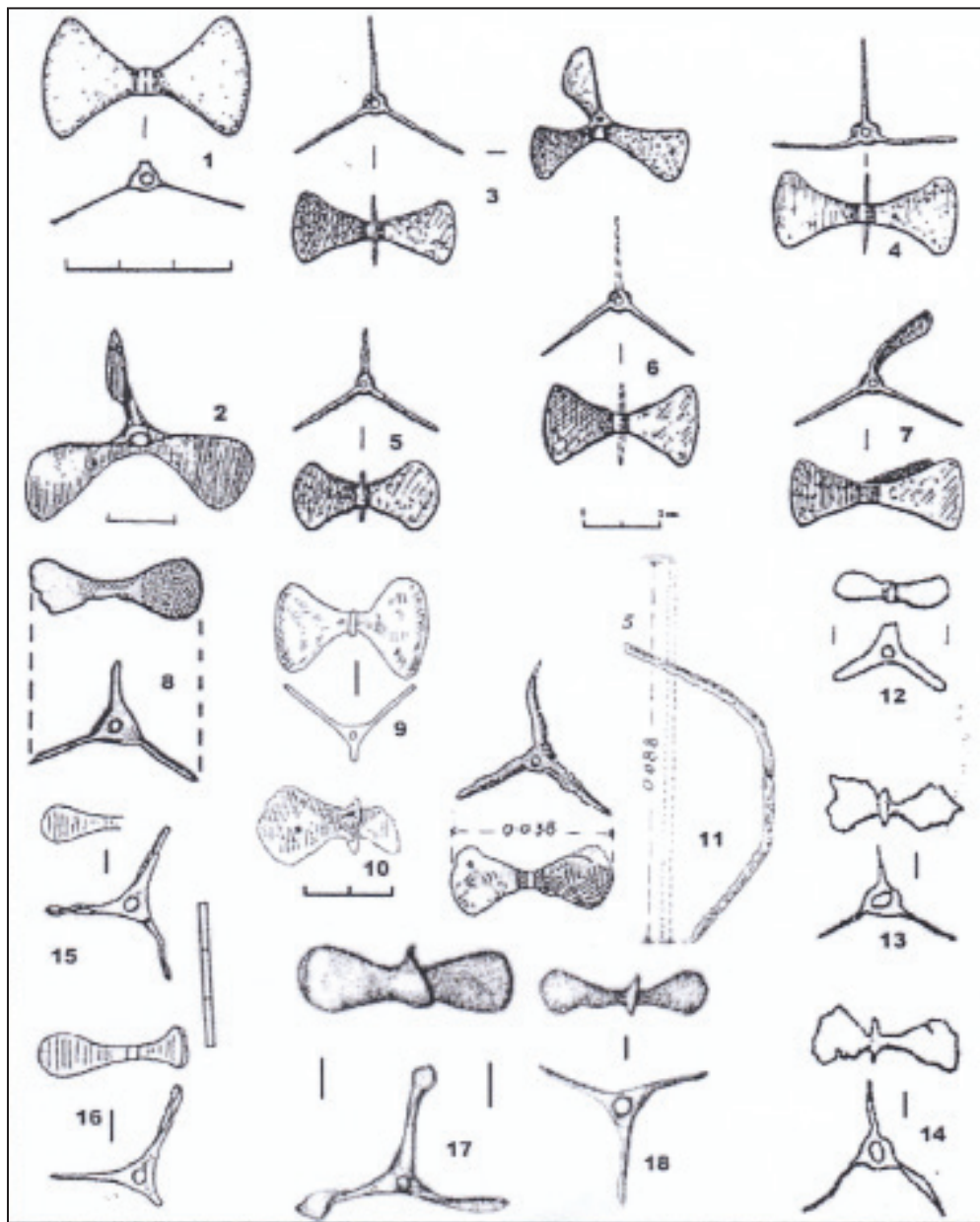
Контекст обнаружения

О местонахождении в конкретных археологических контекстах можно говорить лишь для некоторых из них. Для поселенческих памятников региона – это хозяйственная яма на городище Наддиманское [4, с. 174, рис. 5] (рис. 2/8), наземное жилище № 7 городища Сахарна Ла Ревекин [25, р. 53, Fig. 2/1] (рис. 3/9). В отдельных редких случаях предметы найдены в погребениях с трупоположениями: Гымбаш [20, р. 36, Fig. 3/3; 43, р. 76] (рис. 2/9), Жюржюлешть [26, р. 122, Fig. 3/3] (рис. 2/3–7) и вторичное захоронение женщины в скифском кургане 2 в Усть-Каменке [5, с. 102, рис. 3/6] (рис. 3/1). В Гымбаш и Жюржюлешть они отмечены в области нижних конечностей – слева от костей ног, где обычно находился колчан для стрел (Гымбаш), а во втором случае – между берцовыми костями ног (Жюржюлешть). В Усть-Каменке предмет с одной сломанной лопастью, скорее всего, использовался вторично в качестве украшения (подвеска в виде якоря) и находился на грудной клетке погребённого [5, с. 102, рис. 3/6] (рис. 3/1). Находка из Хушь [44, р. 18–26; 14, Fig. 39/B] происходит из погребения с трупоположением на спине. Во многих случаях эти вещи происходят из погребений с трупосожжениями, где они найдены вперемешку с кальцинированными костями, и говорить что-либо об их местоположении в контексте погребения невозможно [9, с. 119–128].

Таксономические определения

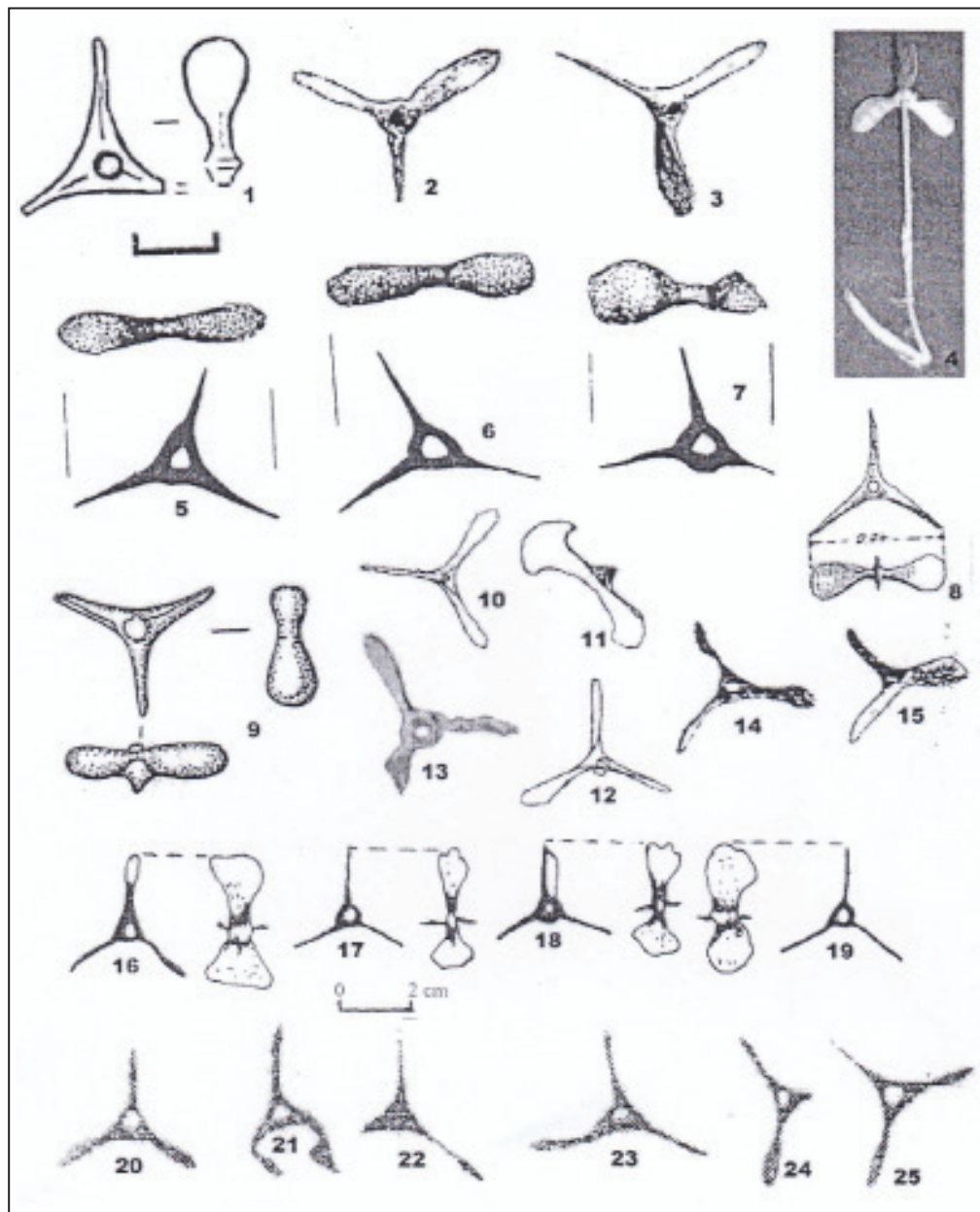
Впервые подобные находки были введены в научный оборот В. Пырваном, который на основе находки из Родбав обозначил их как *подвески с тремя крылышками* [34, р. 201–202].

Так же обозначил находку из Копша Микэ/Проштя Микэ М. Роска [35, р. 167–203]. Д. Берчу публикует находку из Чернавода как *навершие для булавки с тремя крылышками* [16, р. 295, Fig. 11/4] (рис. 2/11). Находка из Сату Ноу представлена как *трёхлопастное навершие булавки в виде пропеллера* [32, р. 286, Fig. 4] (рис. 3/8), а Г. Симион уточняет для находок из могильника Енисала, что это булавки для волос [37, р. 55, pl. XI/g] (рис. 3/20–25), с чем соглашаются А. Мелюкова и К. Иконому (последний приводит названия *лопасть, пропеллер, крылышки*) [6, с. 107, рис. 34/19; 23, с. 58] (рис. 3/5–7). Но впоследствии Г. Симион, анализируя аналогичные находки из погребений курганов из Челик-Дере, интерпретирует их как *составные элементы наконечников стрел в виде пропеллера* [38, р. 249; 39, р. 69–82] (рис. 3/2–3). Несколько раньше, анализируя подобные находки, В. Василиев относит их к категории вооружения и обозначает как тип *D наконечников стрел с пропеллером* [43, р. 76, pl. 9/19] (рис. 2/9). Так же интерпретирует эти вещи Ш. Ференци на основе находки из слоя могильника Чумбруд [20, р. 37, Fig. 8/7]. На основе находки из Трахтемировского городища они интерпретируются как *бронзовый предмет с тремя лепестками* [13, с. 59, рис. 23/1, табл. 33/6] (рис. 2/1), или *предметы с тремя крылышками* [12, с. 41, рис. 1/1]. Находка из Наддиманского названа *геликоидальной головкой булавки или шпилькой* [4, с. 174, рис. 5]. В Костенко и С. Мухопад ошибочно определяют находку из вторичного погребения № 1 (женское) кургана 2 скифского могильника у с. Усть-Каменка как *бронзовое навершие в виде якоря* [5, с. 102,

Прим.: 1-Трахтемир (по Фіалко 2003); 2 - северо-восточная Болгария (по Манов 1998); 3-7-Журжюлешть (по Levițki, Naheu 1999); 8-Надлиманское (по Дзис-Райко 1966); 9-Чумбруд (по Vasiliev 1980); 10-Пиатра Фрекэцей (по Simion 1976); 11-Чернавода (по Berciu 1957); 12-14-Милештий де Сус (по Mitrea 1983); 15-16-Стелника-Грэдиштеа Маре (по Conovici, Matei 1999); 17-18-Доброжеа (по Iconomi 2006).

Рис. 2. Изображения находок трёхлопастных пропеллеровидных предметов

Прим.: 1 - Усть Каменка (по Костенко, Мухопад 1990); 2-3 - Челик-Дере (по Simion 2000); 4 - Будуреаска-Ваду Сэпат (по Măndescu 2010); 5-7 - Покряка (по Iconomi 2006); 8 - Сату Ноу (по Mitrea, Preda, Angheliescu 1961); 9 - Сахарна ла Ревекин (по Levinschi 2003); 10-12 - Чимбала (по Căpitanu 1968; Măndescu 2010); 13 - Поянешть (по Cihodaru 1937-1938); 14-15 - Северо-восточная Болгария (по Манов 1998); 16-19 - Челик-Дере (по Simion 1996); 20-25 - Енисала (по Simion 1977).

Рис. 3. Изображения находок трёхлопастных пропеллеровидных предметов

рис. 3/6] (рис. 3/1). На самом деле идёт речь о предмете с одним сломанным пропеллером, вторично использованным в качестве украшения. Здесь же отметим, что вторично, в качестве подвески использовался и экземпляр, найденный на городище Сахарна-Ла Ребекин [25, р. 53, Fig. 2/5] (рис. 3/9). Наконец, Д. Мэндеску обозначает подобные находки как *навершие булавки в виде пропеллера* [28, р. 7–10; 29, р. 35, Fig. 1; 30, р. 55–71, Fig. 319/4] (рис. 3/4), или *навершие булавки в виде трёхлопастного пропеллера*, название, которое использовали и мы относительно находки из погребения 1 могильника Жюржюлешть-Стына луй Мокану [26, р. 122, Fig. 2/13-17; 27 р. 57, 65; 21, р. 277].

Морфологически эти находки представляют тип древностей с общими конструктивными особенностями. Все они изготовлены из бронзы и имеют форму пропеллера с тремя лепестками. Место, где эти лепестки соединяются, имеет довольно узкое отверстие. Одновременно прослеживаются довольно заметные вариации относительно конфигурации лепестков, угла их расположения и размеров.

Необходимы некоторые уточнения относительно местоположения этих находок в контексте обнаружения. Для экземпляров, найденных на поселенческих памятниках, можно сказать только то, что выявлены они исключительно на городищах: Надлиманское – зерновая яма XXXV [4, с. 174], Трахтемир – ров городища [12, с. 41; 13, с. 59], Сахарна Ла Ребекин – наземное жилище № 7 [25, р. 53]. Единственная находка, найденная в культурном слое открытого поселения – Будуреаска-Ваду Сэпат [29, р. 35, Fig. 2/4; 30, р. 336,

pl. 319/4] (рис. 3/4), одна из самых важных и самых спорных. Во-первых, это единственный экземпляр, найденный целиком, вместе со стержнем. С другой стороны, все наши попытки найти какие-то библиографические подтверждения этому по указанным сноскам оказались безуспешными из-за отсутствия подобных данных, равно как и рисунка [42, р. 365–387].

Как отмечалось, большинство находок происходят из погребальных комплексов. Мы считаем их иррелевантными для каких-то реконструкций в контексте трупосожжений, в урнах или без. Во всех случаях мы имеем дело с перемешанными кальцинированными костями вместе с инвентарем, то есть имеем лишь констатацию факта наличия инвентаря, без возможности его значимой интерпретации. То, что в публикации погребения IV в Чернавода даётся описание бронзовой иглы-булавки вместе с предметом с тремя крылышками в виде пропеллера, – пример как раз неверного подхода и интерпретации такого рода комплексов. В дальнейшем для этого погребения автор приводит ещё одну похожую находку, от которой сохранилось только крылышко [16, р. 290, Fig. 14/4-6].

Функциональные интерпретации

Многочисленные предположения насчет функциональности этих предметов определялись тем, что они находились всегда отдельно, без иглы или булавы. Но в последнее время стала известна цельная находка из Будуреаска-Ваду Сэпат [29, р. 35, Fig. 2/4; 30, р. 336, pl. 319/4], и всё меняется. Как указывалось выше, мы не нашли библиографического подтверждения этой находки в указанных первичных пу-

бликациях [42, р. 365–387], цитированных Д. Мэндеску. Эта находка, появившаяся как будто *вдруг и сразу*, уже не оставляет сомнения, что это навершие булавок. Но и это ненамного проясняет ситуацию. Дело в том, что во всех случаях их обнаружения в труположениях (закрытые комплексы – Жюржюлешть-Стына луй Мокану, Гымбаш) они находились слева от нижних конечностей или между ними. В этой связи, если вернуться к находкам, рассматриваемым Б. Раевым и А. Горошниковым, то они, если и называются *трёхлопастными*, принципиально отличаются от наших, да и принадлежат другим культурам, хотя их нижняя хронологическая граница датируется практически тем же периодом – середина VII вв. до н.э. [7, с. 141, рис. 3/1]. Это бусины (чаще всего из золота, но бывают и бронзовые) раннескифского или, точнее, киммерийского времени и относятся к киммерийцам. На каменных стелах этой культуры они изображены в связках, которые опоясывают чаще зону грудной клетки или нижнюю часть изваяния [24, Fig. 7/A]. Отмечено их большое количество для Карпато-Дунайского региона, а также их связи с северокавказскими древностями этого периода [24].

Представляется достаточно важным обстоятельством находка подобных древностей на городищах; в случае с Хородиште их обнаружено четыре экземпляра. Это имеет значение в случае, если они действительно могли быть составными стрелами для лука. И здесь необходимо уточнить одно обстоятельство. Сторонники подобной интерпретации этих находок (Ш. Ференци, В. Василиев, Г. Симион) нигде не уточняют их положение в самой

стреле. Из-за языкового непонимания, у некоторых украинских исследователей создалось впечатление, что речь идет об их расположении у хвостового окончания стрелы, которое садится на тетиву, вследствие чего развернули целую дискуссию насчёт невозможности такой интерпретации [12, с. 43–44]. Автор начинает с утверждения, что «в каком бы месте древка стрелы не был бы насажен этот предмет ..., лопасти будут мешать во время выстрела» [12, с. 43]. Безусловно, это так, если предмет будет у основания древка стрелы. И, наоборот, абсолютно не будет мешать (или ранить стрелка), если будет находиться в передней части и выполнять какие-то функции (ранить врага, указать направление стрельбы, обмотанные паклей – спровоцировать пожар, издавать устрашающие звуки для противников или их коней и др.). Но повторяем, что ни один из авторов не указывает на их насаживание на основание стрелы. И тогда, по более отдалённым аналогиям (временные и пространственные), они могут быть интерпретированы как составные части наконечников стрел. Для наглядности приводятся трёхлопастные наконечники стрел кочевников тюркско-монгольского круга, которые имели такую форму, чтобы звуком устрашать врагов и особенно их коней, а также могли указать направление обстрела, давать какие-то команды и др. [1, с. 193–202].

В другой публикации, где рассматривается находка с Трахтемировского городища, авторами приводится в качестве аналогии «медная пронизка из трубочки с тремя лопастями» из окрестностей с. Липлява, Полтавской губернии [13, с. 59–60]. Но эта наход-

ка похожа только наличием трёх лопастей; по всем другим параметрам они принципиально разные, включая и экземпляр из Зарубинцев. С другой стороны, важно, что последние редки для Среднего Поднепровья и являются фракийским импортом [8, с. 173]. Со всем недавно была опубликована ещё одна подобная находка из слоя поселения Панагия 1 на Тамани, в связи с которой авторы предполагают, что артефакты, которые мы рассматриваем, являются их дериватами. В продолжении авторы присоединяются к мнению М. Манова, что они могли использоваться в качестве средства платежа в домонетный период [7, с. 140]. Не вдаваясь в дискуссии, отметим лишь тот факт, что это две разные категории вещей, разновременные, разнокультурные, и объединяет их лишь наличие трёх лопастей. И только. Мы отказываемся даже рассматривать возможность использования подобного типа находок в качестве домонетной формы, в отличие от точки зрения, высказанной М. Мановым [10, с. 79–82] (рис. 3/14–15), которая в последнее время поддерживается С. Топаловым [11, с. 184–189]. Д. Мэндеску утверждает [30], что это мнение разделяет и Г. Талмацки, но, познакомившись с цитированными работами последнего, мы обнаружили, что автор менее всего склонен интерпретировать их как монетный эквивалент [41, р. 42]. Относительно интерпретации этих находок в качестве монетных эквивалентов представляет интерес замечание, высказанное недавно Б. Раевым и А. Горошниковым: «употребление трискелов в качестве украшений (трёхлопастной бусины?) вовсе не исключает их использование как средства платежа в домонетный период» [7,

с. 140]. Но снова тот же вопрос: как всё это выглядит в свете недавно обнаруженного цельного предмета из Будуря-ска-Ваду Сэпат?

К слову, уже несколько десятилетий все с нетерпением ждали, когда же найдётся цельное подобное устройство, чтобы понять, что это такое. И вот, наконец, оно обнаружено и опубликовано [29, р. 35; 30, р. 336, pl. 319/4]. Но вместо ответов, как всегда, эта находка привнесла ещё больше вопросов и пошатнула всю построенную до сих пор логику вещей. И это исключительно в связи с их местоположением в составе погребений с трупоположениями. Так, общепринято мнение, что в контексте погребений с трупоположениями украшения и детали костюма занимали то же место, что и при жизни погребённого. Но в Гымбаш этот предмет найден слева от берцовых костей левой ноги [43, р. 76], а в Жюржюлешть – между ними [26, р. 122]. Тем более, их здесь пять штук. Если это заколка для волос, скорее всего, достаточно было одной. А может быть это застёжка колчана? Но и в таком случае – почему в Жюржюлешть их пять?

В контексте культурно-хронологического картографирования подобных находок несколько выделяется комплекс у Заблотче (Юго-Восточная Польша). Это трупосожжение в яме (женщина), инвентарь, за небольшим исключением (стеклянные бусины), не имеет следов пребывания в огне. В его состав входили три трёхлопастные навершия в виде пропеллера [15, р. 181, 187–189, Fig. 3/8–10]. Анализируя все детали погребального обряда и инвентарь, авторы публикации приходят к выводу, что данный комплекс не связан ничем с местными синхронными культурами и очень похож на древ-

ности Трансильвании, Молдовы и Добруджи [15, р. 178–215].

Предположение относительно редкости их находок на поселенческих памятниках и частого обнаружения в погребальных комплексах [22, р. 444] (рис. 2/17–18) отражает, скорее всего, уровень исследования самих памятников. Симптоматична в этом аспекте находка четырёх экземпляров пропеллеровидных устройств на поверхности городища у с. Хородиште.

Попытки типологической классификации

До недавнего времени все найденные бронзовые пропеллеровидные устройства с тремя лепестками рассматривались как одно целое без каких-то отличий или особенностей. Как результат, они датировались довольно широким диапазоном времени – середина VII – конец III вв. до н.э. В одной из последних публикаций мы предположили, что более чёткая типологическая классификация (морфология лепестков, размеры вещей в целом) даст более узкую датировку, позволяя выделить отдельные периоды бытования обособленных типов [21, р. 278]. Таким образом, по формальным признакам выделяются нижеследующие варианты.

1. Предметы с лепестками подтреугольной формы со слегка сегментовидным краем. Обычно массивные для этого типа находок.

2. Предметы с лепестками, край которых скруглён, менее массивные, чем предыдущие.

3. Предметы с лепестками подовальной формы. Их высота намного меньше, чем у предыдущих.

4. Предметы с удлинёнными лепестками каплевидной формы.

Исходя из контекста обнаружения, первые два варианта более ранние и датируются в пределах середины VII–V вв. до н.э. К ним относятся находки из Трахтемира, Жюржюлешть, Чумбруд и один экземпляр из Болгарии. Следующие два варианта более поздние и датируются IV–III вв. до н.э. В нашем понимании они представляют деградирующие формы, позднее эти предметы вообще исчезают.

Культурно-хронологические интерпретации

На сегодняшний день, похоже, мы не можем с уверенностью высказываться относительно двух принципиальных вопросов, связанных с подобной категорией находок. Это функциональность и их этнокультурная принадлежность. К ним добавляется уточнение времени их бытования. Одним из первых высказался по этому поводу Д. Берчу. В свете находки из Чернавода (трупосожжение) автор пишет, что керамический материал указывает на финал гальштатских культур, а металлические вещи, в том числе трёхлопастное навершие, имеют гетские корни [16, р. 294–295] (рис. 2/11). Правда, в качестве аналогий автор приводит похожие предметы из Трансильвании, так что в этом плане их гетская принадлежность далеко не бесспорна.

Анализ карты распространения вещей методом исключения позволяет предполагать, что они не скифские и не южнофракийского происхождения. Не исключено, что они появились и использовались в ареале скифов-агафирсов, для которых А. Вулпе пишет: «если будет доказано, что *Мареш* это *Муреш*, то они могут быть локализова-

ны в бассейне последнего... В противном случае, они могли быть где угодно» [47, р. 29–43]. Д. Мэндеску также сомневается в их восточном происхождении, подчеркивая, что всё же самые ранние экземпляры появляются в труположениях, в инвентаре которых наблюдается сильное скифское (Чимбала, Милештий де Сус, Хушь, Гымбаш), или же северофракийское влияние (Жюржюлешть). Он считает, что эти предметы «являются оригинальным творением в составе группы Чумбруд или Карпатской зоны, тесно связанной с нею» [28, р. 11]. Впоследствии автор добавляет сюда и группу Хушь-Суручень и в связи с предметом из Будуряска-Ваду Сэпат отмечает, что это первая находка для группы Ферижиле [29, р. 35].

В этой связи представляют интерес как ареал распространения и время бытования скифов-агафирсов, так и вопрос о путях передвижения самих скифов в западном направлении. Повторяем, для самой скифской культуры подобные находки абсолютно не характерны, но парадокс заключается в том, что на территориях, куда они проникают и где их присутствие доказано, эти вещи у них уже есть. Если вдуматься, то и для «чистой» гетской культуры эти вещи не характерны. Ещё В. Пырван высказался насчёт возможных путей проникновения скифов на запад, на территорию Центральной Европы [34, р. 11]. Один из них, «центральный», как раз шёл по южной части лесостепи через перевал Присэкань/Ойтуз на Трансильванию [31, р. 450–453, Fig. 4], где и отмечена одна из концентраций подобных предметов. Есть ещё и южный путь на Добруджу, для которого мы отмечали находки

из Жюржюлешть, а на правом берегу Дуная – могильник Исакча [40, р. 113–128], где, хотя и не найдены подобные вещи, сам памятник очень похож на Жюржюлештский. Мы предполагали недавно, что эта группа не обязательно продвигалась с территории Подолии, как утверждал Г. Симион [40, р. 117], а представляла смешанную группу, которая двигалась в Трансильванию через Центральную Молдову (Чимбала, Трестиана) и свернула на юг (Жюржюлешты, Картал, Исакча). В Добрудже, где отмечено множество скифских древностей, в том числе ранних, имеются несколько пунктов, где найдены трёхлопастные предметы – Чернавода, Сату Ноу «*Suat*», Енисала, Пиатра Фрекэцей (рис. 2/10), Челик-Дере.

Большинство находок трёхлопастных пропеллеровидных предметов датируются по совокупности датировок закрытых погребальных комплексов. Относительно фибул с беотийским щитом заслуживает внимания мнение А. Вулпе, который считает их аналогичными находке из кургана 72 из Ферижиле, отнесённой к типу *B1* [45, р. 93] и впоследствии – к комбинаторному типу I, датированному второй половиной VII в. до н.э. [46, р. 97]. М. Манов датирует находки из Болгарии концом VII в. и на протяжении всего VI в. до н.э. [10, с. 79–81].

Относительно ракушек *kauri* И. Бруяко, в специальной статье по этим древностям, утверждает, что они проникают в лесостепную зону Днепра в VII в. до н.э., и включает их в характерную категорию ранескифских древностей – третий этап РСК. В дальнейшем, в V–IV вв. до н.э., они становятся обычной находкой для северопонтийских погребальных комплексов [2, с. 51; 3].

Что же касается находок из Жюржюлешть погр. 1, все пять устройств датируются по основным категориям находок VII–VI вв. до н.э. [27, р. 67]. Серединой VII в. до н.э. датирована и находка из Трахтемир [12, с. 44]. Датировка этих вещей VI в. до н.э., а, возможно, и V в. до н.э., Д. Мэндеску представляет завышенной и зависит от хронологической схемы самого автора [30, р. 337].

В заключение попытаемся уточнить несколько положений, касающихся обсуждаемой категории находок. Пока рано ставить точку относительно ареала их распространения – они продолжают появляться в самых неожиданных регионах. Но всё же большинство из них найдено вместе со скифскими вещами. Эти предметы вполне могли появляться в среде скифов-агафиров (культурная группа Чумбруд), а если граница их расселения расширится (центральная Молдова и южнее до Дуная), то этим объяснится и атрибуция предметов из Чимбала и Жюржюлешть, как и остальные находки из Центральной Молдовы. В общем, анализируемые вещи бытуют в пределах середины-конца VII в. до

III в. до н.э. Первые выделенные нами два типа – более ранние, следующие два – более поздние, являясь производными формами. К сожалению, остается открытым вопрос о назначении этих артефактов. Мы можем уверенно сказать, что это не домонетные знаки. В свете находки из Будуряскя-Ваду Сэпат можно предположить, что это наперстки для заколок. Но их местонахождение в погребениях из Гымбаш и Жюржюлешть (к тому же их наличие здесь в трёх и соответственно пяти экземплярах) заставляет сомневаться в такой интерпретации. Предпочтительнее кажется, что они каким-то образом связаны с набором колчана. Скорее всего, они прикреплялись к передней части древка стрелы и использовались во время военных столкновений для устрашения врагов и их коней, подачи каких-то сигналов или для других целей. Обнаруженное устройство из Будуряскя-Ваду Сэпат ставит и это предположение под сомнение, но надеемся, что будущие находки внесут ясность в этот вопрос.

Статья поступила в редакцию 21.08.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Акматов К. Т. Железные наконечники стрел кочевников Тянь-Шаня в монгольское время // Вестник Новосибирского университета. Серия: история, филология, археология и этнография. 2015. Т. 14. Вып. 7. С. 193–202.
2. Бруйко И. В. Моллюски семейства *Cyprea* и памятники раннескифской эпохи в Восточной Европе // Памятники скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье: ЗГУ, 1999. С. 47–54.
3. Бруйко И. В. Ранние кочевники в Европе X–V вв. до Р.Х. Кишинёв: Высшая антропологическая школа, 2005. 360 с.
4. Дзис-Райко Г. А. Археологические исследования городища у села Надлиманское // Материалы по археологии Северного Причерноморья (Вып. 5). Одесса: Одесский гос. археологический музей, 1966. С. 163–175.
5. Костенко В. И., Мухопад С. Е. Скифские могильники у с. Усть-Каменка Днепропетровской области // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск: ДГУ, 1990. С. 96–106.

6. Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979. 255 с.
7. Раев Б. А., Горошников А. А. Поселение Панагия 1 на Тамани (о связях Северного Кавказа и Карпато-Дунайского региона в предскифское время) // Народы и культуры Нижнего Дуная в древности: материалы международной конф. Измаил: Ирбис, 2018. С. 135–142.
8. Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: АН УССР, 1961. 248 с.
9. Бобчева Л. Тракийски некрополи при селата Кръгулева и Черна, Толбухински окръг // Известия Народния Музей, Варна. 1975. Т. XI (XXVI). С. 119–128.
10. Манов М. Нов тип домонетни форми от българските земи // Археология. 1998. № 3–4. С. 79–82.
11. Топалов С. Принос към проучване използваните предметоподобни форми на средства за размяна от земите от древна Тракия през първото хилядолетие пр. н.э. София: Mind Print, 2013. 312 p.
12. Фіалко О. Трилопатеві предмети з пам'яток скіфського часу // Марістеріум. 2003. Вип. 11. С. 40–45.
13. Фіалко О., Болтрик Ю. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. Київ: ИА НАНУ, 2003. 152 с.
14. Arnăuț T. Vestigii ale sec. VII–III a.Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați Chișinău, 2003. 407 p.
15. Bajda-Weselowska A., Bochnak T., Hozer M. Un mormânt feminin bogat de la Zablotce, situl 27 – mărturie a contactelor transcarpătice în prima epocă a fierului // Istros. 2013. P. 178–215.
16. Berciu D. Descoperirile de la Cernavoda (1954) și unele aspecte ale începutului formării culturii Latène geto-dace la Dunărea de Jos // Materiale și Cercetări Arheologice. 1957. Vol. IV. P. 281–317.
17. Căpitanu V. Un mormânt hallstattian descoperit la Cimbala // Carpica. 1968. Iss. I. P. 69–72.
18. Cihodaru C. Poienеști-Tamasidava. O аșezare carpică în Moldova Centrală // Arta și Arheologia, 1937–1938. P. 13–59.
19. Conovici N., Matei G. Necropola getică de la Stelnică-Grădiștea Mare (jud. Ialomița). Raport general pentru anii 1987–1996 // Materiale S.N. 1999. P. 99–144.
20. Ferenczi Șt. Cimitirul „scitic” de la Ciumbrud (Partea a II-a) // Acta Musei Napociensis. 1967. № 4. P. 19–43.
21. Haheu V. Despre un tip de descoperiri din perioada hallstattiană târzie: dispozitivele eliceforme tripațelate de bronz // Revista Arheologică S.N. 2012. Vol. VIII. № 1. P. 275–283.
22. Iconomu C. Un mormânt de la sfârșitul primei epoci a fierului de la Pocreaca-Iași // Arheologia Moldovei. 2013. Vol. XXIX. P. 57–65.
23. Iconomu C. Some Dobrudja – discovered items from a private collection. Signa Praehistorica // Studia in honorem magistri Attila László septuagesimo anno. Iași, 2006. P. 443–449.
24. Kossak G. Winged beads remarks on Late Bronze age gold treasures from the Carpathian lands // Kossak G. Selected studies in Archaeology. Ten Essays written from the year 1974–1997. Rahden/Westf., 1998. P. 191–216.
25. Levinschi A. Mărturii privind prelucrarea metalelor la geți în sec. VI–IV î.e.n. // Tyrageția. 2003. Vol. XII. P. 45–54.
26. Levițki O., Haheu V. Necropola Hallstattiană târzie de la Giurgiulești // Studia in honorem Ion Niculiță. Chișinău, 1999. P. 121–134.
27. Levițki O., Haheu V. Necropola Hallstattiană târzie de la Giurgiulești în contextul cultural-istoric de la Dunărea de Jos // Revista Arheologică S.N. 2011. Vol. VII. № 1–2. P. 55–71.

28. Măndescu D. Capetele de ac în formă de elice // *Danubius*. 2003. Iss. 21. P. 7–14.
29. Măndescu D. Despre periferia sudică a grupului Ferigile. Cu specială privire asupra necropolei de la Teiu (județul Argeș) // *Istros*. 2005. Iss. 12. P. 33–43.
30. Măndescu D. Cronologia perioadei timpurii a celei de-a doua epoci a fierului (sec. V-III a.Chr.) între Carpați, Nistru și Balcani. Brăila, 2010. 510 p.
31. Mihăilescu-Bârliba V., Untaru I. Notă despre un nou „akinakes” găsit la Agapia // *Memoria Antiquitatis*. 1971. Vol. III. P. 441–454.
32. Mitrea I., Preda C., Anghelescu N. Săpăturile de salvare de la Satu-Nou. Cimitirul geto-dacic I // *Materiale și Cercetări Arheologice*. 1961. Vol. VII. P. 283–288.
33. Mitrea I. Două morminte din sec. VI-V î.e.n. descoperite la Mileștii de Sus, jud. Bacău // *Studia Antiqua et Arheologica*. 1983. № 1. P. 59–63.
34. Pârvan V. *Getica. O protoistorie a Daciei*. București, 1982. 604 p.
35. Roska M. Der Bestand der skythischen Altertümer Siebenbürgens // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1937. № 11. P. 167–203.
36. Simion G. Les Gètes de la Dobroudja septentrionale du VI au I siècle av. n.e. // *Thraco-Dacica*. 1976. I. P. 143–163.
37. Simion G. Necropolele getice de la Enisala și Telița // *Peuce*. 1977. Vol. VI. P. 49–72.
38. Simion G. Gètes et Scythes aux Bouches du Danube // Simion G. *Culturi antice în zona gurilor Dunării*. Vol. I. Preistorie și protoistorie. Cluj-Napoca, 2003. P. 247–258.
39. Simion G. Tombes tumulaires de la nécropole de Celic-Déré. Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe // *Actes du II Colloque International d'Archéologie Funéraire*. Tulcea, 2000. P. 69–82.
40. Simion G. O necropolă din sec. VI-V a. Chr. la Isaccea // *Peuce N.S.* 2003. Vol. 1 (XIV). P. 113–128.
41. Talmațchi G., Andreșescu G. Noi descoperiri de obiecte premonetare și semne monetare în Dobrogea // *Moneda și comerț în sud-estul Europei, III, Lucrările întâlnirii din 2009*. Sibiu, 2009. P. 41–53.
42. Teodorescu V., Dupoi V., Peneș M., Lichiardopol D., Panait Gh. Stațiunea arheologică Budureasca, jud. Prahova (complexe daco-romane și străromânești) // *Materiale* (№ 17). Ploiești, 1983. P. 365–387.
43. Vasiliev V. *Sciții agatârși pe teritoriul României*. Cluj-Napoca, 1980. 185 p.
44. Vasiliu C. Un mormânt scitic la Huși // *Arta și Arheologia*, 1933–1934. P. 18–26.
45. Vulpe Al. Necropola hallstattiană de la Ferigile. Monografie arheologică. București, 1967. 208 p.
46. Vulpe Al. Cu privire la cronologia grupului cultural Ferigile // *Danubius*. 1979. Vol. VIII–IX. P. 93–122.
47. Vulpe Al. *Sciți și agathyrsi în spațiul carpato-dunărean* // *Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie*. 2012. Vol. 63. № 1–2. P. 27–66.

REFERENCES

1. Akmatov K. [Iron arrowheads nomads of Tien Shan in the Mongol time]. In: *Vestnik Novosibirskogo Universiteta. Seriya: istoriya, filologiya, arkheologiya i etnografiya* [Bulletin of the Novosibirsk University. Series: History, Philology, Archeology and Ethnography], 2015, vol. 14, no. 7, pp. 193–202.
2. Bruyako I. [Molluscs of the family Cyprea and monuments of the early Scythian epoch in Eastern Europe]. In: *Pamyatniki skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [Monuments of Scythian-Sarmatian archaeology of the Northern black sea], Zaporozhye, ZGU Publ., 1999, pp. 47–54.
3. Bruyako I. *Rannie kochevniki v Evrope X–V vv. do R.Kh.* [Early nomads in Europe, X–V centuries B. C.], Chisinau, Vysshaya antropologicheskaya shkola Publ., 2005. 360 p.

4. Dzis-Raiko G. [Archaeological investigations of the settlement at the village of nadlymanske]. In: *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* (Vyp. 5) [Materials on archeology of the Northern black sea (Iss. 5)]. Odessa, Odesskii gos. archaeological Museum Publ., 1966, pp. 163–175.
5. Kostenko V., Mukhopad S. [Scythian burial grounds near the village of Ust-Kamenka, Dnipropetrovsk region]. In: *Issledovaniya po arkheologii Podneprov'ya* [Studies in the archaeology of the Dnieper], Dnepropetrovsk, DGU Publ., 1990, pp. 96–106.
6. Melyukova A. *Skifiya i frakiiskii mir* [Scythia and the Thracian world]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 255 p.
7. Raev B., Goroshnikov A. [The settlement of Panagia 1 Taman (about the relations of the North Caucasus and Carpathian-Danube region in pre-Scythian time)]. In: *Narody i kul'tury Nizhnego Dunaya v drevnosti: materialy mezhdunarodnoi konf.* [Peoples and cultures of the Lower Danube in antiquity: proceedings of the international conference], Ishmael, Irbis Publ., 2018, pp. 135–142.
8. Terenozhkin A. *Predskifskii period na Dneprovskom Pravoberezh'ya* [Pre-Scythian period on the right Bank of the Dnieper], Kiev, AN USSR Publ., 1961. 248 p.
9. Bobcheva L. [Thracian necropolises near the villages of Kruguleva and Cherna, Tolbuhin district]. In: *Izvestiya Narodniya Muzei Varna* [News of the National Museum Varna], 1975, vol. XI (XXVI), pp. 119–128.
10. Manov M. [A New Type of Domestic Forms from the Bulgarian Lands]. In: *Archeologia*, 1998, no. 3–4, pp. 79–82.
11. Topalov S. *Prinos kŭm prouchvane ispolzvanite predmetopodobni formi na sredstva za razmyanya ot zemite ot drevna Trakiya prez pŭrvogo khilyadoletie pr. n.é.* [Contribution to the study of the subject-like forms of means of exchange from the lands of ancient Thrace in the first millennium BC], Sofia, Mind Print Publ., 2013. 312 p.
12. Fialko O. [Trilopate Scythian Monuments]. In: *Mahisterium*, 2003, iss. 11, pp. 40–45.
13. Fialko O., Boltrik Y. *Napad skifiv na Trakhtemyrivs'ke horodyshche* [The Scythians' attack on the Trakhtemir site], Kiiv, IA NASU, 2003. 152 p.
14. Arnăut T. [Vestigii of the sec. VII-III a. Chr. in the space from the east by Carpathians], Chisinau, 2003, 407 p.
15. Bajda-Weselowska A., Bochnak T., Hozer M. [A rich female tomb from Zablotce, site 27 – testimony of trans-Carpathian contacts in the early Iron Age]. In: *Istros*, 2013, vol. XIX, pp. 178–215.
16. Berciu D. [The Cernavoda discoveries (1954) and some aspects of the beginning of the formation of the Geto-Dacian Latene culture at the Lower Danube]. In: *Materiale și Cercetări Arheologice* [Archaeological Materials and Research], 1957, vol. IV, pp. 281–317.
17. Captain V. [A Hallstattian tomb discovered at Cimbala]. In: *Carpica*, 1968, vol. I, pp. 69–72.
18. Cihodaru C. [Poieniști-Tamasidava. A Carpic settlement in Central Moldova]. In: *Arta și Arheologia* [Art and Archeology], 1937–1938, pp. 13–59.
19. Conovici N., Matei G. [The Gothic necropolis from Stelnica-Grădiștea Mare (Ialomița county). General report for 1987–1996]. In: *Material S.N.*, 1999, pp. 99–144.
20. Ferenczi Șt. [The "Scythian" Cemetery in Ciumbud (Part II)]. In: *Acta Musei Napociensis*, 1967, no. 4, pp. 19–43.
21. Haheu V. [About a type of discoveries from the late Hallstattian period: the tripaletated bronze helical devices]. In: *Revista Arheologică* [Archaeological Magazine] S.N., 2012, vol. VIII, no. 1, pp. 275–283.
22. Iconomu C. [A tomb from the end of the first Iron Age from Pocreaca-Iasi]. In: *Arheologia Moldovei*, 2013, vol. XXIX, pp. 57–65.

23. Iconomu C. [Some Dobrudja – discovered items from a private collection. Signa Praehistorica]. In: *Studia in honorem magistri Attila László septuagesimo anno*, Iași, 2006, pp. 443–449.
24. Kossak G. Winged beads remarks on Late Bronze age gold treasures from the Carpathian lands. In: Kossak G. *Selected studies in Archaeology. Ten Essays written from the year 1974–1997*, Rahden/Westf., 1998, pp. 191–216.
25. Levinschi A. [Testimonies regarding the processing of metals at dumps in sec. VI-IV ill]. In: *Tyrageia*, 2003, vol. XII, pp. 45–54.
26. Leviticus O., Haheu V. [The late Hallstattian necropolis of Giurgiulesti]. In: *Studia in honorem Ion Niculiță*, Chisinau, 1999, pp. 121–134.
27. Levițchi O., Haheu V. [The late Hallstattian necropolis from Giurgiulesti in the cultural-historical context of the Lower Danube]. In: *Revista Arheologică* [Archaeological Magazine] S.N., 2011, vol. VII, no. 1–2, pp. 55–71.
28. Măndescu D. [The needle-shaped ends of the propeller]. In: *Danubius*, 2003, vol. 21, pp. 7–14.
29. Măndescu D. [About the southern periphery of the Ferigile group. With special view on the necropolis of Teiu (Argeș county)]. In: *Istros*, 2005, no. 12, pp. 33–43.
30. Măndescu D. [Chronology of the early period of the second iron age (5th-3rd century BC) between Carpathians, Nistru and Balkans], Braila, 2010, 510 p.
31. Mihăilescu-Bârliba V., Untaru I. [Note about a new "akinakes" found at Agapia]. In: *Memoria Antiquitatis*, 1971, vol. III, pp. 441–454.
32. Mitrea I., Preda C., Anghelescu N. [Salvage digs from Satu-Nou. Geto-Dacian Cemetery I]. In: *Materiale și Cercetări Arheologice* [Archaeological Materials and Research], 1961, vol. VII, pp. 283–288.
33. Mitrea I. [Two tombs from the 20th century. VI-V i.e.n. discovered in Mileștii de Sus, Bacău County]. In: *Studia Antiqua et Arheologica*, 1983, no. 1, pp. 59–63.
34. Pârvan V. [Getica. A protohistory of Dacia], Bucharest, 1982, 604 p.
35. Roska M. [The inventory of the Scythian antiquities of Transylvania]. In: *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, 1937, no. 11, pp. 167–203.
36. Simion G. [The Getes of the Northern Dobroudja from the 6th to the 1st century BC. n.o.]. In: *Thraco-Dacica*, 1976, vol. I, pp. 143–63.
37. Simion G. [The Gothic necropolis of Enisala and Telita]. In: *Peuce*, 1977, vol. VI, pp. 49–72.
38. Simion G. [Ghetes and Scythians in the Danube Bouches]. In: Simion G. *Culturi antice în zona gurilor Dunării. Vol. I. Preistorie și protoistorie* [Ancient cultures in the Danube mouth area, volume I, Prehistory and protohistory]. Cluj-Napoca, 2003, pp. 247–258.
39. Simion G. [Tomb tumuli of the Celic-Dere necropolis. Tomb tombs of the Iron Age in South-East Europe]. In: *Proceedings of the II International Symposium of Funerary Archeology. Tulcea*, 2000, pp. 69–82.
40. Simion G. [A necropolis from the 20th century. VI-V a. Chr. at Isaccea]. In: *Peuce* N.S., 2003, vol. 1 (XIV), pp. 113–128.
41. Talmățchi G., Andrerescu G. [New discoveries of pre-monetary objects and monetary signs in Dobrogea]. In: *Moneda și comerț în sud-estul Europei, III, Lucrările întâlnirii din 2009* [Currency and trade in south-east Europe, part III. Proceedings of the 2009 meeting]. Sibiu, 2009, pp. 41–53.
42. Teodorescu V., Dupoi V., Peneș M., Lichiardopol D., Panait Gh. [Budureasca archaeological station, Prahova county (Daco-Roman and foreign complexes)]. In: *Materials*, 17, Ploiesti, 1983 (II 1993), pp. 365–387.
43. Vasiliev V. [Scythians agitated on the territory of Romania]. Cluj-Napoca, 1980, 185 p.
44. Vasiliiu C. [A Scythian tomb at Huși]. In: *Arta și Arheologia* [Art and Archeology], 1933–1934, pp. 18–26.

45. Vulpe Al. [The Hallstattian necropolis at Ferigile. Archaeological monograph]. Bucharest, 1967, 208 p.
46. Vulpe Al. [On the chronology of the Ferigile cultural group]. In: *Danubius*, 1979, vol. VIII–IX, pp. 93–122.
47. Vulpe Al. [Scythes and agathyrs in the Carpathian-Danube area]. In: *Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie* [Studies and Researches of Ancient History and Archeology], 2012, vol. 63, no. 1–2, pp. 27–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хахеу Василе – научный сотрудник Центра археологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы;
e-mail: vasile.haheu@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Haheu V. – Researcher, Centre for Archeology, Institute of Cultural Heritage, Academy of Sciences of the Republic of Moldova;
e-mail: vasile.haheu@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хахеу В. Бронзовые трёхлопастные пропеллеровидные устройства позднегалльштаттского времени // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 173–188.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-173-188

FOR CITATION

Haheu V. Late-Hallstatt bronze three-bladed propeller-shaped devices. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 173–188.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-173-188

УДК 94(395.1):711.423; 902.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-189-199

«ГОРОДА» КОЧЕВЫХ СКИФОВ

Мурзин В. Ю.*Мелитопольский институт государственного и муниципального управления**Классического частного университета**72311 г. Мелитополь, Каховское шоссе, д. 8/2, Запорожская обл., Украина*

Аннотация. Целью статьи является интерпретация средств передвижения кочевых народов Северного Причерноморья. В ней осуществлены наблюдения за созданием жилищ, максимально приспособленных к условиям кочевого быта. В результате изучения широкого круга источников автор приходит к выводу, что переход к кочевому образу жизни и экстенсивному скотоводству был невозможен без целого ряда технических достижений: выработки совершенной системы узды верхового коня, широкого освоения железа и, как следствие, появления высокотехнологического и надёжного оружия. Таким в жилищном обустройстве кочевников стала, прежде всего, крытая войлоком кибитка. Возможно, кроме кибиток у скифов были и съёмные юрты, установленные на платформенной основе. Во время стоянки они могли издали показаться путнику самым настоящим городом. На основе анализа конструктивных особенностей скифских катакомб IV века до н.э. автор делает заключение, что эти погребальные камеры воссоздавали привычное для кочевника жильё – кибитку, в которой он рождался и умирал. В таком случае полусферическая форма скифских курганов могла воссоздавать иное жилище скотоводов – юрту.

Ключевые слова: кочевые скифы, кибитка, юрта, скифская катакомба, погребальная камера, курганная насыпь, купольное жилище

««CITIES» OF NOMADIC SCYTHIANS

V. Murzin*Melitopol Institute of state and municipal administration of Classical private University**8/2 Kakhovskoye shosse, Melitopol 72311, Zaporizhskaya obl., Ukraine*

Abstract. The aim of this paper was to describe the means of transportation used by nomadic peoples in the Northern Black Sea area. To this end, a series of observations was carried out to investigate traditions of constructing dwellings, which are maximally adjusted to the nomadic life conditions. Following a review of numerous publications, the author comes to the conclusion that the transition to a nomadic lifestyle and extensive cattle breeding was impossible without a number of technical achievements: perfectly developed riding horse reins, widespread iron implementation and, consequently, the emergence of high-tech and robust weapons. A tilt cart covered with felt became such kind of a nomadic dwelling. It is likely that, along with tilt carts, Scythians used removable yurts (nomadic tents) installed on a platform basis. When camping, these yurts could have resembled a real town from a distance. An analysis of the design of 4th century B.C. Scythian catacombs suggested that these burial chambers recreated nomads' habitual dwellings – tilt carts,

© CC BY Мурзин В. Ю., 2019.

where a nomad lived his whole life from birth to death. In this case, the hemispherical shape of Scythian mounds could represent a yurt, another dwelling of cattle breeders.

Keywords: nomadic Scythians, tilt cart, yurt, Scythian catacomb, burial chamber, burial mound, dome dwelling

Кочевники... Услышав это слово, большинство наших современников сразу же представляют себе бескрайний степной простор, напоенный медовыми запахами разнотравья, и беспечных, не обременённых повседневными заботами людей, весело поющих и танцующих вокруг искрящихся костров, разгоняющих вечерние сумерки. Такая идиллическая картина кочевой жизни складывалась у представителей оседлых народов на протяжении многих и многих веков.

Уже в гомеровской «Илиаде», датируемой большинством исследователей VIII в. до н.э., то есть киммерийским периодом на территории Северного Причерноморья, упоминаются обитавшие на этих землях гиппемологмлекоеды и абии, справедливейшие из людей [3, с. 28]. Согласно выдающемуся античному географу Страбону, под абиями можно понимать людей, живущих в кибитках [10, с. 296]. Подобные представления дожили практически до наших дней, о чём свидетельствуют известные строки А. С. Пушкина из его поэмы «Цыганы»¹:

*«Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность, весел их ночлег
И мирный сон под небесами;
Между колесами телег,
Полузавешанных коврами...»*

¹ Цит. по: Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1960. С. 159.

Между тем жизнь реальных, а не поэтических кочевников (цыган, кстати, отнести к их числу можно лишь с большой натяжкой) была трудна и опасна. Об этом свидетельствуют хотя бы исторические сведения и этнографические зарисовки о быте наиболее поздних кочевников на территории Северного Причерноморья – ногайцев [14, с. 237–246].

Переход к кочевому образу жизни, основу которого составляло экстенсивное скотоводство, позволило в полной мере использовать огромные пастбищные ресурсы степи. На огромном пространстве Великого степного пояса Евразии это событие произошло практически одновременно – на рубеже II и I тыс. до н.э. Но путь к нему был весьма долог. Наряду с другими факторами, позволившими осуществить этот переход, к этому времени сложились и чисто технические предпосылки: выработка совершенной системы узды верхового коня, широкое освоение железа и, как следствие, появление высокотехнологического и надёжного оружия. Немалое значение имело и создание жилища, максимально приспособленного к условиям кочевого быта.

Надо сказать, что особенности климата в различных регионах Северного Причерноморья начали заметно сказываться на образе жизни их обитателей уже в эпоху энеолита (медно-каменного века). Именно тогда в степной части Украины появляются самые древние курганы, ставшие массовыми

памятниками среди древностей ямной культуры эпохи энеолита и раннего бронзового века (примерно середина III и начало II тыс. до н.э.). Большинство современных исследователей считает носителей этой культуры древнейшими индоевропейцами [11, с. 31].

Степи современной Украины ныне составляют около 41% её территории. Они являются регионом с выраженным аридным (то есть сухим) климатом с высокими летними температурами и недостаточным количеством осадков. Поэтому без искусственной ирригации земледелие здесь подвержено многочисленным рискам. По этой причине на всем протяжении энеолита и бронзового века проживавшие здесь племена и народы сочетали земледелие с отгонным скотоводством. При этом земледелие в причерноморских степях развивалось, в основном, лишь на берегах рек. К тому же в долинах рек почвы были более лёгкими, чем тяжёлые чернозёмы в глубинной степи. По свидетельству А. Шафронского, даже в середине XIX в. для их вспашки нужно было использовать плуг с железным лемехом, который с трудом тянули 6 или 8 волов [13, с. 121–122]. В то же время крестьяне в северных районах Украины успешно обрабатывали почву ещё деревянными сохами с упряжкой из двух волов¹.

¹ По этой же причине семейные запорожские казаки («гнездюки»), которым запрещалось жить на Сечи, основывали своим зимники на берегах рек или возле балок, где почва была более лёгкой. Основной их обязанностью было снабжение «сечевого рыцарства» продовольствием [14, с. 187–189]. Однако выращенного ими урожая зерновых – проса, ячменя, пшеницы, всё равно не хватало. Поэтому сечевое братство получало за охрану южных границ российского государства «хлебное жалование», о размере которого постоянно велись споры между Сечью и Москвой.

В свою очередь, отгонное скотоводство предусматривало стойловое содержание скота зимой и его выпас на пастбищах, удалённых на десятки километров от основного поселения, в тёплое время года. Естественно, для уходивших на эти пастбища пастухов и членов их семей, которые участвовали в дойке молока и его переработке, были нужны временные жилища. Такими жилищами стали тяжёлые и неповоротливые платформенные возы с цельнодеревянными колесами, возможно, крытые шкурами животных (рис. 1).

Впервые такие возы были обнаружены в погребениях ямной культуры. К настоящему времени их остатки на территории Северного Причерноморья зафиксированы примерно в 70 случаях [12, с. 24]. Но известны они и в других памятниках энеолита и ранней бронзы. По данным В. А. Новождёнова, в памятниках этого периода в степных районах Евразии обнаружены остатки около 250 таких повозок [7, с. 136–138]. Так был сделан первый шаг к созданию мобильного жилища кочевников.

В последующую эпоху – эпоху средней бронзы, конструкция таких повозок не претерпела, судя по всему, значительных изменений [2, с. 82–83]. К сожалению, остатки передвижных жилищ в памятниках поздней бронзы археологически пока не зафиксированы.

Мало известно и о жилищах киммерийцев – предшественников скифов. В этом отношении можно лишь отметить упоминания Гомера об абиях, вроде бы живущих в кибитках. Однако киммерийцы (примерно IX – самое начало VII вв. до н.э.), были первыми настоящими кочевниками Северного Причерноморья. Благодаря подвижному скотоводству, именно они в полной

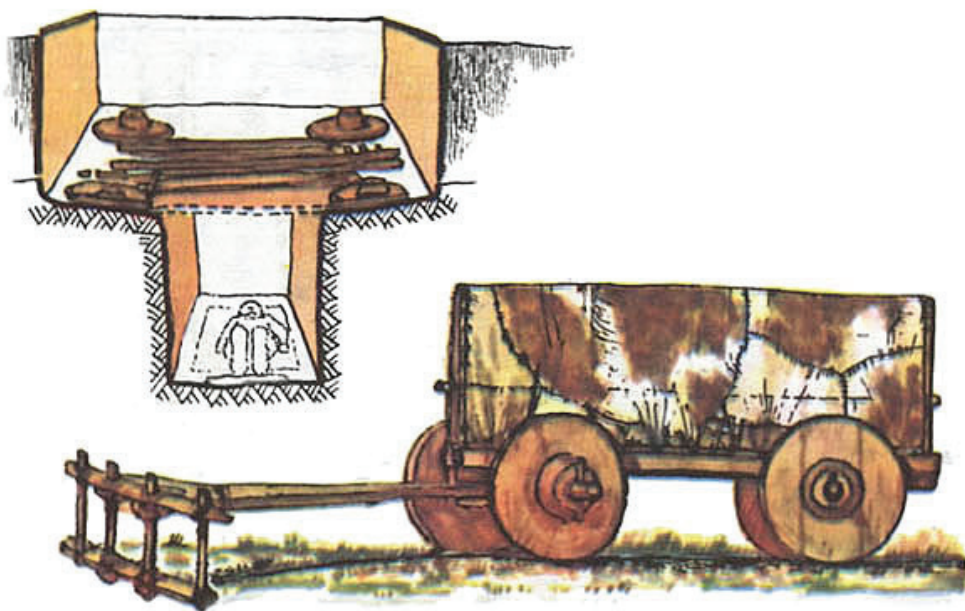

Рис. 1. Повозка ямной культуры (рисунок П. Корниенко)

мере освоили биологические ресурсы степей.

Зато в отношении скифов мы обладаем многочисленными и разнообразными материалами. Так, Геродот, рассуждая о причинах непобедимости скифов, пишет: «... ведь народу, у которого нет ни городов, ни укреплений, который жилища переносит с собою, где каждый – конный стрелок из лука, где средства к жизни добываются не земледелием, а скотоводством, и жилища устраиваются на повозках, – такому народу как не быть непобедимым и неприступным?» [3, с. 82].

Судя по всему, как, впрочем, и у других кочевников, для рядовых скифов была характерна малая семья, то есть состоящая из родителей и их малолетних детей¹. Именно поэтому

численность воинов у кочевников составляла, как свидетельствуют и более поздние этнографические данные, около 20% от общей численности того или иного кочевого объединения.

Древнегреческий писатель Лукиан в своей новелле «Скиф или гость» называет таких скифов «восьминогими»², поскольку они обладали повозкой-жилищем и парой быков (два быка – восемь ног), которые её транспортировали. Для нормального существования одной такой рядовой кочевой семьи, согласно этнографическим данным, было необходимо иметь около 20–25 голов скота в пересчёте на условную

ные переносить все сложности кочевой жизни, обычно не участвовали в перекочевках, проходивших в тёплое время года, а оставались на местах зимовок, где посильно занимались подобным земледелием.

¹ Судя по более поздним этнографическим данным, лица преклонного возраста, неспособ-

² Цит. по: Luc. Scyth. 1, перевод В. В. Латышева (ВДИ. 1948. № 1. С. 428–429).

лошадь [5, с. 39]. При этом 1 условная лошадь равнялась примерно 5 головам большого рогатого скота + 6 овцам [8, с. 127].

Что же представляли собой скифские передвижные дома? Достаточно ясное представление о них дают небольшие модели из обожжённой глины – по всей видимости, детские игрушки (рис. 2). Исходя из этих моделей, мы можем заключить, что эти жилища, в основном, представляли собой типичные кибитки, крытые вой-

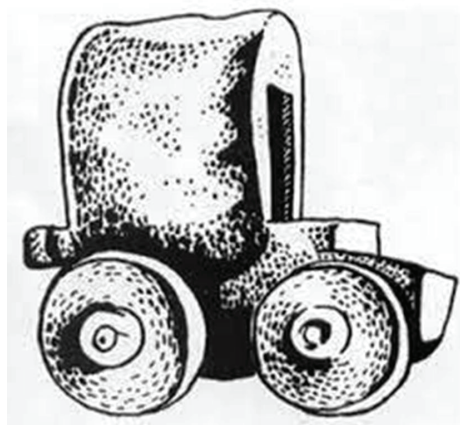

Рис. 2. Модель скифской кибитки

локом или шкурами. В качестве тягловой силы использовались волы. На одной из моделей сохранилось дышло с ярмом, рассчитанным на двух волов. Колеса на этих моделях изображены цельными, но это объясняется, видимо, упрощённым характером моделей. Во всяком случае, остатки колёс скифских повозок, зафиксированные в скифских могилах (обычно они закрывали устье погребальной камеры) свидетельствуют, что они имели деревянные ступицу, спицы и обод, окованный железом (рис. 3–4), то есть были более лёгкими, чем колёса предыдущих эпох.

Показательно в этой связи одно наблюдение Страбона, который в своей «Географии» отмечал, что номады Северного Причерноморья при продвижении степями *идут за своим стадом* (курсив наш. – В. М.) [4, с. 201]. И это вполне понятно: например, по обеим сторонам южной части знаменитого Муравского пути, по которому шли чумаки за солью в Крым, трава была такой высокой, что за ней было не видно ни человека, ни воза [14, с. 66]. Последний также не мог свернуть с наезженной колеи – его колеса сразу запутывались в густой степной растительности. Не случайно в украинском фольклоре сохранилась короткая, но ёмкая характеристика запорожских пространств: «Там сена по колено, свежего поила по стойло» [14, с. 400]. Поэтому свидетельство Страбона отражает подлинное состояние дел, поскольку только вслед за скотом, который поедал и вытапывал степную растительность, могли двигаться кибитки кочевников.

Возникает также естественный вопрос – а были ли у скифов, наряду с кибитками, такие характерные для евразийских кочевников жилища, как юрты? Наиболее ранним изображением юрты на территории Северного Причерноморья является фреска на стене склепа Анфестерия в некрополе Пантикапея (рис. 5). Этот памятник датируется сарматским (I в. н.э.), следующим за скифским периодом.

Относительно бытования юрт у скифов какие-то определённые сведения отсутствуют. Однако среди глиняных моделей скифских жилищ встречаются отдельные экземпляры, которые можно интерпретировать как модели съёмных юрт, установленных на платформенные возы. При переко-

Рис. 3. Остатки колёс в кургане Гайманова Могила (IV в. до н.э.).

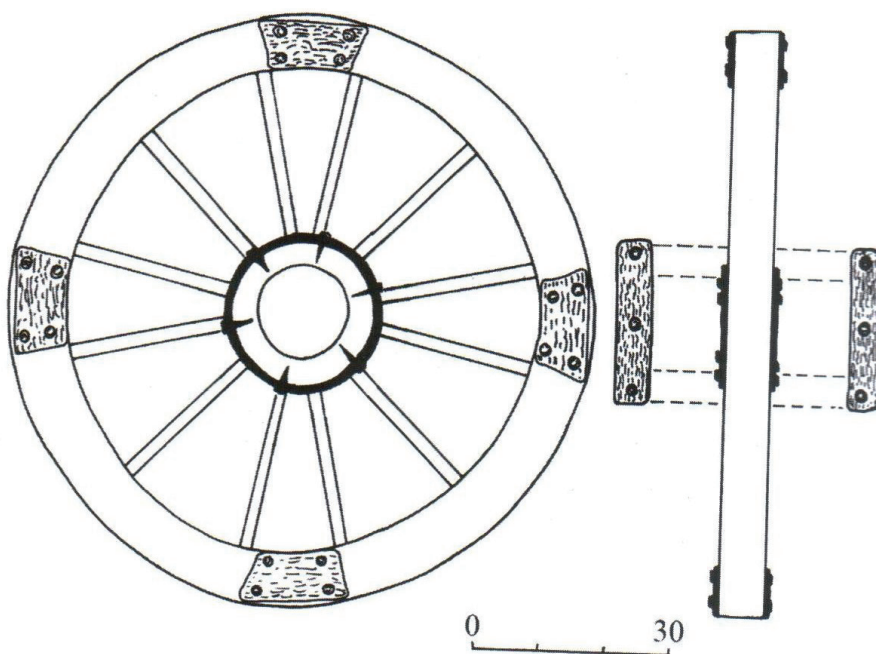

Рис. 4. Колесо скифской повозки (реконструкция А. И. Тереножкина по материалам кургана Гайманова Могила)

Рис. 5. Роспись склепа Анфестерия

чёвках, во время более или менее длительных стоянок, которые делались в местностях с наиболее богатыми пастбищами и обилием водных ресурсов, такие юрты могли сниматься с возов и устанавливаться на поверхности земли. Естественно, у представителей высшей скифской аристократии такие съёмные юрты могли достигать значительных размеров. Примерное представление о них может дать походная юрта Чингисхана, которую тянули десятки волов (рис. 6).

Во время стоянки кибитки и съёмные юрты скифов, особенно если речь идет о влиятельных и многочисленных

скифских родах, а также кочевых ставках скифских предводителей, могли издали показаться путнику самым настоящим городом.

К сожалению, описанием таких скифских «городов» на колёсах мы не располагаем. Но некоторое представление о них может дать рассказ Гийома Рубрука, посла французского короля, который на своем пути в далёкую Монголию к хану Мункэ (1252–1256 гг.) посетил ставку Бату. Она показалась ему большим городом, где на протяжении 3-х или 4-х лье (1 лье = 4,44 км) были разбросаны многочисленные юрты и кибитки [9, с. 119].

Рис. 6. Съёмная юрта Чингиз-хана

Даже в наше время можно отыскать подобную картину. Например, окраины Улан-Батора – современной столицы Монголии, представляют собой скопление тысяч и тысяч юрт, что хорошо видно на фотографии, сделанной с воздуха. Можно представить себе, как живописно и красочно выглядели такие скифские передвижные «города» на фоне бескрайней и ровной степи.

В заключение остановимся ещё на одном интересном моменте. Известно, что у многих народов древности и раннего средневековья (до распространения мировых религий) было развито стремление обустроить могилу по образу и подобию того жилья, в котором обитал покойный при своей жизни. Ярким примером такого подхода является, например, гробница китайского императора Цинь Шихуанди с протекающими в ней реками из ртути и знаменитой терракотовой армией – своеобразная модель основанной им империи¹.

Характерными скифскими погребениями, особенно для IV в. до н.э., являются так называемые катакомбы. Они состоят из вертикальной входной ямы (в курганах скифской аристократии её глубина могла достигать 15 м) и одной или нескольких погребальных камер, обустроенных в стенках или по углам входной ямы. Эти камеры имели арочный свод, напоминающий полог скифских кибиток. Учитывая, что в закладе этих камер иногда встречались колёса, можно смело предположить, что скифские погребальные камеры воссоздавали привычное жильё умершего – кибитку, в которой он рождал-

ся и умирал². В таком случае «шапка» скифских курганов полусферической формы могла воссоздавать иное жилище кочевников – юрту [6, с. 102–107].

Относительно второго предположения можно возразить, что самые ранние курганы появляются в эпоху энеолита. О каких юртах могла идти речь в то время? Однако не следует забывать, что юрты, как и многие другие категории материальной культуры, не были «изобретены» одномоментно, а прошли длительный путь формирования и развития. В этой связи известный казахский археолог А. З. Бейсенов писал мне: «Ещё раз напомним – привычные для нас юрты, продукт сильно унифицированный, поздний. Их нельзя строго отождествлять даже с периодом Золотой Орды и ранних казахов».

Поэтому вполне возможно допустить, что в эпоху энеолита и ранней бронзы наряду с жилищами на платформенных возах на летовках устанавливались и какие-то простейшие купольные жилища, достаточно устойчивые к сильному ветру и непогоде – прообраз будущих юрт. Во всяком случае, куполообразная форма их насыпей позволяет думать об этом. Тем более, что такие сферические жилища на каркасах из костей мамонта с покрытием из шкур тех же мамонтов (иных покрытий в то время просто быть не могло) зафиксированы уже стоянках эпохи позднего палеолита, в частности Мезинской (рис. 7). Более того, иногда эти жилища условно называют «юртой» [1, с. 12–15, 39].

Статья поступила в редакцию 18.09.2019

¹ Гробница Цинь Шихуанди в окрестностях Сианя [Электронный ресурс] // URL: <http://www.advantour.com/rus/china/xian/qin-shi-huang-tomb.htm>

² А. Н. Гей пришел к близкому выводу относительно камер катакомб эпохи бронзы (катакомбная культура, средняя бронза). В этой связи он отмечал, что камеру можно рассматривать как своеобразную модель крытой тяжёлой повозки для сна и отдыха [2, с. 92–93].

Рис. 7. Мезинская стоянка. Дом № 1 из костей мамонта (реконструкция И. Г. Пидопличко)

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибиков С. Н. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. Киев: Наукова думка, 1981. 108 с.
2. Гей А. Н. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.: Восточная литература, 1999. С. 78–113.
3. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Выпуски 1–2. СПб.: Фан, 1992. 151 с.
4. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Выпуски 3–4. СПб.: Фан, 1993. 289 с.
5. Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевых обществ. М.: Горизонт, 1995. 320 с.
6. Мурзин В. Ю. О каменных «крепидах» скифских курганов // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. 2016. Т. XIX. С. 94–112.
7. Новожёнов В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М.: Таус, 2012. 499 с.
8. Плетнёва С. Половцы. М.: Ломоносовъ, 2010. 211 с.
9. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географиздат, 1957. 272 с.
10. Страбон. География в 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1964. 957 с.

11. Етнічна історія давньої України. Київ: Наукова думка, 2000. 276 с.
12. Ніколова А. В. Абсолютна хронологія ямної культури Північного Надчорномор'я в світлі дендродат // Археологія. 2012. № 4. С. 14-31.
13. Хрестоматія з історії України. Київ: Освіта, 1996. 332 с.
14. Яворницький Д. І. Історія запорізьких козаків. Т. 1. Львів: Світ, 1990. 319 с.

REFERENCES

1. Bibikov S. *Drevneishii muzykal'nyi kompleks iz kostei mamonta. Ocherk material'noi i dukhovnoi kul'tury paleoliticheskogo cheloveka* [The oldest musical complex made of mammoth bones. Essay on material and spiritual culture of the Paleolithic man]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 1981. 108 p.
2. Gei A. [Some symbolic aspects of the burial rituals of the steppe pastoralists of the Caucasus in the bronze age]. In: *Rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavleniy* [Reconstruction and interpretation of ancient ideological views]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999, pp. 78–113.
3. Latyshev V. *Izvestiya drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze. Vypuski 1–2* [Of the ancient writers about Scythia and Caucasus. Iss. 1–2]. St-Petersburg, Farn Publ., 1992. 151 p.
4. Latyshev V. *Izvestiya drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze. Vypuski 3–4* [Of the ancient writers about Scythia and Caucasus. Iss. 3–4]. St-Petersburg, Farn Publ., 1993. 289 p.
5. Masanov N. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnikh obshchestv* [Nomadic civilization of the Kazakhs: the basics of life nomadic societies]. Moscow, Gorizont Publ., 1995. 320 p.
6. Murzin V. [About the stone "crepido" Scythian burial mounds]. In: *Starozhytnosti Stepovoho Prychornomor'ya i Krymu* [Antiquities of the Steppe Black Sea and Crimea], 2016, vol. XIX, pp. 94–112.
7. Novozhyonov V. *Chudo kommunikatsii i drevneishii kolesnyi transport Evrazii* [The miracle of communications and the earliest wheeled transport of Eurasia]. Moscow, Taus Publ., 2012. 499 p.
8. Pletnyova S. *Polovtsy* [Cumans]. Moscow, Lomonosov Publ., 2010. 211 p.
9. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Journey to the East Plano Carpini and Rubruk]. Moscow, Geografizdat Publ., 1957. 272 p.
10. *Strabon. Geografiya v 17 knigakh. Perevod, stat'ya i kommentarii G. A. Stratanovskogo* [Strabo. Geography in 17 books. Translation, article and commentary by G. A. Stratanovskiy]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 957 p.
11. *Etnichna istoriya davn'oyi Ukrayiny* [Ethnic history of ancient Ukraine]. Kiev, Naukova dumka Publ., 2000. 276 p.
12. Nikolova A. [Absolute chronology of the pit culture of the Northern Black Sea in the light of dendrodate]. In: *Arkheolohiya* [Archeology], 2012. no. 4, pp. 14-31.
13. *Khrestomatiya z istoriyi Ukrayiny* [Reader on the history of Ukraine]. Kiev, Osvita Publ., 1996. 332 p.
14. Yavornitsky D. *Istoriya zaporiz'kykh kozakiv* [History of Zaporizhzhya Cossacks]. Vol. 1. Lviv, Svit, 1990. 319 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурзин Вячеслав Юрьевич – доктор исторических наук, профессор Мелитопольского института государственного и муниципального управления Классического частного университета, Лауреат Государственной премии Украины;
e-mail: vjmurzin@ukr.net или vjmurzin@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheclav Yu. Murzin – Dr. Sci. (History), Professor, Melitopol Institute of State and Municipal Administration of the Classical Private University, Winner of the State Prize of Ukraine;
e-mail: vjmurzin@ukr.net or vjmurzin@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мурзин В. Ю. «Города» кочевых скифов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 189–199.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-189-199

FOR CITATION

Murzin V. «Cites» of Nomadic Scythians. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 189–199.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-189-199

УДК 902.3; 94(38) "–323/–146"

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-200-208

THE TERRACOTTAS OF KALLATIS – THE MASTERPIECES OF THE HELLENISTIC COROPLASTERS

T. Odobescu*Museum of archaeology "Kallatis"**23 Sos. Constanța, Mangalia 905500, România*

Abstract. This paper sets out to describe and characterize the terracotta production in the ancient Greek city of Kallatis located in the territory of modern Romania. Many of the figurines found here reflect the high level of the development of applied art, which was achieved by this Dorian colony in the second half of the 4th – early 3rd centuries B.C. The author summarizes and classifies almost all the finds of terracotta and also shows the role played by Kallatis in the production and distribution of these products typical of the ancient Greek world. The emergence of artistic workshops in the western Pontic cities was analyzed as a necessity for the newcomers to continue their traditional religious practices, to surround themselves with the faces of the gods that protected them, from birth to beyond the grave. The paper presented the synthesis and cultural osmosis processes, the interferences and the specific tastes of a province that had its own workshops and multiple clients, comparable to that of a metropolis. The conducted analysis confirmed that a large number of discovered terracotta, the remains of a ceramic furnace and other finds indicate the existence in the city of a wide local production of figurines, such as Tanagra – masterpieces of Hellenistic coroplasters.

Keywords: Dorians, terracotta figurines, Tanagra, Hellenistic coroplasters

ТЕРРАКОТЫ ИЗ КАЛЛАТИСА – ШЕДЕВРЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КОРОПЛАСТИКИ

Одобеску Т.*Музей археологии «Каллатис»**905500, г. Мангалия, шоссе Констанцы, д. 23, Румыния*

Аннотация. Целью статьи является описание и характеристика терракотового производства в древнегреческом городе Каллатис на территории современной Румынии. Множество обнаруженных здесь статуэток отражают высокий уровень развития прикладного искусства, которого достигла эта дорийская колония во второй половине IV – начале III в. до н.э. Автор обобщены и классифицированы практически все находки терракот, а также показана роль, которую сыграл Каллатис в производстве и распространении этих характерных для древнегреческого мира изделий. Было проанализировано появление художественных мастерских в западных понтийских городах как необходимость для вновь прибывших продолжать свои религиозные обряды, к которым они привыкли, окружать себя лицами божеств, которые их защищали, от рождения до загробного мира. Представ-

лены процессы синтеза и культурного осмоса, помехи и специфические вкусы провинции, в которой были свои мастерские и многочисленная клиентура, сравнимая с метрополией. В результате проведённого анализа удалось доказать, что большое количество обнаруженных терракот, остатки керамической печи и другие находки свидетельствуют о существовании в городе широкого местного производства статуэток типа Танагра – шедевров эллинистической коропластики.

Ключевые слова: дорийцы, терракотовая статуэтка, Танагра, эллинистическая коропластика

The statues of burnt clay, exponents of Hellenistic coroplastic art, attracted the attention of researchers at the end of the 19th century, almost a decade after the famous discovery of the necropolis of the Mycenaean city of Tanagra (Boeotia) in 1870 [7, p. 6–7; 9, p. 412–424; 10, p. 304–306]. At the beginning of the 20th century, Vasile Pârvan announced the discovery of a coroplastic workshop and molds used for the production of ceramic idols: “In 1915 the whole ceramic workshop full of ancient molds was found in Kallatis, and it was possible for us to fill those molds with clay to reveal what types of figures they were used for. It is a rare case when we could appreciate the taste of the Greek-Roman people of Scythia, who, out of all the molds found in the South, chose the ones from Kallatis. Unfortunately, during the war, this unexpected legacy was lost...” [17, p. 31; 18, p. 219].

The growing interest in the Kallatian terracottas after World War I translated to publications made by Th. Sauciuc – Săveanu [20, p. 108–165], R. Vulpe [26, p. 329–339], O. Tafrali [25, p. 17–55] and later by a team of researchers from Mangalia Archaeological Museum [8, p. 85–98; 19, p. 23–72]. Terracottas from the private collections received a better coverage, due to works published by V. Canarache [7].

A place containing numerous coroplastic fragments, called *Monte Testaccio* (by analogy with the famous hill in Rome

also made of ceramic pieces [26, p. 336; 21, p. 299–339]) – a “mound”, initially interpreted as “amphitheater” [20, p. 110; 25, p. 17], was discovered. The impressive amount of coroplastic material, as well as the identification of the remains of a ceramic kiln¹ [7, p. 15–17] and of many molds, highlighted the existence of statuettes of Tanagra type at Kallatis in the 4th–3rd centuries B.C.

Hellenistic coroplasting, clay modelling of figurines, considered to be the most widespread category of miniature arts [10, p. 304], was present for a long period of time during the Hellenistic period, and reached its peak around 330–200 B.C., when the Tanagra style was dominating. The name of the style comes from the burial grounds of a city in Boeotia, known for an impressive number of ceramic figurines of the 1870^s, many of which came from the archaic and classical periods (mostly from the Hellenistic Period). Although they were discovered in the necropolis of the homonymous city of Boeotia, the place of origin of the “tanagras” is considered to be Athens [9, p. 412; 12; 13; 15]. Certain ancient sources also mention the spread of these clay statues in antiquity, for example Pausanias (I, 2, 5) and Pliny the Elder (Nat. Hist., XXXV, 151–199).

The role of these terracotta statues can be deduced from the archaeological con-

¹ About the kilns founded in Callatis (Neptun) and Tomis [1].

text and from what the figurines represented. The statues were generally placed in tombs and sanctuaries, which attests to their votive and religious role. In the Hellenistic times some of the figurines depicted deities and heroes, but most statues represented secular figures. There were large, small and unique series pieces, sometimes reaching dimensions of 30-35 cm and even larger [5, c. 515–516], and were specially detailed, painted and finished.

Inspired by the statuary, the typological repertoire of the figurines was predominantly composed of female characters standing, draping, dancing, sitting or practicing archery. The distinctive feature is full naturalism, characteristic of the pieces from the last decades of the 4th century B.C., particularly among those representing young women in *chiton* and *himation*, draped subtly and variedly, in graceful positions, in which the influence of Praxiteles art can be noticed. The coroplastic figurines discovered at Kallatis are an example of a superior craftsmanship, due to their portraiture, features, colour and finish. We must remember that the city was a colony of Heraclea Pontica, which, as the ancient sources show, was a colony of Megara and Boeotia.

From the point of view of the stylistic evolution, the following conclusions can be drawn: the copies from the 4th century B.C. demonstrate a balanced composition, with the drape usually emphasizing the shape of the body, following the trend in the 3rd century B.C. With time the posture became more relaxed, and the drapery started to exist separately from the body, with angular folds that formally contradict the body shape [14].

A topographic classification of the specimens of this style can be done ac-

cording to the content of the clay, characteristic of the various regions of the Hellenistic world, and to some specific local features. The molds often point to the outskirts of the Greek world, because each city had its own workshop and a clientele similar in size to that of the metropolis. Some Hellenistic cities had area-based specialisation, including the neighbouring regions of Greece [1; 2; 3; 4; 6; 16].

The essential novelty of making statuettes, derived from the Greek era, consisted in replacing the heavy process of modelling clay by hand with the process of their production using molds. The mold, which was at first a kind of seal, representing the front of the head, eventually extends to the whole body of the figurine, and was generally adopted around 350 B.C. The use of molds and the creation of statuettes of two or more parts, glued together, gave rise to a particularly rich and widespread production in many centres of the ancient world.

There was a talk about the universality [9, p. 387–426; 10, p. 305] of the Tanagra style, which resulted either from the actual spread of the products manufactured by the Boeotian workshops, or from the export of the molds, as well as from the free imitation of the typology and the re-export of the pieces or molds. At first, they spread only in the southern centres, but after the 330^s B.C., as the trade routes expanded, almost all African-Asian cities, islands, Mediterranean city-states and those on the Pontic coast started to produce molds themselves, developing their own ceramic industry. In Kallatis, for example, in the 3rd century B.C., there were more beautiful terracotta statuettes than in the neighbouring Tomis, Histria, Odessos, Apollonia or Mesembria. Phanagoria had the same privileged posi-

Рис. 1. Терракоты из Каллатиса.

tion among its neighbours from the north Pontic region [2].

The technique of making the statues, the same for the Hellenistic and Roman times, obviously, required a lot of skill and artistic sense. The processing of clay was a fundamental operation, because the production of such works was possible only when the quality of clay allowed it. In the process of making the terracotta statues, the clay was thoroughly chosen, washed, clarified and macerated, and supplemented with small pieces of burnt soil, sand and degreasers. In production of ceramic pots, shrinkage of the clay during firing is a favourable phenomenon for the vessel, whereas for statuettes it causes deformation and breakage, which leads to scratch-

es. It is worth mentioning that there was an admirable clay soil and kaolin deposits near by the city of Kallatis [7, p. 21].

It was common to use separate molds to produce different parts of the statuettes, which were then assembled, finished manually, fired and finally painted. The backs of the figurines were often shaped, but sometimes were left smooth, with a burning hole.

In order to make terracotta resemble marble carvings it was covered with certain materials. The colour of the statues was rich and harmonious; unfortunately, being painted with tempera, and fixed only by a secondary firing it could only be conserved under special conditions. The origin and structure of some of the col-

ours used was discovered: blue dye came from Egypt, obtained from copper silicate, red dye was derived from iron oxide, pink dye was obtained from mercury sulphide (cinnabar) [7, p. 26]. Noteworthy is the differentiation of colours used for rendering the human complexion: reddish brown was used for the representation of the male skin tone and white / pink / yellow for the female skin tone.

Speaking of the coroplastic studies, the 1960^s remain a turning point in the Romanian archaeological science, when the foundation of a comparative system of analysis was built, in which the data of stratigraphic, epigraphic, artistic sources were compared with the major statuary of Classical and Hellenistic Periods. A fundamental research was carried out, regarding the collection of terracotta statues from Histria, from the “Fisheries” point [22, p. 243–269]. They were discovered in 1963 and quickly got the attention of scientific circles. The statues were categorized by groups and subgroups, which exemplified the existence of several sets of molds; the main criteria of differentiation were the structure of the clay, the clothing and hairstyles, the position of the limbs, etc. Few years later, the only catalogue of Tanagra masks and figurines from the workshops at Kallatis was published, featuring the analysis of pieces from the private collections of Dr. Mircea Athanasiu (Bucharest), Constantin Baraschi (Bucharest), Ivanciu Băraoanu (Constanta), Gabriela are analyzed. Bordenache (Bucharest), George Buzdugan (Bucharest), Vasile Canarache (Constanta), Vladimir Colin (Bucharest), Prof. Mircea Herovanu (Bucharest), Eugen Jebeleanu (Bucharest), Marcela Mirea (Bucharest), Gelu Naum (Bucharest), George Severeanu (Bucharest), Dr. Horia Slobozeanu, and artifacts from the collection

of the Constanta Archeology Museum. The research was based on the typological criteria, thus nine distinct groups were outlined: I – molds; II – deities, heroes, mythological figures, III – ephebes and men figures, IV – women with veils, facial expressions, V – female heads and busts, VI – whole statuettes, VII – headless statues, VIII – toys, portraits of children, children with animals, IX – theatrical masks, figures of actors [7, p. 18–19, 28].

In 1969, it appears, what was intended to be a *Corpus (a complete scientific study)* which brought together the ancient terracotta from the Maria and Dr. G. Severeanu collection of the History Museum of the city of Bucharest, was based on the classification of figurines from the centres of their production [11, p. 35–69], including two copies from Kallatis [11, p. 47, nr. 75, 76]. In recent years the studying the terracotta of Kallatis has continued, mostly dedicated to the terracotta from the province of Moesia Inferior from the 1st – 3rd centuries A.D. [24, p. 216–223; 23].

In this paper, however, we did not intend to focus on the typological analysis of the terracotta figurines from the collection of Kallatis, as it was successfully covered by the authors mentioned above. We would like to draw attention to the fact that the pieces discovered in closed archaeological environments in the previous decades, that fall into the typological categories outlined by V. Canarache, which were accompanied by ceramic objects, appear to be a part of the funerary inventory of tombs of the Hellenistic Period. A remarkable example is the discovery made in 1981 [8, p. 85–98] of a funerary construction composed of two adjacent boxes made of limestone slabs, sheltering the skeletons of a man and a woman which were members of the same

family. Such complexes are frequently found in the Greek and Hellenistic necropolis of the city of Kallatis and in those of other western Pontic cities. The exceptional value of the discovery, however, lies in the presence of thirteen imported terracotta statues, placed in the second box. They were created under the influence of the Attic statuary style, among which representations of deities such as Aphrodite, Eros, Nike, Dionysus can be found. The statues, which are themselves an artistic achievement, kept their colours perfectly

preserved, and are among the best known examples to date in the Pontic space.

The terracotta statues of Kallatis, small masterpieces full of refinement, perfectly reflect the degree of development reached by the Dorian colony from the second half of the 4th century B.C. to the beginning of the 3rd century B.C., and demonstrate this colony's role in making and spreading these products, so characteristic of the Greek world.

Статья поступила в редакцию 23.08.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобылина М. М. Терракоты из г. Феодосии // Терракоты Северного Причерноморья / Отв. ред. М. М. Кобылина / Свод археологических источников. Вып. Г 1-11. М.: Наука, 1970. С. 78–82.
2. Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.: АН СССР, 1961. 182 с.
3. Леви Е. И. Терракоты из Ольвии // Терракоты Северного Причерноморья / Отв. ред. М. М. Кобылина / Свод археологических источников. Вып. Г 1-11. М.: Наука, 1970. С. 33–56.
4. Шевченко А. В. Терракоты античного Херсонеса и его ближней округи. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. 520 с.
5. Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н.э. Очерки истории и культуры. Киев: Академперіодика, 2005. 625 с.
6. Дремсизова-Нелчинова Ц., Тончева Г. Антични теракоти от България. София: Български художник, 1971. 124 с.
7. Canarache V. Măști și figurine Tanagra din atelierele de la Kallatis Mangalia, Muzeul de Arheologie Constanța, 1969, 190 p.
8. Bărlădeanu Zăvan E. Statuete de teracotă dintr-un complex funerar descoperit la Kallatis // Pontica. 1985. № 18. P. 85–98.
9. Gramatopol M. Artele miniaturale în antichitate / Ed. Meridiane. București, 1991. 463 p.
10. Gramatopol M. Civilizația elenistică / Ed. Orientul latin. Brașov, 2000. 445 p.
11. Gramatopol M., Crăciunescu V. Les terres cuites antiques de la collection Marie et Dr. G. Severeanu du Musée d'Histoire de la ville de Bucarest // Revue Roumaine d'Histoire de l'art (RRHA). 2015. № 2. P. 35–69.
12. Higgins R.A. Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum. Vol. I. Greek: 730–330 B.C. L.: British Museum, 1954. 432 p. with 208 plates.
13. Higgins R.A. Greek Terracottas. Methuen's Handbooks of Archaeology. L.: Methuen, 1967. 169 p., 30 text figures, 64 plates, 4 colour plates.
14. Kleiner G. Tanagrafiguren. Untersuchungen zur Hellenistischen Kunst und Geschichte. Berlin, 1942. 324 s.
15. Mollard-Besques S. Les Terres Cuites Grecques. Paris: Presses Universitaires de France, 1963. 137 p., 32 planches d'illustrations en héliogravure et en couleurs.
16. Ogrenova-Marinova L. Terres cuites de Messambria, în Nessebre, în memoriam Jeannae Ćimbuleva. Burgas, 2005. P. 51–91.

17. Pârvan, V. Raport asupra activității MNA în cursul anului 1915 înaintat domnului ministru al instrucțiunii și cultelor de directorul muzeului, București, 1916. P. 31–36.
18. Pârvan V. Începuturile vieții romane la gurile Dunării. Cultura Națională, 1923. 247 p.
19. Rădulescu A., Bărbulescu M., Buzoianu L., Cheluță-Georgescu N. Reprezentări figurate în așezarea de epocă elenistică de la Albești // Pontica. 1995–1996. № 28–29. P. 23–72.
20. Sauciuc-Săveanu Th. Kallatis // Dacia. 1924. № 1. P. 108–165.
21. Sauciuc-Săveanu Th. Kallatis // Dacia. 1941–1944. № 9–10. P. 243–347.
22. Suceveanu Al. Depozitul de statuete romane de teracotă de la Histria // Studii și Cercetări de Istorie Veche (SCIV). 1967. Tomul 18. № 2. P. 243–269.
23. Știrbulescu C. Teracote în provincia Moesia Inferior în secolele I–III. Cu specială privire asupra celor din Dobrogea romană. Universitatea București. Teză de doctorat, 2008. 389 p. (ms).
24. Szilágyi J.G. Späthellenismus in Kallatis. Civilisation grecque et culture antiques périphériques. Bucharest, 2000. P. 216–223.
25. Tafrali O. La cité pontique de Kallatis. Recherches et fouilles // Artă și Arheologie. 1927. № 1. P. 17–55.
26. Vulpe R. Deux terres cuites greques de Kallatis // Dacia. 1935–1936. № 5–6. P. 329–339.

REFERENCES

1. Kobylina M. [Terracottas from the city of Feodosia]. In: *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya. Svod arkheologicheskikh istochnikov, ser. I 1–11* [Terracotta of the Northern Black Sea. Arch of archaeological sources, iss. G 1–11]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 78–82.
2. Kobylina M. *Terrakotovyte statuetki Pantikapeya i Fanagorii* [Terracotta figurines of Pantikapaion and Phanagoria]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961. 182 p.
3. Levi E. [Terracottas from the city of Feodosia]. In: *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya. Svod arkheologicheskikh istochnikov, ser. I 1–11* [Terracotta of the Northern Black Sea. Arch of archaeological sources, iss. G 1–11]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 33–56.
4. Shevchenko A. *Terrakoty antichnogo Khersonesa i ego blizhnei okrug* [Terracotta ancient Chersonesos and its near around]. Simferopol, Nasledie tysyacheletii Publ., 2016. 520 p.
5. *Khersones Tavricheskii v tret'e'i chetverti VI – seredine I veka do n.e. Ocherki istorii i kultury* [Chersonese in the third quarter of VI – the middle of I century BC, history and culture]. Kiev, Akademperiodika Publ., 2005. 625 p.
6. Dremsizova-Nelchinova Ts., Toncheva G. *Antichni terakoti ot Bŭlgariya* [Antique terracotta tiles from Bulgaria]. Sofia: Bŭlgarski khudozhnik Publ., 1971. 124 p.
7. Canarache V. *Măști și figurine Tanagra din atelierele de la Kallatis Mangalia* [Masks and figurines Tanagra from the workshops at Kallatis], Muzeul de Arheologie Constanța, 1969, 190 p.
8. Bărlădeanu Zavatin E. *Statuete de teracotă dintr-un complex funerar descoperit la Kallatis* [Terracotta statues from a funeral complex discovered in Kallatis]. In: Pontica, 1985, no.18, pp. 85–98.
9. Gramatopol M. *Artele miniaturale în antichitate* [Miniature art in antiquity]. București, Meridiane, 1991. 463 p.
10. Gramatopol M. *Civilizația elenistică* [Hellenistic civilization]. Brașov, Orientul latin, 2000. 445 p.
11. Gramatopol M., Crăciunescu V. [The ancient terracotta of the Marie and Dr. G. Severeanu collection of the History Museum of the city of Bucharest]. In: *Revue Roumaine d'Histoire de l'art (RRHA)* [Romanian Journal of Art History], 2015, no. 2, pp. 35–69.
12. Higgins R. A. Catalogue of the Terracottas in the Departament of Greek and Roman Antiquities, British Museum. Vol. I. Greek: 730–330 B.C. L.: British Museum, 1954. 432 p.

13. Higgins R. A. Greek Terracottas. Methuen's Handbooks of Archaeology. L.: Methuen, 1967. 169 p.
14. Kleiner G. *Tanagrafiguren. Untersuchungen zur Hellenistischen Kunst und Geschichte* [Tanagra figurines. Studies on Hellenistic art and history]. Berlin, 1942. 324 s.
15. Mollard-Besques S. *Les Terres Cuites Grecques* [Greek Terracotta]. Paris: Presses Universitaires de France, 1963. 137 p.
16. Ogrenova-Marinova L. *Terres cuites de Messambria, în Nessebre, în memoriam Jeannae Čimbuleva* [Terracotta of Messambria, Nessebre, Memoriam Jeannae Čimbuleva]. Burgas, 2005. P. 51–91.
17. Pârvan V. *Raport asupra activității MNA în cursul anului 1915 înaintat domnului ministru al instrucțiunii și cultelor de directorul muzeului* [Report on the activity of the MNA during 1915 submitted to the minister of instruction and cults by the museum director]. București, 1916, pp. 31–36.
18. Pârvan V. *Începuturile vieții romane la gurile Dunării* [The beginnings of Roman life at the mouths of the Danube]. Cultura Națională, 1923. 247 p.
19. Rădulescu A., Bărbulescu M., Buzoianu L., Cheluță-Georgescu N. [Representations depicted in the Hellenistic period settlement of Albesti]. In: *Pontica*. 1995–1996, no. 28–29, pp. 23–72.
20. Sauciuc-Săveanu Th. *Kallatis*. In: *Dacia*, 1924, no. 1, pp. 108–165.
21. Sauciuc-Săveanu Th. *Kallatis*. In: *Dacia*, 1941–1944, no. 9–10, pp. 243–347.
22. Suceveanu Al. [The deposit of Roman terracotta statues from Histria]. In: *Studii și Cercetări de Istorie Veche (SCIV)* [Studies and Researches of Old History], 1967, vol. 18, no. 2, pp. 243–269.
23. Știrbulescu C. *Teracote în provincia Moesia Inferior în secolele I-III. Cu specială privire asupra celor din Dobrogea romană. Universitatea București. Teză de doctorat* [Terracotta in the province of Lower Moesia in the 1st-3rd centuries. With special regard to those from Roman Dobrogea. Bucharest University. Doc. sci. Thesis, 2008. 389 p. (ms).
24. Szilágyi J. G. *Späthellenismus in Kallatis. Civilisation grecque et culture antiques périphériques* [Späthellenismus in Kallatis. Greek civilization and ancient peripheral culture]. Bucharest, 2000. P. 216–223.
25. Tafrali O. [The pontic city of Kallatis. Searches and excavations]. In: *Artă și Arheologie* [Art and Archeology], 1927, no. 1, pp. 17–55.
26. Vulpe R. [Two Greek terracotta from Kallatis]. In: *Dacia*, 1935–1936, no. 5–6, pp. 329–339.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Одобеску Татьяна – доктор искусствоведения, зав. отделом Музея археологии «Каллатис» (Мангалия, Румыния);
e-mail: tatianaodobescu@yahoo.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana Odobescu – Doctor of Art History, head at the Department of the Museum of archaeology Kallatis, Mangalia, Romania;
e-mail: tatianaodobescu@yahoo.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Одобеску Т. Терракоты из Каллатиса – шедевры эллинистической коропластики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 200–208.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-200-208

FOR CITATION

Odobescu T. The terracottas of Kallatis – the masterpieces of the Hellenistic coroplasters. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 200–208.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-200-208

УДК 902.2; 7.032:72.03

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-209-225

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ СООРУЖЕНИЕ ЦИТАДЕЛИ ВЕРХНЕГОСТАГАЕВСКОГО ГОРОДИЩА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Клемешов А. С.¹, Малышев А. А.²

¹ Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² Институт археологии РАН

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является публикация результатов комплексных археологических исследований памятника эпохи Великого переселения народов – Верхнегостагаевского городища (Краснодарский край). Основное содержание работы составляет характеристика монументального сооружения в верхней укрепленной части городища. Авторами статьи даётся описание строительных остатков данного здания и предприняты попытки определить вероятное назначение и особенности использования сооружения. По итогам исследования сделаны предположения об элитарном характере постройки, сочетании античных строительных традиций и варварского влияния в функциональном предназначении здания.

Ключевые слова: полуостров Абрау, Великое переселение народов, поздняя античность, домостроительство, фортификация

MONUMENTAL STRUCTURE OF THE CITADEL OF VERKHNEGOSTAGAEVSKOYE SETTLEMENT: INTERPRETATION DIFFICULTIES

A. Klemeshov¹, A. Malyshev²

¹ Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

² Institute of Archaeology of Russian Academy of Science

19 ul. Dm. Ulyanova, Moscow 117292, Russian Federation

Abstract. In this paper, we present the results of comprehensive archaeological investigations of a monument belonging to the Migration period – the Verkhnegostagaevskoye settlement (Krasnodar Krai). The study was mainly devoted to characterizing the monumental structure in the upper fortified part of the settlement. We describe the construction remains of the building in order to determine its probable functions and specific features. On the basis of the findings, it is assumed that the construction was characterized by an elitist nature. The functional purpose of the construction reflects ancient constructing traditions and barbaric influence.

Keywords: Abrau Peninsula, Migration period, Late Antiquity, housebuilding, fortification

Верхнегостагаевское городище располагается в труднодоступном, удалённом от Черноморского побережья месте: на северном склоне водораздельного хребта между реками Котлама и Гостагайка, принадлежащими бассейну Чёрного моря. Местоположение на одной из вершин хребта предполагает выпадение относительно большого количества осадков и более значительную ветровую нагрузку, чем на прилегающих территориях и тем более в долинах.

Сооружения крепости занимают практически всю площадь (2,7 га) мыса неправильной, близкой к четырехугольной, формы. С юго-востока, запада и северо-запада мыс ограничен глубокими оврагами, связанными с бассейном реки Гостагайка. С северной стороны к основанию мыса примыкает удлинённый, значительный по ширине (ок. 0,8 км) перешеек.

Рельеф мысовой части очень сложен: абсолютные отметки её территории находятся в интервале 294х280 м, в восточном и северо-восточном направлениях склоны имеют крутизну до 40°, в западном и северо-западном – 25–30°. Вместе с тем прочность пород, а также наклонное залегание обеспечивают устойчивость северо-восточного и восточного склонов мыса, что даже при большой крутизне благоприятствует возведению здесь монументальных сооружений.

Крепость имела два пояса оборонительных сооружений: общую каменную стену по периметру всего городища и расположенную на краю мыса, в юго-восточной части, цитадель, отгороженную от основной части крепости высокой валообразной насыпью, которая хорошо фиксируется и на то-

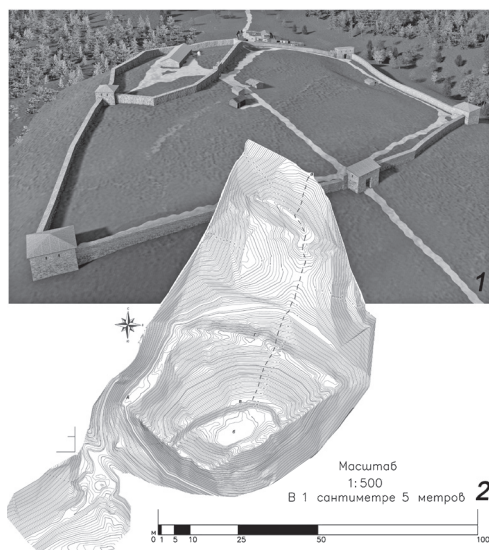

Рис. 1. Верхнегостагаевское городище: 1 – 3d-реконструкция комплекса (вып. В. В. Моором); 2 – топоплан (вып. Д. О. Дрыгой и А. В. Мочаловым)

пографических планах, и на аэрофото-материалах (рис. 1).

Цитадель (площадью около 0,5 га) имеет подпрямоугольную форму и вытянута по оси СВ-ЮЗ. На этой площади была проведена магнитная съемка, выявившая на валообразной насыпи прямолинейную отрицательную аномалию шириной 2,5 м. Природа этой аномалии: претерпевшая высокотемпературное воздействие при пожаре глина, что привело к её обжигу, ошлакованию и намагничиванию. По-видимому, отгораживающая «акрополь» внутренняя стена была сооружена из камня и сильно обгоревших глиняно-плетнёвых или сырцовых конструкций. В северо-западной части сооружение имеет разрыв шириной 1,5 м. Изолинии топосъемки фиксируют в этом месте проездное сооружение, которое коррелирует с

проездным сооружением внешнего оборонительного пояса и читаемой в рельефе трассой подъема на цитадель (рис. 2).

За проездным сооружением на цитадели также читается пандус подъема на верхнюю площадку, естественное плато на вершине мыса овальной формы размером 26х47 м (уровень около 294 м), ориентированное, как и вся цитадель, по оси СВ-ЮЗ.

По данным магниторазведки на плато зафиксировано прямоугольное сооружение, ориентированное по оси плато. Судя по отрицательным магнитным аномалиям, основания стен сооружения были каменными. Названы примерные размеры сооружения – 10х30 м.

Сильные положительные аномалии дополнительно отмечены вдоль восточной и западной стен сооружения. Вероятно, при возведении этих стен были использованы намагнитивши-

еся в сильном пожаре сырцовые кирпичи. К востоку от прямоугольного сооружения наблюдалась обширная знакопеременная аномалия мозаичной структуры, что отражало развал обгоревших глинобитных стен и, возможно, черепичной крыши.

На поверхности плато контуры здания читались слабо: в ландшафте они отмечены небольшим, в пределах 0,3–0,4 м, возвышением. В период 2014–2017 гг. монументальное сооружение было полностью исследовано раскопками [9], показавшими, что здание возведено на материковом светло-сером суглинке – продукте разрушения флишевых пород (рис. 2).

Материалы, полученные благодаря археологическим изысканиям, позволяют определить период бытования здания в системах относительной и абсолютной датировки. Более многочисленные керамические находки – фрагменты краснолаковой столовой посуды

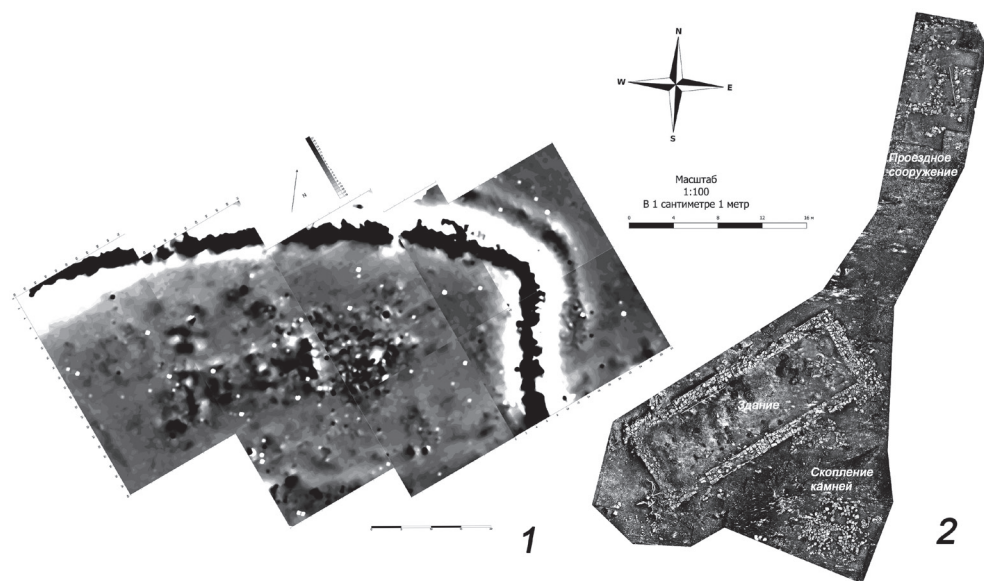

Рис. 2. Цитадель Верхнегостагаевского городища: 1 – результаты магниторазведки (вып. Т. Н. Смекаловой и А. В. Чудиным); 2 – ортофотоплан выявленных сооружений на цитадели

и амфор – типичны для культурных слоев причерноморских памятников конца IV–V вв. Краснолаковая керамика, представленная как импортными формами LRC (*Late Roman ceramic*) 3C (рис. 3/4–6) [24, fig. 39, 1269, 1270, 1272, 1273], LRC 3B (рис. 3/7) [24, fig. 38, 1262], PRSW (*Pontic red slip ware*) 1 (рис. 3/12) [15, с. 135–138, рис. 1/6], так и местными подражаниями – PRSW 7 (имитация Hayes LRC 2) (рис. 3/9–11) [14, с. 213, рис. VII.3-1], датируется периодом от конца IV до третьей четверти V в.

Не противоречат указанным хронологическим рамкам предметы немногочисленной амфорной коллекции, в которой удалось выделить типичные для Северного Причерноморья позднеантичного времени хронологические индикаторы: профильные части узкогорлых светлоглиняных амфор

типа Е и F, (рис. 3/1,3) [15, с. 125–133], а также ручки и стенки форм LRA (*Late Roman amphora*) 1A (рис. 7, 8, 13, 14) [27, р. 803–804], LRA 2 (рис. 3/15) [27, р. 804], LRA 3 (рис. 3/16) [27, р. 804–806, fig. 4, 8, 9, 20, 32, 33].

Не менее типичны для позднеантичных контекстов Северного Причерноморья конца IV – второй половины V вв. фрагменты двух обнаруженных на территории цитадели сосудов из прозрачного стекла оливкового оттенка с каплями синего стекла на тулове: один украшен поясом орнамента из фестонов и капель синего стекла, полосами, другой – каплями и шлифованными полосами (рис. 3/2). Контуры сосудов позволяют реконструировать коническое тулово, у одного сохранилась часть узкого уплощенного основания [25, form 109; 18, с. 90, тип II; 15, с. 140–142].

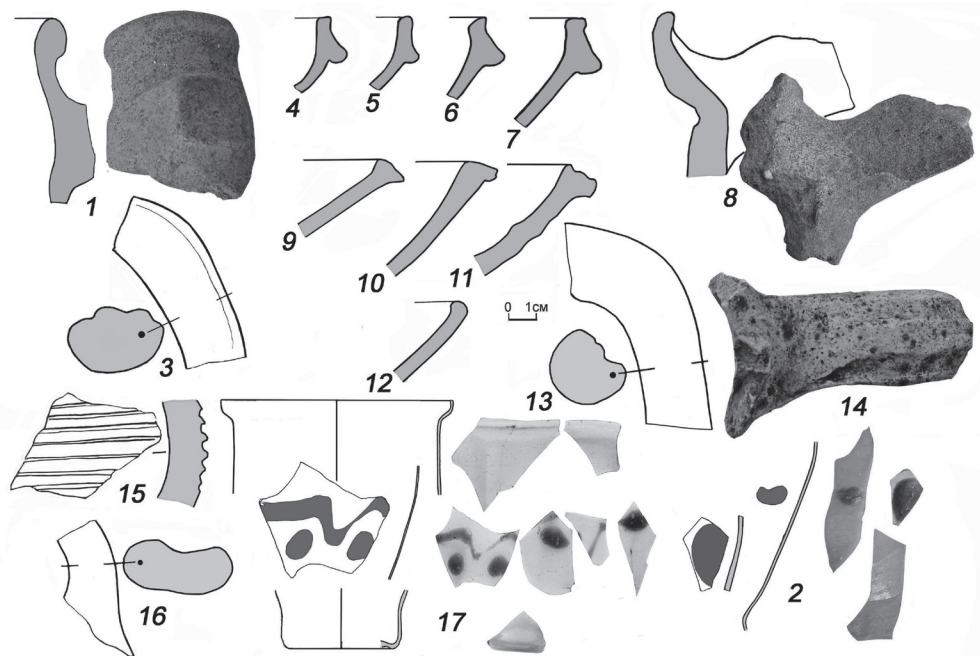

Рис. 3. Материалы по хронологии Верхнегостагаевского городища

Материалы абсолютного датирования, а также результаты анализа по С-14 двух образцов угля из заполнения монументального сооружения дают даты, соответствующие заключительным этапам бытования этого комплекса в позднеантичное – ранневизантийское время – от второй половины V до VI вв.: 472 (430 ± 60) и 598 (590 ± 60) гг.¹

Экстерьер здания

Юго-восточная (№ 1) продольная стена шириной около 1,1–1,2 м. Кладка трёхслойная (внешний, внутренний фасы и забутовка из мелкого камня с

глинистым раствором). Прослежена на длину около 23 м (рис. 4).

Кладка рядная (сохранилась до четырех рядов, в средней части сохранилась на высоту до 0,5–0,6 м), в основном постелистая, иногда блоки уложены тычком. Сложена из каменных блоков ракушечника и плиток песчаника или известняка небольшого размера. Восточный и западный участки разобраны. Восточный угол сооружения и прилегающий внешний фас здания в значительной мере разрушены склоновой деформацией. Южный угол пострадал в меньшей степени.

Фундаментный ряд, немного выступающий наружу, сложен из камней разной, вплоть до округлой в плане, формы.

¹ Анализы проведены в Лаборатории радиоуглеродного датирования Института географии РАН Э. П. Зазовской.

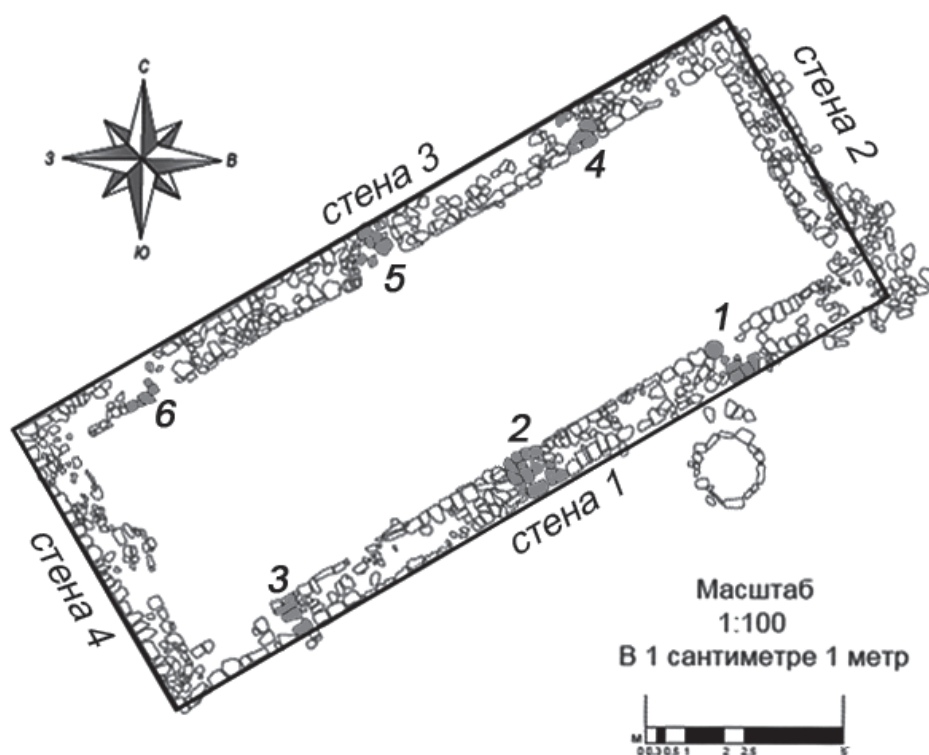

Рис. 4. План строительных остатков здания

В кладке стены зафиксировано три проёма, нумерация которых велась с СВ на ЮЗ. В связи с утратой торцевых кладок реальную ширину проёма 1 установить не представляется возможным. Основание порога было выложено в основном из округлых в плане архитектурных деталей, прямоугольные блоки образуют проём шириной 1,6 м.

Торцевые кладки проёма 2 (шириной 1,14 м, сохранился на высоту двух-трёх рядов) сложены из довольно массивных блоков хорошо отёсанного ракушечника. В основании порога также архитектурные детали вторичного использования, сверху они замощены плиткой из песчаника (рис. 4, 5/1,2).

Расстояние между вторым и третьим проёмами – около 5,3 м. Лучше, на высоту двух рядов, сохранилась кладка северо-восточного торца проёма 3, ширина – 1,11 м. Контур юго-западного торца прослежен благодаря вымостке порога известняковыми плитками.

Северо-западная (№ 3) стена продольная, шириной около 1,1–1,2 м, прослежена на длину 22,5 м. Кладка трёхслойная (внешний, внутренний фасы и забутовка из мелкого камня с глинистым раствором). Почти на всём протяжении сохранилась на высоту 0,4–0,5 м. В кладке использованы хорошо отёсанные блоки ракушечника (шириной до 0,5 м, высотой около 0,15 м), уложенные постелью и тычком, и ложком.

Северо-восточный торец проёма 4 сохранился на высоту двух рядов, он сложен из массивных блоков ракушечника. Юго-западный торец практически полностью разобран, его контур угадывается по плиткам мощения порога. В основание порога также уложены округлые в плане архитек-

турные детали. Ширина проёма около 1,15 м.

Проём 5 выявлен на расстоянии 4,9 м от проёма 4. Благодаря хорошо сохранившимся торцам чётко устанавливается ширина проёма – 1,2 м. Плоскость порога и пандус с внешней стороны вымощены плиткой из известняка (рис. 4, 5/3).

Северо-восточный торец проёма 6, сохранившийся на высоту трёх рядов кладки, выявлен на расстоянии 6,2 м от проёма 2. Юго-западный торец не сохранился.

Северо-восточная (№ 2) поперечная стена прослежена на длину около 9 м. Кладка трёхслойная (внешний, внутренний фасы и забутовка из мелкого камня с глинистым раствором). Ширина стены варьирует в пределах 1,1–1,3 м, что объясняется сползанием по склону верхних блоков внешнего фаса кладки, примыкающей к северному углу здания. Воздействие склоновой деформации в основном в юго-восточном направлении испытал и восточный угол здания. В связи с этим внешний фас стены не удалось полноценно зафиксировать. Кладка сложена из тщательно подобранных блоков, однако из-за недостаточно прочного соединения с продольными стенами произошла деформация внешнего фаса в северном направлении.

Юго-западная (№ 4) поперечная стена прослежена на длину 9 м, на всём протяжении она сохранила ширину около 1–1,15 м. Кладка трёхслойная (внешний, внутренний фасы и забутовка из мелкого камня с глинистым раствором). Внешний фас сохранился местами на высоту фундаментного ряда – до 0,8 м. Часть фундаментного ряда явно просела в грунт. Выдержать

рядность кладки не позволил строительный материал: необработанные известняковые или песчаниковые плиты и небольшие блоки ракушечника.

К юго-западу от стены 4 расчищен мощный каменный завал, образованный в результате естественного разрушения кладки. Объем строительного материала позволяет реконструировать высоту стены до полутора метров.

Повсеместно, вне и внутри сооружения, фиксируются обломки кровельной черепицы (рис. 5/2). Большая часть обломков принадлежала плоским соленам с бортиками вдоль двух продольных сторон. Общие габариты керамид (различная ширина) и, главным образом, особенности оформления боковых бортиков, что связано с иной по сравнению с эллинизмом технологией укладки, позволяют датировать их римским временем [5, с. 59–60]. Примерно половина обломков принадлежит керамидам, изготовленным из типичного для продукции античной Горгииппии римского времени глиняного теста красно-коричневого цвета, для которого характерны ноздреватая структура, крупнозернистые примеси шамота, песка и белых крупинок (извести) [6, с. 148; 1, табл. 121/3-5; табл. 166/20-22, с. 178] (рис. 6). Вторая половина – это солены из зеленовато-бежевой, схожей с синопской, глины. Перекрывавшие щели в местах соединения соленов калиптеры практически полностью отсутствуют.

Суммируя полученные данные, отметим, что размеры сооружения оказались меньшими, чем по данным магниторазведки – 9х22 м (рис. 4). Различие характера кладки и использованного материала позволяет предположить, что особое внимание было уделено обрабатанным на север северо-

восточной и северо-западной стенам здания. Именно эта часть здания обращена к проездным воротам цитадели и должна быть особенно парадной.

Кладка всех стен трёхслойная (внешний, внутренний фасы и забутовка из мелкого камня с глинистым раствором). Современная их ширина больше изначальной, поскольку доступ влаги внутрь кладки и склоновая деформация способствовали увеличению ширины кладки – на фундаментном уровне ширина стен составляет один метр. Каменные завалы возле стен позволяют реконструировать её высоту до полутора метров. Данные о том, что здание имело несколько уровней, отсутствуют. Строительный камень из кладок монументального сооружения использовался в эпоху развитого средневековья.

Таким образом, чёткие, прямоугольные контуры сооружения, кладочная техника, кровельные материалы, – всё свидетельствует о профессионализме строителей и античных архитектурных традициях.

При этом доступ в здание осуществлялся через выявленные в продольных стенах 1 и 3 расположенные попарно (1 и 4, 2 и 5, 3 и 6) дверные проёмы, шириной около 1,2 м. Это свидетельствует о своеобразной, неантичной планировке здания. С внешней стороны ко входам 1 и 5 ведут вымостки из плитняка, которые, как и завалы кровельной черепицы, фактически маркируют древнюю дневную поверхность, свидетельствуя о незначительном, около 0,2 м (на один фундаментный ряд), заглублении стен здания кладки. Остатки аналогичных вымосток прослеживаются и с внешней стороны других входов.

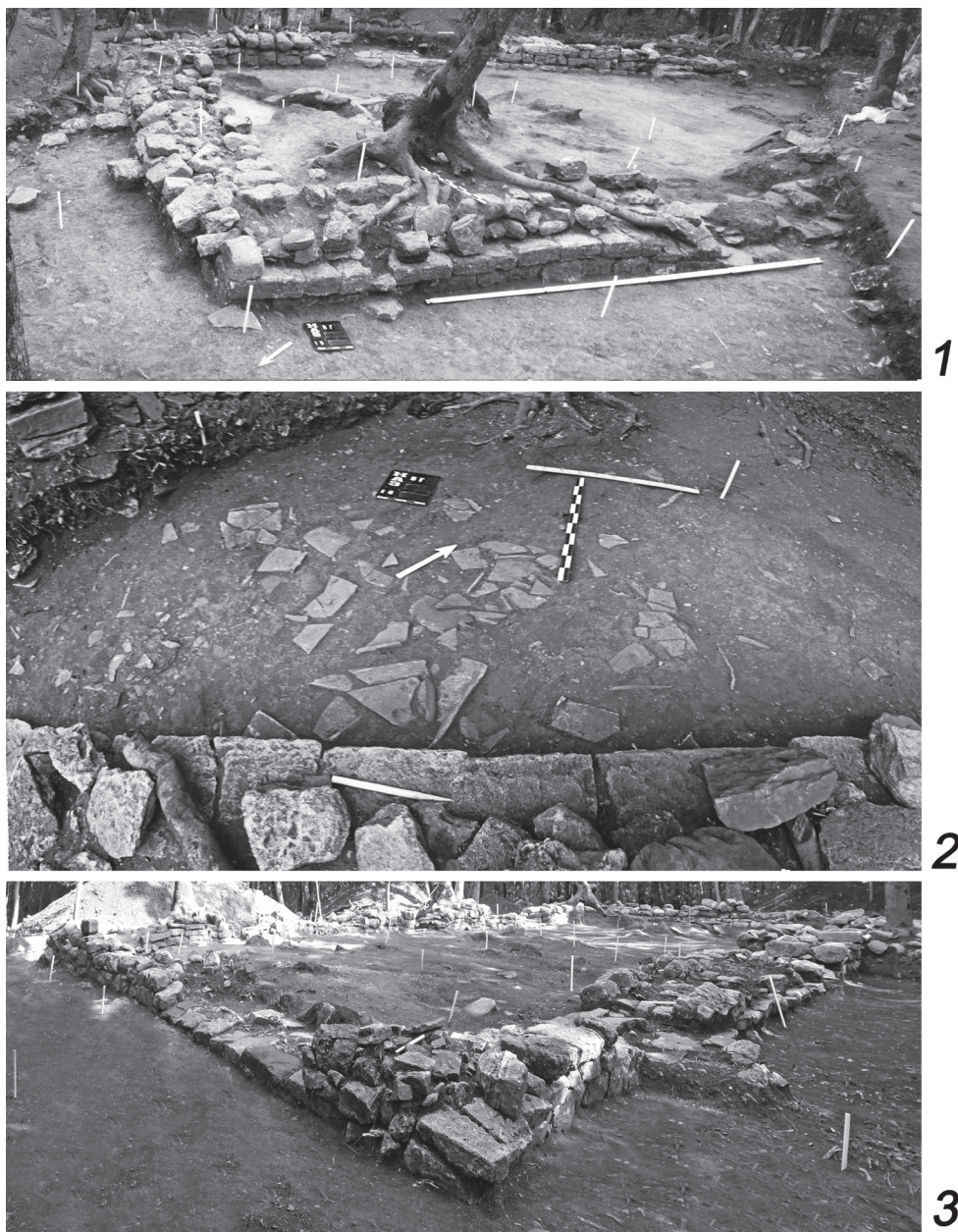

Рис. 5. Экстерьер здания: 1 – Вид с СЗ; 2 – развал битой черепицы у подножия здания; 3 – вид с ЮВ

Полностью зафиксировать объект на разных высотах удалось с помощью беспилотного летательного аппарата на базе модуля управления DJI с камерой GoPro3. Наличие аэро-

фотосъёмки упростило соотнесение фотографий между собой в программе Agisoft Photoskan и позволило добиться лучшего качества текстуры на всех участках объекта. Ландшафтная GPS-

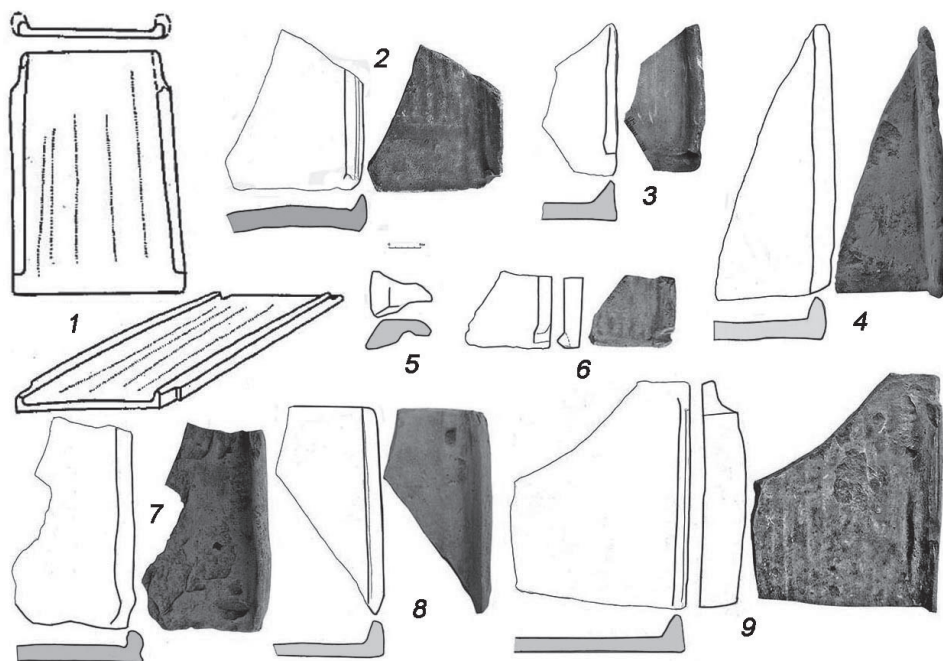

Рис. 6. Черепица кровли здания

привязка была осуществлена роверной станцией (Д. О. Дрыга и А. В. Мочалов (МИИГАИК) (Рис. 2/2). Созданная в программах фотограмметрии 3D-модель стала не только конечным результатом, но и основным источником, используемым для построения виртуальной реконструкции в программах 3D-моделирования и проектирования (*ArchiCAD, SketchUp, Cinema 4D*) (выполнено В. В. Моором) (рис. 7).

Интерьер здания

Горизонт пола помещения маркируют остатки залежавших в здании продольно обгоревших дубовых плах вперемешку с обломками кровельной черепицы. Внутренние контуры здания образуют фасы стен (рис. 8).

Фас юго-восточной (№ 1) продольной стены прослежен на длину 20,7 м. Кладка сохранилась неравномерно.

Участки, прилегающие к проёму 1 и между проёмами 1 и 2, имеют высоту 0,6 м, сложены из массивных, хорошо отёсанных блоков ракушечника, чётко читается рядность. Юго-западная часть сохранила в основном фундаментный ряд, в кладке использованы необработанные плиты песчаника и известняка.

Фас северо-западной (№ 3) продольной стены прослежен на длину 20,6 м. Лучше сохранилась северо-восточная её часть, примыкающая к проёмам 4 и 5. Здесь зафиксирована максимальная для всего сооружения высота – 0,9–0,95 м. Мощный каменный завал на участке между проёмами 4 и 5 позволяет предположить, что каменная кладка стены могла достигать двухметровой высоты. По-настоящему парадной, из хорошо отёсанных блоков ракушечника, выглядела кладка между

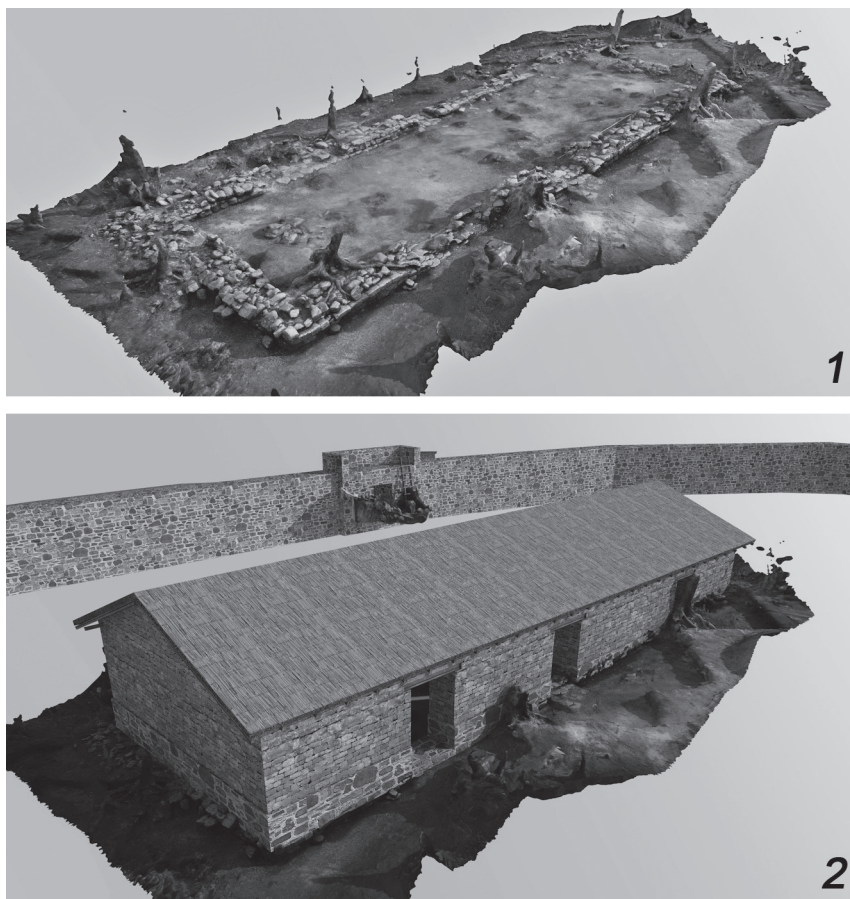

Рис. 7. 3d-реконструкция экстерьера здания (вып. В.В. Моором)

проемом 4 и северным углом. Остальные участки сложены из довольно разнородного материала. В частности, в кладке торцевой части проёма 5 оказался использован воротный камень. Участок, прилегающий к западному углу, был сложен из песчаниковых и известняковых пород.

Внутренняя кладка северо-восточной (№ 2) поперечной стены прослежена на шестиметровую длину. Значительная часть кладки осталась под мощным слоем обожжённой обмазки. Расчищена центральная часть фаса, где кладка сохранилась на максимальную высоту около 0,8 м. Она сложена

из блоков ракушечника, которые в результате воздействия высокой температуры в значительной мере разрушились (растрескались и осыпались). Тем не менее в двух метрах от восточного угла в кладке была расчищена ниша (дымоход?), шириной около 0,7 м, на дне которой была уложена известняковая плитка. Внутренний фас юго-западной (№ 4) поперечной стены шестиметровой длины сохранился довольно фрагментарно (рис. 8/1).

О внутренней планировке здания можно судить по расположению трёх пар дверных проёмов и выделить три зоны (помещения) внутри сооруже-

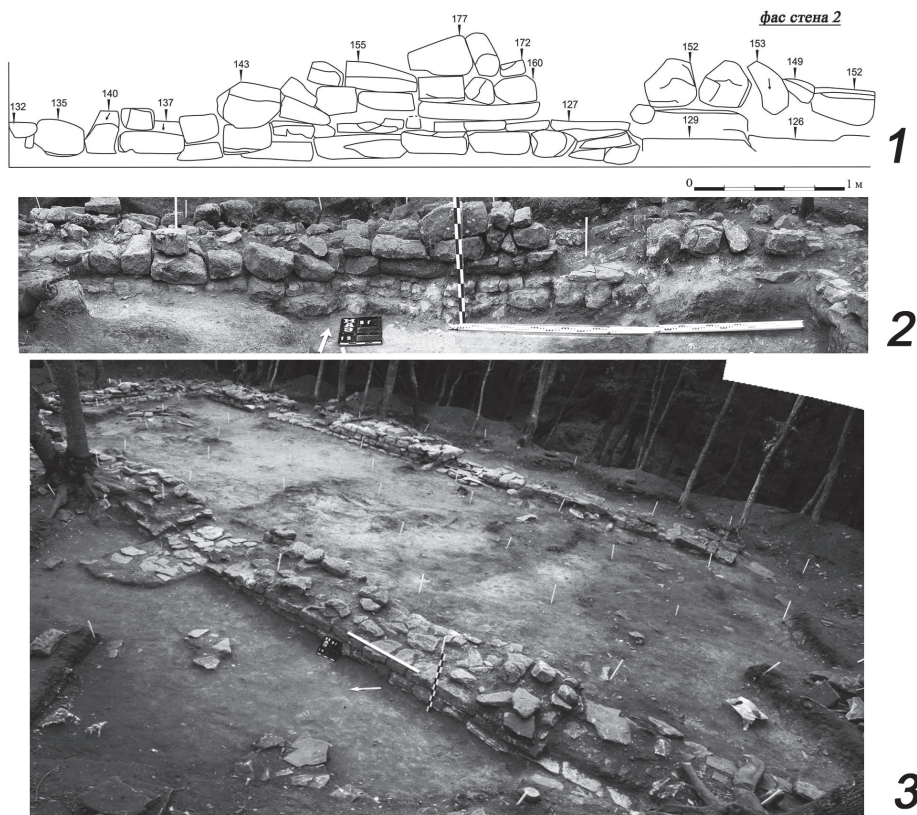

Рис. 8. Внутренняя планировка здания: 1 – стена 2 с остатками окна дымохода;
2 – заполнение здания в центральной части, вид ЮЗ

ния. Прёмы 2 и 5 прорезают продольные стены ровно в средней части, посередине, между северо-восточным краем и северо-восточным торцом здания проёмов 2 и 5, расположены проёмы 1 и 4. В то время как проёмы 3 и 6 смещены к стене 4 на полтора метра.

В *северо-восточной* зоне наиболее значительны следы огня на внутреннем (северо-восточном) фасае поперечной стены (№ 2). Блоки потрескавшегося и местами осыпавшегося ракушечника расчищены в толстом слое перегоревшей обмазки (разрушенный обожжённый сырец). В метре от внутренней стороны кладки выявлен развал крупных плоских камней местных пород со

следами горения, предположительно, остатки очажной конструкции диаметром около 2 м. В кладке поперечной стены было устроено «окно» дымохода.

О наличии сырцовых перегородок и существовании среднего помещения свидетельствуют скопления светло-бежевой глины и крупных углистых масс в средней части сооружения. Наименее презентабельная и по размерам, и по кладке стен, – юго-западная часть.

Неясным остается вероятное использование монументального сооружения. Наличие шести входных проёмов делает маловероятным проживание в нём в холодное время года, поскольку отапливать внутреннее

пространство такого размера в зимнее время затруднительно. Вместе с тем исключительно хозяйственное использование (загон для скота, сеновал и т. п.) практически исключается, поскольку мощные оборонительные сооружения цитадели предназначались для защиты именно этого здания, расположенного в центре «акрополя». Высокий статус постройки подчеркивают мощное основание его стен и квалификация строителей, строго выдерживавших пропорции здания. Его ширина близка к 20 греческим локтям, а длина – 50 локтям (принимая длину локтя как 44,4 см). Тщательность укладки нижних рядов основания стен свидетельствует о следовании архитектора здания античным традициям зодчества и стремлении обеспечить долговечность постройки. На античные традиции указывает и попытка покрыть часть здания черепицей, явно собранной для этих целей с разных зданий. Отметим, что предполагаемое время бытования укрепления совпадает со строительством крепостей по окраинам Восточной Римской империи [12, с. 79–81].

Не исключено ритуальное назначение здания, однако при этом не найдено каких-либо признаков, однозначно свидетельствовавших о совершении обрядов. В 2017 г. в ходе исследования проездного сооружения в верхнем ярусе укреплений городища, в северной части цитадели, были обнаружены надгробные стелы раннехристианского времени, использованные, судя по их положению, для облицовки кладки вдоль прохода, позволявшего проникнуть в цитадель и выйти к монументальному зданию. По особенностям изображения на стелах (крест в круге на полукруглом навершии, ниже бор-

тик треугольной формы и П-образная рамка, возможно, символическое изображение Голгофы) надгробия близки стелам, обнаруженным в погребениях некрополя хут. Уташ [2, с. 77; 11], Тепсень [3, с. 116, рис. 14; с. 118, рис. 15], Скалистое [4, с. 22, рис. 11/4-6,9,13], Козьи Скалы [7, с. 33–34, с. 163, рис. 5, 1-2], Херсонесе [17, с. 64–74] и др. Поскольку от пожара, в котором погибло проездное сооружение, как и вся система фортификации городища, в большинстве случаев пострадали именно лицевые стороны надгробных стел, можно предположить их использование в декоративных целях. Подобное обращение с христианскими надгробиями свидетельствует, что население, политическим центром и убежищем для которого должно было служить Верхнегостагаевское городище, по всей видимости, не исповедовало христианство.

Одним из вероятных вариантов назначения здания могло быть использование его в качестве своего рода пиршественного зала. Такие помещения хорошо известны по более поздним скандинавским примерам, однако практика сооружения в домах вождей так называемых «бражных залов» восходит по меньшей мере к середине I тыс. н.э. Жилые постройки типа «длинный дом», важной особенностью которых являлись расположение на возвышенности и трёхнефное устройство, известны с конца I тыс. до н.э. до III–V вв. н.э. в Эзинге (Нидерланды) и Федерзен Вирде (Германия) [10, с. 332; 20, с. 87]. Эти здания фахверковой конструкции имели два проёма напротив друг друга с длинных сторон дома и размеры: длина 10–30 м, ширина 4,5–7,5 м [23, s. 215–228 abb. 2-3]. Атрибу-

ция этих поселений как германских спорна, однако подобные постройки впоследствии широко встречаются у различных германских племен, сохраняя пропорции, характерные для «длинных домов», – существенное преобладание длины над шириной. При этом известны не только фахверково-столбчатые конструкции, но и дома с каменными стенами либо фундаментами стен (гранит, известняк). Такие сооружения на о. Готланд (поселение Валльхагар) и борги о. Эланд датируются V – первой половиной VI в. [28, р. 454–463, fig. 193; р. 545, fig. 228; 20, с. 89; 19, с. 73]. Средняя часть домов была жилой, крайние помещения использовались как хранилища, хозяйственные помещения и стойла для скота [16, с. 97–101]. Усадьбы или резиденции вождей имели сходное устройство, с той особенностью, что средняя часть дома использовалась в качестве пиршественного зала.

Играя важную роль в организации социальной жизни германской элиты, пиршественные залы упоминаются в древнегерманском и скандинавском эпосе. Так, в «Беовульфе» Олений Зал – Хеорот описан как помещение во дворце, стоящем на холме (Беовульф, 285), обширный зал (там же, 410), видимо, с деревянными стенами (которые под силу разрушить лишь «дымному пламени»), скреплёнными железными скобами (там же, 770–785), эти стены сильно пострадали в ходе поединка героя с чудовищем Гренделем (там же, 995–1000). Размеры Хеорота были велики – там одновременно могли пировать десятки человек, кроме того, туда же в качестве подарка победителю Гренделя ввели восемь боевых коней (там же, 1035–1040). Аналогичные

залы выявлены при изучении королевских дворцовых построек в Гаммель-Лейре близ Роскилле [22, р. 251–252]. Стоящие на холме здания, древнейшие из которых датируются исследовавшим их Т. Кристенсеном VI в., имели размеры до 45х7 м [26, р. 40–44; 21, р. 109–126; 22, р. 249–250].

Хорошо изучена «королевская усадьба» *Kunggard* в Уппсале с пиршественным залом, относящаяся, как и синхронные ей курганные погребения, к VI в. [29, р. 349–353; 8, с. 150]. Каменные стены имел пиршественный зал эпохи викингов X–XII вв. близ пос. Уэстнесс на о. Раузи (Оркнейские о-ва), размеры зала 13х5,5 м. Обращает на себя внимание, что ряд элитарных зданий каркасно-столбчатой конструкции второй половины I тыс. до н.э. имел выгнутые наружу стены («дом-ладья»), дома же на каменных фундаментах и с каменными стенами обычно имеют прямоугольную в плане форму [28, р. 545, fig. 228].

Следует отметить, что строительные приёмы, использованные при возведении здания Верхнегостагаевского городища, принципиально расходятся с традициями, в которых возведены каменные фундаменты построек середины I тыс. н.э. на севере Европы. Говоря о фортификационной деятельности германцев в Средиземноморском регионе, Прокопий Кесарийский нередко упоминает об использовании готами римских укреплений, однако из самостоятельно построенных ими сооружений Прокопий описывает земляные валы, либо готы предпочитали состязаться с римлянами скорее в воинской доблести в открытом бою, чем в технических хитростях [13, *De bello Gothico*: II.19; III.8].

Монументальное сооружение цитадели Верхнегостагаевского городища по ряду признаков сходно с «длинными домами» середины I тыс. н.э. как по пропорциям, так и по наличию трёх пар входов с длинной стороны здания, что позволяет предположить деление внутреннего пространства на три части. Размеры, основательность постройки говорят о её элитарном предназначении, вероятно, использовании в качестве резиденции правителя германского племени. В таком случае

Верхнегостагаевское городище представляло собой важный военно-политический и религиозный центр германцев эпохи Великого переселения. Вместе с тем использование античных строительных приёмов, возможно, свидетельствует о синтезе, с одной стороны, германских традиций в функциональном использовании и облике здания, и, с другой стороны, античных строительных технологий.

Статья поступила в редакцию 16.09.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 560 с.
2. Башкиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г. // Труды секции археологии. Вып. III. М.: РАНИОН, 1928. С. 71–86.
3. Бабенчиков В. П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. Киев: АН УССР, 1958. С. 88–146.
4. Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 203 с.
5. Зеест И. Б. Боспор. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Г1–20). М.: Наука, 1966. 158 с.
6. Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время: очерки экономической истории. М.: Наука, 1966. 224 с.
7. Кузнецов В. А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ: Ир, 2002. 159 с.
8. Лебедев Г. М. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
9. Малышев А. А., Дрыга Д. О., Клемешов А. С., Смекалова Т. Н. К истории азиатского Боспора в ранневизантийское время: по материалам комплексных исследований Верхнегостагаевского городища // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 4. С. 35–45.
10. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Т. 2: Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974. 408 с.
11. Новичихин А. М. О древнем христианском храме в окрестностях Анапы (к интерпретации надписи из Хан-Чокрака) // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир-М., 2002. С. 133–135.
12. Пиоро И. С. Крымская Готия. Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье. Киев: Лыбидь, 1990. 200 с.
13. Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М.: АН СССР, 1950. 516 с.
14. Сазанов А. В. Четырехапсидный храм Херсонеса и «Жития свв. епископов Херсонесских»: хронология и интерпретация // Жития епископов Херсонесских в контексте истории Херсонеса Таврического. Харьков: Антиквар, 2012. С. 203–312.
15. Сазанов А. В. Азиатский Боспор в позднеримское время // ISEUM: Сб. статей, посвященных истории, религии и культуре Древнего мира. М.: Гос. публичная истор. б-ка, 2012. С. 120–181.

16. Сванидзе А. А. Викинги – люди саги: жизнь и нравы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 800 с.
17. Созник В. В., Туровский Е. Я., Иванов А. В. Новый христианский памятник из некрополя Херсонеса у Карантинной бухты // Археология. 1997. Вып. 1. С. 64–74.
18. Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // Советская археология. 1971. № 4. С. 85–102.
19. Тодд М. Варвары. Древние германцы: быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2005. 223 с.
20. Хлевов А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках. СПб.: Евразия, 2002. 336 с.
21. Christensen T. A new round of excavations at Lejre (to 2005) // Niles J. D., Osborn M., eds. *Beowulf and Lejre (Medieval and Renaissance Texts and Studies. Vol. 323)*. Arizona State University, 2007. P. 109–126.
22. Christensen T. Lejre beyond the legend – the archaeological evidence // *Settlement and Coastal Research in the Southern North Sea Region. Vol. 33*. 2010. P. 237–254.
23. Haarnagel W. Die Ergebnisse der Grabung auf der Wurt Feddersen Wierde bei Bremerhaven in den Jahren von 1955–1957 // *Neue Ausgrabungen in Deutschland*. Berlin, 1958. S. 215–228.
24. Hayes J. W. Roman pottery: fine-ware imports // *The Athenian Agora. Vol. 32*. Princeton (N. Y.): The American School of Classical Studies at Athens, 2008. 343 p.
25. Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen/Djakarta: Wolters, 1957. 185 p.
26. Niles J. D. Beowulf's Great Hall // *History Today*. 2006. № 56 (10). P. 40–44.
27. Sazanov A. Les amphores orientales d'époque protobyzantine au nord de la mer Noire: chronologie et typologie // *Late Roman coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. Vol. 2*, Oxford, 2007. P. 803–815.
28. Stenberger M. *Det forntida Sverige*. Stockholm, 1964. 870 s.
29. Stenberger M. *Vorgeschichte Schwedens*. Berlin, 1977. 543 s.

REFERENCES

1. Alekseeva E. *Antichnyi gorod Gorgippiya* [The ancient city of Gorgippia]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1997. 560 p.
2. Bashkirov A. [Archaeological survey of the Taman Peninsula in the summer of 1927]. In: *Trudy seksii arkheologii* [Proceedings of the archeology section], no. III. Moscow, RANION Publ., 1928, pp. 26–40.
3. Babenchikov V. [The results of the study of medieval settlement on the hill Tepsen]. In: *Istoriya i arkheologiya srednevekovogo Kryma* [History and archaeology of the medieval Crimea]. Kiev, AN USSR Publ., 1958, pp. 110–116.
4. Veimarn E., Aibabin A. *Skalistinskii mogil'nik* [Kalitinsky burial ground]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993. 203 p.
5. Zeest I. *Bospor. Keramicheskoe proizvodstvo i antichnye keramicheskie stroitel'nye materialy (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov. G1–20)* [Bospor. Pottery and ancient ceramic building materials (archaeology of the USSR. A set of archaeological sources. G1–20)]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 158 p.
6. Kruglikova I. *Bospor v pozdneantichnoe vremya: ocherki ekonomicheskoi istorii* [The Bosporan Kingdom in late antiquity time: essays on the economic history]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 224 p.
7. Kuznetsov V. *Khristianstvo na Severnom Kavkaze do XV v.* [Christianity in the North Caucasus to the XV c.]. Vladikavkaz, Ir Publ., 2002. 159 p.

8. Lebedev G. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi* [The Viking age in Northern Europe and Russia]. St-Petersburg, Evraziya Publ., 2005. 640 p.
9. Malyshev A., Dryga D., Klemeshov A., Smekalova T. [The history of the Asian Bosphorus in early Byzantine time: the materials of complex research of Verhnerosteenskoe settlement]. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2017, vol. 45, no. 4, pp. 35–45.
10. Mongait A. *Arkheologiya Zapadnoi Evropy. T. 2: Bronzovy i zheleznyi veka* [Archaeology of Western Europe. Vol. 2: the Bronze and iron ages]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 408 p.
11. Novichikhin A. [About the ancient Christian Church in the vicinity of Anapa (for interpretation of the inscription from Khan-Chokrak)]. In: *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh* [Historical and archaeological almanac], 2002, no. 8, pp. 133–135.
12. Pioro I. *Krymskaya Gotiya. Ocherki etnicheskoi istorii naseleniya Kryma v pozdnerimskii period i rannee srednevekov'e* [Crimean Gothia. Essays on the ethnic history of the population of Crimea in the late Roman period and early middle ages]. Kiev, Lybid' Publ., 1990. 200 p.
13. *Prokopii Kesariiskii. Voina s gotami*. Per. S. Kondrat'eva [Procopius Of Caesarea. The war with the Goths. Trans. S. Kondratieva]. Moscow, AN SSSR Publ., 1950. 516 p.
14. Sazanov A. [Tetra-conch type temple of Chersonese and "lives of the saints. bishops of Chersonesos": chronology and interpretation]. In: *Zhitiya episkopov Khersonesskikh v kontekste istorii Khersonesa Tavricheskogo* [The lives of the bishops of Chersonesos in the context of the history of Tauric Chersonesos]. Kharkiv, Antikva Publ., 2012, pp. 203–312.
15. Sazanov A. *Aziatskii Bospor v pozdnerimskoe vremya* [The Asiatic Bosphorus in the late Roman time]. In: *ISEUM: Sb. statei, posvyashchennykh istorii, religii i kul'ture Drevnego mira* [ISEUM: Digest of articles on history, religion and culture of the Ancient world]. Moscow, Gos. publ'chnaya istor b-ka Publ., 2012, pp. 120–181.
16. Svanidze A. *Vikingi – lyudi sagi: zhizn' i nrayi* [The Vikings – the people of Saga: the life and mores]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 800 p.
17. Soznik V., Turovskii E., Ivanov A. [New Christian monument from the necropolis of Chersonesos near Quarantine Bay]. In: *Arkheologiya* [Archeology], 1997, no. 1, pp. 64–74.
18. Sorokina N. [On glass vessels with drops of blue glass from the black sea region]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1971, no. 4, pp. 85–102.
19. Todd M. *Varvary. Drevnie germantsy: byt, religiya, kul'tura* [Barbarians. The ancient Germans: life, religion, culture]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2005. 223 p.
20. Khlevov A. *Predvestniki vikingov. Severnaya Evropa v I–VIII vekakh* [The precursors of the Vikings. Northern Europe in the I–VIII centuries]. St-Petersburg, Evraziya Publ., 2002. 336 p.
21. Christensen T. A new round of excavations at Lejre (to 2005). In: Niles J. D., Osborn M., eds. *Beowulf and Lejre (Medieval and Renaissance Texts and Studies. Vol. 323)*. Arizona State University, 2007, pp. 109–126.
22. Christensen T. Lejre beyond the legend – the archaeological evidence. In: *Settlement and Coastal Research in the Southern North Sea Region*, 2010, vol. 33, pp. 237–254.
23. Haarnagel W. [The results of the excavation on the Wurt Feddersen Wierde near Bremerhaven in the years 1955–1957]. In: *Neue Ausgrabungen in Deutschland* [New excavation gene in Germany]. Berlin, 1958, pp. 215–228.
24. Hayes J. W. *Roman pottery: fine-ware imports (The Athenian Agora. Vol. 32)*. Princeton (N. Y.): The American School of Classical Studies at Athens, 2008. 343 p.
25. Isings C. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen/Djakarta: Wolters, 1957. 185 p.
26. Niles J. D. Beowulf's Great Hall. In: *History Today*, 2006, № 56 (10), pp. 40–44.
27. Sazanov A. [Protobyzantine amphorae in the north of the Black Sea: chronology and typol-

- ogy]. In: Late Roman coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. Vol. 2, Oxford, 2007, pp. 803–815.
28. Stenberger M. *Det forntida Sverige* [Ancient Sweden]. Stockholm, 1964. 870 s.
29. Stenberger M. *Vorgeschichte Schwedens* [Prehistory of Sweden]. Berlin, 1977. 543 s.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ, проект № 18-09-40121 «Юго-восточная периферия Азиатского Боспора в ранневизантийское время: экология, система расселения и хозяйствования, этнополитическая ситуация».

ACKNOWLEDGMENT

This work was supported by the grant from Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-09-40121 “Southeastern periphery of the Asian Bosphorus in the Early Byzantine era: ecology, settlement system and economic management, ethno-political situation”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клемешов Алексей Станиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков МГОУ;
e-mail: klemeshovas@mail.ru

Малышев Алексей Александрович – кандидат исторических наук, заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии РАН;
e-mail: maa64@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey S. Klemeshov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Archaeology and History of the Ancient World and the Middle Ages, Moscow Regional State University;
e-mail: klemeshovas@mail.ru

Alexey A. Malyshev – Cand. Sci. (History), Head of the Department of Scythian-Sarmatian archaeology of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences;
e-mail: maa64@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Клемешов А. С., Малышев А. А. Монументальное сооружение цитадели Верхнегостаевского городища: проблемы интерпретации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркупонтика. С. 209–225.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-209-225

FOR CITATION

Klemeshov A., Malyshev A. Monumental structure of the citadel of Verkhnegostagaevskoye settlement: interpretation difficulties. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 209–225.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-209-225

РАЗДЕЛ II. ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ

ЭЛЕМЕНТЫ МИНОЙСКОЙ И МИКЕНСКОЙ КУЛЬТУР В ЖИЗНИ ЭЛЛИНОВ¹

А. Эванс

Аннотация. Впервые на русском языке публикуется перевод доклада английского археолога и историка Артура Джона Эванса (1851-1941) «Элементы минойской и микенской культур в жизни эллинов», прочитанного им в Эллинском сообществе в июне 1912 г. Данное выступление представляет несомненный интерес для археологов и историков, занимающихся проблемами эпохи бронзы и древнейших цивилизаций, в силу того что многие высказанные здесь выводы были творчески разработаны в последующих работах автора. Оригинальное издание: The Minoan and Mycenaean Element in Hellenic Life // The Journal of Hellenic Studies. 1912. No. 32. P. 277–287. Перевод выполнил Я. Ю. Моисеенко, младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН.

Ключевые слова: минойская культура, микенская культура, Крит, Кносс, Микены, Пелопонес, Гомер, дворец, гробница, кольца-печати, эпос.

THE MINOAN AND MYCENAEAN ELEMENT IN HELLENIC LIFE

Arthur J. Evans

Abstract. This text is the first translation into Russian of a report presented by the English archaeologist and historian Arthur John Evans (1851-1941). The report entitled “The Minoan and Mycenaean element in Hellenic life” was presented to the Hellenic Society in June, 1912, no. 32, pp. 277–287. This speech is of undoubted interest to archaeologists and historians dealing with the problems of the Bronze Age and ancient civilizations. Many of the presented findings found development in the author’s subsequent works. The translation was made by Y. Yu. Moiseenko, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Minoan culture, Mycenaean culture, Crete, Knossos, Mycenae, Peloponnese, Homer, Palace, tomb, signet rings, epos

Английский археолог Артур Эванс по праву считается одним из выдающихся исследователей XX века. Он является первооткрывателем минойской цивилизации на острове Крит. В период с 1900 по 1930 годы (с перерывами) он вёл масштабные раскопки в Кноссе, где открыл царский дворец и провёл его частичную реконструкцию. В своих трудах он описывал историю, культуру и религию древнего Крита. Одним из них является опубликованный в «Журнале эллинистических исследований» доклад, посвящённый влиянию минойской и микенской культур на древнегреческую цивилизацию. Сделанные им

© СС BY А. Эванс, наследники, 2019.

более ста лет назад наблюдения, несмотря на дискуссионность ряда выводов, не потеряли своей актуальности и сегодня. Принимая их во внимание, можно более глубоко понять специфику межкультурных отношений, а также влияния островной цивилизации на материальную и духовную культуру материковой Греции. В значительной степени эти явления получили своё отражение в греческих колониях на берегах Чёрного моря.

В заключительном обращении к Эллиническому сообществу наш покойный Президент отметил, что он всегда был больше озабочен совершенными воплощениями греческого духа, нежели его незрелыми терзаниями, и подобную позицию отдавать предпочтение «плодам», нежели «корням», полагаю, сейчас разделяет большинство специалистов по античности. Что ж, интерес к этой доисторической цивилизации, которую приняла земля, впоследствии ставшая Элладой, может и вправду показаться периферийным на фоне главных интересов к греческой культуре. Потому предложение Сообщества вступить на сию должность было принято мной не без колебаний, пусть и недолгих. Тем не менее, я полагаю, моё согласие повлекло, в том числе, и ощущение, что этот пласт культуры, который можно определить как «отправную точку зарождения Цивилизации», должен занять место среди объектов наших исследований.

Таким образом, не думаю, что это будет большим злоупотреблением занимаемой мной должности, если я осмелюсь высказать пару слов в защиту «корней», или даже тому, что предшествует появлению всяких «корней». В наши дни мы все возвращаемся к истокам, и что справедливо для высших форм и проявлений жизни животных, то справедливо и для многих принципов жизни, воплотивших греческую цивилизацию – и те, и другие невозможно исследовать полноценно, если

постоянно не обращаться к ранним стадиям их эволюции. И знание, которое мы получим о них, может оказаться достаточным, дабы у нас в руках оказался ключ к пониманию происхождения многих более поздних феноменов, в особенности тех, что лежат в области искусства и религии. Одно лишь это знание послужит нам путеводной звездой в хитросплетениях исследований античности. В этом лабиринте из догадок у нас всё же есть своя нить Ариадны, которая выведет нас к истине. А кто, в конце концов, как не Ариадна, была Великой Богиней крито-минойской цивилизации, что в своём греческом воплощении была возведена в ранге святой?

«Пропать», отмечает профессор Гарднер, «которая разделяет доисторическую и историческую Грецию, становится всё шире и глубже»¹. В некотором отношении, если взглянуть на проблему с позиции взаимосвязи двух «берегов», я рискну предположить, что возможность научного исследования греческой цивилизации умалется всё больше и больше, если не принимать во внимание минойский и микенский периоды, что ей предшествовали.

Правда заключается в том, что старое видение греческой цивилизации, согласно которому та явилась на свет в результате «чуда», не может больше приниматься всерьёз. И вне зависимости от того, понравится это кому-то или нет, но студенты, изучающие ан-

¹ J.H.S. xxxi. (1911), p. lit. U.S. VOL. XXXII.

тичность, обязаны изучать истоки. Мы увидим, что «изобретения», которые старые авторы всецело приписывали эллинам, одно за другим окажутся предвосхищёнными на этой земле по меньшей мере за тысячу лет до наступления эллинской эпохи. И вот лишь некоторые из них: эгейцы утверждают, что это они изобрели парусные суда, в то время как эти суда вдоль и поперёк исходили как Эгейское, так и Ливийское море, ещё на самой заре минойской эры. Изобретение семиструнной лиры, что сыграла немалую роль в развитии музыкального искусства, приписывают Терпандеру Лесбосскому, как будто бы произошло это в середине седьмого века до н.э., тогда как на похожем инструменте играли критские жрецы, представители духовенства Агия-Триады, ещё за десять веков до этого времени, не говоря, конечно же, о ещё более ранних, минойских его упоминаниях. И наконец, чеканка монет была возведена в ранг искусства задолго до времени Фидона, да и весовые стандарты Греции были известны задолго до того, как они получили свои последующие наименования.

Что ж, давайте признаем, что утраченные виды искусств могут быть открытыми или даже изобретёнными заново. Давайте также не будем замалчивать факт того, что довольно значительная часть греческой земли на некоторое время была погружена во тьму. Также примем во внимание, что древние греки были достаточно бесцеремонны в своих устремлениях и, в конце концов, навязали свой язык более древним средиземноморским народам. Но, как я полагаю, если мы будем придерживаться подобно-го взгляда на положение вещей, нам

следует признать, что с точки зрения формирования этноса, его более старые элементы всегда и в значительной степени поглощают более поздние. И народ, который предстал перед нами, когда тьма сменилась рассветом, был вовсе не бледнокожими северянами – этими светловолосыми ахейцами или кем-то ещё – темноволосой, смуглолицей расой, *Φοίνικες* или "Красными людьми" в поздней традиции, портреты которых мы находим на минойских и микенских настенных росписях. Их раса могла похвастаться весьма выдающимися художественными талантами, что контрастировало с явным отсутствием таковых у населения неолита в центральных и более северных европейских регионах, откуда, гипотетически, и пришли те самые захватчики. Но так можно ли сомневаться в том, что художественный гений поздних эллинов, по большому счёту, в течение долгого времени и непрерывным вызревал в предшествующих им народах, с которыми они затем слились воедино? Так что охарактеризовать эту раннюю Грецию, т.н. «Грецию до греков», мы можем с помощью известного афоризма Горация *capta ferum victorem cepit*, что означает – «она пленила своего поработителя».

Это правда было бы большим упрощением, прими мы версию, что выходцы из более ранней, минойской цивилизации Крита и её микенские наследники на материке сами принадлежали к эллинскому народу. Перед лицом доказанных в настоящее время фактов, что представители арийскоязычных народов уже достигли Евфрата к XIV веку до н.э., нет никаких заведомых возражений против того, что другие представители той

же лингвистической группы достигли Эгейского побережья и его островов ещё раньше. Если элементарный захват ими островов не будет доказан, это, безусловно, не станет следствием того, что интерпретаторы минойского влияния на греческую культуру были недостаточно изобретательны. Самые ранние из известных критских письмен были провозглашены греческими на берегах Мульде. Исследователи Фестского диска по обе стороны Атлантики, казалось бы, нашли ключ к их расшифровке в греческом языке, но тот на поверку оказался не тем, за что его принимали. А что же касается тех лингвистических форм, что он открывал, необходимо отметить, что ни одна из них не представляет собой ни сам греческий язык как таковой, ни одну из предшествующих ему форм, если ориентироваться на актуальный взгляд на сравнительную грамматику индоевропейских языков¹.

Действительно, Фестский диск, если мои выводы верны, своим происхождением обязан скорее восточно-эгейскому побережью, нежели он восходит к доисторическому Криту. Что касается собственно критско-минойского письма, а именно тех его частей, что можно прочесть достаточно определённо – последовательных линейных надписей А и Б, то главная задача в настоящий момент состоит в том, чтобы изложить весь материал в ясной и полной форме, а он действительно весьма обширный. Но даже в этом случае было бы самонадеянным ожидать,

¹ В особенности, я ссылаюсь здесь на таких чудаков от лингвистики, как доктор Хемпл. Профессор А. Канни честным образом имел дело с такими товарищами в *Rerie des etitudes. Anciennes T. xiv. (1912), pp. 95, 96*. Более адекватная попытка мисс Стауэл меня не убедила.

что в результате мы достигнем чего-то большего, чем лишь вступим на порог систематического исследования. Тем не менее, если слухи вдруг окажутся правдивы, то случайные фрагменты текста, доступные к прочтению, предоставят достаточно оснований некоторым большим умам, чтобы дать их происхождению греческую или даже – не осмелюсь произнести это в полный голос – афинскую интерпретацию. Для подтверждения этого даже не нужно ждать полной расшифровки!

От себя же я не могу сказать, что я уверен в правильности какого-либо из этих решений. Для меня, по крайней мере, предположение о том, что этеокритский народ, сохранявший свой собственный язык вплоть до III века до н.э., говорил на греческом в ещё более далёкие от нас, доисторические эпохи, является вопиющим и противоречит всякому здравому смыслу. Те же конкретные следы, которые оставила ранняя раса и её язык, отправляют нас совсем в другую сторону. Не так уж просто распознать в этом темнокожем средиземноморском народе, чьи внешние данные могут быть прослежены, по меньшей мере, с начала второго тысячелетия до н.э., молодого представителя арийско-говорящей семьи. Невозможно игнорировать свидетельства, представленные длинным перечнем местных наименований, которые связывают подлинный язык Крита, равно как и язык, бытовавший на большей части основной территории Греции, с речью примитивных племён Анатолии, из которых, в дальнейшем, выделились карийцы – наиболее чистые его представители. Например, название самого Кносса является исключительно анатолийским; более раннее название

Литоса – Карнессополис – содержит тот же элемент, что и Галикарнас. Но приводить здесь пример за примером не имеет особого смысла, так как подобные сравнения были хорошо разработаны Фиком, Кречмером и другими сравнительными филологами.

Когда дело доходит до сопоставления религиозных элементов, обнаруживается аналогичная взаимосвязь с малоазиатским регионом. Великая Богиня минойского Крита имела сестёр к востоку от Эгейского моря, и даже более древних, чем она сама. Также обстоит и с Корибантами и их божественным Дитя, а культ Лабриса (секиры с двумя лезвиями) неотделим от культа народа Карики, поклонявшегося Зевсу Лабрандейскому.

Некоторые из наиболее характерных религиозных сцен, изображённых на минойских печатях, становятся более понятны в свете обращения к древним культам, сохранившимся с доисторических времён на землях к востоку от Эгейского моря. Во всех этих регионах мы сталкиваемся с постоянно повторяющейся фигурой Богини и её юного спутника – иногда это её сын, иногда – её любовник, иногда это воинственный юноша, иногда он скорее женоподобен, но вне зависимости от своего облика, всегда смертен и оплакиваем. Аттис, Адонис или Таммуз, также можно упомянуть Илионского Анхиса¹ – все они имели гробницы в стенах её храма. Не в последнюю очередь стоит упомянуть, что и критский Зевс был смертен, и его памятник

на горе Юкта, в месте, ставшем легендарным, удивительным образом напоминает святую гробницу, над которой изначально царила Богиня, а не Бог.

Так же и на минойских и микенских печатях мы видим молодых воинов перед сидящей Богиней, и кажется, там есть и призрак «гробницы» в её теменосе. Рядом с ней подвешен небольшой щит, к нему склонён скорбящий служитель культа, также неподалёку видны священное дерево и колонны храма Богини². В другой параллельной сцене скорбящая женщина склоняется над щитом, божественная сущность которого определяется священными символами, начертанными выше, которые представляют собой двойную секиру (лабрис) и знак жизни³.

Несомненно, некоторые из этих элементов, особенно на Крите, впоследствии были поглощены греческим культом, но их характерная форма не имеет ничего общего с традициями первобытной арийской религии. Они по сути своей – не эллинские.

Была предпринята попытка (и недавно она была повторена ещё раз) преодолеть трудности, возникшие вследствие предположения, что культура, примером которой являются минойские дворцы Крита, делится на два этапа, наречённые «карийским» и «ахейским» соответственно. Строгие и грубо очерченные линии разграничения между «старшими» и т.н. «младшими» дворцами были проведены в соответствии с этой этнографической системой. Можно с определённой уверенностью утверждать, что более полное знакомство с подлинно археологическими свиде-

¹ Гробницы Анхизов – баэтилическая колонна, которая также может рассматриваться как могила, была возведена во многих местах, от фригийской иды до святилища Афродиты в Эриксе.

² См.: *'Mycenaean Tree and Pillar-Cult'* (J.H.S. 1901), pp. 81, 83, p. 79, Fig. 53.

³ Ук. соч. p. 78, Fig. 52.

тельствами может быть абсолютно фатальным для таких теорий.

Чем больше мы изучаем стратиграфические материалы, а именно эти материалы составляют нашу основную научную базу, тем более становится очевидно, что с одной стороны, история великой минойской архитектуры многим сложнее, чем поначалу представлялось. С другой стороны, единство этой истории утверждается во всей её протяжённости, от первого дня основания до окончательного низвержения, и чем дальше мы прослеживаем его, тем более очевидной оно становится. Если сопоставить друг с другом периоды разрушения и восстановления разных дворцов, то они не будут полностью соответствовать друг другу. Как в Кноссе, так и в Фесте, время первоначальных построек уходит далеко в начало эпохи Среднего минойского периода, тогда как и там, и там, дворцы в значительной степени были подвергнуты разрушению в завершении Второго Среднего минойского периода. Другая архитектурная катастрофа произошла в Кноссе в конце Третьего Среднего минойского периода. В Фесте, с другой стороны, второе, на этот раз – окончательное, уничтожение дворца произошло в период Первой Поздней минойской эпохи.

В то же самое время, был разрушен маленький Дворец Агия-Триады, начало строительства которого, возможно, совпадает с началом строительства Второго Дворца Феста. Но минойские государи, правившие в более позднем Кносском дворце, как видится, процветали за счёт своих соседей. В начале Второго Позднего минойского периода, когда оба этих исторических места, между которыми было соперни-

чество, пребывали в руинах, Кносский дворец был украшен за счёт обновления фасада на Центральном Дворе, Тронный зал которого и по сей день остаётся изумительным памятником эпохи. В конце Второго Позднего минойского периода Кносский дворец был окончательно разрушен. Но, скажем, гробницы Зафер Папуры можно считать свидетельством того, что даже этот удар не нанёс серьезного ущерба преемственности местной культуры, и свидетельство собственно минойского возрождения в Третью Позднюю минойскую эпоху всё ещё сильно, и проявляется вполне в новом поселении Агия-Триады, знаменитого своим саркофагом. На Крите в это время ещё не отмечены иностранные поселения¹, хотя реакция микенских влияний на материковой части стала ощутимой на острове к концу Третьего Позднего минойского периода².

¹ Не существует объективных оснований полагать, что более поздняя продолговатая форма центральной арки Агия-Триады – это типичный мегарон эгейского типа. Ошибка, как это было указано г. Ноаком (*Ovalhaus und Palast in Kreta*, p. 27, n. 24), и как я самолично в том убедился, произошла в силу того, что в итальянском плане конструкции отсутствовали три поперечные перегородки. К завершению минойского периода на Крите, на острове стал постепенно преобладать материковый тип жилища. Д-ром Ульманом был приведён пример (*Ein Achaishes Herrenhaus auf Kreta, Jahrb. d. Arch. Inst. xxvii (1912) p. 38, seqq.*) относительно дома периода ре-оккупации в Гурнии, хотя нет никаких оснований называть этот дом «Ахейским». Стоит также отметить, что в одной из небольших комнат, в которую превратился большой «мегарон» «Маленького дворца» в Кноссе в период ре-оккупации, в одном из углов была установлена каменная печь или камин. Всё это свидетельствует о новаторском влиянии материковых архитектурных тенденций.

² Эта заключительная и крайне отличительная фраза может быть описана как Третий

Таким образом мы получаем теорию о «взлётах и падениях» островной жизни и междоусобных разборках, подобных тем, что впоследствии превратили в руины города Крита, но всё это происходило без образования выраженной линии раскола, как могло бы произойти вследствие иностранного вторжения. При этом периоды разрушения и восстановления ни в коем случае не были синхронизированы друг с другом в разных центрах минойской культуры. Но когда мы начинаем структурировать все эти руины минойской эпохи согласно тем или иным катастрофам, приведшим к ним, становится очевидным, что все они образовались в результате длительной эволюции. В процессе их образования нет перерывов.

Подобно тому как это происходит с архитектурными руинами и реликвиями их внутреннего убранства, в каждой отрасли искусства развитие является непрерывным, и, хотя деление на самостоятельные, стратиграфически обусловленные периоды может быть полезно с точки зрения последующей классификации, стиль, свойственный одной фазе минойской культуры, переходит в стиль другой незаметными невооружённому глазу градациями. То же самое справедливо и для реликвий ранней минойской эпохи, что отсылают за пределы Эпохи Дворцов, и единство всей минойской цивилизации таково, что нам только и остаётся

Поздний минойский период (см. предыдущую сноску), что в случае с Кноссом отвечает периоду ре-оккупации, и представлена кладбищем Зафер Папуры, которое заполняет пустое пространство в части Дворца. Судя по рисункам на очень поздних лентоидных бусинках из мягкого материала (стеатита), длинная туника – мода материковой Греции – появлялась в самом конце минойской эпохи на Крите.

сделать вывод о непрерывности всей её расы. Если жители последних дворцовых сооружений должны рассматриваться нами как «ахейцы», то греческая оккупация Крита должна, в таком случае, быть отнесена ещё ко временам неолита. Следствием этого весьма невероятного вывода будет то, что эти «гипотетические» греки подошли к местам своего расположения на материке с юга, а не с севера.

Кто будет защищать такой взгляд? Совсем недавно, благодаря дополнительным исследованиям, проведённым под эгидой Немецкого института в Афинах, в Тиринфе и Микенах, был пролит новый свет на историю материковой ветви минойской культуры в Микенах. Благодаря нему стало ясно, что начало этой материковой колонии уходит корнями едва ли не за пределы начала Позднего минойского периода. Иными словами, долгие века минойский Крит жил цивилизованной жизнью, прежде чем на северных берегах Эгейи было озаменовано появление этой ранней высокой культуры. С самого начала организации поселений, как видится нам, можно отследить тенденцию, когда вновь прибывшие переселенцы приспособляются к более суровым климатическим условиям и, без сомнения, в этой связи, в определённой степени усваивает обычаи, уже распространённые среди коренного населения. Таким образом, мы наблюдаем залы, построенные с более узким фасадом и очагом, устроенным в определённом месте, наблюдается тенденция носить туники с длинными рукавами, доходящими почти до колен. Бесценный отчёт о характерной моде этой ветви микенской цивилизации представлен фрагментами фрески,

обнаруженными в Тиринфе, на основании которых д-р Роденвальдту, по результатам долгого и терпеливого исследования, удалось-таки реконструировать несколько образцов их облика¹.

Ценность этих фресок не только в том, что они служат иллюстрацией того, как выглядела микенская одежда той эпохи, но и демонстрируют нам определённые виды спорта, о которых на минойском Крите не было оставлено ни одной записи (по крайней мере, мы не располагаем таковыми), но которые, судя по всему, были популярны на материковой Греции. Сохранившиеся фрагменты тщательно продуманной композиции, представляющей охоту на кабана, являются наиболее примечательными из всех, и несмотря на их принадлежность к более позднему Дворцу и ко времени, совпадающему с Третьим Поздним минойским периодом, они необычайно живы и разнообразны. Безусловно, одной из самых интересных черт этой композиции, которая в сущности своей – минойская по духу, является тот факт, что женщины принимают участие в охоте. Мы можем видеть, как они едут в своих колесницах и преследуют добычу с собаками. Получается, что древнегреческая героиня Аталанта имела вполне микенских предшественниц, и сама Калидонская охота на кабанов вполне может представлять ту же традицию, что изображена на этих тиринфских росписях.

Но момент, на который я хотел бы обратить ваше особое внимание, заключается в следующем: несмотря на небольшие локальные расхождения во внутренней обстановке или костюме, «микенцы» являются лишь «провинциальным» вариантом той же самой «ми-

нойской» цивилизации. Планировка их дома может немного отличаться, но архитектурные элементы, вплоть до мельчайших деталей, практически одинаковы, хотя определённые мотивы отделки могут быть более предпочтительны в одной области и менее предпочтительны – в другой. Внешний типаж людей, изображённых на настенных росписях, неразличим. Религиозные культы – те же самые. Мы видим ту же самую Богиню Природы с её голубями и гробницу с колоннами; тот же самый культ секиры с двумя лезвиями (лабриса); те же сакральные рога – всё это особенности, которые, как мы теперь знаем, могут быть прослежены на Крите вглубь эпох, вплоть до раннего минойского периода. Материковые письмена, коллекцию которых недавно пополнили фрагменты надписей из Тиринфа, являются всего лишь ответвлением от более раннего типа линейного письма Крита и, кажется, указывают на диалект того же языка.

У нас есть доказательства, что дворцы Тиринфа и Микен претерпевали такие же периоды «разрушения и восстановления», что мы наблюдаем в случае истории дворцов минойского Крита. Но и здесь нет никакого разрыва в преемственности традиции, нет и следа вторжения какого-либо инородного элемента. Это был медленный, непрерывный процесс распада. В то время как в Тиринфе фрески первоначального здания были заменены во Втором дворце на другие, выполненные в несколько более низком стиле, фрески Микенского дворца, как указывал д-р Роденвальдт, до некоторой степени могут служить примером фресок, сохранившихся на стенах дворца до момента разрушения, т.е. переживших его более позднюю реконструкцию.

¹ На правах публикации.

Эти факты в целом должны рассматриваться как неоспоримые доказательства того, что первоначальный минойский элемент, памятники которого простираются от Арголида до Фив, от Орхомена и до Волоса, сохранился на материковой части до конца эпохи, соответствующей Третьему Позднему минойскому периоду на Крите. В этот период, без всяких сомнений, «центр тяжести» всей цивилизации сместился в сторону материка, и теперь влиял на Крит и другие острова, где, как и на Мелосе, можно наблюдать появление своеобразных «микенских» сооружений – мегаронов. Однако же обратная волна влияния, в свете наших сегодняшних знаний, всё-таки не может быть использована для обозначения хода вторжения на острова полчищ греков.

Заметьте, что главный элемент позднеминойской экспансии, которая приходится примерно на это же время и происходила на побережьях Ханана, по-видимому, ещё принадлежал древнему эгейскому племени. Посёлок Газы можно назвать «минойским». Его последующий культ всё ещё оставался культом местного критского Бога. На Кипре, опять же, первые эгейские колонисты принесли с собой форму минойского линейного письма и цивилизацию, которая в достаточной мере провозглашает свою идентичность согласно старым традициям.

Мы должны чётко осознавать, что по меньшей мере, вплоть до XII века до н.э. эллинский фактор как на материковой части Греции, так и в т.н. Эгейском мире всё ещё нельзя считать доминирующим. Что же касается ведущей линии, то мы должны безусловно идентифицировать её с той или другой ветвью старой минойской расы. Но

данный факт не может свидетельствовать о том, что даже во время первого появления минойских завоевателей на Пелопоннесе, т.е. примерно в XVI веке до н.э., они не имели возможности встретить поселенцев эллинского происхождения, пребывавших на этой земле уже до них. О том, что враждебный фактор никогда не уставал напоминать о себе в те времена, ясно свидетельствуют огромные усилия, предпринятые вновь прибывшими в Тиринф, Микены и в других местах, дабы укрепить свои цитадели – налицо меры предосторожности, что резко контрастирует с открытыми городами и дворцами Крита.

В последующий период, а именно во времена более позднего Тиринфского дворца, мы можем обнаружить на фресках, вероятно, XIII века до н.э., изображающих сцены охоты на кабана, первое конкретное доказательство существования другой и, предположительно, подчинённой микенцами расы, что жила бок о бок с ними. В частности, на фреске изображен человек, сопровождающий охотников, и он занят т.н. «чёрной работой» – очевидно, он помогает тащить мёртвого кабана. Примечательно, что его кожа написана жёлтой краской, вместо обычного для микенцев красного цвета, что в других случаях указывает на мужской пол. Возможно ли, что этот более бледный цвет был выбран здесь для обозначения человека северной расы?

Весьма вероятно, что на самом деле, в Пелопоннесе, в течение всего периода господства микенцев или же в значительной части этого периода, была представлена раса эллинистического происхождения. Мы можем предположить это, основываясь на некото-

рых явлениях, связанных с наиболее древним из греческих племен – аркадийцами, чья религия и мифология проявляют своеобразное сходство с тем, что было свойственно минойскому Криту. Вскоре после распада микенского общества, в период распада и растерянности, который, по видимому, начался примерно в XI веке до н.э, аркадийцы (которые должны были тогда владеть лаконскими прибрежными землями) приходят на Кипр вслед за своими бывшими хозяевами, и это кипрское ответвление предлагает лучшее доказательство того, в какой степени это первобытное греческое население испытало на себе минойское влияние. Отдалённость образования этого поселения по времени от остальных колоний подтверждается тем, что переселенцы покинули свои дома на материковой части ещё до того, как в Греции стало известно о финикийском алфавите. Принимая во внимание, что этот алфавит был введён в обиход греками в своих самых ранних формах, можно предположить, что аркадийская колонизация Кипра имела место до 900 г. до н.э. Прямые доказательства указывают на ещё более ранний период. Между фибулами и вазами из древних гробниц Куклийского кладбища в Пафосе и аналогичными им предметами субмикенского типа с греческого о. Саламин есть очевидные сходства, что указывает на влияние, которое Кипр испытывал со стороны материка примерно в XI веке до н.э. Подобную взаимосвязь вполне можно связать с приходом пра-дорийских колонистов с лаконских берегов. Как мы знаем исходя из надписей, они принесли с собой местные культы, такие как культ Амиклы; но что особенно интересно

отметить, так это та искренняя манера, с которой они, как считается, овладели ведущими чертами минойского культа. Фанасса – Королева, Дама с Голубем, какой мы видим её в Пафосе, Идалионе или Гольгое – это великая минойская богиня. Пафосский храм до самого своего конца представлял собой минойскую гробницу с колоннами. Были ли все эти минойские черты переняты на самом Кипре? Разве мы не можем предположить, что пришедшие колонисты, в жизни которых содержался, по крайней мере, элемент субмикенской культуры, переняли в свою очередь многие религиозные установки, бытовавшие на материке? В самом эпитете «Ариадны», применительно к богине как на Крите, так и на Кипре, мы видим наследие доколониальной стадии.

На Крите, где эллинская колонизация происходила и в догомеровские времена, минойская религия в значительной степени сохранила свои позиции. Богиня Природы была известна под автохтонными именами Диктинна и Бритомартис. Иллюстративный пример преемственности культовых форм был обнаружен в ходе итальянских раскопок храма VII века до н.э. в Принии. Речь идёт о керамических изображениях Богини со змеями, обвивающими её руки – здесь нами наблюдается прямая связь с похожими изображениями Позднего минойского периода, найденными в Святылище Гурнии, и с прекрасными фаянсовыми фигурами значительно более раннего происхождения, найденными в хранилищах храма в Кноссе. В Агия-Триаде древний храм был увенчан новым, относящимся к эллиническому периоду, но в нём уже поклонялись мужскому божеству – молодому Зевсу Велхану. Как и Зевс

Кретаген, он был объектом т.н. неортодоксального культа, по крайней мере, в других частях греческого мира это рассматривалось таким образом. Но, несмотря на издевки Каллимаха по поводу «критских лжецов», говоривших о Зевсе как о смертном, поклонение ему сохранялось до конца античной эпохи, и точки соприкосновения с христианством были слишком очевидны, чтобы их игнорировать. По крайней мере, это весьма показательно, что на хребте Юкта, где до византийских времён, считалось, располагается гробница Зевса, высоко над пещерой, где он родился, были воздвигнуты маленькие часовни в честь *Αυθεντής Χριστός* – Господа Иисуса Христа.

Ввиду легендарной связи Крита и Дельфы, что может быть проиллюстрировано мифом об Аполлоне Дельфийском, совершенно особое значение имеет обнаружение там французскими археологами фрагментов минойского ритуального сосуда. Впервые на этот артефакт обратил внимание М. Пердризе – тот представлял собой часть мраморного ритона в виде головы львицы, которая была того же типа и выполнена из тех же материалов, что свойственен другим священным сосудам, найденным в комнате, примыкающей к центральной святыне Кносса. Это ясно доказывает, что и в Дельфах религия восходила к минойским временам и находилась в тесной связи с критскими поселениями.

Пожалуй, ничто не проиллюстрировало более ясно, насколько глубоко традиции минойской и микенской религий повлияли на ранний культ Греции, чем раскопки Британской школы в Спарте. Во время раскопок был найден целый ряд фигурок из слоновой

кости, что является производным сюжетов о минойской богине с её птицами и животными. То же самое было обнаружено и в Ионии. Артемида Эфесская вызывает те же ассоциации, что и Кносская Богиня Львица, и среди драгоценных камней, найденных г. Хогартом в Храме Сокровищ, встречаются миниатюрные изображения её священного Лабриса – т.е. двойной секиры.

Рискну отметить ещё одну особенность, которую уже развитое религиозное искусство Греции унаследовало от минойских образцов – к примеру, тех, что повлияли на спартанские изделия из слоновой кости. Схема «Львиных Врат», согласно их позиции на тимпане, представляет собой лишь одну из подобных схем позднего минойского типа, в которых центральная фигура – будь это собственно Божество, либо же Священная Колонна, которая является как бы воплощением храма (как в вышеупомянутом случае), – находится между двумя противопоставленными друг другу геральдическими животными. Оттиски печати из Кносской Дворцовой гробницы как раз несут изображение минойской богини в этом облике, стоящей на вершине между служащими ей львами. Та же идея, но различными способами, реализована на минойских камнях и печатях.

Что касается микенских элементов в дорической архитектуре, то в общем и целом они общепризнаны, но я не думаю, что у нас есть осознание того, что даже самое примитивное расположение скульптур на дорических фронтонах восходит к доисторической модели. Вывод о том, что фронтон был известен ещё в минойские времена, может быть получен из анализа кон-

второстепенно, а масштаб других фигур настолько мал, что на умеренном расстоянии, всё, включая самого Зевса, попросту исчезает из поля зрения. Основы архитектурного дизайна были выполнены в традиционной минойской манере, остальное уже было привнесено извне. Фрагмент скульптуры льва, найденный перед храмом начала VI века до н.э. в Спарте, явно был частью схемы фронтона того же традиционного типа.

Степень, в которой минойцы и микенцы, всё ещё занимавшие доминирующее положение, оказали влияние своими идеями и искусством на первичную культуру греческого населения, свидетельствует об их длительном соприкосновении. Ярким тому примером является поглощение прото-аркадийцами минойских религиозных практик до их колонизации Кипра, что само по себе вряд ли могло произойти позднее, чем в XI веке до н.э. Столь тесный контакт двух культурных элементов сам по себе подразумевает определённый языковой обмен. Когда под влиянием новых полчищ мигрантов с северо-запада греки начали одерживать верх, положение изменилось, но давняя взаимосвязь двух рас, вероятно, облегчила работу «плавильного котла».

В конце концов, хотя язык и был греческим, характеристики его более поздних форм доказывают, что даже в них большую жизнеспособность демонстрировал старый средиземноморский элемент. Но всё же есть один аспект работы «плавильного котла», который имеет непосредственное отношение к обсуждаемому нами предмету. И этот аспект очень знаком тем из нас, кто, как и ваш покорный слуга, имел опыт жизни в странах, где на-

циональности «накладываются» друг на друга. Большая часть раннего населения Крита, должно быть, прошла стадию двуязычности. В восточных частях Крита, действительно, эти условия сохранялись достаточно долго. Ещё в IV веке до н.э. местные жители всё ещё цеплялись за этеокритский язык, но, благодаря Геродоту, мы знаем, что уже в его время они могли общаться на греческом и при этом сохранять свои культурные традиции.

Нельзя сомневаться в том, что на заре истории то же самое было справедливо относительно Пелопоннеса и других частей Греции. Это положение вещей, кажется, не рассматривалось исследователями античности с должным к нему вниманием, но оно может повлечь за собой далеко идущие результаты, если отношение к нему будет изменено.

Эпоха, в которой стихи Гомера обрели свою характерную форму, является переходной – периодом, когда бронза уступала место железу. Как хорошо заметил г-н Эндрю Ланг, поэзия Гомера приходится на определённую фазу этого перехода, когда бронза всё ещё использовалась как материал для изготовления оружия и доспехов, но и железо уже шло в ход для производства инструментов и орудий труда. Другими словами, период Гомера – более поздний, чем последняя стадия всего, что можно назвать «минойским» или «микенским» в своей основе, в крайнем случае, его можно назвать «субмикенским». Таким образом, он лежит на границах т.н. «геометрического периода», и хотя археологический пласт, с которым он связан, содержит элементы, которые можно назвать «субмикенскими», это, выразась художе-

ственно, всё равно период «варварства и деградации», период, великие города которого, как пел поэт, в течение двух веков благодаря их правителям представляли из себя развалины. Старое искусство прошло. Новое же ещё не было рождено.

Гомеровский период уходит слишком глубоко в прошлое, чтобы в поиске материала для его интерпретации обращаться к произведениям Греческого Ренессанса или выискивать какие-то другие, более или менее современные, объекты, что могли бы быть им заимствованы, как, например, кипрофиникийские чаши VII и VI веков до н.э. С другой стороны, шедевры минойских и микенских мастеров были делом прошлого в те дни, когда «Илиада» и «Одиссея» приняли органичную форму. Даже содержимое последних микенских могил уже не имеет ничего общего с культурой, в которой железо использовалось для резки и практиковалась кремация тел.

Как же получается, что Гомер, искренне чтивший память о подвигах ахейских героев, был способен представить их в окружении, которое, учитывая преемственность минойской и микенской истории, теперь мы можем с определённой уверенностью считать не-эллинским? Как тогда объяснить способы борьбы, заимствованные из более ранних эпох, где решающую роль играли огромные щиты, способные защитить всё тело бойца, ведь такая амуниция давно устарела? Откуда эта степень осведомлённости Гомера о Микенском Дворе, и о внутреннем убранстве дворцов, которых в его времена уже не было?

Я рискну предположить, что есть только одно решение всех этих труд-

ностей, и отыскать его мы можем в упомянутых выше условиях двуязычности, что, по крайней мере, на Пелопоннесе существовали в течение весьма и весьма значительного периода. Изъяснявшееся на аркадийском наречии, греческое население этого района, которое, по всей видимости, в XI веке до н.э. отправило своих колонистов на Кипр, уже было проникнуто минойскими идеями в той степени, в которой имел значение культурный элемент, ранее доминировавший в их стране. Они усвоили форму минойского отправления культов; что же касемо гимнов и взываний к Богине с голубем, то они вряд ли могли бы быть чем-то иным, нежели адаптацией тех, что использовались в микенских ритуалах, подобно тому как греческие псалмы Храма Диктея были заимствованы, чтобы точно передать звучание оригинала, исполняемого этеокритскими певчими хорами.

Мы вполне можем задаться вопросом, не повлиял ли более ранний героический цикл минойского происхождения на жизненный уклад первобытного греческого населения. Когда в двуязычной среде давление греческого завоевания в конце концов склонило чашу весов на эллинскую сторону, не оказалось ли так, что какая-то часть микенского эпоса всё же была перенята? По крайней мере, уж англичане должны быть последними в очереди тех, кто отрицал бы данный феномен, ведь они прекрасно понимают, насколько широко кельтские и романские элементы представлены в их собственной, национальной поэзии. Разве мы не доказали его, обнаружив микенские элементы во многих гомеровских темах, на что мы не раз уже ссылались

в этой статье? Творчество Гомера во многом постулирует положение вещей, которое на материковой части Греции существовало только в великие дни Микен.

Другими словами, многие из трудностей, с которыми нам приходится иметь дело, будут устранены, если мы примем точку зрения, что значительный элемент в поэмах Гомера представляют материи более ранней минойской эпопеи, перенесённые на греческий язык. Вплетение подобной материи в канву нового языка и её постановка на славную службу новой расе, несомненно, были постепенным процессом, хотя мы всё ещё можем рассматривать её результат как гениальное стечение обстоятельств. Для сравнения мы можем посмотреть, как протекал подобный процесс в других сферах. Арка Константина, безусловно, является прекрасным архитектурным памятником, хотя её ценность и значимость во многом связаны с гармоничным вплетением в её облик ранних скульптур. Скажем, поэзия Гомера олицетворяет для нас большое литературное достижение своей эпохи, хотя собранные в ней материалы принадлежат более чем одной эпохе. Нет ничего скверного в идее о том, что фактический перевод (возможно, даже буквальный) более раннего минойского эпоса на новый, ахейский лад сыграл значительную роль в этом ассимиляционном процессе. Знаменитая семиструнная лира также досталась им в «наследство» от минойских предков. Разве тогда неразумно предположить, что и песенные баллады, которые они сопровождали, восходят своими корнями к тем же самым предкам?

И здесь мы встаём перед теми аспектами минойского искусства, которые

вполне могут соотноситься с современными им устными или литературными сюжетами, что частично охватывают и основы гомеровского творчества. Т.н. «гомеровские» мотивы минойских шедевров действительно так часто отмечались, что эта странность стала восприниматься как обычное явление. В некоторых случаях части графических сцен сохраняются, например, древние поэты с удовольствием описывали их в связи с произведениями искусства. Фрагмент серебряной вазы из Микен – с изображением сцены осады – один из хорошо известных примеров этого. Аналогичная тематика всплывает вместе с Ахилловым щитом, но в этом случае, ещё более удачную параллель предлагает провести изображение битвы на щите Геракла, описанное Гесиодом. Здесь совпадение сюжета распространяется даже на точные детали, такие как женщины на башнях, стенающие пронзительными голосами и раздирающие себе ногтями щёки, и старики, собравшиеся за воротами, протягивающие руки в страхе за своих детей, сражающихся перед стенами¹. Драматический момент, судьба битвы, которая всё ещё висит на волоске – столь чуждый сюжет для ориентального искусства – в равной степени формируется микенским рельефом изображения и эпическим представлением сцены на щите. Возможные параллели имеют здесь особую ценность, поскольку мы можем проводить их касательно того, что выполнено *in pari materia* – ведь перед нами художественная композиция на металле.

Также в Кноссе были обнаружены части мозаичной композиции, составленной из фаянсовых пластинок и от-

¹ Tsuntas and Mauatt, *Myc. Age*, pp. 214, 215.

носящейся к последней части Средней минойской эпохи. Части композиции, о которых мы имеем лишь фрагментарные записи, представляют собой изображения воинов и города, точно так же, как и на сцене осады, изображение которой мы видели на серебряном кубке. Среди изображений на пластинках в незначительном количестве присутствуют сцены из гражданской жизни в стенах крепости, с пасущимися козами и быками за их пределами, с фруктовыми деревьями и водопроводом, что предполагает буквальное сравнение с гомеровским описанием сцен мира и войны, которые есть и на Ахилловом щите. Эти чудеса мастерства минойских художников были воплощены за пять веков до того, как стихи Гомера обрели свою полноценную форму. Возможно, они вдохновляли собой или иллюстрировали современную им эпопею. Но если бы греки пребывали на Пелопоннесе в относительно раннюю эпоху, в конце Среднего минойского периода или в самом начале Позднего минойского периода, к которому относятся эти шедевры, они, должно быть, всё это время оставались на заднем плане. И они определённым образом не входили во внутренний дворцовый круг Тиринфа и Микен, где такими работами занимались и ими восхищались, как это делают настоящие ценители культуры. Ещё менее вероятно, что какой-нибудь ахейский бард того времени, когда поэмы Гомера воплотились в их финальную форму, мог иметь перед глазами такие жизненные композиции или мог бы оценить их по достоинству их первоизданного духа.

Опять же, у нас есть замечательная серия сцен героических поединков,

лучшие иллюстрации которых – золотые печати и гравированные ожерелья, обнаруженные в микенских шахтовых гробницах. Все они, как, впрочем, часто происходит и в подобных случаях, принадлежат к художественному циклу, демонстрирующему боевые сцены в более широком масштабе – например, настенные росписи или более крупные рельефы на металле или других материалах. Шлиман, чьи взгляды на гомеровские темы не были обременены хронологическими или же этнографическими расхождениями, без труда распознал персонажей, изображенных на инталиях Ахилла или шлеме Гектора, и мог процитировать проиллюстрированные ими отрывки Гомера¹. «Автор “Илиады” и “Одиссеи”», – восклицает он, – «не мог родиться, но родился и получил образование в цивилизации, способной создавать такие произведения». С тех пор деструктивная критика стремилась отбросить убедительность этих сравнений, указывая, что, хотя герои Гомера и носили тяжёлые бронзовые доспехи, фигуры на печатях были в лёгких доспехах, как, например, древние галльские воины. Но, тем самым, было упущено важное соображение.

Печати и инталии микенских шахтовых гробниц относятся к переходной эпохе, знаменующей собой завершение Третьего Среднего минойского

¹ Таким же образом, воплощённые версии боевых сцен на кубках из Вафио встречаются в серии древних драгоценных камней. Таврокатапсию (ритуальные прыжки через быка) с фресок в Кноссе также можно встретить и на инталиях, и есть много других сходных намеков на то, что «малое» искусство греков было в долгу перед «большим» искусством Микен, в качестве примера чего может выступить упоминаемая ниже Сцилла.

периода и самое начало Позднего минойского периода¹. Мода на печати, кажется, впоследствии претерпела изменения, и их место заняли религиозные предметы. Но в последние дни Кносского дворца (во всяком случае, серия глиняных документов свидетельствует об этом) бронзовая кираса с наплечниками и чередой пластин была вполне стандартной частью снаряжения минойского воина. Иногда, вместо доспеха, воину доставался эквивалент в виде бронзового слитка или таланта. На более позднем кипро-микенском рельефе из слоновой кости из Энгоми (где также были найдены бронзовые ножные латы) мы видим очень похожую кирасу². Это сравнение приобретает особое значение, как только мы вспомним, что в гомеровской «Илиаде» нагрудный знак Агамемнона был подарком киприота Кинира.

Кроме того, можно проследить тесную связь между микенской и гомеровской военной теорией и описаниями конкретных случаев боевых столкновений в силу того, что и там, и там, широко использовался высокий щит, закрывающий воина до пяток, который, к слову сказать, сам давно не использовался в то время, когда «Илиа-

да» была полностью создана. Одним из следствий использования такой амуниции стало частое применение в боевой практике ударов мечом в горло противника, подобных тому, что Ахилл нанёс Гектору (с иллюстрацией этой боевой сцены можно ознакомиться на золотой инталии из Третьей шахтовой гробницы). С другой стороны, альтернативная попытка героев эпоса пробиться через заслон этого мощного «башнеобразного» щита, а именно с помощью мощного удара копья, графически представлена на золотой оправе микенского кольца, найденного в Беотии³. Риск споткнуться в ходе схватки, связанный с использованием в бою этих огромных щитов, иллюстрируется у Гомера на примере Перифета Микенского, который споткнулся о край своего щита, «что достигал его пят», и был пронзён в грудь копьём неприятеля, как только рухнул на спину⁴. Замечательное свидетельство, на которое я обращаю ваше внимание, показывает, что эта конкретная сцена будто является частью репертуара с гравюр на печатях, что предназначались минойской знати, и что этот гомеровский эпизод, возможно, был частью «Песни о подвигах» в период появления микенских гробниц в Акрополе⁵.

¹ Любопытная кираса, которая напоминает своим внешним видом плетёный рисунок на знаменитой минойской вазе с изображением процессии жнецов из Агия-Триады, упоминается потому, что корсет был известен минойцам в очень ранний период. Однако, что касается этого конкретного экземпляра, то до сих пор была обнаружена его связь только с религиозными или церемониальными сценами, но не в качестве использования боевого оружия.

² Я могу сослаться на мои замечания по этому поводу в статье «Микенский Кипр, как его представляют нам музейные реликвии» (Journal of Anthr. Inst. Vol. XXX. 1900, pp. 209, seqq. и см. esp. 213).

³ Хранится в Музее Эшмола.

⁴ 11. xv. 645 seqq.

⁵ Я отмечаю, что профессор Гилберт Мюррей, который, похоже, рассматривает кирасу как поздний элемент амуниции, всё же резюмирует свои взгляды на броню и тактику ведения боя, представленные в стихах Гомера, следующим образом: «Внешний пласт свидетельствует о позднеионическом характере сражений, но суть сражений – микенская» (*The Rise of the Greek Epic*, p. 140). Этот последний момент – суть всего дела. Но трудно согласиться с мнением о том, что культурная фаза, представленная стихами Гомера в их характерной форме, явля-

Можно ли в самом деле полагать, что все эти сцены рыцарского мастерства на микенских печатях, принадлежащих самому дому Агамемнона, не имеют никакого отношения к эпосу, прославляющего его в более поздний период? Конечно, что касается тех или иных отдельных сцен – вариации тут неизбежны и допустимы, но кто будет отрицать, что убежденность Шлимана относительно существенной взаимосвязи между ними была в значительной степени оправданной! Рассмотрим хотя бы внешний облик знаменитого перстня-печати из Четвертого минойского шахтового захоронения, на котором некий герой, очевидно, в защиту упавшего воина-соратника, наносит удар его обидчику и сбивает того с ног. Отступающий соратник того, прикрытый большим щитом, нацеливает копье на нашего героя, но не может достать его. За исключением того, что в случае нашего протагониста, он вооружен не копьем, а пикой, и упавший товарищ протагониста всего лишь ранен, а не сражен насмерть – у него всё ещё есть силы приподняться на одну руку – эта сцена любопытным образом напоминает эпизод из семнадцатой книги «Илиады», причём в подробностях. Там Аякс Теламонид, стоя перед телом Патрокла, наносит удар Гиппофию, в то время как Гектор метает своё копье в Аякса, но просто не попадает в цель.

Многое можно прокомментировать в отношении до-гомеровских иллюстраций, появлявшихся в произведениях Гомера, но я ограничу себя здесь

ется «позднеионической». «Поздние ионийцы» больше не использовали бронзу для изготовления своего оружия. Более того, они были хорошо знакомы с письменностью и носили перстни с печатями.

ещё только одним примером. В храмовых хранилищах Кносского дворца, датированных около 1600 г. до н.э., был обнаружен оттиск глиняной печати, на котором было изображение некоего морского чудовища с собачьей головой, поднимающейся среди волн. Это чудовище напало на лодку, в которой можно было рассмотреть человека, избивающего его веслом (См: Рис. 3)¹. Но этот монстр является прототипом Сциллы, и хотя количество её собачьих голов умножилось во времена Гомера, мы можем засвидетельствовать здесь воплощение приключений Улисса в виде гравировки, созданной на драгоценном камне за полтысячелетия, по крайней мере, до времён

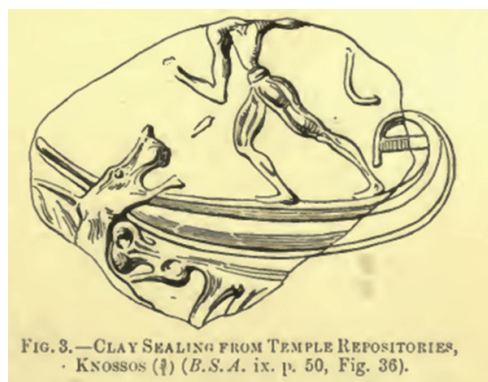

Рис. 3. Глиняная печать из храмовых хранилищ Кносского дворца

греческого эпоса. Более того, может показаться, что этот же самый эпизод стал предметом иллюстрации в более крупных произведениях минойского искусства и, как мы можем предположить, сопровождался большими подробностями. Фрагмент настенной росписи, обнаруженной в Микенах, демонстрирует часть головы монстра перед неким изогнутым предметом,

¹ Смотри мой доклад: B.S.A. No. ix. p. 58.

напоминающим корму судна на оттиске печати. Д-р Студничка, с большой долей вероятности, распознал в этом рисунке тот же самый образ.

Но кроме подобных перекрёстных сюжетов, дающих о себе знать в отдельных эпизодах, и кроме подробного знакомства с материальной инфраструктурой минойской цивилизации, сами стихи Гомера показывают глубокую общность с натуралистическим духом, что пронизывает всё минойское искусство в его лучшем воплощении. Вполне общеизвестно, что сравнения Гомера, касающиеся животных, напоминают то, как эти животные были представлены на шедеврах минойского искусства. И в том, и в другом случае, у нас есть верные свидетельства для сопоставления, и когда в «Илиаде» нам преподносят реалистичное изображение головы льва на шее быка или же этой же головы, но поднятой в ярости на копье охотника, мы обращаемся к изображениям этого же льва на минойских драгоценных камнях.

В переходный период, который знаменует собой завершение эпохи бронзы в Греции и на Эгейских землях, не существовало настоящего искусства гравировки на камнях¹. По этой причине, в гомеровских стихах нет упоминаний ни об инталиях, ни о перстнях-печатах. И всё же в «Одиссее» Гомера присутствует образ той животной жестокости, тематике которой посвящено множество минойских гемм. Речь идёт о сцене с собакой, держащей в зубах и передних лапах бьющегося оленёнка – именно она описывается в качестве орнамента

золотой броши Улисса. Анахронизм, с которым мы имеем дело здесь, не был прокомментирован прежде ни одним из исследователей творчества Гомера. А ведь мы теперь имеем представление о всех типах фибул эгейской «халко-сидерической эпохи» – если я могу использовать такое выражение применительно к переходному периоду между бронзовым и железным веками – со всеми их изъятиями, к этой же эпохе принадлежали и стихи. Невозможно представить – пусть даже их типичные образцы наводят на мысль об этом – что какая-нибудь из этих фибул могла бы быть украшена натуралистическими изображениями подобного типа. Провести параллели между двумя эпохами было мучительно трудно, для этих целей пришлось перебирать модные обычаи, что существовали на три или четыре века позже, чем археологическая культура, описываемая поэмами Гомера²!

² Например, Хельбиг (Horn. Epos, p. 277) находит много общего в золотых фибулах с двойными булавками на застёжке и увенчанных рядами золотых сфинксов, обнаруженных в могилах VII или VI века до н.э. в Цере и Палестрине. Риджуэй («The Early Age of Greece», i. 446) в той же связи ссылается на «броши в виде собак и лошадей, найденных в Гальштате». Лучшими образцами «собачьих» брошей этого класса, по видимому, являются броши с кладбища с. Лючии в Кариолле (Marchisetti, *Necropoli di S. Lucia, presso Tolmino*, Tav. xv. Figs. 9, 10), где в каждом случае перед собакой видна фигурка маленькой птички. Пример с более чётким изображением даёт ключ к тому, что в оригинале рисунка была отнюдь не собака, а животное, похожее на кошку (Ук. соч.: Tav. Xx. Fig. 12). На самом деле, здесь мы имеем дело с сюжетом на Ниле, в котором мангусты охотятся на уток. Тот же мотив весьма буквально воспроизведён на украшенном мозаикой лезвии кинжала из Микен и повторяется в различных формах в минойском искусстве. Поздние гальштатские фибулы этого типа, очевидно, произошли от классических прото-

¹ Существуют также грубо вырезанные печати, относящиеся к раннему геометрическому периоду, но они выполнены из мягких материалов.

Не следует ли нам предположить, что декоративные мотивы, использованные для создания броши Улисса, были заимствованы с украшений более раннего периода, когда фибулы в Греции практически не использовались в быту¹, по крайней мере, перфорированные инталии, что носили на запястье в качестве оберега. Один пример подобной фибулы с Восточного Крита, где изображена сцена, напоминающая мотивы сцены на броши, вы можете увидеть на рис. 4.

Гомеру не составило труда приписать внешний облик древней броши украшению более позднего периода, с которым он был уже самолично знаком. Но опытному глазу археолога вполне очевидны древние корни гомеровских украшений – с той же лёгкостью он обнаружил бы античные украшения в комплекте средневековых реликвий.

Когда во времена уже позднего эпоса мы опознаём некоторые героические сцены как уже изображённые ранее минойскими художниками, и находим в нём целые эпизоды, преисполненные подлинным духом того времени, когда солнце высокого искусства ещё только-только всходило, мы

типов, относящихся к VII веку до н.э. (В одном случае место кошки или леопарда перед птицей занимает крылатый сфинкс). Эти производные образцы датируются VI или даже V веками до н.э., поскольку последний названный пример был найден вместе с фибулой типа «Чертоза». Само же кладбище в с. Лючии, согласно исследователю (цит. с. 313), датируется только около 600 г. до н.э, из чего видно, насколько малое отношение эти «собачьи» фибулы позднего Гальштатта имеют к «броши Улисса».

¹ Ранний «смычковый» тип едва ли встречался раньше Третьего Позднего минойского периода, когда искусство гравировки украшений уже пребывало в упадке.

FIG. 4.—HEMATITE INTAGLIO FROM E. CRETE WITH DOG SEIZING STAG (1/2).

Рис. 4. – Инталия из гематита с о. Крит с изображением собаки, держащей в зубах оленёнка.

можем задаться вопросом, каким образом такие совершенные проблески жизни давно ушедшего человечества так сохранились! Мы можем искать ответ на этот вопрос в любой из теорий, которыми мы сейчас располагаем. Детализированность многих наблюдаемых нами параллелей исключает мысль о том, что мы имеем дело со случайно удачной работой воображения. Нас никак не оставляет вопрос: может ли такая выдающаяся сила поэтических описаний сочетаться с её полной противоположностью в живописи? Ведь, что мы наблюдаем в живописи того периода, когда гомеровский эпос принял свою окончательную форму – это процессы деградации и усреднения.

Но если единство столь противоположных величин видится в высшей степени анекдотичным, как мы тогда объясним его феномен? С помощью

каких средств память о столь отдалённых, но великих временах, была увековечена и сохранилась столь незамутнённой? Не устаю повторять, что существует одна единственная возможность, благодаря которой все эти эпизоды из жизни древней микенской цивилизации, а также её выдающееся искусство были доведены до нас в целости и сохранности. Произошло это потому, что они были «забальзамированы» в среде раннего эпоса – наследия не-эллинских предков, которые в равной степени разделили славу Микен и минойского Крита. Только так крылатые фантазии тех давно исчезнувших эпох смогли сохранить свою первозданную форму и пронести свой колорит через тёмные времена забвения и смогли украсить собой наступивший за ними Ахейский мир.

Действительно, разве в природе получился бы инклюз, если муха не была бы забальзамирована в янтаре? Как могли славные деяния минойской эпохи (или просто повседневные эпизоды из минойской жизни) сохраняться в течение столь долгих веков и оказаться включёнными в более поздний пласт эпоса, если же они не подверглись бы своего рода «бальзамированию», обеспеченному им древним поэтическим циклом? Но рассматривать ранний материал исключительно в «снятом» виде, т.е. будучи полностью поглощённым более поздним, было бы несправедливым упрощением существовавших в то время условий одновременного хождения двух языковых культур, о которых я уже писал выше. Сам процесс, возможно, начался очень рано, и длительный контакт языка аркадийской ветви, которая наиболее близка оригинальной речи греческого

эпоса, с доминирующим языком микенцев, внёс значительный вклад в его развитие. Более того, даже в собственных минойских культурных элементах мы можем столкнуться с неким наложением – например, период активного использования щита, закрывающего тело, и период использования маленького круглого щита и кирасы могут накладываться друг на друга, но и оба оставить раздельные следы.

Поэмы Гомера, в той форме, в которой они окончательно сформировались, являют собой производное длительных усилий по сведению воедино старых и новых культурных элементов. Естественно, что результат этой гармонизации нельзя назвать достигнутым полностью, ведь свидетельства смешения старого и нового – своего рода «лоскутное одеяло» – зачастую совершенно очевидны. Многие черты художественного произведения настолько противоречат друг другу, что становится ясно – они никак не могли быть созданы в одну и ту же эпоху. Профессором Гилбертом Мюрреем было отмечено, что «даже метафоры, которые ярче остальных символизируют для нас дух гомеровской поэзии, во многих случаях, не являются творчеством одного Гомера, они зачастую включают в себя фрагменты компиляций. Их яркость, меткость наблюдения, их свежесть и непосредственность просто вводят нас в заблуждение»¹. Многие части текста поменяны местами, «так как изначально они были написаны

¹ *The Rise of the Greek Epic*, p. 219. Профессор Мюррей отмечает (ук. соч. с. 215), что «поэтам нашей “Илиады” едва ли было необходимо видеть льва воочию, чтобы потом описать его. У них уже был запас готовых метафор, охватывающих практически каждый момент из жизни льва».

как иллюстрации к совсем другим событиям».

Остается ещё много неизученного в вопросе сохранения элементов минойской цивилизации почти в каждой области культуры более поздних эпох греческой истории. Здесь, кроме устной традиции, мы всегда вынуждены принимать во внимание материалы письменных источников, которые сохраняются более длительное время. Как мы сейчас знаем, развитые системы т. н. «линейного письма» были известны не только на Крите, но и в материковой Греции в поздний микенский период¹.

Однако, в формировании ранней греческой культуры приняли участия и другие процессы, кроме прямого заимствования у микенской традиции – обнаружить их следы нам поможет аналогия с ранним Возрождением в Италии. В эпоху поздней классики многие более устойчивые образцы минойского искусства, такие как геммы и печати, были, собственно говоря, объектами «возрождения». Я рискну предположить, что едва ли может быть поставлен под сомнение тот факт, что образцом серии ранних греческих типов монет послужили минойские инталии. Такие довольно натуралистичные изображения коровы, почёсывающей голову задней ногой или вылизывающей бок, или телёнка, сосущего её вымя, которые можно видеть на монетах из Гортины, Каристоса и Эретрии, прямо скопированы с минойских гемм. Изображение двух лебе-

дей на монетах из Эйона в Македонии напоминает традиционный тип изображений на инталиях, изготовленных в ту же эпоху. На ту же самую аналогию наводят изображения коз, как бы придерживающих с двух сторон фиговое дерево на некоторых недавно найденных на Скиросе монетах эпохи архаики. С другой стороны, художественная композиция «Львиных ворот» Микен (где пара львов кладёт передние лапы на вершину колонны), которую можно видеть на ионическом статере 700 года до н. э. – в свете некоторых имеющихся фригийских параллелей, может показаться примером непосредственного явления микенской культуры в греческой культуре.

Можно привести много случаев такой нумизматической преемственности, и совершенно неудивительно, что символы на монетах время от времени копируются с древних гемм и печатей, что были случайно обнаружены вместе с бронзовым оружием и погребальным инвентарём, которые приписывались местным героям. Как случай почти буквального воспроизведения изображений минойских печатей позднейшими греческими гравировщиками, я могу привести вам поистине удивительный пример. Три кольца (Рис. 5, 6, 7) были недавно получены мною в Афинах, они состоят из массивных серебряных обручей в виде разомкнутого кольца с полукруглыми концами, в которых на шарнирном соединении вставлены овальные оправы из слоновой кости, обрамлённые с обеих сторон инталиями и со всех сторон окружённые высоким бортиком – прообразом этих оправ является рельефный золотой ободок оправы египетских скарабеев. В инталиях сделаны

¹ Среди недавних открытий в этой области – целая серия ваз поздней минойской эпохи из Тиринфа с надписями, представляющими собой материковый тип развитого линейного письма минойского Крита.

Рис. 5–7. Греческие кольца печати с серебряными кольцами и оправами из слоновой кости, найденные на Крите

отверстия, через которые пропущена серебряная проволока, оплетающая основания обручей. Из-за особенностей техники изготовления, состояния металла и слоновой кости и других внешних характеристик невозможно сомневаться в подлинном античном происхождении этих объектов¹.

Они, как говорят, были найдены в гробнице в западной части Крита, и их первоначальные собственники не подо-

¹ Исключительный характер этих предметов и появление на одной печатке микенских мотивов рядом с классическими сюжетами на других сторонах сделали необходимым самую тщательную экспертизу, несмотря на явно античное происхождение этих колец. Их осмотрел ряд известнейших ценителей подобных предметов, и все они были единодушны в выводах как о древности этих печатей, так и в том, что слоновая кость не была повторно обработана в более позднее время. Исследование разных частей поверхности с использованием мощного микроскопа подтвердило эти выводы. Однако, чтобы быть совершенно уверенным, я решил-ся на дополнительную проверку. Я попросил г. В. Х. Янга, высококвалифицированного специалиста в области античного искусства из музея Эшмола, выполнить задачу, требующую величайшей осторожности – расслоить две печати вдоль старого разлома, проходящего по центру каждой из них, и удалить все посторонние наслоения, оставшиеся от предыдущих реставраций. Результаты этой работы вполне подтверждали античное происхождение печатей. Причиной продольного разлома, в случае с печатью на рис. 7, являлось утолщение серебряной проволоки из-за окисления. Металл, превратившийся в фиолетовый окисел, характерный для разрушающегося серебра, остался и внутри трещины. Что касается второй печати (рис. 5), то здесь в более позднее время проволока была заменена новой, после её удаления стало видно, что отверстие под проволочное соединение имеет древний характер. Слоновая кость была с двух сторон проточена трубчатым сверлом, два отверстия неровно соединились примерно в середине печати. Современный метод изготовления отверстий совершенно другой, используется острый инструмент, и сверление идёт непрерывно с одной стороны.

зревали об их высокой ценности². Этот тип колец, с оплетёнными проволокой концами обруча, широко использовался как оправа для скарабеев, цилиндрических и плоских овальных инталий-скарабеоидов в пятом и шестом веках до н. э., и сам по себе восходит к минойским и микенским прототипам³. Однако исходя из стиля гравировки, невозможно датировать эти кольца-печати ранее, чем 400 г. до н. э.

Темой изображения двух колец является Сфинкс с козлом на обороте, и другая пара – Сфинкс и Химера. Инталии выполнены в развитом провинциальном греческом стиле, в котором, тем не менее, реминисценции художественных сюжетов, относящихся к первой половине пятого века, всё ещё очень заметны⁴.

Но вот изображения на третьей инталии, изготовленной в одно время с другими, и этим же мастером, принадлежат к совсем другой художественной стезе. На одной стороне мужчина в минойской набедренной повязке с угрожающе поднятым мечом в правой руке борется со львом, голова которого видна как будто бы сверху. Сразу понятно, что этот сюжет даже в деталях соотносится с историей того

² Однако соответствие одной из сцен на третьем кольце с изображением на золотой бусине из Микен предполагает, что её прототип бытовал в материковой части Греции.

³ В моей собственной коллекции находится найденная в Эретрии миндалевидная позднеминойская или позднемикенская гемма с изображением корабля, с серебряной оправой такого же типа.

⁴ Это проявляется, например, в характере изображения козла (рис. 7б) и в типе Химеры. Обращенный к нам лицом сфинкс (рис. 7а) выгравирован небрежно, что нетипично. И всё же древность изображения не может вызывать сомнений (см. прим. 25).

борющегося со львом воина, выгравированного на оправленном золотом кольце-ободке, найденном Шлиманом в Третьей Шахтовой гробнице в Микенах¹. На другой стороне инталии мы видим бородатого воина, с поясом и в подобном же минойском костюме, одетого в шлем, украшенный пластинами, и несущего за спиной щит, по форме напоминающий цифру «8». Поверхность инталии плохо сохранилась, потому нам сложно выяснить действительный характер намечаемого воином удара, или отличить оружие от поднятой им руки. Ясно одно – он намеревается нанести смертельный удар по фигуре воина, находящейся перед ним. Тот носит такой же узкий минойский пояс, но его шлем, более широкий, vyplнен не так тщательно. Он показан в беспомощной позе, падающим на спину через край щита, и держит в левой руке меч, но не может воспользоваться им из-за падения.

Здесь мы видим сцену, схожую с таковой, что изображена на ленточном агате из микенской Третьей Шахтовой гробницы, за исключением того, что в данном случае щит падающего воина скрывает его до пяток².

Если, что кажется вероятным, эти поздние детали восходят к ещё более раннему оригиналу, и воин действительно падает на спину через нижний край своего громоздкого щита, то эта композиция совершенно точно бы соответствовала гомеровской сцене с Перифетом, которую я уже однажды упоминал:

Поворотившись назад, на обод щита он наткнулся.

Щит до пят у него достигал – преграда для копий.

Он о щит тот споткнулся и навзничь упал, и ужасно

Шлем зазвенел на висках, когда он на землю свалился³.

(Перевод В. Вересаева)

Мы видим в данном случае удивительный феномен – возрождённую античным резчиком догомеровскую иллюстрацию самого Гомера.

Артур Дж. Эванс

¹ *Mycenae*, с. 174, рис. 253.

² Furtwangler, *Antike Gemmen*, Pl. II. 2 и сравни с Reichel, *Homerische Waffen*, p.7 Fig. 3. Странное и сбивающее с толку описание этой геммы дано Шлиманом. *Mycenae*, p. 202, Fig. 312.

³ *Илиада*, XV, 645-648. Пер. В. Вересаева.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовые версии журналов доступны в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2019. № 5

Над номером работали:

Литературный редактор О. О. Волобуев
Переводчики А. В. Квеглис, А. С. Барминова
Редактор перевода Н. Г. Попова
Корректор Н. Л. Борисова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 17, усл. п.л. 15,75.

Подписано в печать: 30.12.2019. Выход в свет: 20.01.2019. Заказ № 2019/12-16.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А